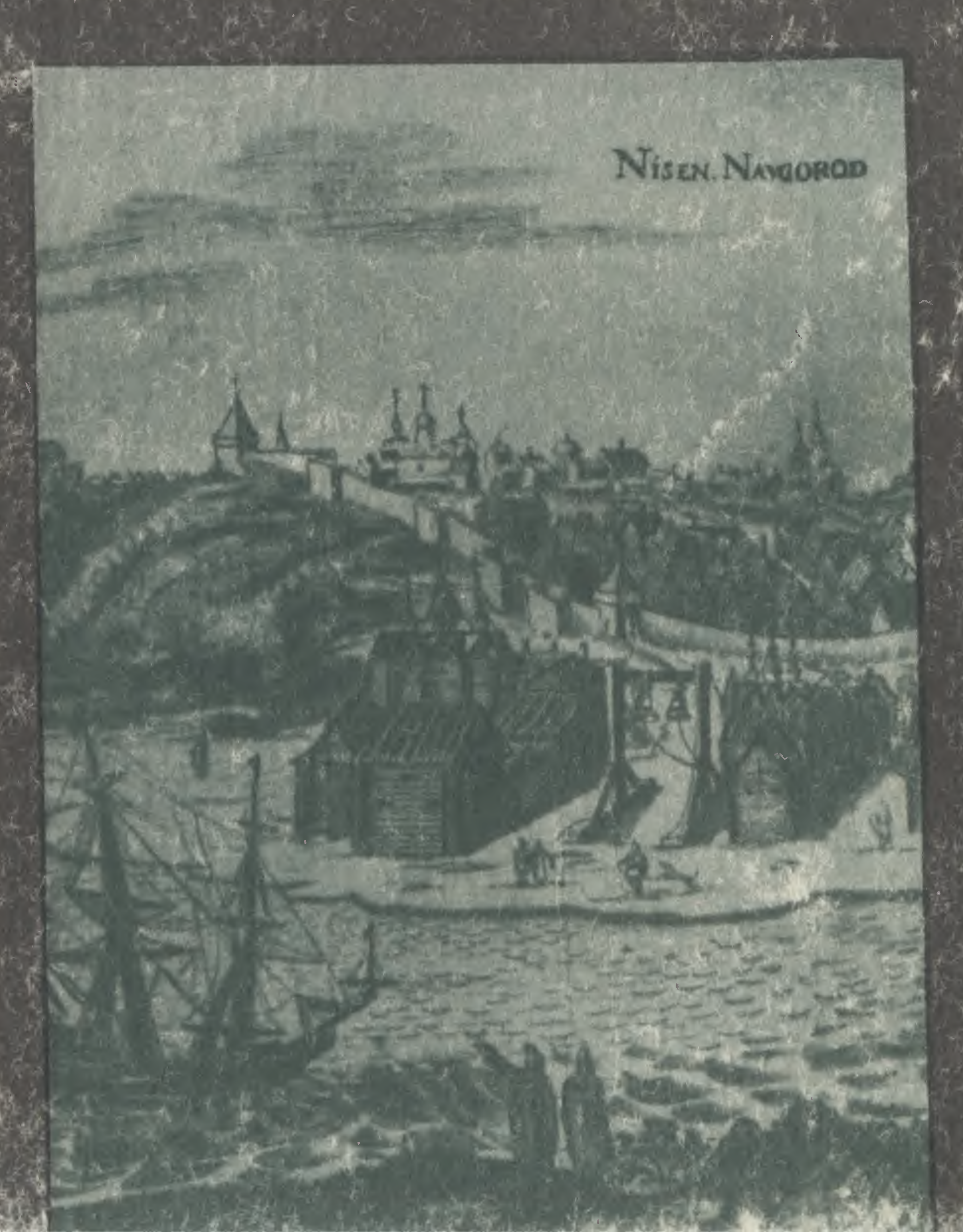
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА



ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Составители

П. П. ЕПИФАНОВ, О. П. ЕПИФАНОВА

Рекомендовано
Главным учебно-методическим управлением
общего среднего образования
Государственного комитета СССР по народному образованию

Издание второе, доработанное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1989

ББК 74.263.1
Х91

Рецензенты:
кандидат исторических наук А. П. Богданов,
учитель истории школы № 40 Москвы А. Ю. Карпов

Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до
Х91 конца XVIII века: Пособие для учителя / Сост. П. П. Епифанов, О. П. Епифанова.— 2-е изд., дораб.— М.: Просвещение, 1989.— 288 с.
ISBN 5-09-001218-0

В хрестоматию включены документы и отрывки из документов по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. В хрестоматию вошли отрывки из летописей, официальных документов, публицистики, литературных памятников, мемуаров и т. д.

Материалы сгруппированы по темам, к которым даны пояснения научного и методического характера. Подбор документов осуществлен в соответствии со школьной программой.

Х $\frac{4306010500—438}{103(03)—89}$ инф. письмо—89, доп. № 1. ББК 74.263.1

Учебное издание

**Хрестоматия по истории СССР
с древнейших времен до конца XVIII в.**

Составители
Епифанов Петр Петрович
Епифанова Ольга Петровна

Зав. редакцией *А. И. Самсонов*. Редактор *Е. А. Косарева*. Младший редактор *Л. В. Афонина*. Художественный редактор *Ю. В. Булдаков*. Технический редактор *З. А. Муслимова*. Корректор *Л. С. Вайтман*. ИБ № 11924. Сдано в набор 14.09.88. Подписано к печати 22.03.89. А 03554. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бум. типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,0+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 18,69. Уч.-изд. л. 21,24+0,42 форз. Тираж 315 000 экз. Заказ 401. Цена 85 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ISBN 5-09-001218-0

ВВЕДЕНИЕ

Важное место в системе школьного образования занимает изучение всемирной и особенно отечественной истории. Возросший интерес к прошлому — одно из проявлений патриотических чувств советских людей, их стремления постигнуть непрерывную связь времен, истоки прогрессивных народных традиций.

Наряду с другими общественными дисциплинами изучение истории представляет один из путей формирования у подрастающих поколений научно-материалистического мировоззрения. «Школа призвана прививать учащимся чувство любви к Родине...» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 167). Изучение истории нашей Родины помогает воспитывать школьников в духе коллективистской, гуманистической, активной, деятельной морали.

Знание прошлого народов СССР, традиций совместной борьбы за социальную справедливость и национальную независимость, взаимообогащения культурными достижениями открывает возможность для воспитания высокой культуры межнационального общения.

Приступая к изучению отечественной истории, учащиеся должны понять, что историческая наука опирается не на умозрительные понятия, выведенные чисто логическим путем и ведущие к идеалистическому и субъективистскому толкованию явлений и событий прошлого, а на глубокий анализ и обобщение фактов действительности в ее развитии, на осмысление данных разнообразных источников.

Настоящая хрестоматия по истории СССР составлена в соответствии с программой и учебником и включает материалы по отечественной истории с древнейших времен до конца XVIII в. с учетом новейших публикаций и исследований советских историков. Извлечения из документов снабжены краткими вводными примечаниями и комментариями, пояснениями устаревших слов, терминов и понятий. Ознакомление с различными типами и видами исторических источников — повествовательными (летописи, сказания современников, описания путешествий и др.), законодательными (сборники законов, сепаратные указы высшей и распорядительной власти, межгосударственные договоры, частноправовые акты или грамоты

и др.), делопроизводственными (писцовые и переписные книги, документы административных и судебных учреждений и др.), литературно-публицистическими («Поучение» князя Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Послания» Ивана Грозного и др.) должно обогатить знания учащихся о документальной базе истории и сделать более целенаправленными их первые шаги в самостоятельном, под руководством преподавателя, изучении исторических материалов.

Структура и содержание хрестоматии нацеливают учителя на последовательное освещение явлений и событий прошлого на основе всестороннего осмысления наследия Маркса, Энгельса, Ленина. С этой целью во вводных замечаниях к публикуемым документам приводятся высказывания и оценки основоположниками научного коммунизма отдельных событий, явлений, периодов истории. При изучении темы урока полезно не просто процитировать соответствующие положения, но и разъяснить их смысл и значение для правильного понимания сущности изучаемых фактов.

Научно-справочный аппарат хрестоматии составлен с учетом сложности языка и содержания источников, чтобы не снижать интереса учащихся к материалу и помочь сознательному усвоению ими изучаемого.

Развитию историзма мышления, понимания закономерности исторического процесса, особенностей социально-экономического развития, классовой борьбы, государственного устройства в отдельные периоды истории общества должно способствовать хорошее усвоение исторических терминов, понятий, определений, раскрывающих, например, общие черты и своеобразные признаки различных категорий (разрядов) феодально-зависимого населения и господствующего класса феодалов со времен Киевской Руси до конца XVIII в., классовый характер и эволюцию органов власти и управления с древних времен до абсолютизма XVIII в., особенности движений народных масс (крестьян и горожан) в разные периоды, характер культуры и общественной мысли.

Документальный материал хрестоматии помогает развивать устную речь учащихся. Она должна быть точной и выразительной, отвечающей обстоятельствам изучаемой эпохи, реальной обстановке событий, отношениям между людьми прошлых веков, их быту и нравам. «Канцелярские» обороты речи, жаргонный язык обычно сопутствуют вредной модернизации исторических явлений и событий, препятствуют правильному пониманию и объяснению учеником новых для него фактов истории.

Свободное пользование исторической терминологией служит вместе с тем необходимой предпосылкой для сознательного, а не механического овладения сложным материалом и развития первоначальных навыков самостоятельной работы учащихся с документами различного вида и происхождения, выяснения их классовой сущности и направленности, степени достоверности и т. д. С этой целью наиболее трудные тексты древней письменности даются в

переводе на современный русский язык, данные других из-за их большого объема и громоздкости приводятся в сокращенном и обобщенном виде.

Учитель, используя тот или иной методический прием, может по-разному применять материал хрестоматии на уроке. Документы, обладающие большой силой эмоционального воздействия, легче запоминающиеся, могут быть прочитаны учениками вслух на уроке, использованы при подготовке устных ответов по теме урока.

По другим, более трудным видам источников (законодательные сборники, уставы и регламенты и др.) можно провести на уроке коллективное обсуждение, а домашние задания распределить в индивидуальном порядке, чтобы устные сообщения или краткие письменные рефераты школьников содержали элементы самостоятельного анализа и оценки источника.

Некоторые документы литературного и мемуарного характера (например, воспоминания о событиях прошлого, описания путешествий современников) рекомендуются учащимся для ознакомления с целью расширения кругозора.

Опыт и знания преподавателя подскажут ему пути и способы наиболее полного, не формально-иллюстративного, использования «показаний» каждого документа.

Из летописей и других сказаний о борьбе с внешними врагами можно почерпнуть интересные сведения о вооружении и доспехах, составе, организации и тактике войска и народного ополчения, из описаний сел и городов — об архитектуре жилых и других зданий, хозяйственных постройках, городских улицах и слободах, крепостных сооружениях (детинцы, остроги, кремли), участии горожан в защите от врагов. Полезно развивать наблюдательность школьника, стремление самостоятельно извлечь из текста документа ценные показания, те или иные подробности, характеризующие обстановку события, отношение к нему летописца, взаимоотношения людей, их взгляды и суждения и т. п. Такая детализация способствует более прочному, эмоциональному усвоению фактов, развивает умственные способности учащихся. Преподаватель ставит перед учащимися вопросы, связанные с противоречивыми показаниями источников или с различными оценками в них событий и явлений общественной жизни.

Полезно приучать учащихся систематически пользоваться дома или в библиотеках историческими словарями и энциклопедиями.

Для более эффективного изучения источников с учетом познавательных и воспитательных задач каждой конкретной темы можно подготовить перспективный план работы с историческими документами — на уроках, при выполнении домашних заданий, в историческом кружке, при проведении экскурсий. Интересные исторические свидетельства можно найти в местных архивохранилищах, в отделах древних книг и рукописей библиотек, на выставках, посвященных памятным событиям.

Глава 1

НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ДРЕВНОСТИ

ГОСУДАРСТВО УРАРТУ

Рабовладельческое государство Урарту возникло в IX в. до н. э. на территории современной Армении и существовало несколько столетий (пало под ударами южных соседей урартов — мидян около 590 г. до н. э.). Наивысшего расцвета оно достигло при царях Аргишти (781—760 гг. до н. э.) и Сардуре (760—730 гг. до н. э.). Раскопками были обнаружены построенные при Аргишти урартские города Эребуни и Тейшебаини (на территории современного Еревана), Аргиштихинили (у села Армавир) и другие поселения урартов. Труд многих тысяч рабов использовали также при возведении оросительных каналов и водохранилищ — основы процветания земледелия в долинах рек, где сеяли пшеницу, ячмень, просо и другие злаки, возделывали виноград, инжир, миндаль. Из домашних животных урарты разводили овец и коров, лошадей и верблюдов. Высокого уровня достигло ремесло — изготовление оружия, доспехов, домашней утвари и других изделий из бронзы и железа. При изготовлении посуды (чаши, кувшины, сосуды для вина) применяли гончарный круг. Использование труда рабов и грабительские походы обогащали господствующий класс рабовладельцев (чиновников, военачальников, жрецов) во главе с царем. Поклонялись урарты богам Халди (главный бог), Тейшеба (бог бури и дождя), Шивина (бог солнца), для молебствий строили храмы, где ставили бронзовые статуи обожествленных царей. Столицей царства был город Тушпа.

Извлечения из урартских документов печатаются по изданию: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи.— М., 1960.— С. 247—248, 279, 345.

1. ИЗ ЛЕТОПИСИ ЦАРЯ АРГИШТИ I

Дошел я до страны Биа... до страны Хушани. Выступил я в поход против страны Диди, против города Зуа; город Зуа... я сжег... Пошел я через ворота страны против страны ашкалаши. 105 крепостей я разрушил, 453 города сжег. Три страны я оттуда отторгнул, их население присоединил к моей стране... 15 тысяч 181 отрока, 2734 мужчины, 10 тысяч 604 женщины, 4426 коней, 10 тысяч 478 голов крупного рогатого скота, 73770 голов мелкого рогатого скота я угнал... Царя Джабухи я поработил, пощадил я его под условием выплаты дани. Вот какую дань царю Аргишти диаухиец преподнес: 41 мину чистого золота, 37 мин серебра... десять тысяч мин меди, 1000 верховых лошадей, 300 голов крупного рогатого скота, десять тысяч голов мелкого рогатого скота...

2. ИЗ ЛЕТОПИСИ ЦАРЯ САРДУРИ II

Выступил я в поход на страну Кулха. Величием бога Халди Хахани, царя страны Хушалхи, вместе с его народом я оттуда увел

в плен, угнал и поселил в моей стране... в том же году мои войска выступили в поход на страну Абилианихи. Величием бога Халди за один день страну я захватил, крепости разрушил, города сжег, страну разорил, мужчин и женщин оттуда я угнал. Сардури говорит: для бога Халди вот какой подвиг я там совершил: одну тысячу 890 отроков увел я, 3496 мужчин живыми, 6 тысяч 408 женщин я угнал... Сардури говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

3. НАДПИСЬ ЦАРЯ РУСЫ, СЫНА АРГИШТИ

Богу Халди, своему владыке, эту надпись Руса, сын Аргишти, воздвиг. Могуществом бога Халди, Руса, сын Аргишти говорит: земля долины Куарлини была необработанной, ничего там не было. Как мне бог Халди приказал, так я этот виноградник разбил, повелел я там устройство полей с посевами, фруктовых садов, взялся я там за устройство города. Канал из реки Илдаруниа я провел: Умешини имя его. В этой долине (царя) Руса, когда кто-нибудь заставит канал оросить что-нибудь, козленок пусть будет зарезан богу Халди, овца — богу Тейшеба, овца — богу Шивини... Руса, сын Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь Вселенной, царь страны Биайнили[1], царь царей, правитель Тушпа-города.

[1] *Биайнили* — местное название государства Урарту.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

4. СТРАБОН О ДРЕВНИХ НАРОДАХ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Древнегреческий историк и географ Страбон (ок. 64 г. до н. э.— 24 г. н. э.) в своей «Географии» приводит сведения о древних народах и племенах Закавказья и Средней Азии.

Извлечения приводятся по изданию: Страбон. География / Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского.— М., 1964.

Часть этой страны окружают Кавказские горы. Как я указал выше, отроги гор выдаются в южном направлении, охватывают всю Иберию[1], примыкая к Армении и Колхиде[2]. В центре Иберии находится равнина, по которой протекают реки. Самая большая среди них Кир[3]... На Иберийской равнине обитает население, более склонное к земледелию и миру, которое одевается на армянский и мидийский лад; горную страну напротив занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много десятков тысяч воинов как из своей среды, так и из числа скифов и сарматов...

Имеются четыре вида (класса) людей в этой стране. Один из

них самый главный, из которого они ставят царей в соответствии с ближайшим родством и старшинством; второе же лицо — верховный судья и командующий войском. Второй класс — жрецы, которые наряду с прочим ведают делами взаимоотношений с соседями. Третий класс — воины и земледельцы, четвертый же — народ (лаой), дулы[4] басилея[5], выполняющие все работы по добыванию средств к жизни. Имущество их общее в роде, старший (в роде) управляет и охраняет его. Таковы иберы и их страна...

Албанцы больше привержены к скотоводству и стоят ближе к кочевникам; однако они не дики и поэтому не очень воинственны. Они живут между иберийцами и Каспийским морем; на востоке их страна прилегает к морю, а на западе граничит с иберийцами. Что касается остальных сторон, то северная окружена Кавказскими горами... а последнюю сторону образует Армения... Река Кир, протекающая через Албанию, и остальные реки, наполняющие ее, увеличивают плодородие земли... При этом земля не требует ни малейшего ухода... однажды засеянная земля во многих местах дает 2 или 3 урожая, и первый урожай получается... не железным плугом, а деревянной сохой. Орошается вся эта равнина еще лучше вавилонской и египетской своими реками и прочими водами, так что она всегда сохраняет вид травянистой и изобилует пастбищами. Вдобавок и климат здесь более благоприятный, чем в тех странах... Равным образом и скот в их стране хорошо растет, как домашний, так и дикий.

Люди там отличаются красотой и высоким ростом, вместе с тем они простодушны и не мелочны. У них обычно нет в употреблении чеканной монеты, и, не зная числа больше 100, они занимаются лишь меновой торговлей... Точные меры и вес им неизвестны... Сражаются они как в пешем строю, так и верхом в легком и тяжелом вооружении, подобно армянам. Войско они выставляют более многочисленное, чем иберийцы. Именно они вооружают 60 000 пехотинцев и 22 000 всадников... Кочевники помогают албанцам, так же как и иберийцам, в войне с чужеземцами... Албанцы вооружены дротиками и луками; они носят панцири и большие продолговатые щиты, а также шлемы из шкур зверей, подобно иберийцам... Их цари также замечательны. Теперь, правда, у них один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным царем... Обязанность жреца у них исполняет самый уважаемый человек после царя; он стоит во главе большой и густонаселенной священной области, а также распоряжается рабами храма...

Города Армении следующие: Артаксата... основанная Ганнибалом для царя Артаксия, и Арксата. Оба города лежат на реке Араксе... Недалеко от города находятся сокровищницы Тиграна и Артавасда...[6]

Если направиться на восток от Гирканского моря[7], то справа будут горы, тянущиеся до Индийского моря. У греков они называются Тавром. Они начинаются у Памфилии и Киликии[8] и простираются с запада до этих мест непрерывной цепью, принимая то

одно, то другое название... Гора, которая тянется от Армении до этого места или немного не доходя, носит название Парахоаафра. От Гирканского моря до области ариев[9] около 6000 стадий[10]. Затем следуют Бактриана и Согдиана[11] и, наконец, скифские кочевники... Большинство скифов начиная от Каспийского моря называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят название массагетов и саков[12], прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть особое имя. Все они в общей массе кочевники... Массагеты доказали в войне против Кира[13] свое мужество, которое многие часто восхваляют... О массагетах передают рассказы в таком роде: одни из них обитают в горах, другие на равнинах, третьи — на болотах, которые образуют реки, четвертые — на островах в болотах... страна наводняется рекой Араксом[14], которая, разветвляясь на множество рукавов, впадает на севере всеми остальными своими устьями в другое море и только одним устьем — в Гирканский залив. Богом они почитают только одно солнце и ему приносят в жертву коней... Они прекрасные наездники и пешие воины; вооружены луками, мечами, панцирями и бронзовыми боевыми топорами; в сражениях они носят золотые пояса и головные повязки. Уздечки и перевязи у лошадей у них из золота. Серебра в их стране нет, железа мало, зато медь и золото встречаются в изобилии.

В прежние времена образ жизни и обычаи согдийцев и бактрийцев мало отличались от образа жизни кочевников, но все же обычаи бактрийцев были немного более цивилизованными... Александр Македонский... как говорят, основал 8 городов в Бактрии и Согдиане и несколько разрушил... Впрочем, название Арианы распространяется на часть Персии и Мидии, а также на северные части страны бактрийцев и согдийцев. Все эти народности говорят почти на одном языке, только с незначительными отступлениями.

[1] *Иберия* — Грузия.

[2] *Колхида* — древнегреческое название Западной Грузии.

[3] *Кир* — река Кура.

[4] *Дулы* — рабы.

[5] *Басилей* — царь.

[6] *Тигран II* — царь Армении (95—55 гг. до н. э.), Артавсад II — его сын, царь Армении (55—34 гг. до н. э.).

[7] *Гирканское море* — Каспийское море.

[8] *Памфилия* — область на юге Малой Азии. *Киликия* — горная страна на юго-востоке Малой Азии.

[9] *Арии (арийцы)* — здесь: персы.

[10] *Стадий* — древнегреческая мера длины (ок. 174—230 м).

[11] *Бактриана (Бактрия)* — древняя область в Средней Азии, по обе стороны Амударьи, с главным городом Бактра. *Согдиана (Согд)* — древняя историческая область в бассейне реки Зеравшан.

[12] *Массагеты, саки* — ираноязычные племена, родственные скифам, жившие в VIII—IV вв. до н. э. в низовьях Сырдарьи и Амударьи в Средней Азии.

[13] *Кир* — древнеперсидский царь (558—529 гг. до н. э.).

[14] *Аракс* — здесь это Амударья (либо Сырдарья).

АНТИЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА И СКИФЫ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Древнегреческий историк Геродот (ок. 484—425 гг. до н. э.) в одной из книг своей «Истории греко-персидских войн» оставил описание географии и народов Северного Причерноморья. Обитавшие с VII в. до н. э. в причерноморских степях многочисленные племена скифов вытеснили отсюда киммерийцев. В VI в. до н. э. (ок. 516—514 гг. до н. э.) скифы в союзе с соседними народами отразили нашествие войска персидского царя Дария I. Вытесненные, в свою очередь, сарматами в Крым, скифы образовали в III в. до н. э. рабовладельческое государство со столицей в Неаполе (на окраине современного Симферополя), царями которого были Скилур и затем его сын Палак. Раскопки скифских погребений в курганах Куль-Оба, Чертомлык, Толстая Могила (близ Никополя Днепропетровской области УССР), Солоха (близ Керчи) обнаружили захоронения знатных скифов с их рабами и слугами, драгоценное оружие (железные мечи в золотых ножнах), художественные изделия из золота и серебра (ваза и сосуд с изображением сцен из жизни скифов, золотая диадема — знак царской власти и другие украшения), свидетельствующие о глубоком имущественном расслоении и зачатках государственности у скифов в IV в. до н. э. Скифы-земледельцы, по свидетельству Геродота, производили хлеб не только для себя, но и на продажу в греческие города-государства Причерноморья, а жившие около них скифы воспринимали греческую культуру («эллино-скифы»). Скифы не были прямыми предками славян, но их потомки, по предположению историков, слились с древнеславянскими племенами и обогатили славянский язык некоторыми словами («хорошо», «топор», «собака» наряду со славянскими «добро», «секира», «пес»), традициями народного искусства.

Извлечения публикуются по изданию: Геродот. История в девяти книгах.— Л., 1972.— С. 190—206.

5. ГЕРОДОТ О НАРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Ближе всего от торговой гавани борисфенитов[1]... обитают каллипиды — эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием алазоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее алазонов живут скифы-земледельцы. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня...

За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти земледельцы-скифы занимают область на три дня пути к востоку от реки Пантикапа[2], а к северу — на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену[3]. Выше их далеко тянется пустыня. За пустыней живут андрофаги[4] — особое, но отнюдь не скифское племя. А к северу простирается настоящая пустыня, и никаких людей там, насколько мне известно, больше нет...

Восточнее этих скифов-земледельцев, на другой стороне реки Пантикапа, обитают скифы-кочевники; они вовсе ничего не сеют и не пашут...

За рекой Геррой идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Их область

к югу простирается до Таврики[5], а на восток — до рва, выкопанного потомками слепых рабов[6], и до гавани у Меотийского озера[7].

За рекой Танаисом — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам[8]. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев...

Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши.

Гробницы царей находятся в Геррах[9] (до этого Борисфен еще судоходен). Когда у скифов умирает царь, то там выкапывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами сельдерея и аниса[10]. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства... После объезда всех областей они снова прибывают в Герры... к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше... Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению...

В Скифской земле произрастает конопля — растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля значительно превосходит лен. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы[11] изготовляют из конопли даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит — льняные ли они или из конопли...

Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную

юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды. Затем полученным от растирания тестом обмазывают все свое тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блестит.

[1] *Гавань борисфенитов* — древнегреческая колония Ольвия (Борисфен) на правом берегу Бугского лимана.
[2] *Пантикапа* — река Ингулец.
[3] *Борисфен* — река Днепр.
[4] *Андрофаги* — буквально «людоеды».
[5] *Таврика* — Крымский полуостров.
[6] В начале повествования о Скифии Геродот сообщает, что «всех своих рабов скифы ослепляют», «от этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение», которое «стало противиться скифам» и оградило «свою землю, выкопав широкий ров от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера». Это Киммерийский вал на Керченском полуострове для защиты Боспора от кочевников.
[7] *Меотийское озеро* — Азовское море.
[8] *Савроматы* — родственная скифам народность, жили между Доном и Волгой.
[9] *Герры* — область в Скифии (около современного Никополя).
[10] *Кипер* (иван-чай), *сельдерей, анис* — растения.
[11] *Фракийцы* — жители Фракии, области на Балканском полуострове, пограничной со Скифией и Македонией.

6. БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО. ВОССТАНИЕ САВМАКА

Боспорское царство — самое крупное рабовладельческое государство в Северном Причерноморье, объединившее в V в. до н. э. ряд греческих городов и прилегающих к ним территорий, заселенных местными племенами (скифами, сарматами). Столицей царства был город Пантикапей (современная Керчь). О крупном восстании рабов под предводительством Савмака (107 г. до н. э.) сообщает декрет херсонесского[1] «совета и народа» в честь Диофанта — полководца Митридата, царя Понта (государство в Малой Азии), который вместе с херсонесскими воинами подавил восстание и захватил Савмака.

Отрывок из декрета публикуется в переводе С. А. Жебелева: Жебелев С. А. Северное Причерноморье.— М.; Л., 1953.— С. 95—101.

Диофант отправился в боспорские местности и устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Мифридата Евпатора.

Когда скифы с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним [херсонесскими] гражданами судно и, прибыв [в Херсонес], призвал на помощь граждан. [Затем], имея ревностного сотрудника в лице посылавшего его царя Мифридата Евпатора, Диофант в начале весны [следующего года] прибыл [в Херсонес] с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных [херсонесских] воинов, [разместившихся] на трех судах, двинулся [морем] из нашего города [Херсо-

неса], овладел Феодосией и Пантикапеем, наказал виновников восстания, Савмака же, убийцу царя Перисада, захватил в свои руки, отправил в царство [Понт] и снова приобрел власть [над Боспором] для царя Мифридата Евпатора.

[1] *Херсонес* (близ современного Севастополя) — один из греческих городов-колоний в Причерноморье.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

О расселении, общественном строе, занятиях, нравах и обычаях восточных славян (антов), появлении у них частной собственности и патриархального рабства, первых родо-племенных «князей» сообщают жившие в VI в. н. э. византийские писатели Прокопий Кесарийский и Маврикий Стратег, первоначальная русская летопись «Повесть временных лет», составители которой монахи Нестор и Сильвестр, жившие во второй половине XI — начале XII в., пользовались более древними письменными источниками и преданиями, а также древнейшая «Правда Роськая», включенная позднее в состав сборника законов киевских князей «Русская Правда».

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Прокопий из Кесарии. Война с готами.— М., 1950.— С. 297; Вестник древней истории.— 1941.— № 1(14) (отрывки из «Стратегикона» Маврикия Стратега); Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).— Л., 1926.— Т. 1.— Стб. 5—14, 16—17, 54—60; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды.- М., 1953.— С. 75—79.

7. ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ О СЛАВЯНАХ И АНТАХ

Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве [демократии], и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки и нимф и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек [хитонов], ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый.

8. МАВРИКИЙ СТРАТЕГ О СЛАВЯНАХ И АНТАХ

Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, [при переходе их] из одного места в другое охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел [какой-либо] ущерб, принимавший его раньше начинает войну [против виновного], считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая [срок рабства] определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там [где они находятся] на положении свободных и друзей?

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своею смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для себя вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются [засадами], внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много [разнообразных] способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи настигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне [реки], дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их [присутствии]. А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде...

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые [с места на место]. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом...

Не имея над собою главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, неспособны сражаться в правильной битве,

показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша помериться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами, с целью заманить противника...

9. ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕРУССКОГО)

...По многом времени осели славяне по Дунаю, где ныне Венгерская земля и Болгарская, [и] от тех славян разошлись по земле и назвались именами своими, где кто сел на каком месте, кто осел на реке Морава, и назвались Морава, а другие Чехами назвались. А вот тоже славяне: белые хорваты, сербы, хорваты... Другие же славяне пришли и поселились на Висле и назвались Ляхами, от тех Ляхов назвались Поляне, Ляхи другие Лютичи, иные Мазовшане, иные Поморяне. Также и те славяне, которые пришли и поселились по Днепру, назвались Полянами, а другие Древлянами, потому что [они] жили в лесах, а другие поселились между Припятью и Двиной и назвались Дреговичи, другие осели на Двине и назвались Полочане по речке Полота, впадающей в Двину, от нее прозвались Полочане. Словене[1] же сели около озера Ильменя и назвались своим именем и сделали город и назвали его Новгород. А другие поселились по Десне, и по Сейму, по Суле и назвались Северянами. И так распространился славянский народ [«язык»], по нему и грамота назвалась Славянская.

Когда Поляне жили отдельно по горам этим, был путь из Варяг в Греки, а от Греков по Днепру, а вверху Днепра волок до Ловати, и по Ловати войти в озеро великое Ильмень; из этого озера течет Волхов и впадает в озеро великое Ново[2], и этого озера устье входит в море Варяжское[3]... Днепр вытекает из Оковского леса[4] и течет на юг, а Двина из того же леса, и течет на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса вытекает Волга на восток и впадает семьюдесятью рукавами [«жерлами»] в море Хвалынское[5]... А Днепр втекает в Черное море рукавом, это море называется Русским...

Поляне же жили особо и владели родами своими, потому что и до этих братьев были Поляне и жили каждый с своим родом и на своих местах... И было три брата, одному имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив и сестра их Лыбедь. Жил Кий на горе, где же ныне взвоз Боричев, а Щек жил на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая от него прозвалась Хоревица. И возвели город во имя брата своего старейшего и назвали имя

ему Киев. И был около города лес и бор великий, и они охотились за зверями. Были они мужи мудрые и разумные и назывались Полянами. От них же есть Поляне в Киеве и до сего дня.

Иные же, не ведующие, говорят, будто Кий был перевозчиком: у Киева был тогда перевоз с другой стороны Днепра, поэтому говорили «на перевоз на Киев». Но если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду, но этот Кий княжил в роде своем, и когда он приходил к царю, как говорят, то великую честь принял от царя, при котором приходил. Когда он шел обратно, пришел к Дунаю и полюбил место и срубил малый городок и хотел осесть там с родом своим, но не дали ему живущие там вблизи. Еще и доныне называют на Дунае городище Киевец. Кий же вернулся в свой город Киев и тут окончил свою жизнь, а братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

...После смерти этих братьев [Полян] обижали Древляне и другие соседи. И напали на них Хазары[6], на живущих на этих горах в лесах, и сказали Хазары: «Платите нам дань». Посоветовались Поляне[7] и дали от дыма[8] меч. Понесли [эту дань] Хазары к своему князю и старейшинам и сказали им: «Вот добыли новую дань». Они же спросили: «Откуда?». Они же сказали: «В лесу на горах, над рекой Днепром». Они же спросили: «Что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая это дань, князь! Мы добыли ее оружием с одним лезвием, саблями, а у них оружие обоюдоострое — мечи. Со временем они будут брать дань с нас и с других стран». Все так и сбылось: не по своей ведь воле говорили так [Хазары], а по божьему повелению...[9]

...[После заключения договора с греками] Игорь начал княжить в Киеве, имея мир со всеми странами, и наступила осень, и задумал [он] пойти на Древлян, желая получить большую дань.

В лето 6453 [945 г.][10]. В этом году сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы — наги; пойди князь с нами за данью, тогда и ты добудешь и мы». И послушал их князь Игорь, пошел к Древлянам за данью [новою], он и его мужи творили насилие. И собрав дань, пошел в свой город. Когда же он шел обратно, то поразмыслил и сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и еще похожу». Отпустил дружину свою домой, с малой же дружиной возвратился [в землю Древлян], желая большего богатства. Древляне же, услышав, что Игорь идет опять, так подумали со своим князем Малом: «Если повадится волк к овцам, то унесет все стадо, если не убьют его, так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему [послов], говоря: «Почему идешь опять? Ты ведь взял дань». И не послушал их Игорь. И выйдя из [своего] городы Искоростеня, Древляне убили Игоря, потому что их было мало. И погребен был Игорь, и есть могила у города Искоростеня в земле Древлян...

Ольга же была в Киеве с сыном своим малолетним Святославом, а кормильцем[11] его был Асмуд и воеводой был Свенельд, он же отец Мстиши.

И решили Древляне: «Вот [мы] убили князя Русского; возьмем жену его Ольгу за князя своего Мала, а с нею Святослава, и поступим с ним как захотим». И послали Древляне своих лучших мужей числом 20 [человек], в лодке к Ольге. И пристали они в лодке под Боричевым, тогда ведь вода протекала возле горы Киевской... И поведали Ольге, что пришли Древляне, и позвала их Ольга к себе и сказала им: «Добрые гости пришли. Скажите, чего ради пришли сюда?» Сказали Древляне: «Послала нас Древлянская земля с такими словами: мужа твоего мы убили, был муж твой как волк, расхищая и грабя, а наши князья добрые, они оберегали Древлянскую землю, так пойди [замуж] за князя нашего Мала», было имя ему Мал, князю Древлянскому.

...И послала Ольга к Древлянам и сказала им: «Если вы вправду просите меня, то пришлите знатных мужей, дабы я с великой честью пришла за вашего князя, а то не пустят меня люди Киевские». Услыхав это, Древляне избрали лучших мужей, которые управляли Древлянской землей[12], и послали за ней. Когда же Древляне пришли, Ольга повелела приготовить им баню, сказав так: «Помывшись, приходите ко мне». Они же затопили баню и влезли в нее и начали мыться. И заперли баню вместе с ними. И повелела Ольга зажечь ее от дверей, и там все погорели. И послала к Древлянам со словами: «Вот я уже иду к вам, так приготовьте меды многие в городе, где вы убили моего мужа, да поплачу я над гробом его и сотворю тризну мужу своему». Они же, услыхав это, свезли много меда и сварили. Ольга же, взяв малую дружину, шла налегке, и пришла к гробу его [Игоря] и плакала по муже своем. И повелела людям своим насыпать могилу великую, и когда насыпали, велела совершить тризну. Потом сели Древляне пить, и повелела Ольга своим отрокам прислуживать им. И сказали Древляне Ольге: «Где наша дружина, которую мы послали за тобой?» Она же сказала: «Идут за мной с дружиной мужа моего». И когда Древляне упились, она повелела отрокам пить в их честь, а сама отошла прочь и велела дружине убивать Древлян, и посекли их пять тысяч. А Ольга возвратилась в Киев и снарядила воев[13] против оставшихся Древлян...

В лето 946 Ольга с сыном своим Святославом собрала многих и храбрых воев и пошла на Древлянскую землю. И вышли Древляне против. И когда сошлись обеими полками на схватку, сунул Святослав копье на Древлян, и пролетело копье между ушами коня и ударило коню в ноги, потому что [Святослав] был еще ребенком. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем». И победили Древлян. Древляне же побежали и заперлись в городах своих[14]. Ольга же с сыном своим устремилась на Искоростень-город, потому что его жители убили мужа ее, и стала около города с сыном своим, а Древляне затворились в городе и крепко бились из города: ведали ведь, что сами убили князя и что их ожидает.

И стояла Ольга год и не могла взять города, и придумала так,

послала к городу со словами: «Чего вы хотите высидеть? А все ваши города уже предались мне, и обязались давать мне дань, и обрабатывают нивы свои и земли свои, а вы хотите умереть от голода, не соглашаясь давать дань»[15]. Древляне же сказали: «Рады бы мы давать дань, но ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга: «Ведь я уже отомстила за смерть мужа своего... и больше не хочу мстить, но хочу брать дань небольшую, и примирившись с вами пойду назад». Сказали же Древляне: «Чего ты хочешь от нас? Рады дать медом и скорою»[16]. Она же сказала им: «Ныне у вас нет ни меду, ни мехов, но малого у вас прошу: дайте мне от двора[17] по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкую дань, как мой муж, вы ведь изнемогли в осаде, поэтому прошу у вас малого». Древляне же обрадовались и собрали с двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы уже покорились мне и моему дитяти, идите в город, а завтра я отступлю от города и пойду в свой город». Древляне же были рады и вошли в город и сказали людям...

Ольга же раздала воям по голубю каждому, а другим по воробью и повелела к каждому голубю и воробью привязать серу, обернув ее в маленькие платки, привязав ниткою к каждому из них. И повелела Ольга воинам своим, как только смеркнется, выпустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в гнезда свои, голуби — в голубятни, воробьи же под стрехи. И так загорелись голубятни, где клети, где башни, где хлевы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, потому что все дворы загорелись. И побежали люди из города, и повелела Ольга воям своим хватать их, и, взяв город, сожгла его, и захватила старейшин городских, а прочих людей — одних перебила, а других отдала в работу своим мужам (дружинникам), а оставшихся заставила платить дань. И наложила на них дань тяжкую: две части этой дани идут в Киев, а третья в Вышгород к Ольге, потому что Вышгород — город Ольги. И пошла Ольга по Древлянской земле с сыном своим и с дружиной, уставляя уставы и уроки[18] и там становища ее и ловища[19], и вернулась в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пребывала в нем один год.

В лето 947 пошла Ольга к Новгороду и уставила на Мсте погосты[20] и дани и по Лузе оброки и дани[21] и ловища ее по всей земле знаменные[22] и места и погосты и сани ее стоят в Пскове и до сего дня, и по Днепру перевесища[23] и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе[24]. И все изрядивши, возвратилась к сыну своему в Киев и жила с ним в любви.

[1] *Словене* — собственное название славян в области Новгорода.
[2] *Озеро Ново* — Ладожское озеро.
[3] *Море Варяжское* — Балтийское море.
[4] *Оковский лес* — в области Валдайской возвышенности.
[5] *Хвалынское море* — Каспийское море.
[6] *Хазары* — кочевники-скотоводы, объединившиеся около VII в. н. э. в госу-

дарство Хазарский каганат со столицей Итиль на Нижней Волге. Когда, повествует летописец, Аскольд и Дир «с родом своим» пришли по Днепру к Киеву и спросили, «чей это городок», жители им ответили, что тут раньше жили три брата — Кий, Щек и Хорив, которые поставили этот городок и потом погибли, а мы живем тут, уплачивая дань хазарам (см.: ПСРЛ.— Т. 1.— С. 20—24). Хазарский каганат распался после разгрома киевским князем Святославом Итиля в 965 г.

[7] В оригинале: «съдумавше же Поляне» — вероятное свидетельство о существовании у славян вечевых сходок.

[8] *Дым* — жилище с очагом, двор, семья. Пахотная земля стала предоставляться «в пользование отдельным семьям — сначала на время, потом раз навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 164).

[9] Идеология летописца — провиденциализм — воззрение, объясняющее ход исторических событий волей провидения (божества). Обращенная к прошлому легенда о хазарской дани говорит о будущем величии Киевского государства.

[10] В древней Руси до 1700 г. (реформы Петра I) летосчисление велось от так называемого «сотворения мира», от которого до так называемого «рождества Христова» (нашей эры) церковники считали 5508 лет. Таким образом, 6453—5508=945 год. Отрывок летописи о смерти князя Игоря и мести за него Ольги, описывая события середины X в., содержит весьма ценные сведения о пережитках родового быта в общественном строе славян (кровная месть), сборе дани киевскими князьями, существовании у древлян своих князей и «лучших мужей», вечевых собраний, о том, что главным занятием древлян было земледелие.

[11] *Кормилец* — дядька-воспитатель.

[12] *Лучшие мужи*, управлявшие вместе с князем Малом Древлянской землей, феодализирующаяся родо-племенная знать.

[13] *Вои* — воины, не только члены княжеской дружины, но также собранные из простых сельских и городских жителей.

[14] Указание на существование других городов древлянских, кроме Искоростеня — главного города.

[15] В оригинале: «делают нивы своя и земле своя»; *нива* — пашня, посевы; перерыв в обработке пашни грозил древлянам голодом.

[16] *Скора* — меха (ср. «скорняк»).

[17] *Двор*, ниже — *клети*, *хлевы* — хозяйственные постройки во владении отдельной семьи.

[18] Восстание древлян вынудило Ольгу регламентировать сбор дани и оброков в наиболее важных областях страны и в своих селах и градах (феодальных усадьбах с укреплениями). *Уставы и уроки* — размеры дани и оброка.

[19] *Становища* — пункты сбора дани, *ловища* — места охоты.

[20] *Погосты* — места сбора дани, торговые пункты.

[21] *Оброки* летописец отличает от дани, сбор первых был связан с хозяйственной деятельностью феодалов в их селах и градах.

[22] *Знаменные* (от «знамя» — знак, признак, примета) — отмеченные знаками собственности владения князя или феодала, межевые знаки пахотной земли или других угодий.

[23] *Перевесища* — места ловли зверей и птиц с помощью больших сетей, переброшенных между деревьями или шестами там, где дичь регулярно проходит на корм или водопой.

[24] Летописец называет хорошо известное ему находившееся около Киева и сохранившееся до его времени село (феодальную усадьбу) княгини Ольги, ей же принадлежал укрепленный пункт Вышгород.

10. ПРАВДА РОСЬКАЯ

«Русская Правда» краткой редакции сохранилась в двух списках (Академический и Археографический) и помещена в «Новгородской летописи» после известия о победе над киевским князем Святополком Окаянным Ярослава Мудрого,

который отпустил своих воинов «домой и дав им Правду и Устав списав, тако рекши [сказав] им: «По сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите». Однако по своему составу эта «грамота» Ярослава представляет собою компиляцию, включая «Древнейшую Правду», названную в оригинале «Правдой Роськой» (первые 17 статей), за ней идет «Правда уставлена Руськой земли» сыновей Ярослава Мудрого Изяслава, Всеволода и Святослава (статьи 18—41), а после «Правды Ярославичей» — «Покон вирный» (устав вирнику — сборщику вир и продаж) и, наконец, «Устав мостьников» — о плате мастерам за постройку нового или ремонт старого моста. «Правда Ярославичей», по предположению академика М. Н. Тихомирова, была составлена в связи с волной народных восстаний, прокатившейся по «Руськой земле» в 1068—1071 гг. Свидетельство тому хотя бы тот факт, что она назначает двойную виру (80 гривен) за убийство княжеских слуг и в одной статье (ст. 21) дает прямую ссылку на постановление об этом князя Изяслава по поводу его «конюха старого» (конюшего, управлявшего конскими табунами князя), которого «убили Дорогобудьци» (жители города Дорогобужа в Смоленской области и его округи).

«Правда Роська» по своему содержанию, древности ее законов резко отличается от «Русской Правды Пространной редакции» — сборника феодальных законов, сохранившегося во множестве списков (копий) в составе юридических сборников, служивших руководством для судей («Мерило Праведное», «Кормчая») и названного в оригинале «Суд Ярославль Володимеричь» (т. е. Ярослава Мудрого), а именно — не знает еще вир и продаж (судебных пошлин в пользу князя), назначает одинаковую плату за убийство людей независимо от социального положения в размере 40 гривен и в пользу родственников убитого, говорит о праве на кровную месть, об остатках (пережитках) «народного суда» («извод пред 12 человека», ст. 14), о появлении в то же время у восточных славян частной собственности и патриархальных рабов («челядин»). Для критики антинаучных взглядов норманистов важно то, что «Правда Роськая» написана на древнерусском языке, а «варяг» упоминается в ней в качестве иноземца (ст. 9, 10).

Ввиду большой важности памятника для характеристики социально-экономических процессов периода генезиса феодальных отношений в Киевской Руси и особой трудности его языка ниже постатейно приводятся тексты оригинала, пояснения терминов, перевод статей «Правды Роськой» на современный язык и исторический комментарий.

1. Убьеть муж мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще будеть русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь.

За *голову* (головничество) — плата за убийство в пользу родственников его.

Русин — славянин, житель южной Руси, от племени «рос», или «рус», обитавшего на реке Роси; другое название живших на Днепре, в Киеве и прилегающих землях полян. (Ср.: «Поляне, которых теперь называют Русью».— ПСРЛ.— Т. 1.— С. 25—26.)

Гридин — младший дружинник; собирательное *гридь* — дружина; *гридница* — палата, где собирались и пировали дружинники. (Ср.: «громада» — общество, мирская сходка, собрание.)

Ябетник — княжеский судья (обвинитель), в современном языке «ябедник» — наговорщик, доносчик, клеветник.

Мечник — княжеский слуга, вооруженный мечом, судебный исполнитель.

Изгой — приставка «из» в русском языке во многих словах обозначает отчуждение («изгнать», «извергнуть»); древнерусское слово «гоить» означает

жить, здравствовать; рана «угоилась» — зажила, изба «угоена» — приготовлена к житью. В период разложения родового строя и возникновения соседских общин («мир», «вервь», см. ниже) на смену кровнородственным связям пришли связи территориальные; тогда изгоем назывался человек, потерявший связь со своим родом-племенем, выжитый по тем или другим причинам из своего рода или покинувший род. В XI—XII вв. изгоями называли людей, потерявших связь со своей социальной средой, обездоленных. Основную массу их составляли феодально-зависимые люди, попадавшие со временем в кабалу к церковным и светским феодалам.

Словенин — житель Новгородской земли; от приильменских словен получило свое название древнейшее городище возникшего потом Нового города — Славно; на Торговой стороне Великого Новгорода находился рядом с Плотницким Словенский конец.

Гривна — денежная единица в древней Руси — серебряный или золотой слиток весом около 409,5 г. В гривне «Краткой Правды» считалось 25 кун, «Пространной» — 50 кун.

Перевод. 1. Если убьет свободный человек свободного, то [за него имеют право] мстить брат за брата, или сын за отца, или отец за сына, или сыновья брата и сестры [племянники]; если кто из них не пожелает или не может мстить, то пусть получит 40 гривен за убитого; если убитый будет русин, или гридин, или купчина, или ябедник, или мечник, если он изгой будет, или словенин, то уплатить за него 40 гривен.

Кровная месть присуща родовому строю, однако этот обычай долго бытовал и после возникновения государства (вспомним месть Ольги древлянам), хотя в условиях классового общества кровная месть представлялась знати уже как «самоуправство», окончательно была запрещена и заменена исключительно денежной платой Ярославом Мудрым (см. ниже «Суд Ярославль Володимеричь»).

«Русин» и «словенин» выделены в законе как жители двух главных центров образующегося государства — Новгорода и Киева. У менее развитых славянских племен кровная месть, вероятно, бытовала в прежних формах. Равная плата за убийство простого «мужа», или купца, или дружинника могла взиматься в условиях, когда сословная неравноправность людей еще не вполне определилась.

2. Или будеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на немъ знамениа никоторого же, то ли приидеть видокъ; аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда.

Кровав или синь надъражен — избит до крови или синяков.
Видок — свидетель, очевидец, позднее — послух.
Знамение — явные следы побоев.
За обиду — вознаграждение потерпевшему.
Лечец — лекарь, знаток народной медицины.
Мъзда — плата, вознаграждение.

Перевод. 2. Если кто будет избит до крови или синяков, то [для получения вознаграждения] ему не надо представлять свидетеля; если на нем не будет явных знаков избиения, то он должен представить свидетеля, а если не может — делу конец; если же он не может за себя отомстить [обидчику], то получает за обиду 3 гривны и плату лекарю.

Статья свидетельствует, что кровная месть изживает себя, денежные расчеты вытесняют ее.

3. Аще ли кто кого ударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.

Батог — палка, посох, хворостина.
Пясть — кисть руки, ладонь.
Тылесень — тыльная (тупая) сторона меча или обух другого острого оружия.

Перевод. 3. Если кто кого ударит батогом, или жердью, или пястью, или чашею, или рогом, или тупой стороной меча, то должен заплатить за это обиженному 12 гривен; если обидчика не настигнут, то он должен заплатить [эту сумму], и делу конец.

И тут очевиден факт замены мести денежным выкупом (без права, следовательно, на отмщение после получения денег). Плата в данном случае, как видим, вчетверо превышает штраф за простое избиение (вероятно, здесь приняты в расчет более тяжелые последствия нанесенных травм). Не обязательно все пирующие вооружены мечами: посох или жердь, чаша или рог (для питья) могли быть и у рядового общинника.

4. Аще утнеть мечемъ, не вынемъ а его, либо рукоятью, то 12 гривне за обиду.

Перевод. 4. Если ткнет кого мечом, не вынимая из ножен, или рукоятью меча, то платить обиженному 12 гривен.

Такой удар менее опасен, но он выражал презрение обидчика к обиженному. Высокий штраф — свидетельство защиты законом чести и достоинства свободного «мужа».

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука, либо усохнеть, то 40 гривнъ. Аще будеть нога цела или начьнеть храмати, тогда чада смирять.

Перевод. 5. Если же ударит руку и рука отпадет или высохнет, то заплатить потерпевшему 40 гривен. Если нога останется целой или потерпевший станет хромать, то пусть дети его отомстят обидчику.

Статья, вероятно, испорчена при переписке: явно пропущены слова об аналогичных последствиях в случае удара по ноге. Рука усыхала, висела плетью при повреждении сухожилий: человек становился беспомощным, неработоспособным. Отсюда столь же большой штраф, как и за убийство, и право членов семьи расправиться с обидчиком.

6. Аще ли перстъ утнеть которыи любо, 3 гривны за обиду.

Перевод. 6. Если палец отрубит какой-то, то заплатить потерпевшему 3 гривны за обиду.

7. А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.

Перевод. 7. А за вырванный ус или клок бороды заплатить потерпевшему 12 гривен.

Борода и усы, в отличие от пальца, могли отрасти, а плата за них вчетверо больше. Это объясняется тем, что усы и борода являлись знаками мужского достоинства, лишение их насильственным способом было равносильно бесчестью.

8. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъи гривну положить.

Перевод. 8. Если кто вынет меч, но не ударит, то заплатит гривну.

Правовые понятия уже отличали неправомерное действие от намерения или попытки совершить таковое, от угрозы действием, равно как и степени последствия того или иного преступления.

9. Аще ли ринеть муж мужа любо от себе, любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть варягъ или колбягъ, то на роту.

Ринуть — толкнуть, бросить.
Варяг — скандинав, норманн.
Колбяг — иноземец. Судя по названиям некоторых мест (Колпино, Колбы, погост в Колбегах), колбяги жили в Новгородской области.
Рота — клятва при заключении договора или в судебном споре при отсутствии свидетелей.

Перевод. 9. Если толкнет муж мужа [свободный человек свободного] от себя или к себе и это подтвердят двое свидетелей, то виновный должен заплатить потерпевшему 3 гривны. Если пострадавший будет варягом или колбягом, то [для получения возмещения] ему достаточно принести клятву.

Варяг или колбяг — иноземцы, за оскорбление они получают ту же плату, что и славяне, здесь преимуществ нет. Дозволение же иноземцам получить возмещение при помощи клятвы (т. е. без свидетелей) говорит о том, что варяги и колбяги растворялись в массе славян и представить свидетелей в свою пользу им было трудно или невозможно.

10. Аще ли челядинъ съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третии день, то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривне за обиду.

Челядин — раб, преимущественно пленный; собирательное *челядь* — рабы, вообще зависимые люди.

Перевод. 10. Если челядин убежит и скроется у варяга или у колбяга, а те его в течение трех дней не выдадут, то господин, обнаружив беглого на третий день, изымает своего челядина и получает с виновного 3 гривны за обиду.

Статья опровергает предвзятое мнение норманистов о каком-то «привилегированном» положении варягов в славянском обществе. Закон этот, конечно, применялся и в случаях укрытия беглого челядина славянином. Однако у иноземца беглому челядину было легче скрыться, и такие случаи происходили чаще.

11. Аще кто поедеть на чюжемъ коне, не прошавъ его, то положити 3 гривне.

Перевод. 11. Если кто поедет на чужом коне без разрешения его владельца, то должен заплатить последнему 3 гривны.

12. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо портъ, а познаеть въ своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду.

Порт — одежда, кусок ткани (ср. «портной», «портище» — отрезок ткани, «портянки» — обертки под обувь).
Мир — соседская территориальная община, члены которой ведут отдельное хозяйство.

Перевод. 12. Если кто украдет чужого коня, или оружие, или одежду и обнаружит похищенное в своей общине, то получает свое и 3 гривны за обиду.

Статьи 11—12 защищают частную собственность членов «мира».

13. Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: поиди на свод, где еси взялъ; или не поидеть, то поручника за пять днии.

Познает — обнаружит похищенное.
Рци — говори, сказывай (ср. «речи» — говорить, отсюда «речь»).
Поручник — поручитель.
Свод — древний судебный обычай установления подлинного похитителя (вора) чужого имущества в тех случаях, когда тот, у кого было обнаружено похищенное, утверждал, что приобрел чужое добросовестно (например, купил).

Перевод. 13. Если кто обнаружит похищенное у него имущество у другого человека, то не должен самовольно требовать его, говоря при этом «это мое», но пусть скажет: «пойди на свод и укажи, где ты взял это»; если подозреваемый в воровстве не пойдет сразу на свод, то пусть выставит поручителя за себя не позднее пяти дней.

Статья процессуальная, а сам процесс розыска виновного носит следы древнего права: в своде участвуют лишь тяжущиеся стороны: истец и ответчик (который в «Русской Правде» также именуется «истцом»).

14. Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ пред 12 человека (вар.: мужа); да аще будеть обидя не вдаль будетъ, достойно ему свои скотъ, а за обиду 3 гривне.

На друзе — на другом.
Проче (прок) — остаток, остальное, прочее.
Извод — судебное разбирательство спора 12 «мужами», свободными людьми, к которым идут «на извод» истины тяжущиеся,— пережиток древнего «народного суда».
Скот — а) домашние животные; скотина; б) здесь — часть похищенного имущества; в) вообще — богатство, деньги.

Перевод. 14. Если где-нибудь кто потребует от другого остатка похищенного, а тот начнет отпираться [отказываться], то явиться ему [с ответчиком] на разбирательство спора перед 12 мужами; и если они установят, что ответчик виноват, не вернул истцу остатка, то он обязан вернуть его имущество и заплатить ему за обиду 3 гривны.

В практике нередки были случаи, когда часть похищенного за время нахождения его у вора утрачивалась. Закон, предусматривающий возврат «прока», свидетельствует о высоком уровне правовых понятий.

15. Аще кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то къ оному вести, у кого то будеть купилъ, а тои ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мне свои челядинъ а ты своего скота ищи при видоце.

Перевод. 15. Если господин опознает своего [пропавшего] челядина, а подозреваемый в похищении утверждает, что челядин им куплен, то пусть укажет того, у кого он купил; если и этот оправдывается, то пусть ведет к другому, так дойти и до третьего, а если и этот оправдывается, то потерпевший должен сказать ему: «Отдай ты мне своего челядина, а ты своего скота ищи при свидетелях» [покупки].

Здесь производится тот же свод, но при розыске виновного в похищении челядина (а не вещей). Текст говорит о бесправном положении челядина, который приравнивается к скоту, и о том, что покупка и продажа челядинов была обычным явлением.

16. Или холопъ ударить свободна мужа, а бежить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господинъ за нь 12 гривне; а за тымъ, где его налезуть удареныи тои мужь, да бьють его.

Холоп — раб, несвободный человек, здесь, вероятно, подставлен вместо «челядина» по единству понятия.

Хоро́м — дом, строение.

Налезут — встретят.

Пояти — взять.

Перевод. 16. Если холоп ударит свободного мужа и скроется в хороме своего господина, а тот не захочет его выдать, то оставляет холопа у себя и платит оскорбленному 12 гривен; а затем, если где встретит ударенный оскорбителя [холопа], то вправе побить его.

Судьба холопа, как следует из этой статьи, целиком в руках его господина: захочет тот заплатить за провинившегося холопа штраф — холоп избегнет наказания (если, конечно, не попадется потом лицу, которому нанес побои, вне стен хозяйского дома); не захочет — холопа ждет жестокая расправа.

17. А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнетъ хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть приметати, то скотомъ ему заплатити, колико далъ будеть на немъ.

Приметати — подкидывать, подбрасывать.

Перевод. 17. А если [кто-нибудь] сломает копье или щит или [испортит] одежду и пожелает оставить [испорченное] у себя, то должен заплатить владельцу их стоимость. Если же виновный подбросит [испорченное] владельцу, то должен заплатить ему столько, сколько тот заплатил за вещи.

В обоих случаях — чистосердечного признания своей вины и попытки обмануть владельца со стороны виновного — он возмещает полную стоимость испорченного. Во втором случае кроме материального возмещения подразумевается кара за обман.

Глава 2

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО — КИЕВСКАЯ РУСЬ

1. «РУССКАЯ ПРАВДА» ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ

Этот сборник феодальных законов состоит из двух частей: «Суд Ярославль Володимеричь» (годы княжения 1019—1054) и «Устав Володимерь Всеволодовича» (Мономаха, годы княжения 1113—1125). Наряду с характеристикой уже вполне сложившихся феодальных отношений в Киевской Руси памятник дает четкое представление об основных разрядах феодально-зависимых людей, привилегированном положении феодалов — «княжих мужей» и бояр и устройстве их вотчин (владений), об усилении княжеской власти, обострении классовой борьбы. В то же время памятник свидетельствует о довольно высоком уровне развития в Киевской Руси денежного хозяйства, торговли, купеческого и ростовщического капитала, городской жизни.

Извлечения из памятника публикуются по изданию: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения «Русской Правды».— М., 1953.

Во всех случаях, когда без труда можно понять содержание приводимого документа, перевод не дается.

СУД ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМЕРИЧЬ. ПРАВДА РУСЬСКАЯ

О убийстве

3. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищуть, то виревную платити, в чьеи же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривенъ.

Княж муж — княжеский слуга, дружинник, феодал.

Головник — убийца.

Виревная (от слова *вира*) — денежная пеня в пользу князя за убийство свободного человека.

Вервь — соседская территориальная община; производное от слова «веревка», с помощью которой отмеряли участки пахотной земли в пользование членам верви.

Людин — простолюдин, простой свободный сельчанин или горожанин.

Перевод. 3. Если кто убьет княжеского мужа, как разбойник, а [члены верви] убийцу не ищут, то виру за него в размере 80 гривен платить той верви, на земле которой будет обнаружен убитый; в случае убийства людина платить виру [князю] в 40 гривен.

Княжеская власть узурпирует в свою пользу искупительный штраф за убийство в виде виры, который уплачивался раньше только родственникам убитого («головничество»), являясь формой «смягчения кровной мести, вытекающей из родового строя». (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 139.) Наряду с «про-

дажами» (см. ниже) виры были примитивной формой «налога» в пользу «публичной власти» князей. За убийство княжеских мужей назначается двойная вира. Расправа с ними и нежелание членов верви выдать своего общинника-убийцу феодалу говорит об обострении классовой борьбы в Киевской Руси.

5. Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с детми на потокъ и разграбление.

Разбой без свады — предумышленное убийство с захватом чужого имущества. *Поток* (от поточити, заточити) — арест, ссылка.

Перевод. 5. Если кто станет на разбой без повода. Кто же стал на разбой без свады, убил человека умышленно, по-разбойничьи, то люди за него не платят, но должны выдать его с женой и детьми на поток и на разграбление.

6. Аже кто не вложится в дикую веру, тому людье не помогають, но самъ платить.

Дикая вера (вира) — общая, уплачиваемая членами верви вскладчину с рассрочкой на несколько лет, если убийца не обнаружен, а также когда убийца не найден (и не выдан) или совершил непреднамеренное убийство.

Перевод. 6. Если кто [из членов верви] не внесет свою долю в дикую виру, тому люди не должны помогать, но он сам платит.

Другое свидетельство имущественного расслоения внутри верви: не «вкладывались» в дикую виру либо люди состоятельные, либо неимущие. Но здесь видна и кара уклоняющемуся от взноса в интересах обеспечения княжеских доходов.

О княжи муже

9. Аже въ княжи отроци, или в конюсе, или в поваре, то 40 гривенъ.

Перевод. 9. За убийство княжеских отрока, конюха или повара платить 40 гривен.

10. А за тивунъ за огнищныи, и за конюшии, то 80 гривенъ.

Тиун — княжеский или боярский приказчик, управитель; *тиун огнищный* — домоправитель (от *огнище* — очаг, дом); *тиун конюший* — княжеский муж, управляющий табунами и конюшнями князя.

Перевод. 10. За убийство тиуна огнищного или конюшего платить 80 гривен.

11. А в сельскомь тивуне княже или в ратаинемь, то 12 гривенъ. А за рядовича 5 гривенъ. Тако же и за боярескъ.

Сельский (или посельский) *тиун* ведал княжескими (и боярскими) селами и всеми сельскохозяйственными угодьями феодала; *ратайный тиун* (от слова *ратай* — пахарь) — лицо, ведавшее пахотными работами.

Рядович (от *ряд* — договор) — человек, отдавшийся в кабалу по договору с феодалом.

Перевод. 11. А за сельского или пахотного тиуна платить 12 гривен. А за рядовича 5 гривен. Также и за боярских.

12. А за ремественника и за ремественицю, то 12 гривенъ.

13. А за смердии холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

14. А за кормилця 12, тако же и за корми[ли]цю, хотя си буди холопъ, хотя си роба.

Статьи 9—14 характеризуют уже сложившееся ко времени Ярослава Мудрого феодальное хозяйство князей и бояр с его управителями, старостами, тиунами, зависимыми людьми, работающими в хозяйстве.

А се уроци скоту

41. Аже за кобылу (60) кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лоньщину полгривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь, гривна кун, за жеребя 6 ногат; а за коровие молоко 6 ногатъ; то ти уроци смердом, оже платять князю продажю.

Третьяк — двухгодовалое животное.
Лоньшина — годовалое животное.
Ногата — денежная единица, равна 1/20 гривны.
Не вседано — жеребец не объезжен.

Перевод. 41. За украденную кобылу платить 60 кун, за вола — гривну, за корову — 40 кун, за третьяка — 30 кун, за лоньщину — полгривны, за теленка — 5 кун, за свинью — 5 кун, за поросенка — 5 кун, за овцу — 5 кун, за барана — ногату, за необъезженного жеребца — гривну денег, за жеребенка — 6 ногат, а за коровье молоко — 6 ногат; таковы уроки смердам, которые платят князю продажу.

Аже будуть холопи татие, судъ княжъ

42. Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду.

Перевод. 42. Если же ворами окажутся холопы княжеские, или боярские, или монастырские, с которых князь продажи не взыскивает, потому что они люди несвободные, то ответчик должен заплатить потерпевшему двойную цену украденного.

Холопы не имеют имущества и своего хозяйства и крадут скот для своего владельца, который и обязан возместить цену украденного животного в двойном размере (например, за вола 2 гривны, за овцу 10 кун и т. д.), ибо в противном случае вор-холоп оказался бы в более выгодном положении, чем вор-смерд, который платит не только цену животного, но и продажу князю. Закон ограждает не частные, а общие, коренные интересы феодалов.

Аже кто скота взищеть

43. Аже кто взищеть кун на друзе, а он ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а он возметь свое куны; зане же не дал ему кун за много лет, то платити ему за обиду 3 гривны.

Перевод. 43. Если кредитор предъявит иск о денежном долге, а ответчик начнет отпираться, то заимодавец должен выставить (на суде) свидетелей сделки, и если те принесут клятву в пользу кредитора, то он получает свои деньги; должник, не возвра-

щавший деньги в течение многих лет, должен (кроме того) уплатить заимодавцу за обиду 3 гривны.

44. Аже кто купець купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кун не имати, послуси ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнеть запирати.

Гостьба — отъезжая торговля.

Перевод. 44. Если же купец купцу даст деньги на торговлю или гостьбу, то ему (для возвращения долга) свидетели заключения сделки не нужны, а для получения долга, если должник начнет отпираться, достаточно принести клятву.

Коммерческий кредит основывался на доверии, огласка о нарушении этого обычая лишала купца возможности получить в дальнейшем денежную ссуду.

О резе

46. Аже кто даеть куны в рез, или настав в мед, или жито во просоп, то послухи ему ставити, како ся будеть рядил, тако же ему имати.

Резы — проценты.
Настав, просоп — надбавки.

Перевод. 46. Если кто даст другому деньги за проценты, мед или хлеб за надбавку, то сделку следует заключать при свидетелях, и как заимодавец при них договорился с должником, так он и получает.

Эта статья не ограничивает размеры взимаемой заимодавцем прибыли. После восстания 1113 г. в Киеве против ростовщиков Владимир Мономах ввел другой устав о резах.

УСТАВ ВОЛОДИМЕРЬ ВСЕВОЛОДИЧА

48. Володимерь Всеволодичь, по Святополце, созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора Киевьского тысячьского, Прокопью Белогородьского тысячьского, Станислава Переяславльского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и уставили до третьего реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возьметь два реза, то то ему исто; паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти.

Берестово — княжеское село под Киевом (известно с X в.), летняя резиденция и усыпальница киевских князей.
Тысячьский (тысяцкий) — княжеский воевода, предводитель городского ополчения («тысящи»), ведавший в мирное время делами городского управления.
Исто — основная сумма долга ростовщику.

Перевод. 48. [Князь] Владимир Всеволодович [Мономах], после смерти [князя] Святополка, созвал дружину свою в Берестове: Ратибора Киевского тысяцкого, Прокопья Белгородского тысяцкого, Станислава Переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Ивана Чюдиновича боярина [мужа] Олегова [князя черниговского Олега

Святославича], и постановили — брать проценты только до третьего платежа, если заимодавец берет деньги «в треть»; если кто возьмет с должника два [третных] реза, то может взыскать и основную сумму долга; а кто возьмет три реза, тот не должен требовать возвращения основной суммы долга.

Таким образом, если ростовщик дал взаймы 10 гривен, то один «третный рез» равен 5 гривнам. Взяв с должника «два реза» — 10 гривен, кредитор имел право взыскать и основную сумму долга — 10 гривен. Взыскав с должника «три реза» (5 + 5 + 5), ростовщик терял право на взыскание основной суммы долга.

49. Аже кто емлеть по 10 кунъ от лета на гривну, то того не отметати.

Лето — год.

Перевод. 49. Если же [ростовщик] взимает [с должника] по 10 кун за год с гривны, то это не запрещается.

Считая в гривне 50 кун = 20% годовых.

Такие проценты разрешалось брать (в отличие от «третных») без ограничения срока.

К постановлениям Владимира Мономаха и его бояр о резах относятся статьи 47—49, отменявшие правило статьи 46, которая отдавала должника в полную волю ростовщика (как договорились, так и плати). Однако законы Мономаха лишь регулировали размеры и процедуру взыскания процентов, основываясь на обычной практике взыскания весьма высоких процентов.

В средние века «средняя норма прибыли была очень высока», о чем «свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие ставки процента...» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 25.— Ч. II.— С. 477).

50. Аже которыи купець, где любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платить, зане же погуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то тако любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля.

Перевод. 50. Если кто из купцов, торгуя где-либо на чужие деньги, потерпит кораблекрушение, или будет ограблен, или потеряет товар от пожара, то (кредиторам) не насиловать его, не продавать (остатки его имущества), а предоставить ему рассрочку для уплаты долга, потому что он не виноват, погубил товар по воле божьей. Если же он пропьет или проиграет, по своему безумью утратит чужой товар, то поступать по воле его кредиторов, пожелают ли они ждать (уплаты долга), или распродать (остатки его имущества) в свою пользу.

51. Аже кто многим должен будеть, а пришед (гость) из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнеть не дати гост(ю) кун, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи

куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому.

Перевод. 51. Если (купец) много задолжает местным (домашним) купцам, а гость, приехавший с товарами из другого города или чужеземный, не зная об этом, даст ему свои товары и задолжавший не будет возвращать гостю его деньги (или товары), да и прежние кредиторы будут возражать против этого, то повести должника на торг, распродать остатки его имущества и вернуть, прежде всего, его долг гостю, а домашним (купцам) разделить между собой оставшиеся после этого деньги. Если же за должником будут княжеские деньги, то их вернуть в первую очередь, а остаток пустить в раздел; если же кто (из купцов) успел уже раньше получить с должника большие проценты, то он в этом деле не участвует, ничего не получает.

Аже закупъ бежить

52. Аже закупъ бежить от господы, то обель, идеть ли искать кунъ, а явлено ходить, или ко князю или к судиям бежить обиды деля своего господина, то про то не робять его, но дати ему правду.

Закуп — смерд, находящийся в феодальной зависимости от господина за ссуду.
Обель — полный холоп.

Перевод. 52. Если закуп убежит от господина [не расплатившись с ним за ссуду], то становится полным холопом; если же он пойдет искать денег с разрешения господина или побежит к князю и его судьям с жалобой на обиду со стороны своего господина, то за это его нельзя делать холопом, но следует дать ему суд.

Закупничество — ранняя форма феодальной зависимости со следами недавней свободы человека и сохранением за ним некоторых «прав» личности. Сословная неравноправность только еще зарождалась.

53. Аже у господина ролеиныи закуп, а погубить воискии конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господинего отслеть на свое орудье, а погибнеть без него, то того ему не платити.

Купа — а) ссуда феодала закупу; б) совокупность повинностей закупа в пользу господина.
Орудье — работа закупа на феодала или на себя.

Перевод. 53. Если пашенный закуп потеряет военного коня (в походе), то не платит за него (господину); но если (вместе с лошадью) господин дал закупу плуг и борону, за что и получает с него купу, то за их утрату закуп платит; если же господин пошлет закупа на свою работу и (полученное от господина) пропадет не по вине закупа, без него, то за это закуп (господину) не платит.

54. Аже из хлева выведуть, то закупу того не платити; но (о)же погубить на поли, и в двор не вженеть и не затворить, где ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити.

Перевод. 54. Если (воры) украдут скот из (запертого) хлева, то закуп за это не отвечает; но если он погубит (скот) на поле, не загонит его и не закроет там, где ему велит господин, или делая свою работу, то за это он платит (господину).

Вженеть — загонит.
Орудья своя дея — работая на своем участке пашни.

В феодальном хозяйстве (в отличие от капиталистического) необходимый и прибавочный труд «разделены во времени и пространстве», часть дней крестьянин работает «на барина», а часть «на себя». Использование труда закупа — типичная картина эксплуатации непосредственного производителя в феодальном обществе. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 70—72.) Статьи о закупах и смердах опровергают суждения о том, что в Киевской Руси существовал рабовладельческий строй, а главным занятием населения было будто бы не земледелие, а скотоводство (или даже «коневодство»).

55. Аже господин переобидить закупа, а увидит купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун. Паки ли прииметь на немь кун, то опять ему воротити куны, что будеть принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи. Продасть ли господин закупа обель, то наимиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже. Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же в свободнемь платежь, тако же и в закупе.

Отарица — участок земли закупа, урожай с него.
Увидить, прииметь — возьмет больше договоренного.

Перевод. 55. Если господин переобидит закупа, нанесет ущерб его купе или отарице, то (взятое излишне, сверх условия) должен ему все вернуть, а за обиду заплатить 60 кун. Если возьмет с него больше денег (чем условились), то излишне полученные деньги также вернуть закупу и заплатить ему за обиду 3 гривны. Если господин продаст закупа в обельные холопы, тот освобождается от денежного долга господину и господин должен заплатить ему 12 гривен штрафа. Если господин побьет закупа за дело, то он не отвечает за это, если побьет не смысля, пьяным, без всякой (с его стороны) вины, то должен заплатить закупу столько же, сколько (платят) свободному (человеку).

В этой статье видны как натуральная, так и зачатки денежной ренты, пережитки личной свободы закупа, некоторые «уступки» в пользу закупов, вырванные у феодалов, вероятно, участием закупов в народных восстаниях XI—XII вв., при сохранении зависимости закупа от господина.

57. Аже закуп выведеть что, то господин в немь; но оже где и налезуть, то преди заплатить господин его конь или что будеть ино взял, (а) ему холоп обелныи; и паки ли господин не хотети начнеть платити за нь, а продаст и; отдасть же переди или за конь, или за

вол или за товар, что будеть чюжего взял, а прок ему самому взяти собе.

Перевод. 57. Если закуп украдет что-либо, господин может поступить с ним по своей воле: либо, после того как закупа поймают, заплатит (потерпевшему) за коня или иное (имущество) украденное закупом и превращает его в своего холопа; либо, если господин не захочет расплачиваться за закупа, то пусть продаст его и, отдав сначала (потерпевшему) за украденного коня или вола или за товар, остаток берет себе.

Закуп, укравший скот или другое имущество, в любом случае становился холопом своего господина: если тот расплачивался за него, оставляя у себя, или же продавал другому феодалу.

65. Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномь перегородить межю, то 12 гривенъ продажи.

Перевод. 65. Если кто испортит бортную, или перепашет пахотную, или перегородит тыном дворную межу, должен заплатить 12 гривен продажи [князю].

Мед добывали в дуплах деревьев, находившихся в лесу и принадлежавших феодалам как особая ценность, а также в ульях на пасеках (ст. 68, 69). Защита законом границ пахотных участков и дворов — свидетельство того, что главным занятием жителей Киевской Руси было земледелие.

О смерде

71. Аже смердъ мучить смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ.

Перевод. 71. Если смерд подвергнет муке смерда без княжеского суда, то заплатит 3 гривны продажи [князю] и потерпевшему за муку гривну денег.

85. Аже смерд умреть, то задницю князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, не даяти части им.

Задница — наследство, имущество, оставшееся после смерти человека.
Дщери — дочери.

Перевод. 85. Если смерд умрет (не оставив сыновей), то задница идет князю; если после него останутся незамужние дочери, то выделить (часть имущества) им; если же дочери замужние, то им не давать части наследства.

Из текста статьи ясно, что наследником смерда являлся его сын, часть его имущества получали и незамужние дочери. В переходе же выморочного наследства к князю видно стремление последнего расширить свои владения и обеспечить доход с них с помощью другого «тяглеца». На церковных землях выморочные земли также переходили в распоряжение епископов.

О заднице боярьстеи и о дружьнеи

86. Аже в боярех любо в дружине, то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть.

Перевод. 86. Если же умрет боярин или дружинник, то их имущество не идет князю, но если у них не будет сыновей, то наследство получат их дочери.

Владельческие права смердов (и даже в известной степени закупов) ограждались законом в интересах всего класса феодалов и князя как носителя публичной власти. Феодал, указывает В. И. Ленин, «должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 72). Феодалы же, являясь собственниками земли, пользуются правами-привилегиями, в том числе правом передачи своего имущества не только сыновьям, но и дочерям.

О холопьстве

102. Холопьство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дасть перед самем холопом.

Перевод. 102. Холопство обельное троякого вида: если кто купит (поступающего в холопы) до полгривны в присутствии свидетелей (сделки) и ногату (княжескому судье) заплатит перед самим холопом.

103. А второе холопьство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом то како ся будеть рядил, на том же стоить.

Перевод. 103. А второе холопство: кто женится на рабе без договора (с ее владельцем), а если с договором (рядом), то как договорились, так и будет.

104. А се третьее холопьство: тивуньство без ряду или привяжеть ключ к собе без ряду; с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же стоить.

Перевод. 104. А вот третье холопство: кто поступит в тиуны или в ключники (господина) без договора с ним, если же с договором, на том и стоять.

105. А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатьце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть.

Дача — здесь: ссуда хлебом, семенами, инвентарем или скотом, вместе с «придатком» составляли «милость», которую получивший ее должен был отрабатывать.

Перевод. 105. А за ссуду хлебом с любым придатком человек не становится холопом, но если он не отработает долга (в течение условленного срока), то обязан возвратить полученное; если же отработает, то ничем больше не обязан.

Статьи 102—104 о холопах, в отличие от статей 52, 57, где говорится о насильной продаже в холопы беглого закупа или закупа-вора, перечисляют законные основания и процедуру «добровольного» поступления в холопы разорившихся смердов или горожан. «Русская Правда» назначала цену за холопа в 5, а за рабу в 6 гривен. Цена же раба-пленного, считавшегося военной добычей, законом не регламентировалась и устанавливалась по соглашению продавца и покупателя. Рабов-пленных не только продавали, но и дарили. Князь Игорь, «утвердив мир с греки», отпустил византийских послов и одарил их «скорою и челядью и воском».

Говоря о холопах древней Руси, следует иметь в виду важное положение Ф. Энгель-

са о том, что «крепостное право раннего средневековья» сохраняло в себе «много черт древнего рабства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 339).

То, что главной массой непосредственных производителей в Киевской Руси являлись не холопы, а смерды и закупы, видно из того, что «Русская Правда» ограничивала источники холопства определенными видами, допускала возможность заключения ими «ряда» (договора) с господином, наконец, запрещала холопить людей вообще за простую ссуду (ст. 105).

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ X—XIII вв.

Превращение ранее свободных крестьян-общинников в феодально-зависимых происходило в ходе разграбления «почти всей крестьянской земли... произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии территориальной власти»; «вечные войны королей и междоусобицы знати вынуждали свободных крестьян, одного за другим, искать себе покровителя. С другой стороны, алчность той же знати и церкви ускоряла этот процесс; хитростью, обещаниями, угрозами, силой они подчиняли своей власти еще больше крестьян и крестьянских земель. Как в том, так и в другом случае крестьянская земля превращалась в господскую и, самое большее, вновь передавалась крестьянам в пользование за оброк и барщину. Крестьянин же из свободного землевладельца превращался в зависимого, обязанного платить оброк и отбывать барщину, или даже в крепостного» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 337—338).

В целом эти положения Ф. Энгельса приложимы и к процессу становления феодальных отношений в Киевской Руси. В. И. Ленин указывал, что «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен «Русской Правды...», с тех же времен «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда»)» шли в кабалу к помещикам-феодалам (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 314; Т. 15.— С. 131).

Летописи называют свыше двухсот «городов», возникших в эти столетия, большинство которых представляло собой княжеские и боярские укрепленные «городки» — усадьбы с прилегающими к ним селами и волостями, куда князья ходили в «полюдье», где вирники собирали виры и продажи, откуда крестьяне везли светским духовным феодалам свои «повозы» с продуктами своего труда. Ниже приводятся фрагменты из летописи о княжеских и церковных владениях, разорении половцами принадлежащих им городов и сел (ПСРЛ.— Т. I.— Стб. 118, 124, 152—153, 207—209, 222, 232, 238, 349, 358, 362—363, 429; Т. II. Ипатьевская летопись.— Стб. 327—334, 490—491).

987 г. Князь Владимир, крестив Русь, «повелел строить церкви и ставить по местам, где стояли кумиры, и поставил церковь св. Василья на холме, где стоял кумир Перуна и прочих [языческих богов]... и начал ставить по градам [другие] церкви и попов, и людей на крещенье приводить по всем городам и селам...»

996 г. После освящения церкви св. Богородицы в Киеве, князь Владимир так сказал: «даю церкви сей от имения моего и от городов моих десятую часть [доходов], и написав [в грамоте] **клятву** [об этом], положил ее в церкви со словами: если кто это [повеление] нарушит, да будет проклят...»

1037 г. «Заложил [князь] Ярослав [в Киеве] город великий с Золотыми воротами и церковь митрополичью св. Софии, а после того церковь на Золотых воротах св. Богородицы Благовещенья, затем монастыри св. Георгия и св. Ирины, и при них начала вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы [монахи] начали умножаться и монастыри стали строиться... и другие церкви он ста-

вил по градам и [другим] местам, поставляя в них попов и давая им от имения своего доходы».

1086 г. Князь Ярополк «десятину давал св. Богородице от всего своего имения повсегодно...»

1089 г. «В этом году освящена была церковь св. Михаила [Переяславская] Ефремом митрополитом... и [он] устроил ее великими постройками, украсил ее всякою красотою, церковными сосудами. Этот Ефрем воздвиг [в Переяславе] много [других] зданий, окончив церковь св. Михаила, заложил [еще] церковь на городских воротах во имя св. мученика Феодора, затем [церковь] св. Андрея около церкви от ворот, и строенье банное [каменное], чего не было прежде на Руси, и город заложил каменный...»

1096 г. Князь Мстислав после похода «распустил [свою] дружину по селам».

1158 г. Князь Андрей [Боголюбский] «церкви различные поставил и монастыри многие создал... кормилец он был чернцам и черницам». «Заложил князь Андрей во Владимире церковь каменную св. Богородицы... и дал ей много имения и слободы купленные с данями, и села прекрасные, и десятину от своих стад и от торгов...»

1093 г. После нашествия половцев «опустели села наши и города наши». **1152 г.** Половцы в Киевской земле «монастыри разорили и села пожгли и огороды уничтожили». **1154 г.** половцы «много зла сотворили, пожгли все села». **1169 г.** половцы, напав на Киевскую землю, «взяли села со всеми людьми, с мужчинами и с женщинами, коней и скот и овец [вместе с людьми] погнали к себе в половцы». **1171 г.** «В ту же зиму пришли половцы на Киевскую сторону и взяли множество сел за Киевом с людьми и скотом и с конями». **1210 г.** Пришли половцы к Переяславлю «и повоевали многие села».

1146 г. Во время усобицы между князьями Изяслав, выйдя из Киева со своей дружиной, «стал в селе Мельтекове и оттуда, послав [своих дружинников], захватил [стада] Игоря и Святослава... кобыл стадных 3 тысячи, коней тысячу»; после этого он «пошел на село Игоря, где тот устроил двор добрый, было там много готового [провианта] в амбарах, и в погребе вина и меда, и всякого тяжелого товара, железа и меди, столько всего, что не могли и вывезти такого множества... и потом повелел сжечь двор его (Игоря) и церковь св. Георгия, и гумно его, в котором было 9 сот стогов». Затем, заняв Путивль, разграбил двор Святослава и «разделил на 4 части его казну и амбары, в которых было столько добра, что нельзя было его и вывезти, в погребах было 500 берковцев[1] меду, а вина 80 корчаг... и не оставил ничего княжеского, но все разделил, [в том числе] и челяди[2] сот (человек)».

[1] *Берковец* равен 10 пудам; пуд равен 16,380 кг.

[2] Здесь «челядь» — это все зависимые люди князя Святослава.

ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Извлечения публикуются по изданию: Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV в. / Под ред. академика М. Н. Тихомирова.— М., 1960.— С. 175—177, 192—193.

2. КРЕЩЕНИЕ РУСИ

В 988 году. Пошел Владимир с воинами на Корсунь[1], город греческий, и заперлись корсуняне в городе. И остановился Владимир на другой стороне города у залива на расстоянии полета стрелы от города... Изнемогали в городе люди, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, буду стоять больше 3 лет»... По совету корсунянина Анастаса Владимир перекрыл воду, которая шла по трубе в город. Владимир, услыхав это, взглянул на небо и сказал: «Если это сбудется, крещусь сам». Тотчас велел копать поперек труб и перехватил воду. Люди изнемогли от жажды и сдались... Владимир потребовал от императоров Византии выдать за него замуж их сестру Анну, согласившись принять христианство. ...Епископ Корсунский с попами царицы объявил о крещении и крестил Владимира. Дружина его видела это, и многие крестились... После крещения привели царицу к венцу. Одни, не знающие истины, говорят, что Владимир крестился в Киеве, другие — в Василеве[2], третьи же иначе говорят...

Владимир пришел в Киев; тотчас велел ниспровергнуть кумиры — одни изрубить, а другие предать огню. А Перуна повелел привязать к хвосту коня и стащить с горы по Боричеву въезду в ручей [Почайну] и приставил 12 мужей толкать Перуна шестами... Когда влекли Перуна по ручью к Днепру, верующие люди оплакивали его...

После этого Владимир послал по всему городу со словами: «Кого не окажется завтра на реке, богатого ли, убогого ли, нищего или раба, тот идет против меня».

Владимир повелел строить церкви и ставить в тех местах, где стояли кумиры. Церковь св. Василия поставил на холме, где стоял кумир Перуна и другие церкви, где приносили жертвы князь и люди. И начал Владимир ставить по городам церкви и попов, а людей заставлял креститься по всем городам и селам. И стал брать у нарочитых [знатных] людей их детей и отдавать их в книжное учение. А матери плакали по ним, как по мертвым...

[1] *Корсунь* — греческий город Херсонес в Крыму.
[2] *Василев* — город на реке Стугне, правом притоке Днепра, южнее Киева.

3. ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Во имя отца и сына и святого духа. Вот я, князь великий Василий[1], называемый Владимир, сын Святослава, внук Игоря и блаженной Ольги, воспринял святое крещенье от греческих царей Константина и Василия и Фотия патриарха[2] и взял первого митрополита Михаила на Киев и на всю Русь, который крестил всю землю Русскую.

И за тем, годами минувшими, создал церковь святую Богородицы и дал десятину к ней по всей земле Русского княжения и от всякого суда десятый грош[3], а из торга десятую неделю[4] и из домов на всякий год десятое всякого стада и всякого имущества.

И после того посмотрел в греческий Номоканон[5] и нашел в нем, что не подобает этих судов[6] судить и тяжб князю и боярам его, ни его судьям. И посоветовался я со своей Княгиней Анной[7] и со своими детьми и дал святой Богородице и митрополиту и всем епископам... А кто посягнет на мое пожалование, с тем будет мне суд перед богом, а митрополиту проклинать его [церковным] собором... .

А вот митрополичьи люди церковные: игумен, игуменья, поп, попадья, попович, чернец, черница, дьякон, жена дьякона, просвирница, пономарь, вдова, калика, сторонник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дьяк и все причетники церковные. Если кто [из них] совершит преступление, то судить тех митрополиту и епископам, кроме мирян.

[1] *Василий* — такое имя принял князь Владимир при крещении.

[2] *Константин IX и Василий II Болгаробойца* — византийские императоры, правили совместно с 976 по 1025 г. *Фотий* — патриарх Константинопольский.

[3] *Десятый грош* — пошлина с каждого судебного дела.

[4] *Десятая неделя* — торговые пошлины в каждую десятую неделю происходящих торгов.

[5] *Номоканон, Кормчая книга* — сборники канонов и правил православной церкви и Византийской империи.

[6] *Этих судов* — ниже перечислены судебные дела и тяжбы, подлежащие церковному суду: разводы, нарушения супружеской верности, похищение (умыкание) девушки для брака, а также колдовство, наговоры, оскорбление словом и ударами, тяжбы о наследстве.

[7] *Княгиня Анна* — жена Владимира, греческая царевна, сестра императоров Константина и Василия.

ВОЙНЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИЕВСКОЙ РУСИ

Объединяя славянские и другие племена в единое государство, облагая их данью «от плуга» (ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 81—82), киевские князья совершали походы в Волжско-Камскую Булгарию, на Северный Кавказ, на Дунай и в Византию. В результате походов князей Олега и Игоря на Константинополь в 911 и 944 гг. были заключены первые международные договоры Руси с греками, определившие равноправные условия торговли между двумя государствами. В 60—70-х гг. X в. князь Святослав Игоревич подчинил Киеву волжско-камских болгар и мордовские племена на Волге, разгромил Хазарский каганат, взимавший до того дань с некоторых славянских племен, воевал с Византией, проявив качества выдающегося полководца. Внешнеполитические условия древнерусского государства характеризовались вековой борьбой с нашествиями воинственных кочевых народов (в X в.— печенегов, с середины XI в.— половцев), проникавших в черноморские степи из глубин Азии. Поэтому на Руси в войнах участвовали не только княжеские дружины, но также крестьяне и горожане, мирные жители — «вои».

Извлечения из летописи (в переводе) публикуются по изданию: ПСРЛ.— Л., 1926.— Т. I.— Стб. 65—67, 122—124, 127—129, 218—231. Извлечения из договора с Византией (в переводе) публикуются по изданию: Памятники русского права.— М., 1952.— Т. I.— С. 35—41.

4. ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

В лето 964. Когда князь Святослав вырос и возмужал, начал он воев собирать многих и храбрых; ходя легко, как барс, вел он многие войны. В походах не возил за собой обозов, ни котлов, не варил мяса, но тонко нарезав конину ли, или зверину, или говядину, жарил ее на углях и ел. Не имел он [походного] шатра, но [спал] постелив подклад и [положив] седло в головах. Таковы были и другие его вои. [Перед началом похода] он посылал послов к странам, говоря: «Хочу итти на вас». И пошел на Оку-реку и на Волгу и, встретив вятичей, сказал вятичам: «Кому вы дань даете?» Они же сказали: «Хазарам по шлягу[1] и от рала даем».

В лето 965. Пошел Святослав на хазар. Услышав об этом, хазары вышли [ему] навстречу с князем своим Каганом и сошлись биться. И в битве одолел Святослав хазар и взял город их Белую Вежу; [после этого он] Ясов победил и Касогов[2].

В лето 966. Вятичей победил Святослав и дань на них наложил.

В лето 967. Пошел Святослав на Дунай и на болгар, и бились те и другие, и одолел Святослав болгар, и взял 80 городов по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, дань взимая с греков.

[1] *Шляг* — монета.
[2] *Ясы* и *касоги* — народы, жившие на Северном Кавказе.

Осада печенегами Киева. Подвиг юноши

В лето 968. Пришли печенеги впервые на Русскую землю, а Святослав был в Переяславце, и затворилась [княгиня] Ольга с внуками своими, Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И обступили печенеги город в силе великой, бесчисленное множество их около города, и нельзя было из города выйти, ни ве́сти [князю] послать. Изнемогали люди от голода и жажды. Собрались люди на другой стороне Днепра в лодках. Они стояли на другой стороне, и нельзя было ни одному из них войти в Киев, ни из города [выйти] к ним. И закручинились люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто мог бы на ту сторону дойти и сказать им: если кто не придет к нам утром [на выручку], придется нам сдаться печенегам». И сказал один юноша: «Я перейду». И сказали [киевляне]: «Иди». Он же вышел из города с уздою и бежал среди печенегов, говоря: «Не видел ли кто [моего] коня?» Он умел говорить по-печенежски, и они приняли его за своего. И как [юноша] приблизился к реке, скинул [с себя] одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги устремились за ним и стреляли в него (из луков.— *Ред.*), но не могли с ним ничего сделать. Они же (стоявшие на другом берегу Днепра киевляне.— *Ред.*), увидев с другой стороны [происходящее], приехали в лодке навстречу к нему и взяли его в лодку и привезли его к дружине. И сказал им [юноша]: «Если не придете завтра [на выручку] к городу, хотят люди сдаться печенегам». Тогда сказал воевода их по имени Претич: «Подступим завтра в лодках [к Киеву]

и, взяв княгиню и княжичей, умчим на эту сторону, если же так не сделаем, то погубит нас Святослав». И заутро, сев в лодку на рассвете и громко затрубили, а люди в городе [Киеве] закричали. Печенеги же, думая, что князь [Святослав] пришел, побегли розно от города. И вышла Ольга с внуками и с людьми к лодке. Увидев это, князь печенежский один возвратился к воеводе Претичу и сказал: «Кто это пришел?» И сказал ему [Претич]: «Лодка с другой стороны». И сказал князь печенежский: «А ты князь ли?» Он же ответил: «Я муж [дружинник] его и пришел в стороже[1], а за мною идет полк с [самим] князем, [с ним войско] безчисла множество». Так сказал он, угрожая им [печенегам]. И тогда сказал печенежский князь Претичу: «Будь мне другом». Он же сказал: «Так сделаю». И подали они (в знак мира.— *Ред.*) руки друг другу, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю, стрелы, он же дал ему броню [доспехи], щит и меч. И отступили печенеги от города, [а было их столько], что нельзя было коня напоить [киевлянам], на [самой реке] Лебеди стояли печенеги[2].

[1] *В стороже* — в сторожевом полку, который шел впереди войск.
[2] Подвигу безвестного юноши посвящено одно из произведений выдающегося русского скульптора М. М. Антокольского (1843—1902) — «Юноша с уздечкой».

«Не посрамим землю Русскую»

В лето 971. Пришел Святослав в Переяславец (на Дунае.— *Ред.*), и затворились болгары в городе и вылезли на сечу против Святослава, и была битва велика, и одолевали болгары. И сказал Святослав воям своим: «Уже нам здесь пасть, потягаемся мужественно, братья и дружина». И к вечеру одолел Святослав и взял город копьем [приступом]. И послал к грекам [послов], говоря: «Хочу на вас итти и взять город ваш, как и этот». И сказали греки: «Мы не можем против вас устоять, но возьми дань с нас и на дружину свою и скажите нам, сколько вас, и дадим по числу на головы». Так сказали греки, желая обмануть Русь [ибо греки лукавы и до сего дня]. И сказал им Святослав: «Есть нас 20 тысяч», и прибавил 10 тысяч — было Руси только 10 тысяч [человек]. И собрали греки против Святослава 100 тысяч [воинов] и не дали дани. И пошел Святослав на греков, а те вышли против Руси. Увидев это, Русь убоялась большого множества воинов. И сказал Святослав: «Уже нам некуда деться, волей или неволей должны мы стать против, да не посрамим землю Русскую, но ляжем костьми здесь, мертвые ведь позора не знают, если же побежим, то примем позор и не спасемся; но станем крепко, я же пойду впереди вас, и если погибну, то сами помыслите о себе». И сказали вои: «Где твоя голова ляжет, тут и мы свои головы сложим». И построила полки Русь, и была великая битва, и одолел Святослав, и побежали греки... Заключив мир с греками, Святослав пошел в лодках к порогам, и сказал ему воевода отцовский Свенельд: «Пойди, княже, на конях стороною, ведь стоят печенеги в по-

рогах». И не послушал его [Святослав], пошел в лодках. Услышав это, печенеги преградили путь через пороги, и пришел Святослав к порогам, и нельзя было пройти пороги, и остался он зимовать в Белобережье, и не было у них пищи, и был большой голод, так что голова конская стоила полгривны. И зимовал Святослав тут.

Когда же наступила весна. **В лето 972.** Пошел Святослав в пороги, и напал на него Куря, князь печенежский, и убил Святослава и, взял голову его, из черепа его сделал чашу, оковавши ее, и пил из нее. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку...

Подвиг кожемяки

В лето 992. Ходил [князь] Владимир на хорватов, а когда вернулся с войны хорватской, и вот уже печенеги пришли [на Русь] по той стороне [реки] Сулы. Владимир же пошел против них и встретил их на Трубеже, на броде, где ныне [город] Переяславль. И встал Владимир [с войском] на этой, а печенеги на той стороне. И не осмеливались ни эти перейти на ту сторону, ни те на эту сторону [реки]. И приехал князь печенежский к реке, позвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего богатыря, а я [выставлю] своего, пусть поборятся, и если твой победит моего, не будем воевать три года, если же наш победит, будем воевать три года». И на этом разошлись. Владимир же, придя в свой лагерь, послал глашатая по лагерю со словами: «Нет ли такого храбреца, который поборолся бы с печенежином?» И не нашлось никого нигде. Назавтра же приехали печенеги и привели своего богатыря, а у наших не было [такого]. И затужил Владимир, посылая гонцов по всем воям. И тогда пришел к князю один старик и сказал ему: «Княже, есть у меня один сын младший дома, а с четырьмя я вышел [в поход], а он остался дома. С детства никто не мог его побороть. А однажды, когда я его побранил, а он в то время разминал сыромятную кожу, так он, разгневавшись на меня, разорвал кожу руками пополам». Услышав это, князь обрадовался и послал за ним, и привели его к князю, и князь поведал ему обо всем. Тот же сказал: «Княже, не знаю, смогу ли я [победить печенега], надо испытать меня; нет ли тут быка великого и сильного?» И нашли быка великого и сильного и велели раздразнить быка, приложив к нему железо горячее, и отпустили его. И побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок и вырвал [у него] кожу с мясом, сколько рука его захватила. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним побороться». И назавтра пришли печенеги и начали звать, нет ли вашего богатыря, а наш уже готов. Владимир же повелел той ночью надеть [на своего богатыря] доспехи, и выступили оба [друг против друга]. Выпустили печенеги своего богатыря, и был он превелик очень и страшен. И выступил богатырь Владимира и увидев его, печенег засмеялся: был он среднего роста. И размерили поле между двумя войсками, напустились противники друг на друга и схватились крепко, и удавил [кожемяка] печенега в своих руках до смерти, и бросил его на землю, и воскликнул. И тогда пече-

неги побежали, и Русь погналась за ними, поражая [оружием], и прогнали их. Владимир же, радуясь, заложил город на броде том и назвал его «Переяславль», потому что отнял отрок тот славу [печенегов]. Владимир же сделал отрока того и отца его великими мужами. Владимир же возвратился в Киев с победой и со славой великой.

5. ДОГОВОР РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ. 911 г.

В лето 6420. Послал Олег мужей своих установить мир и заключить договор между греками и Русью... Мы от рода Русского (следует перечень имен), посланные от Олега, великого князя Русского, и от всех подвластных ему светлых бояр к вам, Льву, Александру и Константину, божьей милостью великим самодержцам, цесарям греческим, для подтверждения и укрепления существующей уже много лет дружбы между Христианами и Русью, согласно желанию и повелению наших князей и всей подвластной им Руси... Прежде всего заключим с вами, греками, мир и станем дружить друг с другом всей душой и не допустим, по нашему общему стремлению, никакого беспорядка или обиды... Если же убьет Русин Христианина или Христианин Русина — пусть умрет там, где совершил убийство. Если же убийца скроется, а окажется имущим, то ту часть имущества, которая принадлежит ему по закону, пусть возьмет близкий родственник убитого... Если кто ударит другого мечом или каким-либо другим орудием, то пусть за тот удар или избиение заплатит потерпевшему 5 литров серебра по закону Русскому... Если Русин Христианину или Христианин Русину нанесет какое-либо мучение и насильно захватит чужое имущество, и это будет доказано, то пусть виновный возместит убытки потерпевшему в тройном размере. Если ладья сильным ветром будет выброшена на чужую землю и будет обнаружена кем-либо из Руси, то они будут охранять ее с ее снаряжением и товарами и отошлют ее в землю Христианскую... Также если случится несчастье с ладьей Русской около земли Греческой, (мы) проводим ее в Русскую землю... Если пленник, удерживаемый любой из сторон, Русью или Греками, будет продан в иную страну и будет обнаружен Русином или Гречином (соотечественником пленного), то дозволяется его выкупить и возвратить выкупленного в свою страну... Если челядин Русский будет украден или убежит или будет насильно продан и Русь на это пожалуется и это будет подтверждено челядином то пусть Русь возьмет его... О находящихся на службе в Греках у христианского цесаря людей из Руси. Если кто из них умрет, не оставив завещания о своем имуществе, а своих (родственников) здесь у него не будет, то пусть его имение возвратят ближним родичам на Русь. Если же он сделает завещание, то пусть его имущество возьмет тот, кому он его завещал, и наследует его...

Цесарь же Леон почтил послов Русских дарами, золотом, шелками и драгоценными тканями... И так отпустил их в свою землю с честью великой...

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ

Летописи обычно очень глухо упоминают о фактах классовой борьбы. Только о крупных восстаниях, особенно напугавших феодалов, летописец сообщает более подробно.

Извлечения из летописи (в переводе) публикуются по изданиям: ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 167—181. О восстании 1113 г.: Повесть временных лет.— М., 1950.— Ч. 1.— С. 196.

6. КИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1068 г.

В лето 1068. Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцы многие. Изяслав же и Святослав и Всеволод вышли против них на [реку] Альту. И с наступлением ночи они пошли друг на друга. За грехи наши напустил бог на нас поганых, и побежали русские князья, и победили половцы... Когда Изяслав с Мстиславом бежали в Киев, а Святослав в Чернигов, люди киевские (участвовавшие в походе князей.— *Ред.*) прибежали в Киев и собрали вече на торгу и, послав к князю, сказали ему: «Вот, половцы рассыпались по всей земле, дай нам, князь, оружие и коней, мы еще побьемся с ними». Изяслав же этого не послушал. И начали люди укорять воеводу Коснячко; пошли прямо с веча на гору, и пришли на двор Коснячков, и не найдя его, остановились около двора Брячислава[1] и сказали: «Пойдем, освободим дружину свою из погреба» [тюрьмы][2]. И разделились надвое: половина их пошла к погребу, а половина их пошла по мосту, эти и пришли на княжеский двор. В то время как Изяслав, сидя в сенях (княжеского дворца.— *Ред.*), совещался со своей дружиной, пришедшие, остановившись внизу, начали спорить с князем. Когда же Изяслав смотрел из оконца, а дружина стояла около князя, сказал Тукы, брат Чюдина[3], Изяславу: «Видишь, князь, люди взвыли, пошли постеречь Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей [киевлян] пришла от погреба, отворив погреб (с арестованными.— *Ред.*) . И сказала дружина князю: «Это зло есть; пошли ко Всеславу, пусть, призвав его к оконцу обманом, пронзят его мечом». И не послушал этого князь. Люди же закричали и пошли к порубу [тюрьме], где сидел Всеслав. Увидев это, Изяслав вместе со Всеволодом, побежал с двора. Люди же освободили Всеслава из поруба в 15 день сентября и прославили[4] его среди княжеского двора. Двор же княжеский разграбили, [захватив] бесчисленное множество золота и серебра, деньгами и драгоценностями. Изяслав же бежал в Польшу... Всеслав же сидел [князем] в Киеве...

В лето 1069. Пошел Изяслав с Болеславом[5]... а перед собою послал в Киев сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав казнил 70 человек киевлян — [простой] чади, освободивших Всеслава из тюрьмы, а других ослепил, других же безвинно умертвил, не расследовав [дела]. Когда же Изяслав приближался к городу, вышли киевляне с поклоном встречать его и приняли князя своего... Изяслав же перевел торг [с Подола] на гору и прогнал Всеслава из Полоцка и посадил [князем] в Полоцке сына своего Мстислава;

он же вскоре умер там. И посадил [Изяслав] вместо него брата своего Святополка. Всеслав же бежал...

[1] *Брячислав* — полоцкий князь, сын которого, *Всеслав,* находился в это время в заточении (в «порубе») у киевских князей.

[2] Очевидно, зачинщики восстания были посажены в тюрьму в самом его начале.

[3] *Тукы,*— брат Чюдина — княжеские мужи, происходившие, по-видимому, из знати племени чудь, жившего около Варяжского моря и платившего дань Руси.

[4] *Прославили* — провозгласили своим князем.

[5] *Болеслав II Смелый* — король польский, союзник и родственник (племянник) князя Изяслава.

7. ВОССТАНИЕ СМЕРДОВ В РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛЕ. 1071 г.

В лето 1071. Был тогда голод в Ростовской области, и пришли туда два волхва[1] из Ярославля, говоря: «Мы знаем, кто прячет изобилье». И пошли они по Волге, и где приходили в погосты, тут же обличали лучших жен, говоря: «Эта прячет жито (хлеб), а эта мед, а эта рыбу, а эта меха»... И убивали многих женщин, а имущество их отнимали себе. И так пришли на Белоозеро, и было с ними иных людей 300. В это же время случилось прийти туда Яну Вышатичу[2], посланному Святославом собирать дань. И поведали ему белозерцы: «Эти два кудесника перебили уже много женщин по Волге и по Шексне и пришли сюда». Ян же спросив, чьи это смерды, и узнав, что (они) его князя, послал к ним, стоявшим около волхвов, и сказал им: «Выдайте волхвов, потому что они смерды мои и моего князя». Они же этого не послушали... Ян же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас и целый год». Белозерцы же пошли, схватили их и привели к Яну... И сказал Ян повозникам[3]: «У кого из вас кто из родственников убит от этих?» Они же сказали: «Мне мать, другому сестра, иному дети». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, поймав, убили их, и повесили на дубе...

[1] *Волхвы* — языческие жрецы.

[2] *Ян Вышатич* — воевода князя Святослава.

[3] *Повозники* — провожатые обоза с данью, собранной Яном Вышатичем.

8. НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В КИЕВЕ. 1113 г.

Преставился благоверный князь Михаил, которого звали Святополком[1], апреля 16... Княгиня же его щедро наделила монастыри, и попов, и убогих на удивление всем людям... На другой же день, 17 апреля, киевляне устроили совет[2], послали к Владимиру (Мономаху), говоря «Пойди, князь, на стол отцовский и дедовский». Услышав это, Владимир много плакал и не пошел (в Киев), горюя по брате Киевляне же разграбили двор Путяты тысяцкого, напали на иудеев, разграбили их имущество. И послали киевляне к Владимиру, говоря: «Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор или сотских, или иудеев пограбят, а еще нападут на невестку твою и на бояр, и на монастыри,

и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри». Услышав это, Владимир отправился в Киев...

[1] Святополк княжил в Киеве в 1093—1113 гг.
[2] *Устроили совет* — с целью предупредить назревавшее в городе народное восстание.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

К преданиям и свидетельствам летописи о борьбе с внешними врагами и княжеских усобицах тесно примыкают героические былины и литературные памятники Киевской Руси — «Поучение Владимира Мономаха своим детям» и «Слово о полку Игореве». В первых, как и в преданиях, записанных летописцем, отразились народные взгляды на события старины, во вторых — взгляды представителей господствующего класса. Высокую оценку «Слову о полку Игореве» дал К. Маркс: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 29.— С. 16).

Извлечения публикуются по изданиям: Былины.— Л., 1950.— С. 75, 90—110, 172—178; Злато слово. Слово о походе Игоревом.— М., 1986.— С. 29, 41, 45, 53—59; ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 240—255.

9. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Рассердился Илья да поразгневался
Выходил он на широкий двор,
Тугой лук разрывчатый натягивал.
Калены стрелы да он налаживал;
Он начал по городу похаживать,
На божьи церкви да он постреливать,
А с церквей-то он кресты повыломал,
Золоты он маковки повыстрелил,
С колоколов языки-то он повыдергал
...Закричал-то он да громким голосом:
Во том во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Пированьице да был почестен пир.
Зазывал Владимир стольно-киевский
А князей бояр он киевских,
Да всех русских могучих богатырей,
Поляниц-то[1] он всех удалыих,
Не позвал Владимир стольно-киевский
А старого казака Илью Муромца
А на тот ли на почестен пир.

...Собирайтесь, мещане вы стрелецкие.
Мужички, собирайтесь, деревенские,
Вы лапотники да балахонники,
Что мужчины, то и женщины,

Приходите-тка к Илье да на почетный пир,
Кормить-то я вас буду досыта,
А поить-то буду я вас допьяна...

[1] *Поляница* (от *поле, полевать*) — отряды наездников, охранявшие в степи границы Русской земли.

10. ИЗ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замышлению Бояна[1]...
Были века Трояна[2],
минули годы Ярославовы[3];
были походы Олеговы,
Олега Святославича[4].
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял...
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли,
трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу...
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:
«Это мое, и то мое же».
И стали князья про малое
«это великое» говорить
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую...
Великий князь Всеволод![5]
Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий золотой стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шеломами вылить!..

[1] *Боян* — в поэме «соловей старого времени», по вновь открытой надписи на стене Софийского собора в Киеве о продаже «земли Бояней» предположительно жил в XI в.

[2] *Века Трояна* — по различным версиям ученых «загадочный Троян» — это либо Боян, либо римский император Марк Ульпий Траян (98—117), либо славянское божество (языческое).

[3] *Годы Ярославовы* — киевского князя Ярослава Мудрого (ок. 987—1054).

[4] *Олег Святославич* — он же ниже Гориславич — наводил «поганых» на «Русь-кую землю», предводительствовал половцами.

[5] *Всеволод* — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), великий князь владимирский и ростово-суздальский.

11. ИЗ «ПОУЧЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА СВОИМ ДЕТЯМ»

...В дому своем не ленитесь, но сами смотрите за всем; не полагайтесь ни на тиуна, ни на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. Выйдя на войну, не ленитесь, не надейтесь на воевод, не угождайте питью, ни еде, ни спанью; стражу сами расставляйте, и ночью, везде расставив караулы, около воинов ложитесь, а вставайте рано; да оружие не снимай-

те с себя второпях, не оглядевшись из-за лени — от этого внезапно человек погибает. Остерегайтесь лжи и пьянства — от этого погибает душа и тело. Куда не пойдете по своим землям, не позволяйте ни своим, ни чужим отрокам пакости делать ни в селах, ни в полях, чтобы не начали вас проклинать. А куда ни пойдете, где ни остановитесь, везде напойте и накормите просящего. Больше всего чтите гостей, откуда бы он к вам ни пришел — простой ли человек, или знатный, или посол — если не можете одарить его, то угостите едой и питьем. Эти люди, ходя по разным землям, прославят человека или добрым, или злым. Больного посетите, мертвого пойдите проводить, ведь все мы смертны. Не проходите мимо человека, не приветив его добрым словом... Что знаете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь, как мой отец[1]: он, дома сидя, изучил пять языков. За это отдают честь [уважают] и в других землях. А леность — мать всему дурному, [ленивый] что и знает, то забудет, а чего не знает, тому не учится; вы же, поступая хорошо, не ленитесь ни на что доброе...

...Всех моих походов больших было 83, а остальных малых и не упомню. С половецкими князьями заключал я мир 19 раз при отце и после отца, отдавая при этом много имущества и многие одежды свои. На волю из плена [«из оков»] отпустил я знатных половецких князей: двух братьев Шарукана, трех Багубарсовых и четверых Овчины, а всех знатных князей до 100... А вот как трудился и я на охотах... В Чернигове это делал: коней диких своими руками в пущах живыми вязал по 10 и по 20, а кроме того, когда по Роси ездил, своими руками ловил тех же коней диких. Два тура[2] метали меня на рогах и с конем, один олень меня бодал, а два лося — один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь[3] у меня на бедре меч сорвал. Медведь мне около колена подклад откусил. Лютый зверь вскочил мне на бедра и коня вместе со мною повалил. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня я много раз падал, голову себе разбивал дважды, повредил свои руки и ноги, в юности своей вредил, не храня своей жизни и не щадя головы своей.

Что должен был делать отрок мой, то я сам делал на войне и на охотах, ночью и днем, в летний зной и в зимнюю стужу, не давая себе покоя, не надеясь на своих посадников, ни на биричей, сам все делал, что было надобно: весь порядок в дому своем сам устанавливал, и в охотах охотничий порядок сам содержал: и в конях, и в соколах, и в ястребах также...

[1] Отец Владимира Мономаха — князь *Всеволод Ярославич,* в Киеве княжил в 1078—1093 гг.

[2] *Тур* — дикий бык, зубр, тогда водился во многих местах, часто упоминается в летописях.

[3] *Вепрь* — дикий кабан.

Глава 3

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ РУСИ

В XI—XII вв. Киевская Русь распалась на отдельные княжества — Владимиро-Суздальское, Черниговское, Полоцкое, Галицко-Волынское и др.

КНЯЖЕСКИЕ УСОБИЦЫ. НАШЕСТВИЕ ПОЛОВЦЕВ

Извлечения публикуются по изданию: ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 215—225, 256—257.

1. ОПУСТОШЕНИЕ КИЕВСКОЙ ЗЕМЛИ ПОЛОВЦАМИ

В лето 1093. Скончался великий князь Всеволод, сын Ярослава, внук Владимира... Когда же он княжил в Киеве, было ему больше печали, чем во время княжения в Переяславле, была ему печаль в Киеве от племянников его, которые досаждали ему, желая получить волости одни или другие. Он же и при смерти раздавал им волости. От этих печалей и охватили его недуги. И когда наступила старость, начал он любить советы молодых, совещаясь с ними. Эти же... начали... грабить и продавать людей, а он в болезнях своих не ведал об этом...

Пришел Святополк в Киев[1], и вышли ему навстречу киевляне с поклоном и приняли его с радостью... В это время пошли половцы на Русскую землю... начали войну, и пришли во множестве, и осадили город Торческ. Святополк же начал собирать воев против половцев. И сказали ему мужи разумные: «Не покушайся против них, потому что мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков (дружинников) своих 700, которые могут стать против половцев». Другие же, неразумные, говорили: «Пойди, княже». Разумные же ему говорили: «Хотя бы ты собрал и 8000 воинов, недостало бы их. Наша земля оскудела от войн и насилий. Пошли к брату своему Владимиру[2], чтобы он тебе помог». Святополк же послушал их, послал к Владимиру, чтобы помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал за Ростиславом, братом своим, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда пришел Владимир в Киев, собрались князья в церкви св. Михаила и, уладив между собою распри и споры, целовали крест между собою. А половцы (в это время) разоряли землю войной. И сказали князьям мужи разумные: «Зачем вы распри имеете между собою, а поганые губят землю Русскую, после все уладите, а теперь идите против поганых или с миром, или с войной».

Владимир хотел мира (с половцами), Святополк же хотел войны. И пошли Святополк и Владимир и Ростислав к Триполью и пришли (к реке) Стугне... и собрали дружины свои на совет... И сказал Владимир, что, стоя здесь, не переходя реку и угрожая половцам, мы можем заключить мир с ними. И поддержали его совет разумные мужи, Ян (Вышатич) и прочие. Киевляне же не послушали этого совета, но сказали: «Хотим биться (с половцами), перейдем на ту сторону реки»... и перешли Стугну реку, которая тогда сильно разлилась. Святополк же и Владимир и Ростислав, построив полки свои, пошли и шли на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же Ростислав и, миновав Триполье, перешли через вал. А половцы вышли навстречу... и, придя к валу, поставили стяги свои и ударили сперва на Святополка и разгромили полк его... потом напали на Владимира, и была битва лютая, и побежали Владимир с Ростиславом и воины их... Половцы же после победы пустились по земле, воюя, а другие вернулись к Торческу. ...Святополк же пришел в Киев сам третей... Опустели села наши и города наши, потому что бегаем мы от врагов наших... лукавые сыны Измаила пожгли села и гумна и многие церкви сожгли огнем, и пусть не удивляется этому никто, из-за множества грехов... земля замучена, одних ведут в плен, другие убиваемы бывают, горькую смерть приемля, другие трепещут, глядя на убиваемых, другие умирают от голода и жажды... города все опустели, села опустели; перейдем поля, где пасли стада коней, овец и волов, все пусто ныне; видим нивы заросшие, которые стали жилищем зверей...

[1] *Святополк* — князь Туровский.
[2] *Владимир* — будущий Мономах, в это время княжил в Чернигове.

2. «КАЖДОМУ СВОЕ...»

В лето 1097. Пришли [князья] Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались в Любече для устроения мира [между собой]. И обращались к себе, говоря: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя вражду воздвигая, а половцы землю нашу терзают на части и радуются, что между нами войны и доныне. С этого времени соединимся в одно сердце и будем охранять Русские земли. Пусть каждый держит отчину свою...» и на этом целовали крест: «если кто пойдет на кого [войной], то на того будем все...» и принеся клятву, разошлись восвояси...

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Извлечения из изданий: ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 339—340; Т. 2.— Стб. 585—592.

3. ПЕРВОЕ ИЗВЕСТИЕ О МОСКВЕ

В 1147 году. Пошел Юрий[1] воевать новгородскую волость и, придя, взял Новый Торг и всю Мсту. А к Святославу[2] послал Юрий, повелел ему воевать Смоленскую волость. И Святослав пошел и захватил голядь[3] вверх по Протве; и дружина Святослава набрала там пленных. И прислал к нему Юрий со словами: «Приди ко мне, брат, в Москву». Святослав поехал к нему с сыном своим Олегом и с небольшою дружиной и взял с собой Владимира Святославича[4]. А Олег поехал вперед к Юрию и подарил ему барса. Вслед за ним приехал его отец Святослав, и они сердечно встретились с поцелуями в пятницу, в день похвалы святой богородицы, и были веселы. На другой день повелел Юрий устроить большой пир (обед силен) и оказал князьям великую честь; и дал Святославу в знак любви много даров, и одарил сына его Олега, и Владимира Святославича, и Святославовых мужей, и так отпустил их...

[1] *Юрий Долгорукий* — основатель династии владимиро-суздальских князей. Правил в 1125—1157 гг.
[2] Черниговский князь Святослав Олегович.
[3] *Голядь* — литовское племя, обитавшее на реке Протве.
[4] *Владимир Святославич* — князь рязанский.

4. ЗАГОВОР БОЯР И УБИЙСТВО КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО[1]

И был у него (князя Андрея) любимый им слуга Яким. Яким услышал от кого-то, что князь велел казнить его брата, и по дьявольскому наущению устремился и побежал, вопия к своей братии, злым заговорщикам: «Сегодня этого казнил, а нас наутро; примем решение (промыслим) об этом князе». И назначили убийство на ночь, как Иуда на господа. Настала ночь, и они, взяв оружие, устремились, пошли на него, как звери свирепые. И когда они шли к его спальне, объял их страх и трепет, и они побежали из сеней, пошли в медушу (погреб для хранения меда и напитков) и стали пить вино. А сатана веселил их в медуше и невидимо им служил, подталкивая и укрепляя их в том, что они ему обещали. И так, упившись вином, они пошли в сени. Во главе убийц был Петр, зять Кучки, ключник Анбал Ясин, Яким Кучкович; а всех предателей, убийц, которые собрались в тот день для окаянного замысла у Петра, зятя Кучки, было 20. Когда наступила субботняя ночь... взяв оружие, как дикие звери, они пришли к спальне, где лежал блаженный князь Андрей. И один из них, стоя у дверей, позвал: «Господин, господин!» И князь спросил: «Кто там?» И он отвечал: «Прокопий». И сказал князь: «О паробок! Не Прокопий!» Они же, услыхав слова князя, подскочили к дверям, начали бить в двери и силою выломали их. Блаженный же вскочил, хотел взять меч, но меча не было: в этот день его вынес ключник князя Анбал...

(В спальню) вскочили двое окаянных и схватились с князем, и князь одного свалил под себя. Они же, подумав, что это повержен князь, поранили своего сообщника. А потом узнали князя

и упорно боролись с ним, потому что он был силен, рубили его мечами и саблями и наносили раны копьями. И сказал им князь: «Горе вам, нечестивые! Что вы уподобились Горясеру[2]. Какое зло сделал я вам? Если прольете мою кровь на земле, то пусть бог отомстит вам и за мой хлеб». И вот нечестивые, думая, что убили князя до конца, взяв своего сообщника, понесли его вон и удалились с трепетом. Князь же выскочил вслед за ними второпях и начал икать и стонать в болезни сердца своего, и пошел под сени. Они же, услышав голос его, возвратились опять к нему. Когда они стояли (в спальне), один из них сказал: «Я стоял и видел, будто князь идет из сеней вниз». И (они) сказали: «Ищите его». И пошли искать его. И говорили: «Мы погибли! Ищите его скорей!» И, зажегши свечи, нашли его по крови... Был он убит в субботу ночью.

И рассвело утром в воскресенье... Окаянные же, уйдя оттуда, убили его дружинника Прокопия, и оттуда пошли на сени, и взяли золото, и дорогие камни, и жемчуг, и узорочье[3], и все его лучшее имущество...

[1] *Андрей Боголюбский* — сын Юрия Долгорукого, княжил в 1157—1174 гг.
[2] Слуга князя Святополка Окаянного Горясер по его приказу убил князя Глеба.
[3] *Узорочье* — дорогие, разукрашенные узорами и другими украшениями вещи из драгоценных металлов, тканей и т. п.

НОВГОРОДСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА

Извлечения из издания: Новгородская первая летопись.— М.; Л., 1950.— С. 24—25, 67, 409—410.

5. ВОССТАНИЯ В НОВГОРОДЕ В 1136—1137 гг.

В 1136 г. новгородцы призвали псковичей и ладожан и задумали изгнать князя своего Всеволода (Мстиславича); посадили его в епископский двор с женой, детьми и тещей, месяца мая 28, и стража с оружием сторожила его день и ночь, 30 мужей ежедневно. Сидел он два месяца, и отпустили его из города июля 15, а приняли его сына Владимира. А вот в чем обвиняли его: 1) не бережет смердов, 2) зачем захотел сесть в Переяславле[1], 3) бежал с поля битвы впереди всех; а из-за того много убитых... В лето 1137, в начале года, 7 марта... бежал Константин посадник к Всеволоду, и несколько иных добрых мужей, и дали посадничать в Новгороде Якуну Мирославичу. В то же лето пришел князь Всеволод Мстиславич в Псков, желая сесть опять на столе своем в Новгороде, позванный тайно новгородскими и псковскими мужами, его сторонниками: «Иди, князь, тебя опять хотят». И как услышано было, что Всеволод в Пскове с братом Святополком, и великий мятеж был в Новгороде, и побежали и другие к Всеволоду в Псков, и взяли на разграбление дома их, Константина, Нежаты и многих иных, да еще и то искали, кто сторонник

Всеволода из бояр, с тех взяли по полторы тысячи гривен, и дали купцам снаряжаться на войну; брали и не с виновных...

[1] *Сесть в Переяславле* — в 1132 г. Всеволод бросил Новгород и ушел в Переяславль, откуда был изгнан князем Юрием Долгоруким и вскоре вернулся в Новгород.

6. ВОССТАНИЕ В НОВГОРОДЕ 1228 г.

...Возмутился весь город и пошли с оружием с веча против тысяцкого Вячеслава, разграбили его двор, его брата Богуслава, Андрея стольника владыки[1], Давыдка Софийского[2] и Судимира. Также послали грабить Душильца Липенского старосту, а его самого хотели повесить, но он убежал к (князю) Ярославу, а жену его схватили, говоря: «Эти на зло князя наводят». Большой был мятеж в городе... Тогда же отняли должности тысяцкого у Вячеслава и дали Борису Негочевичу[3], а к князю Ярославу послали сказать: «Поезжай к нам, перестань нарушать клятву, судей по волости не посылай; ты наш князь на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославлих[4], или — ты сам по себе, а мы — сами по себе»...

[1] *Владыка* — новгородский архиепископ. Перед этим новгородцы изгнали из города князя Ярослава Всеволодовича и архиепископа Арсения.
[2] *Давыдка Софийский* — слуга собора св. Софии.
[3] *Тысяцкий* — ведал городским населением, избирался на вече.
[4] Новгородцы утверждали, что вечевые права и независимость им дарованы грамотами князя Ярослава Мудрого.

7. ВОССТАНИЕ В НОВГОРОДЕ 1418 г.

Того же месяца (апреля) случилось в Новгороде по дьявольскому научению таковое. Некий человек Степанко схватил боярина Данила Ивановича, Божина внука, и закричал людям: «Господа помогите мне против этого злодея». Люди же, услышав его крик, потащили боярина, как злодея, к народу и, побив его чуть не до смерти, свели с веча и бросили с моста. Некий же простолюдин, Личков сын, желая ему добра, взял боярина в челн. Народ разъярился на того рыбника и разграбил его дом. Названный же боярин, задумав отомстить за свое бесчестье, схватил Степанку и начал его пытать и, желая исцелить нарыв, только большую язву сделал. Народ же, услышав, что Степан взят, начал созывать вече на Ярославовом дворе, и сходилось множество людей с криком в течение многих дней: «Пойдем на этого боярина и разграбим его дом». И, придя в доспехах под знаменем на Кузьмодемьяновскую улицу, разграбили его дом и много других дворов и на Яневе улице дома по берегу грабили... И, снова возмутившись на другого боярина Ивана Иевлича на Чудинцеве улице, разграбили его дом и много других дворов боярских, да и монастырь святого Николы на поле разграбили, говоря: «Здесь житницы боярские» ...И с того времени началось зло умножаться. Прибежали они на свою торговую сторону и говорили, что Софийская сторона хочет против нас вооружиться и дома наши

грабить. И начали звонить по всему городу, и начали люди сбегаться с обеих сторон, на войну, в доспехах, на Великий мост. Была погибель, то от стрел, то от оружия, были и мертвые, как на войне...

8. ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА НОВГОРОДА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ТВЕРСКИМ ЯРОСЛАВОМ ЯРОСЛАВИЧЕМ. 1270 г.

Извлечения публикуются по изданию: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.— М., 1813.— Ч. I. Новгородские грамоты с 1265 по 1471 г., № 3 (перевод).

...Целуй, князь, крест ко всему Новгороду на том, на чем целовали деды и отец твой Ярослав. Новгород тебе держать по старине, по тому, как пошло искони. Все волости новгородские не держать тебе, князь, своими мужами, а держать мужами новгородскими, а дар тебе, князь, получать с тех волостей. Без посадника тебе, князь, суда не судить, волостей не раздавать, грамот не давать. Кому раздал волости Дмитрий[1] вместе с новгородцами и брат твой Александр[2], тех волостей тебе без вины не отнимать.

А что пошло тебе, князь, на Торжке и на Волоке, тиунов тебе держать на своей части, а новгородцам на своей части. А в Бежичах и во всей земле новгородской ни тебе, князь, ни твоей княгине, ни твоим боярам, ни твоим слугам сел не держать, не покупать и в подарок не брать. А вот, князь, волости новгородские: Волок со всеми волостями, Торжок, Бежичи, городок Палиць, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочье, Тре, Пермь, Печора, Югра, Вологда. В Русу тебе, князь, ездить на третью зиму, а летом, князь, ездить на Озвало[3] зверей ловить. В Ладогу, князь, посылать осетреника[4] и медовара по грамоте отца твоего Ярослава; ту грамоту ты, князь, отнял, и ту грамоту тебе следует отдать назад. В Ладогу тебе, князь, ездить на третий год. А из Бежичей, князь, людей не выводить в свою волость, ни из другой волости новгородской, ни грамот им не давать, ни закладников не принимать, ни твоей княгине, ни твоим боярам, и твоим слугам — ни смерда, ни купца.

Без вины тебе, князь, мужа не лишать волости и грамот не отменять. Какие покосы, князь, повелись исстари твои и твоих мужей, то твое и твоих мужей. А какие покосы отнял брат твой Александр, те тебе не надобны... Дворянам твоим у купцов подвод не брать, за исключением военных вестей. Слобод и мыта тебе в Новгородской волости не устраивать, а брать тебе куны (деньги) на Имоволозском погосте и на Важанском... Если холоп или роба станут жаловаться на своих господ, тем не верить. А на Низу, князь, тебе новгородцев не судить и даней не раздавать. Гнев твой, князь, на посадников и всех новгородцев отложить и никому от мала до велика не мстить ни судом, ни каклибо иначе; если кто начнет жаловаться тебе, тому не верить...

В Немецком дворе торговать тебе через нашу братию, а двора тебе не затворять и приставов не приставливать... А купцу нашему торговать по Суздальской земле без проезжих пошлин, по ханской грамоте... А закладчиков, которые за князем Юрием на Торжку или за тобою, или за княгиней, или за мужами твоими, отпусти их всех прочь: кто купец, тот вернется в свою сотню, а смерд — в свой погост. Так повелось в Новгороде... На всем этом целуй крест, князь, ко всему Новгороду...

[1] *Дмитрий* — посадник.
[2] *Александр* — Александр Невский.
[3] *Озвало* — урочище у Старой Руссы.
[4] *Осетреник* — ловец осетров.

9. НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

Береста широко применялась на Руси до появления писчей бумаги и в последующее время. Историкам известны документы, «писанные на бересте», в центре и на окраинах России. Открытие экспедицией А. В. Арциховского в Новгороде в 1951 г. сразу 10 берестяных грамот положило начало ежегодному пополнению коллекции, состоящей ныне из многих сотен документов. Берестяные грамоты были найдены также в Смоленске, Витебске, Старой Руссе и т. д. Значение этих находок трудно переоценить. Грамоты свидетельствуют о весьма высоком уровне образования в среде не только духовенства и феодалов, но и простых крестьян и горожан. В отличие от западноевропейских стран того времени, в которых грамотность была привилегией лишь части духовенства, на Руси она была широко распространена среди всех сословий. По своему содержанию берестяные грамоты связаны с другими сведениями о хозяйстве, политической жизни, быте, культуре, социальных группах общества, феодальных повинностях населения.

Тексты из грамот публикуются по изданию: Янин В. Л. Я послал тебе бересту...— М., 1965.— С. 38, 39, 45, 46, 81, 97, 116, 118.

Грамота № 157. Господину Михаилу Юрьевичу бьют челом хрестяне Черенщани. Чо еси, господине, велел нам переставливати двор, а ключник нам, господине, велит переста...

(Крестьяне Черенщане жалуются своему господину на ключника, который требует от них большей работы, чем приказал господин.)

Челобитье крестьян. *Грамота № 370*. Поклон ко Юрью и к Миксиму от всих сирот. Цто еси дал нам за клуц(ни)ка, за нас не сто(и)ть, нас продает, и окрадони от ного есми. А лижини от ного, не отъезде да. А ми есми в том погибли. Аже ему будьть сидить, немам сили ниту сидити. А да (й) нам смирного человека. А на том тобе цолом.

Сироты — крестьяне.

Перевод. Поклон к Юрию и к Максиму от всех крестьян. Что ты дал нам за ключника? Он за нас не стоит, нас продает, и мы им ограблены. Мы из-за него стали лежебоками, так как он не разрешает нам отъезжать. Из-за него мы погибаем. Если он будет и дальше сидеть, нам нет сил. Дай нам смирного человека. А в том тебе челом бьем.

Грамота № 161. Перха 3 кади. Наум 3 ржи. Огафоноко кадь ржи. Грига 2 кади ржи. Кулба кадь ржи. Филимон 3 кади ржи. Офро-

меец кадь ржи. Васке 2 кади ржи. У Обакунця 2 кади ржи. У Максимця 2 кади ржи. Шестьники 5 кадей ржи. У Окиша 2 кади ржи. У Тораха 3 кади ржи. Исак пол 3 третьи ржи. У Съсъя 2 ржи. У Токаря 2 ржи. У Микитци кадь ржи. У Доманта 3 ржи. У Овсяника кадь ржи. У Понарьи полътреть ржи. У Юрка 2. У Чупровых 5 ржи. (Всего господин получает около 12 т ржи.)

Кадь — мера сыпучих тел, около 14 пудов, или 229,32 кг.
Полътреть — два с половиной.

Грамота № 162. На Терехе и на Лутьянь рубль. И на их внучате, на Микифоре, на Григорь 4 гривни. На Онане, на Пелемчах полтинна. У Сеш... коробе ржи. На Григорьи 5 коробе овса да коробья жита. На Мине 2 гривни. На Машке 2 гривне.

Коробья — мера сыпучих тел, около 7 пудов.

(Грамоты № 161 и 162 содержат записи о повинностях крестьян новгородского боярина Михаила Юрьевича. Крестьяне платили господину не только натуральный (хлебными злаками), но и денежный оброк.)

Грамота № 17. Поклон от Михайли к осподину своему Тимофею. Земля готова, надобе семена. Пришли, осподине, целовек спроста, а мы не смием имать ржи без твоего слова.

(Староста или приказчик феодала сообщает ему, что земля уже вспахана, для посева нужны семена. Просит прислать человека с разрешением взять господские семена ржи, потому что без его приказа они (пахари, «мы») не смеют взять.)

Грамота № 43. От Бориса к Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек на жерепце, зане ми здесе дел много. Да пришли сороцицю, сороцице забыле.

(Борис просит прислать одного из его слуг с жеребцом и сорочку, которую он забыл.)

Просьба о покупке. *Грамота № 125.* Поклон от Марине к с(ы)ну к моему Григорью. Купи ми зендянцу добру. А куны яз дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издей при себе да привези семо.

Зендянца — хлопчатобумажная ткань из Средней Азии.
Издей — сделай, от «изделать».
Семо — сюда.

(Мать Марина просит сына Григорья купить ей хорошую ткань. Деньги для покупки она дала Давыду Прибышу. «И ты, сын, сделай это при себе и привези (ткань) сюда».)

Челобитье крестьян. *Грамота № 94.* Биють целом крестьяне господину Юрию Онцифоровицю о клюцнике, зандо, господине, не можем ницим ему удобритися. Того, господине, с села... господине, буянить. А себе, господине... (Юрий Онцифорович — боярин, в 1409—1417 гг.— посадник в Новгороде.)

Зандо — испорч. «зандра» — вражда, ссора.

(Боярские крестьяне бьют челом своему господину с жалобой на ключника, с которым у них ссора (вражда) и они ничем не

могут на него угодить (удобрить его). Если слово «буянить» относится к господскому ключнику, то оно выражает жалобу крестьян на самоуправство, насилия боярского слуги.)

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

10. БОЯРСКИЕ МЯТЕЖИ

Извлечение по изданию: ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 762—768 (перевод).

В лето 1230. Была измена среди нечестивых бояр галицких. Они сговорились с князем Александром, двоюродным братом Даниила, убить Даниила и передать его землю... Приехав в Галич, Даниил послал посла к брату своему — князю Васильку: «Иди ты против Александра», Александр же убежал в Перемышль к своим советникам, а Василько взял Блез. Даниил же послал своего сидельничего за изменниками Молигобовичами и за Волдрисом, и схвачено их было 28 человек Иваном Михайловичем. Но и те не приняли смерти, а были помилованы...

В лето 1231. Даниил сам созвал вече, оставшись с 18 верными дружинниками вместе с Демьяном, его тысяцким. И сказал им Даниил: «Будете ли вы верными мне, тогда я пойду на врагов моих». Они воскликнули: «Верны мы богу и тебе, господину нашему; иди с божьей помощью!» А сотский Микула сказал: «Господин, не раздавивши пчел, меду не едать»...

В лето 1240. Галицкие бояре называли своим князем Даниила, но землю всю держали сами...

И было в земле великое смятение и грабеж от них...

Даниил же скорбел и молился богу о своей отчине, что эти нечестивцы держат и обладают ею...

Глава 4

ЗАКАВКАЗЬЕ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XI— НАЧАЛЕ XIII в. УТВЕРЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

К середине I тыс. н. э. народы Закавказья и Средней Азии вступили в стадию зарождения и постепенного утверждения феодальных отношений. Развитие хозяйства и культуры тормозилось неблагоприятными внешнеполитическими условиями, нашествиями завоевателей, междоусобицами феодалов.

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Хрестоматия по истории СССР.— М., 1951.— Т. I.— С. 26—32; Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV в./Под ред. М. Н. Тихомирова.— М., 1960.— С. 354—366; Материалы по истории СССР/Под ред. А. Д. Горского.— М., 1985.— Вып. 1.— С. 57—61, 78, 81—83, 86—91, 130—154, 167—168, 180—188.

1. ИЗ «ИСТОРИИ АРМЕНИИ» МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ

Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) — крупнейший историк, прозванный «отцом армянской истории», в своей «Истории Армении» повествует об истории армянского народа с древнейших времен до начала V в. н. э.

... На третьем году правления Аршака[1] главой епископов армянских стал Нерсес Великий... Вернувшись из Византии... он, прибыв в Армению, восстановил все законы, установленные отцами его, добавил к ним также и новые... Он повелел в различных областях (страны), в местах уединенных и отдаленных, построить дома для (содержания) бедных, которые, как больницы в Греции, стали бы утешением для ослабевших телом. Для них он выделил аваны и агараки[2], которые снабжали бы их овощами, молоком, и шерстью, с тем, чтобы такие люди, получив все необходимое, не оставляли этих своих жилищ... И повелел (Нерсес) во всех селениях построить постоялые дворы, чтобы там могли останавливаться чужестранцы и находили приют сироты, старики и убогие. Он построил в уединенных и необитаемых местах обители, монастыри и скиты для отшельников, а смотрителями и настоятелями в них назначил Шалиту, Епифана, Ефрема, Гинда, из рода Слкуни и других.

(Нерсес) искоренил в нахарарских родах[3] две вещи: во-первых, брак между близкими (родственниками), благодаря которому у них сохранялось (в роду) родовое имущество; во-вторых, истязания, которые совершались по умершим согласно языческому обычаю. С той поры можно видеть нашу страну не как скопище варваров, но как цивилизованное общество.

[1] *Аршак II*— царь Армении (350—368).
[2] *Аваны и агараки* — поселения, где обитали зависимые от царя и знати крестьяне.
[3] *Нахарары* — владетели областей в древней и раннесредневековой Армении.

2. ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ АРМЯНСКОГО, ГРУЗИНСКОГО И АЛБАНСКОГО АЛФАВИТОВ

...Месроп[1], который происходит из (селения) Хакаец (области) Тарон, был воспитан и получил образование при Нерсесе Великом, по смерти которого, прибыв из своей области ко двору (царскому), получил там должность писаря... Блаженный вардапет[2] Месроп испытал немало лишений, будучи чтецом и переводчиком. И если кто-то другой читал в его отсутствие, люди ничего не понимали без переводчика. Вот почему ему пришла мысль изобрести письменность для армянского языка...

И вот он (Месроп) с учениками своими Йоханом из Екелеаца и Йовсефом из Палина взялись за перевод (Библии), намеренно начав с Книги притчей (Соломона), и перевели на армянский язык все 22 канонические книги (Ветхого Завета) и Новый Завет. Одновременно он обучает искусству (армянского) письма юношей-учеников... собрав толковых мальчиков, смышленых, с хорошей дикцией, приятным голосом и долгим дыханием, в каждой области создал школы... А Месроп отправился в грузинскую страну; там с помощью и при благословении бога вместе с неким Джалом, который переводил с греческого и армянского языков, он создает письменность и для них (грузин). В этом помощь им оказали царь (грузинский) Бакур и епископ Мовсес. И там были отобраны отроки, разделены на два класса, а в качестве учителей им (Месроп) оставил своих учеников... Сам же Месроп спустился в Албанию к Арсвалэну, тамошнему царю, и к епископосапету Еремии, которые с готовностью принимают его учеников и отбирают способных отроков. Он (Месроп) позвал к себе одаренного переводчика, некоего Бениамина... Вместе с ним (Месроп) и создал письмена для гортанного, грубого, варварского гаргарейского языка. Оставив (довершать дело) ученика своего Йовтана вместе со священниками при царском дворе, сам (Месроп) возвращается в Армению...

[1] *Месроп Маштоц* (361—440) — армянский просветитель, монах.
[2] *Вардапет* — учитель, наставник.

3. ОТРЫВОК ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ «МАТИАНЕ КАРТЛИСАЙ» («КНИГА КАРТЛИ»)

...После того как преставился святой мученик Арчил[1], остались сыновья его Иоване и Джуаншер. Иоане отправился в Эгриси[2] и захватил с собой мать и двух сестер своих. А Джуаншер и (другие) две его сестры остались в стране Картли и Кахети[3]. Младшая же его сестра была красавица. И узнал о ее красоте царь хазарский — хакан, прислал посла и просил Шушан в жены, обещав помощь про-

тив сарацин[4]. Когда прибыл посол хакана, Джуаншер сообщил (об этом) брату своему и матери. Но они не пожелали (удовлетворить требование хакана) и сказали: «Как бы ни было тяжело наше положение, лучше отправимся в Византию и обратимся (за помощью) к христианам, нежели дочь наша будет поругана язычниками». Шушан же также бранила хазарского царя.

Спустя три года хакан прислал своего полководца Блучана, который... вступил в Кахети. Он осадил крепость, в которой находились Джуаншер и сестра его Шушан, и через несколько дней взял (крепость) и захватил их в плен. Затем он разорил город Тбилиси, разграбил Картли и всю эту землю. И... сказала Шушан своему брату: «Лучше мне принять смерть... нежели быть поруганной язычниками». И был у нее перстень, вынула она камень и выпила (яд), отчего сразу умерла, так как под камнем тем была смертоносная отрава. Блучан же отправился к хакану, привел Джуаншера и рассказал о смерти сестры последнего Шушан. (Хакан) же разгневался за то, что не доставили (хотя бы) труп той, которую он желал. Блучана схватили, обвязали вокруг его шеи веревку, дали (ее концы) двум всадникам, и те, (поскакав) в противоположные стороны, оторвали (Блучану) голову. После того как Джуаншер пробыл (в стране хазар) семь лет, хакан его освободил и, одарив, отправил в его страну.

С той поры как начало ослабевать царствование великих царей Хуасроанидов[5], сначала усилилась власть сарацин, которые время от времени опустошали и разоряли всю эту страну (Грузию). Затем умножились мтавары[6] в стране Картли и начали борьбу друг с другом. И если появлялся кто-либо из потомков Вахтанга[7], достойный быть царем, то он принижался сарацинами. А так как они захватили город Тбилиси, то превратили его в свою резиденцию. Получали они с этой страны дань, которую называют хараджем. Так по воле божьей, за множество наших грехов, возвеличилось племя агарян[8].

...По истечении многих лет прибыл эмир агарян по имени Хуасро, который правил в Армении, Картли и Эрети. Он восстановил город Тбилиси, разоренный хазарами...

[1] *Арчил* — правитель Картли (первая половина VIII в.).
[2] *Эгриси* — Западная Грузия.
[3] *Картли* и *Кахети* — две главные области Восточной Грузии.
[4] *Сарацины* — арабы, мусульмане.
[5] *Хуасроанидов* — царей из династии Сасанидов в Персии (226—651 гг.).
[6] *Мтавары* — князья.
[7] *Вахтанг Горгосал* — царь Картли, умер в 502 г.
[8] *Агаряне* — мусульмане. От имени библейской Агари, матери Исмаила, легендарного прародителя арабов.

4. АРАБСКИЙ ИСТОРИК ИБН АЛ-АСИР О ВОССТАНИИ БАБЕКА

...В этом же году[1] возмутился Бабек-хуррамит[2]... Бабек утверждал, что дух Джавидана вошел в него и начал бесчинствовать и разорять. Джавидан значит вечный, постоянный, а хуррам — радость (веселье)...

В этом 214 (829/30) году был убит Мухаммед ибн Хамид ат-Туси; его убил Бабек-хуррамит. Дело произошло таким образом. ...На своем пути к Бабеку Мухаммед направился к последнему, собрав перед тем много войска, оружия и провианта... Он посоветовался о вступлении в город Бабека[3], и ему посоветовали войти в него с одной... стороны. Он согласился с их мнением и привел в боевой порядок своих воинов... Бабек же следил за мусульманскими войсками с горы, а под каждой скалой его воины устроили им (мусульманам) засаду. Как только войска Мухаммеда выступили вперед и поднялись на гору... на них напали сидевшие в засадах, а сам Бабек бросился с теми, кто был с ним, напал на мусульман сверху, и они обратились в бегство... Мухаммед твердо стоял на своем месте, несмотря на то что все его воины, за исключением одного, бежали. Вместе с оставшимся с ним воином Мухаммед пошел искать спасения. Увидев несколько сражающихся, он направился к ним. Он заметил, что хуррамиты сражаются с небольшой частью его армии. Увидев его и узнав по красивой внешности, хуррамиты вступили с ним в сражение; они ударили его лошадь коротким копьем и, когда Мухаммед упал, набросились на него и убили...

...В этом же 218 (833) г. многие из жителей ал-Джибала, Хамадана, Исфагана, Моспадана и других приняли учение хуррамитов и, собравшись, расположились лагерем в провинции Хамадана. Против них Мутасим[4] послал войска, и в том числе Исхака ибн Ибрагима... Исхак выступил против них, напал на них в области Хамадана и убил шестьдесят тысяч из них, а остальные бежали в страну румов[5]... В этом 222 (836/7) году был взят Бадд, город Бабека, и в него вступили мусульмане, разорили его и разграбили...

В этом году, а именно в сафаре 223 (январь 838 г.), прибыл в Самарру Афшин[6] с Бабеком и его братом Абдаллахом...

Затем Бабека ввели в дом Мутасима, и тот приказал позвать палача, и, когда тот пришел, он приказал ему отсечь Бабеку руки и ноги, и он отсек их, после чего Бабек упал...; голову его Мутасим приказал послать в Хорасан, а его туловище распяли в Самарре.

[1] В 817 г.

[2] *Бабек* (ок. 800—838) — руководитель народного движения 816—837 гг. в Азербайджане, охватившего также Грузию и Армению.

[3] *Город Бабека* — Бадд.

[4] *Мутасим* — арабский халиф (833—842).

[5] *Страна румов* — Византия.

[6] *Афшин* — полководец халифа, подавивший восстание Бабека.

5. АРАБСКИЙ ГЕОГРАФ ИБН-ХАУКАЛЬ О ГОРОДАХ МАВЕРАННАХРА X в. (ПО «КНИГЕ ПУТЕЙ И СТРАН»)

С восточной стороны к Бухаре непосредственно примыкает Согд... Столица Согда — Самарканд — город, расположенный на юг от Согдийской реки[1] и лежащий высоко над нею. В нем имеется цитадель, шахристан и рабад[2]. В цитадели уже в наше время выстроена тюрьма и находится дворец правителя, впрочем разрушенный.

Я поднимался на нее и осматривал прекраснейший из видов, который когда-либо видел взор человека и которым он когда-либо восхищался, а именно: свежую зелень деревьев, блистающие замки, текущие каналы и непрекращающуюся культуру. Нельзя кинуть взгляд на какое-нибудь место без того, чтобы оно не понравилось, или на проезжую дорогу без того, чтобы не найти ее прекрасной и вызывающей веселье. Выделяются площади, и возвышаются украшающие город здания. В нем находятся сделанные из оштукатуренного кипарисового дерева диковинные изображения животных — лошадей, быков, верблюдов и антилоп, поставленные так, точно они наступают друг против друга и высматривают один другого, как будто собираются вступать в бой или состязание... Все это отражается в текущих каналах и наполненных прудах... И замки, и высоко построенные башни, прочно сложенные, представляющие великолепные жилища и драгоценные палаты...

В Самарканде имеется крепость и 4 ворот... Самарканд — город, в котором большие базары и, как в крупных городах, ряд кварталов, бань, караван-сараев и домов. В нем имеется проточная вода, которая проникает в него по каналу, частично сделанному из свинца. На нем выстроена плотина... Середина рынка и квартал менял вымощены камнями, поверх которых вода течет из квартала медников и впадает в шахристан через Кешские ворота. Наружная сторона этого протока целиком из свинца... Проток этот древний, доисламских времен. Доходы с земель, расположенных по берегам этого протока, предназначены на его содержание и улучшение... Почва в Самарканде принадлежит к числу самых плодородных и сухих, и если бы не обильные испарения от проточных вод на улицах и в домах жителей и обилие у них тесно растущих деревьев, то излишняя сухость, несомненно, вредила бы им. Самаркандские здания выстроены из глины и дерева. Жители города считаются красивыми и отличаются чрезмерностью в щедрости... Самарканд — средоточие утонченных людей Мавераннахра, и лучшие из них получили воспитание в Самарканде...

Ходженд[3] — пограничный с Ферганой город, совершенно отдельно управляемый,— находится на Шашской реке[4] в западной ее части... Он весь в виноградниках и садах... В городе имеется шахристан и цитадель. Соборная мечеть — в шахристане, дворец правителя — на площади в рабаде, а тюрьма — в цитадели. Город отличается здоровым климатом, и в нем созревают прекрасные плоды. Население его красиво и мужественно...

Фергана — название страны, которая представляет собой обширную провинцию, содержащую богатые города и селения. Столица ее Ахсикет[5]. Это город на берегу Шашской реки на равнине. Между городом и горами расстояние приблизительно в один фарсах. Город лежит на север от реки. В нем имеется цитадель, находящаяся в шахристане; около последнего — рабад, дворец правителя и тюрьма в цитадели, а соборная мечеть вне цитадели. Место праздничной молитвы — на берегу Шашской реки. Городские база-

ры — в шахристане и рабаде... Протяжение города приблизительно треть фарсаха. Здания его выстроены из глины. Рабад окружен стеной... В Фергане существуют золотые и серебряные рудники... В городах Соджа добывается ртуть. Около Верхней Несьи залежи смолы, асбеста, золота, серебра, бирюзы, желтой меди и олова. ...В этой стране... добывается в большом количестве нашатырь...

[1] *Согдийская река* — река Зеравшан.
[2] *Шахристан* — внутренний город, *рабад* — внешний город.
[3] *Ходженд* — современный Ленинабад (Таджикская ССР).
[4] *Шашская река* — река Сырдарья.
[5] *Ахсикет* — в 20 км от современного Намангана.

6. ВОССТАНИЕ МУКАННЫ (ПО «ИСТОРИИ БУХАРЫ» АРАБСКОГО ПИСАТЕЛЯ МУХАММЕДА АН-НАРШАХИ)

...Рассказывают, что Муканна[1] был человеком родом из окрестностей Мерва, из селения, которое называется Каза; имя его было Хашим, сын Хакима. Он раньше занимался прачечным ремеслом, а потом предался изучению наук и собрал сведения всякого рода. Он изучил фокусничество, науку о способах обманывать и о талисманах; хорошо изучив фокусы, он начал также выдавать себя за пророка... Хашим был родом из Балха, а прозвание Муканны получил потому, что ходил с покрытым лицом и головой, так как был очень безобразен и голова его была покрыта паршами и лысая. При этом он был кривой на один глаз. Он постоянно носил зеленое покрывало на голове и лице... Муканна написал письма во все области и раздал их своим эмиссарам. В этом письме он писал: «Во имя бога милостивого, милосердного!.. Подлинно, Муканне принадлежит сила, владычество, слава и свидетельство. Присоединитесь ко мне и знайте, что мне принадлежит царство... и всякий, кто за мной последует, будет в раю, а кто не последует, попадет в ад». Муканна в это время был еще в Мерве, но разослал своих эмиссаров всюду, так что многих людей им удалось совратить с пути истинного... В Кеше[2] и окрестностях этого города последователи Муканны были особенно многочисленны. Первым селением, присоединившимся к этой вере и открыто ее исповедовавшим, было селение Субах около Кеша; начальником их был Амр из Субаха. Они подняли восстание и убили своего эмира, благочестивого человека, который был из арабов. В области Согд большая часть селений перешла в веру Муканны; из селений Бухары многие стали неверными и открыто предавались неверию. Эти смуты приняли обширные размеры, и для мусульман настало время жестокого испытания; караваны грабили, а людей убивали, разграбляли селения и производили большие опустошения. Молва о Муканне широко распространилась в Хорасане... Он (Муканна) отправился в область Кеш. Эта область передалась ему, и народ принял его сторону. В горах Сам[3] была очень сильная крепость и в ней канал с проточной водой, деревья и пашни. Была и другая, еще более сильная крепость. Муканна

приказал исправить ее, собрал там много имущества и бесчисленное множество продовольствия и поставил караулы. Людей в белых одеждах собралось очень много. Мусульмане не могли с ними справиться; беглецы из них прибыли в Багдад. Халифом в то время был Магди. Он в то время очень огорчился и послал много войска для войны с Муканной. Наконец, он сам прибыл в Нишабур[4] для усмирения этой смуты. Он был в страхе, ибо существовало опасение, что ислам исчезнет совершенно, а вера Муканны распространится по всему миру...[5].

Причина гибели Муканны. (В Герате) он выдерживал осаду 14 лет, пока эмир Герата не стеснил его и пока его войско не расстроилось. Тот военачальник Муканны, который был в наружной крепости, открыл ворота и вышел из крепости с изъявлением покорности и принял ислам. Мусульмане овладели наружной крепостью. Муканна понял, что он не будет в состоянии держаться во внутренней крепости... В продолжение трех дней уже приказано было топить печь. Муканна подошел к печи, снял свое платье и бросился в огонь... Поэтому он и сжег себя, чтобы народ подумал, что Муканна вознесся на небо, чтобы привести оттуда ангелов и подать им помощь с неба и чтобы, таким образом, вера осталась его в мире...

[1] *Муканна* (в переводе «закрытый покрывалом» — прозвище Хашим ибн-Хакима) — предводитель восстания против гнета местных и арабских феодалов.
[2] *Кеш (Киш)* — город, в районе современного Шахрисябза (Узбекская ССР).
[3] *Сама горы* — горы Санам в Гиссарском хребте (на северо-западе Таджикистана).
[4] *Нишабур* — столица Хорасана.
[5] Далее автор повествует о сражениях войск халифа с повстанцами.

7. ФЕОДАЛЬНАЯ ГРУЗИЯ В XI— НАЧАЛЕ XIII в. (ПО «ИСТОРИИ ЦАРЯ ЦАРЕЙ ДАВИДА» И «ИСТОРИИ И ВОСХВАЛЕНИИ ВЕНЦЕНОСЦЕВ»)

...Этого единственного сына Георгия[1] отец сам короновал. Когда воцарился Давид[2], Картли (Восточная Грузия) была опустошена, и не было в селениях нигде жителей, кроме крепостей, и было все разрушено. В те времена Триалети и Клде-Карни с прилегающими областями находилась на руках Липарита, который якобы был верен царю Давиду, и также (не были верны) Ниания Кахаберидзе и другие азнаури[3]. (В царствование Давида) оставшийся народ начал постепенно собираться и оседать в селениях... И в таком положении прошло четыре года, скончался султан Малик-Ша[4], а Липарит эмир пошел по стопам своих предков, так как замышлял о неверности. Хотя был ликом христианин, но неверность и ненависть к владыкам своим он унаследовал от своего рода. И так как не пожелал слушаться гласа доброго, то стал на недобрый путь.

Видевший это Давид пожелал проучить его. Поэтому пленил он его на некоторое время, достаточное для вразумления толкового человека. И закрепившись многочисленными и прочными клятвами,

посредничеством божьим, отпустил его... (Но Липарит эмир попрежнему замышлял измену и поэтому)... на второй год захватил царь его опять, два года держал в заточении и выслал в Грецию[5], где он скончался.

В это время выступили франки[6], взяли Иерусалим и Антиохию. И с божьей помощью обстроилась Картли, усилился Давид и умножил войска, прекратил платить султану харадж[7], и турки уже не могли зимовать в Картли. А до этого при наступлении зимы со своими фалангами оседали в Авчала и Дигоми, вдоль течения реки Куры и по берегам Иори, где находились их стоянки[8]... И при всем этом, сколько церквей он построил, (переложил) мосты через бурные дороги, вымостил труднопроходимые дороги; сколько церквей, оскверненных неверными, обратил в дома божьи, сколько племен неверных окрестил и преподнес Христу, не медлил выхватить каждое село у сатаны и передать богу... В январе месяце 24-го числа, в субботний день, в хороникон триста сорок пятый, на пятьдесят третьем году от роду и тридцать шестом своего царствования (скончался царь Давид).

...Отцом Тамары[9] был Георгий[10]... Возвели на отцовский пресстол и седалище солнце над солнцами и свет, пресветлее света, Тамару, подобно молнии и солнцу освещающую других... В то время как она одаривала жителей всех семи областей (своего царства)... некоторые начали дело, свойственное человеческому непостоянству. Некоторые из высших должностных лиц под клятвой сговорились так: «Не можем больше оставаться под фирманом старых чиновников, так как благодаря им мы ущемлены и остаемся без (прерогативы) сидения на сафьяновой подушке, родовитые и служилые дома оттеснены без чести безродными и неважными».

Кубасар, воспитанный патронами, преданный и добрый витязь и рыцарь, состоявший в должности военного амирспасалара[11]..., вследствие болезни... лишился языка, руки и ноги. Царице Тамаре предложил лишить его всего его достоинства отобрать имущество и богатство. Но намерение их осталось тщетным, так как Тамара... кроме должности и Лори ничего у него не отобрала, напротив, до дня смерти держала его в любви великой и почете. По воле и желанию рыцарей низложен был также и Афридон, который из азнаурской челяди, милостью богоподобного, сделался человеком и, достигши должности мсахурт ухуцеса[12], стал владетелем Тмогви и других крепостей и земель. Заговорщики из-за власти и влияния стали препираться между собой. Страшно даже вспомнить: Кутлу-Арслан, это мулоподобное существо, происходившее из низших слоев и одаренное коварным умом, сочинил какой-то проект на персидский лад и потребовал поставить палатку на Исанском поле в окрестностях «Плача», при этом говорил: «Сидя в этой палатке, будем выслушивать, отвечать и ведать делами помилования и наказания; свои решения будем докладывать царице Тамаре, которая будет приводить их в исполнение».

План этот означал конец царствования Тамары; последняя —

сокровищница ума и мудрости,— поняла это, удивилась и обиделась. Она решила захватить главу действующих и, посоветовавшись с верными и преданными ей, задержала министра финансов Кутлу-Арслана, теперь называвшего себя амирспасаларом и готового сесть в Сомхити, в Лори, на место армянского царя. Когда об этом узнали военные, присягнувшие ему и готовые выступить на поддержку его козней, они собрались и... постановили крепко стоять за освобождение Кутлу-Арслана и не допустить, чтобы ему нанесен был какой-нибудь вред... Тамара... предложила им сдаться под клятву, что она другого никого не накажет. Они подчинились приказу Тамары, явились пред нею и, пав на колени, поклонились ей... и сами поклялись ей в верности и повиновении ее воле...[13]

...За это время Тамара обеспечила епископов и престолы их пожертвованиями, освободила церкви от оброков и податей. В ее царствование земледельцы сделались азнаурами, азнауры — вельможами, последние же стали властителями; это видно и теперь, когда пишется все это.

Она обладала такой мудростью и возвышенным умом, что за 31 год своего правления ... никто не был наказан плетью...

...(Нужно было выбрать супруга для царицы.) Но трудно было думать об этом, ибо среди рожденных не было равных ей, думаю, что и не родится никогда. Тогда выступило одно из главных влиятельных лиц Тбилиси, взысканный царями эмир Картлийский и Тбилисский, по имени Абуласан, который сказал: «Я знаю царевича, сына великого князя русского Андрея[14], он остался малолетним после отца и, преследуемый дядею своим Савалатом[15], удалился в чужую страну, теперь находится в городе Кипчакского[16] царя Севенджа». Выслушав это, позвали одного из влиятельных лиц великого купца Занкана Зоровавеля (и отправили туда). Меняя в пути лошадей, он не замедлил явиться туда, забрал с собою и доставил раньше условленного времени юношу доблестного, совершенного по телосложению и приятного для созерцания. Видя все это, патриарх, вельможи, визири и рыцари доложили об этом Тамаре и, получив ее согласие, стали готовиться к свадьбе... ...Скончалась Тамара в бытность ее в Табахмела. Жителей Грузии постигло невыразимо великое горе... От плача и рыданий измождены были жители государства везде, во всех местах... И отправили ее в наследие их — Гелати и похоронили в честной усыпальнице. И оставила она царство сыну своему Лаше[17].

[1] *Георгий II* — царь Грузии (1072—1089).
[2] *Давид IV* — царь Грузии (1089—1125)
[3] *Азнаури* — феодалы, дворяне.
[4] *Малик-Ша* — султан турок-сельджуков (1072—1092)
[5] *В Грецию* — в Византию.
[6] *Франки* — европейцы, крестоносцы.
[7] *Харадж* — дань.
[8] Далее автор повествует о том, что царь Давид изгнал турок-сельджуков из пределов Грузии, объединил все грузинские земли в единое Грузинское государство и с целью военного усиления государства решил переселить в Грузию половцев,

многочисленность и мужество которых Давиду были хорошо известны, так как он был женат на дочери половецкого хана Отрока — сына Шарукана.

[9] Тамара — царица Грузии (1184—1213).

[10] Георгий III— царь Грузии (1156—1184).

[11] *Амирспасалар* — военный министр.

[12] *Мсахурт ухуцес* — министр царского двора.

[13] Далее автор повествует о внутренних реформах царицы Тамары, усилении при ней центрального и местного аппарата управления, войска, отражении нашествий внешних врагов.

[14] *Юрий* (сын Андрея Боголюбского) — первый муж Тамары.

[15] *Савалат* — Всеволод Большое Гнездо, великий князь владимирский (1175—1212 гг.).

[16] *Кипчаки* — половцы.

[17] *Георгий IV, Лаша* — царь Грузии (1213—1222).

КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ В XI— НАЧАЛЕ XIII в.

8. УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ АВИЦЕННА

Ученый-энциклопедист Абу-Али-ибн-Сина (Авиценна) (ок. 980—1037) оставил многочисленные труды по философии, математике, физике, астрономии, химии. Наиболее крупные его труды «Книга исцеления», «Медицинский канон», «Книга знания». Труд Авиценны «Канон медицины» много раз переиздавался на латинском языке. Для более наглядного представления о научно-медицинских взглядах и практике Авиценны приводится изложение «Медицинского канона» по книге: История медицины.— М., 1954.— Т. 1.— С. 96—97.

«Канон» охватывает вопросы анатомии, физиологии, патологии, терапии, лекарствоведения, гигиены и диэтетики. В главе, посвященной «лихорадкам» — чуме, оспе, кори и др., он [Ибн-Сина] высказывает мысль о невидимых возбудителях этих болезней... о распространении болезнетворных веществ через почву и питьевую воду. В анатомо-физиологической части Ибн-Сина особо останавливается на роли мозга и нервов. Детально разработан им раздел диэтетики, в частности возрастной... раздел гигиены жилища, одежды, питания... Подробно изложено учение о кровопускании. Им описаны операции камнесечения, трахеотомии (горлосечения), лечения ран и травм. (Авиценна прибегал к медицинским экспериментам.) Таков его опыт с двумя баранами: один из них был помещен недалеко от волка и в результате постоянного страха зачах и погиб, несмотря на обильную пищу, другой остался жив.

Известный греческим, индийским и другим врачам лекарственный арсенал Ибн-Сина дополняет новыми видами лекарственных средств... Соединения металлов употреблялись им как внутренние и как наружные средства. Как физиотерапевтические средства Ибн-Сина применял разные виды глин: армянскую, самосскую, лесбосскую (греческую). Применялись им и другие виды лечения физическими методами — водой, солнцем, воздухом...

9. УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ АЛЬ-БИРУНИ

Ученый-энциклопедист Абу-Рейхан-Мухаммед-ибн-Ахмед Аль-Бируни (972 1048) оставил капитальные труды по математике, астрономии, географии, минералогии. В «Книге сводок для познания драгоценностей» он дал подробные сведения о более чем 50 минералах, рудах, стекле, эмали, фаянсе. До наших дней дошло два труда Бируни по истории народов Востока: «История Индии» и «Памятники минувших поколений».

Извлечения из избранных произведений Бируни публикуются по изданию: Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV в.— М., 1960.— С. 367—368, 371.

Что касается мусульман, то они пользуются месяцами [доисламских] арабов...[1] У мусульман есть, в их месяцах, почитаемые дни, а именно — следующие: Мухаррам[2]. Первый день этого месяца почитают, потому что он начинает годовой период и открывает год. Девятый день называется «тасуа» по образцу «ашура». В этот день постники из числа шиитов[3] совершают молитвы. Десятый день этого месяца называется «ашура». Это день, известный своим достоинством. Рассказывают о пророке[4] — мир с ним! — что он сказал: «О люди, спешите делать добро в этот день, ибо день великий, благословенный. Аллах благословил в этот день Адама»[5].

Арабы почитали день «ашура», пока не случилось в этот день убиение аль-Хусейна, сына Али ибн Абу-Талиба[6]... Тогда [люди] сочли этот день несчастливым.

Что же касается Омейядов[7], то они одевались в этот день во все новое, наряжались, подводили глаза сурьмой, устраивали празднества, пиршества и угощения, вкушали сладости и хорошие вещи, и это вошло в обычай среди людей в дни владычества [Омейядов] и осталось в народе после того, как прекратилась их власть.

А шииты — те причитают и плачут в этот день, горюя об убиении «господина мучеников», и открыто проявляют [свою печаль] в городе Мира[8] и в других подобных городах и местностях...

Затем существует разногласие относительно того, в какой из понедельников была хиджра[9]: некоторые говорят, что она [была] во второй день первого Раби, другие говорят — в восьмой день этого месяца, а иные двенадцатого. По общему соглашению [решили считать], что она восьмого. Невозможно, чтобы [хиджра] была второго или двенадцатого, ибо оба [эти числа] не падают на понедельник. Поэтому, как мы говорили, прибытие пророка — мир с ним! — в Медину произошло за один день до Ашура...

[1] *Доисламских* — т. е. арабов, еще не принявших мусульманства.

[2] *Мухаррам* — первый месяц мусульманского года.

[3] *Шииты* и *сунниты* — две основные ветви ислама (мусульманства); последние признают наравне с Кораном Сунну — «священное предание», дополняющее положения Корана.

[4] *Пророк* — Мухаммед (Магомет) (ок. 570—632) — основатель ислама, «посланник аллаха».

[5] Адам — легендарный «родоначальник» людей.

[6] Претендент на престол халифа Хусейн был убит в 680 г., в правление второго халифа Омейядов.

[1] Омейяды — династия халифов (661—750).
[2] Город Мира — официальное название Багдада.
[3] Хиджра — переселение Мухаммеда (Магомета) и первых мусульман из Мекки в Медину в 622 г.— отправная дата мусульманского летосчисления.

10. ШОТА РУСТАВЕЛИ

В XI—XII вв. культура феодальной Грузии достигла высокой степени развития. Среди деятелей науки и литературы того времени самым ярким талантом был современник царицы Тамары поэт-гуманист, мыслитель Шота Руставели. Писатель был одним из самых образованных людей своего времени: он владел греческим, арабским и персидским языками, был знатоком поэзии, грузинского фольклора, современных наук. Его знаменитая поэма «Витязь в тигровой шкуре» относится к памятникам мировой литературы. В ней он прославлял идеи гуманизма, дружбы народов, беззаветной любви к родине, восставал против зла и несправедливости.

Фрагменты из поэмы публикуются по изданию: Хрестоматия по истории СССР.— М., 1951.— Т. 1.— С. 120—121.

Беседа Автандила с Шермадином

Автандил солнцеподобный вел беседу с Шермадином:
«Вновь полно надеждой сердце после стольких дней невзгод.
Верю, что опорой крепкой остаешься господину!»
Пусть читатель в их беседе поученье обретет.
. . . .
Верность другу в испытаньях для меня неколебима.
Кто двуличен и уклончив, повергает в гнев творца.
Разлучен я с побратимом, и душа неутолима,
О покинутом рыдает и томится без конца.
Вот пути, чтоб в сердце друга не угасло дружбы пламя:
Первый — быть с ним неразлучно, следовать за ним всегда,
Путь второй — презрев богатства, радовать его дарами,
Третий — быть опорой другу в час, когда грозит беда.
. . . .
Вспоминай меня, любовью радовать всегда готовый.
Что враги тому, кто принял одиночество в удел?!
Стойким должен быть мужчина, не сдавать в беде суровой,—
Жалок тот, кто искушений пересилить не сумел.
[Завещание Автандила царю Ростевану.]
Сел писать царю посланье о судьбе своей печальной:
«Властелин, запрет нарушив, должен тайно я уйти;
Если друга не увижу, не вернусь с чужбины дальней.
Милосердным будь и помощь мне пошли, как бог, в пути.
Знаю, что мое решенье ты оценишь благосклонно.
Мудрый, жертвуя собою ради друга, вечно жив.
О, позволь тебе напомнить изречение Платона:
«Вслед за телом губит душу, кто двуличен или лжив».
Ложь — источник всех несчастий, если в сердце угнездится.
Как скитальца позабуду! Мне дороже брата он!
Нам даны и светлый разум, и прозрение провидца,
Чтобы духом мы постигли мира горнего закон.
Не кори, что поступаю против твоего веленья!
Неразрывно связан с другом, словно в плен захвачен им.
В поисках его любимой находя успокоенье,
Где бы ни был, да останусь волею неколебим!
. . . .
Разделяя скорби ближних, мир пройдешь неуязвимым.

Презираю человека, в ком предательство и ложь.
Не могу быть вероломным с повелителем любимым!
Тот не воин, кто к походу запоздал, скрывая дрожь!
Разве муж, кто перед боем, в тыл бежав, трепещет, жалкий,
И не может в час сраженья пересилить цепкий страх?
Трус — не лучше старой бабы, просидевшей век у прялки!
Лучше имя возвеличить, чем копить добро в ларях!
Смерти не задержат тропы, ввысь ведущие по кручам!
Слабого сравняет с сильным, погасив обоим взор,
Даст загробное свиданье старцу с юношей могучим.
Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор.
. . . .
Не исчислены ни разу и никем мои богатства!..
Раздари их бесприютным и освободи рабов,
Обеспечь сирот достатком, беднякам благоприятствуй,—
И меня добром помянут обретающие кров...

11. НИЗАМИ

Азербайджан переживал в XI—XII вв. пору расцвета культуры. Одним из крупных торгово-ремесленных и культурных центров Азербайджана был город Ганджа, где родился Низами (ок. 1141—1203). Он получил разностороннее образование — владел арабским и персидским языками, знал философию, юридические науки, математику, физику, географию, астрономию и медицину того времени. Пять поэм Низами, объединенных позднее под названием «Хамсэ»,— «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Семь красавиц», «Лейли и Меджнун» и «Искандер-наме» вошли в сокровищницу мировой литературы. Низами выступал в защиту прав угнетенного человека, против насилия и несправедливости, воспевал преданную любовь, дружбу и верность. В его творчестве отразились связи народов Закавказья с «русами» — славянским миром древней Руси.

Извлечения из поэмы «Сокровищница тайн» публикуются по изданию: Низами. Пять поэм.— М., 1946.— С. 50—52, 56—57. (Перевод Мариэтты Шагинян.)

Рассказ о старухе и султане Санджаре

Старуха одна, в возмущенья пылу,
Схватила султана Санджара[1] полу:
«О, где же, султан, справедливость твоя?
Тобой, что ни год, обижаема я!
Забрался твой пьяный шахнэ[2] под мой кров,
Ногой мне в лицо надавал пинков,
Избил, истоптал без вины меня он,
За волосы выволок из дому вон,
На людях ругал, поносил, как зверь,
Насилья печать наложил на дверь...
Правосудья венца — я не вижу в тебе,
Угнетенью конца — я не вижу в тебе.
Царь должен народу поддержкой стать,
А ты угнетаешь народ, как тать.
Не стыдно ль кусок отнимать у сирот?
Кто делает так, благороден ли тот?..
Ты — раб, хоть и в царское платье одет,—
Какой же ты царь, раз приносишь вред?..
Обрушил ты стены жилья горожан,
Ты вытряс зерно из колосьев дихкан[3]...
И нет правосудья сейчас на земле,
Ищи его лишь на Симурга крыле[4].
И стыд позабыт под окном голубым,

И честь на земном этом шаре — как дым.
Вставай, Низами, и заплачь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь — как вода!

Санджар — последний султан из так называемых «великих сельджуков» (1118—1157), предводителей племени гузов, в XI в. разоривших бо́льшую часть стран бывшего Арабского халифата.

[2] *Шахнэ* — султанский чиновник.

[3] *Дихкане* — землевладельцы (позднее крестьяне).

[4] *Симург* — легендарный царь птиц, которого никто не видел: правосудие улетело туда, где его нельзя найти.

Рассказ о старике-кирпичнике

Раз жил в стране Шама[1] кирпичник-старик.
Как призрак, людей сторониться привык.
Из трав ему плащ — одеяньем служил,
Кирпич обжигал он и выручкой жил...
Успех обеспечен в работе такой,
И спорился труд у него под рукой.
Но как-то случилось — к нему подошел
Прекраснейший отрок и слово завел:
«О, стыд и бессилье — твое ремесло!
Пусть возится с глиной погонщик ослов!
Вставай и лопатою землю не бей,
Ведь в хлебе никто не откажет тебе!
Брось эту отливку, что формой стара,
По-новому новое делать пора!
С твоей сединой тебе ли с руки
Мять глину с водой в земляные комки?
Ты стар, и покой тебе необходим,
А труд молодых предоставь молодым!»
Старик ему: «Пыл этот угомони!
Уйди и помех мне в труде не чини!
Нам, старым, подходит знать толк в кирпичах,
А юношам — тяжесть таскать на плечах!
К труду потому и тянусь я рукой,
Чтоб не протянуть ее перед тобой.
Не нищий — пред кем-нибудь клянчить дирхем,—
Тружусь и свой хлеб заработанный ем.
За этот кусок не терзай ты меня,
И коль я не прав,— да не видеть мне дня!»
От слов старика порицатель его
Заплакал и, плача, пошел от него.
Старик с таким качеством — видывал свет,
Одобрены дело его и ответ.

[1] *Страна Шам* — Сирия.

12. ЭПОС АРМЯНСКОГО НАРОДА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

Сасун — название одной из высокогорных областей Армении, лежащей к западу от Ванского озера. Здесь и сложился цикл героических сказаний о тысячелетней борьбе народа с иноземными захватчиками, называемый сказителями по-разному: «Неистовые из Сасуна», «Дом исполинов», «Яростные сасунцы», «Дом великих». Записанный исследователями армянского фольклора текст повествует о борьбе с захватчиками четырех поколений легендарных героев — Санасара, Мгера Старшего, Давида и Мгера Младшего и назван издателями по имени главного героя, наиболее близкого и дорогого народной памяти — Давида. Историки находят реальные прообразы богатырей эпоса в лице, например, славного полководца Мушега Мамико-

няна, князя Теодороса Рштуни. Насыщенный мифологией, эпос отражает в то же время реальную повседневную жизнь народа. Замечательная черта героев эпоса великодушие, милосердие. Жестоко расправляясь с поработителями, не щадя собственной жизни, Давид в разгар боя выслушал пришедшего к нему из вражеского стана безоружного старика-араба:

— ...Давид, мой дорогой,
Ведь это — люди, существа живые!
За что ты губишь их?
Ведь жены дома есть у них,
И дети есть у них...
Все они обездоленный, бедный люд,
Это войско несчастное ты пожалей!
Тот — опора матери старой своей,
Тот женился недавно и пригнан сюда,
Тот оплот и надежда бедной семьи,
Тот родителей престарелых звезда.
— Зачем же воевать со мной они пришли?
Старик сказал: — Что ж было делать нам?
Мелик насильно нас привел.
Мы не враги тебе! Твой враг — мелик,
Иди и с ним воюй...
И сжалился тогда Давид,
Убийство прекратил.
И молвил: — Ну, старик,
Хорошее слово ты мне сказал,—
Исполню слово твое...

Глубокие корни миролюбия народов-соседей раскрывают и слова, вложенные сказителями в уста матери мелика (царя) Мсыра, решившего предпринять вторжение в Сасун, собрать с него дань и убить Давида. «Если бы,— сказала Исмил-ханум,— ты сам решил навестить Давида и пригласил его к себе во дворец:

— Он был бы рад, сказал бы: есть у меня брат...
Мелик сказал: — Марэ, я араб, Давид — армянин.
Какой же он мне брат?
— Мелик,— сказала Исмил-ханум,—
Как не понять того?
Ведь часто армянин арабу брат.
В гости ходят к другу и рады помочь...

Краткие извлечения из поэмы публикуются по изданию: Давид Сасунский: Армянский народный эпос.— М.; Л., 1939.— С. 148—149, 208—210, 254—262, 276—282, 285—293.

Нашествие Мсра-мелика и победа Давида

Над тремя частями земли была у мелика власть,
Но не был подвластен ему Сасун — четвертая часть.
Созвал меджлис мелик. Сошлись за князем князь.
Принес корыто царь, поставил пред собой.
Ударил бритвой в лоб себя,
И кровь в корыто полилась.
И кровью той Мсра-мелик
Написал боевой приказ:
«Полночным странам — мой бранный клич!
Восточным странам — мой бранный клич!
Южным землям мой бранный клич!
Запад, внемли мой бранный клич!..
Народ! С неверным в бой зову тебя!
Война! Война!..»

И вот мелик войска повел
В Сасун. Сам впереди пошел.
В предел Сасуна ввел войска.
Там, где шумит Лерва-река,
Он станом в поле стал.
И не было шатрам числа,
Так стан мелика был велик...
Тогда мелик письмо Давиду написал:
— Иду на вас войной...

[Давид взял отцовские доспехи, Молнию-меч, коня Джалали. Сказочный конь за час преодолел семидневный путь и вознес Давида «на темя горы», где стоял «железный столб испытанья Мгера». Ударом Молнии-меча Давид повалил этот столб.]

...Он поскакал. Коню сказал:
— Стой! Я предупрежу сперва,
А после нападу!
И Давид со скалы закричал: — Эгей!
Эй! Кто спит — поскорей вставай!
Кто проснулся — коня взнуздай!
Кто взнуздал — свой меч надевай!
Кто с мечом — на коня влезай!
Не говорите потом, что Давид
Как вор пришел и ушел тайком!
Умолк Давид. Ворвался в стан.
Рубил, рубил и говорил:
— Скачи мой конь, скачи!
Рази мой меч, рази!

[Прекратив сражение по просьбе старика, Давид помчался к шатру спавшего крепким сном мелика и разбудил его. Мелик обманом бросил Давида в глубокую яму в железную сеть, накрыл ее стальной решеткой, а на нее взвалил мельничные жернова.]

Встряхнулся, рванулся в кольцах Давид,—
Вместо ямы открылось поле перед ним.
Цепи и кольца до неба взвились,
Поднялись жернова, в облака унеслись,
Каждый жернов по сорок душ раздавил.
Давид из ямы вышел и сказал:
— Не вздумай больше ты со мной хитрить, мелик!
На рассвете, как мужи, поборемся мы!

[Победив в поединке мелика, Давид вышел из шатра.]

Он к войску коня Джалали повернул.
Кто из полководцев и войск уцелел,
Он всех их призвать повелел и сказал:
— Вам всем дарую волю я!
Идите все туда, откуда вы пришли,
Идите по домам, живите как вы жили,
И дани с вас не нужно мне!
За жизнь мою молитесь и за души
Родителей моих!
Сидите дома у себя спокойно,
Не вздумайте ходить войною на Сасун!
Но коль подымете вы вновь оружье против нас,
Коль нападете вновь на нас, то знайте:
...По чести встретит вас Давид,
Вас Молния-меч сразит!..

Глава 5

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА И ДРУГИХ НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ С МОНГОЛО-ТАТАРСКИМ НАШЕСТВИЕМ

В XII в. монгольские племена обитали в Центральной Азии. Более отсталые северные, лесные племена занимались охотой и рыболовством, а южные, степные — кочевым скотоводством. Предводители монгольских племен (ханы) и их дружинники (нукеры) быстро обогащались. Они владели огромными стадами лошадей, верблюдов и овец. В хозяйстве знатных монголов работали рядовые общинники, «черные люди», и рабы-военнопленные. В 1206 г. предводитель одного племени — Темучин объединил монголо-татар под своей властью. Собрав курултай (съезд), монгольские феодалы провозгласили Темучина своим ханом под именем Чингис-хана. Вскоре начались завоевательные походы Чингис-хана и его полководцев. Монгольское войско было разделено на десятки, сотни, тысячи, объединенные в десятки тысяч — «тьмы». Отсюда пошло выражение «тьма-тьмущая» — бесчисленное множество. Нашествиям подверглись народы, создавшие очаги древней цивилизации в Азии и Восточной Европе, стоявшие на более высокой ступени общественного и культурного развития, чем завоеватели. Грабительские походы, обогащая феодальную верхушку, отрывали монголов от мирного труда и тем самым тормозили прогрессивное развитие монгольского общества.

Покорив племена, жившие на юге Сибири, завоевав Северо-Западный Китай, войска Чингис-хана вторглись в Среднюю Азию. Три года (1219—1221) народы Средней Азии вели неравную борьбу. После этого монголо-татары вторглись в Закавказье. И здесь люди мужественно сражались с завоевателями. Многие села и города были превращены в руины, население истреблено. В 1223 г. монголо-татары вышли на просторы причерноморских степей и в битве на реке Калке (у Азовского моря) нанесли поражение отрядам половцев и русских, после чего напали на Волжскую Булгарию.

В 1236 г. несметные полчища монголо-татар во главе с внуком Чингис-хана — Батыем (Бату) опустошили Волжскую Булгарию и вскоре обрушились на Рязанскую землю, а затем на Владимирское княжество. По преданию, из Рязанской земли вдогонку монголам вышел отряд богатыря Евпатия Коловрата. Русские воины мужественно сражались с врагом, пока все не пали в неравном бою. В 1238 г. главные силы Батыя овладели Владимиром, Ростовом, Суздалем, Тверью и другими городами, нанесли поражение войскам князя Юрия в кровопролитном сражении на реке Сити. В 1240 г. был взят и разрушен Киев. Русские земли оказались под игом Золотой Орды. Героическое сопротивление народов нашей страны подорвало силы завоевателей: в неравной борьбе они сорвали замыслы монголо-татарских ханов, спасли от разрушения и гибели европейскую цивилизацию.

Монголо-татарское иго на многие века затормозило экономическое и культурное развитие покоренных народов. Оно задержало объединение русских земель и княжеств в единое государство. Стремясь укрепить свою власть на Руси, золотоордынские ханы натравливали русских князей друг на друга, убивая непокорных.

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Хрестоматия по истории СССР.— М., 1951.— Т. 1.— С. 129—132, 133—134, 151—154, 157—158; Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV в.— М., 1960.— С. 428—430.

1. ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ОСАДА И ВЗЯТИЕ ХОРЕЗМА

В XII в. в Средней Азии сложилось феодальное Хорезмийское государство. В 1219—1221 гг войско Чингис-хана покорило страну. После упорного героического сопротивления жителей были захвачены и разрушены Бухара, Самарканд, Ургенч и другие города, население истреблено или обращено в рабство, плотины и другие ирригационные сооружения приведены в негодность. Завоеваниям способствовали феодальные усобицы местной знати, стремившейся ценой соглашений с противником сохранить свои богатства и земельные владения. Сочинение историка и государственного деятеля при дворе монгольских правителей Персии и Азербайджана Рашид-эд-Дина (1247—1318) о монгольских завоевателях повествует о взятии монголами города Хорезма в 1220 г.

Чингис-хан, когда он освободился от завоевания Самарканда, отправил Джебе, Субудая и Тукаджара[1] в погоню за султаном Мухаммедом Хорезм-шахом... [и] назначил своих старших сыновей — Джучи, Джагатая и Угэдэя в Хорезм с войском, в числе подобным песку степному... В один из дней внезапно несколько всадников из войска монгольского прискакали к воротам городским... Сборище близоруких[2] думало, что войско и есть эти несколько: толпа всадников и пеших обратилась на них. Монголы удалялись, точно добыча из сети, пока не дошли до увеселительного сада, находившегося в одном фарсанге от города. Боевые всадники вышли из засады за стенами, окружили горожан сзади и спереди и около ста тысяч человек[3] лишили жизни. Преследуя беглецов, они ворвались в город через ворота Хаилан... Так как солнце склонялось к западу, чужеземное войско воротилось и ушло в поле. На другой день они опять обратились к городу... Войска окружили, обступили и охватили город. Тогда отправили послов и призывали жителей города к покорности и повиновению. Так как в окрестностях Хорезма не было камней, то они рубили большие тутовые деревья и вместо камней из них устраивали метательные средства... Они занимали со дня на день жителей города угрозами, обещаниями и стращаниями в переговорах, а по временам также перекидывались стрелами, пока не прибыли разом со всех сторон осадные толпы[4] и занялись со всех сторон работой. Они дали повеление, чтобы сначала засыпали ров; в течение десяти дней его совершенно засыпали И условились отвести от них реку Джейхун[5]...

[Извещенный о больших потерях и распрях между Джучи и Джагатаем, Чингис-хан] велел принять начальство Угэдэю... и чтобы вели войну по его распоряжению... После того воины согласно занялись войной, и в тот же день они вознесли знамя на городскую стену и вошли в город. Горшками нефти они зажгли огонь в кварталах... Монголы бились крепко, брали квартал за кварталом и дворец за дворцом... всех перебили, а войска занялись грабежом и расхищением и одним разом разрушили остальные жилища и кварталы.

[1] *Джебе, Субудай, Тукаджар* — полководцы Чингис-хана.

[2] *Сборище близоруких* — т. е. недальновидных горожан.

[3] *Ста тысяч человек* — явное преувеличение. По другим источникам — 1000 человек.

[4] *Осадные отряды* — из покоренных жителей, превращенных в рабов.

[5] *Река Джейхун* — Амударья.

2. ЗАВОЕВАНИЕ МОНГОЛАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

После завоевания Средней Азии Чингис-хан послал войско для покорения Ирана и Закавказья. В 1220—1221 гг. монголы опустошили Азербайджан, разрушив многие города и перебив почти всех их жителей. Отпор завоевателям со стороны населения Азербайджана, Армении и Грузии вынудил их уйти из Закавказья в пределы Северного Кавказа. Нанеся поражение половцам и аланам (осетинам), монголы вышли в степи и в мае 1223 г. в кровопролитном сражении у реки Калки разбили соединенные силы русских князей во главе с Мстиславом Удалым и Даниилом Романовичем Галицко-Волынским и половцев во главе с ханом Котяном. Окончательно монголы захватили Азербайджан в 1231 г., Восточную Грузию в 1240 г. и Армению в 1243 г. После Батыева нашествия на Русь под игом Золотой Орды оказались народы Северного Кавказа. О завоеваниях монголов в Закавказье повествует армянский историк XIII в. Киракос из Гандзака (Ганджи).

Спустя несколько лет после разрушения города Гандзака это неистовое и коварное войско по жребию разделило между начальниками своими, смотря по значению каждого, разные города и области, провинции и крепости Армении, Грузии и Албании для грабежа и разрушения. Каждый из них с женами и детьми, с лагерным багажом, верблюдами и другими животными отправился в доставшийся ему удел...

А татары, многочисленные, как саранча, раскинулись по горам, полям и долинам... Зрелище было раздирающее и достойное горького плача: земля отказывалась скрывать хоронившихся в ней... Люди мужественные падали духом, и опускались руки у мужей сильных... Мраком покрылась вся страна... Разграблены были все имущества и богатства, но жадность их не насытилась. Они обыскали все дома и покои и не оставили в них ничего... И этой горькой участи они обрекли многие народы и племена...

[Подкопав и разрушив стены города Лори], неприятели, войдя в город, беспощадно умертвили мужчин, женщин и детей... Так поступили они и с другими городами... грабя имущество, умерщвляя и уводя в неволю жителей. Стремительные их набеги с грабежами и беспощадными убийствами были повсеместны, и никто не мог остановить их. Они грабили тем безопаснее, что царица Русудан[1] бежала и скрылась где-то. Ее примеру последовали и другие князья, думая лишь о собственном спасении.

[1] *Русудан* — дочь царицы Тамары.

3. БИТВА НА КАЛКЕ

Отрывок из труда арабского историка Ибн-эль-Асира, жившего в XIII в.

Когда татары овладели землею кипчаков[1] и кипчаки разбрелись... то большая толпа из них ушла в землю русских; эта страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители ее исповедуют веру христианскую. По прибытии их к ним все собрались и единогласно решили биться с татарами... Татары... двинулись в страну русских.

Услышав весть о них, русские и кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь татар... [и]... усердно стали пресле-

довать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам 12 дней, но потом татары обратились на русских и кипчаков... Для последних это было совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними.

Не успели они собраться к бою, как на них напали татары с значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней.

Наконец татары одолели и одержали победу. Кипчаки и русские обратились в сильнейшее бегство... Из бегущих убито было множество; спастись удалось лишь немногим из них; все, что находилось при них, было разграблено. Кто спасся, тот прибыл в свою землю в самом жалком виде... Их преследовало множество татар, убивая, грабя и опустошая страну...

[1] *Кипчаки* — половцы.

4. НАШЕСТВИЕ ПОЛЧИЩ БАТЫЯ НА РУСЬ. ПЕРВЫЕ ВОССТАНИЯ ПРОТИВ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Извлечения из Лаврентьевской летописи публикуются по изданию: ПСРЛ.— Т. 1.— Стб. 460—476.

В лето 1236. Той же осенью пришли из восточной стороны в Болгарскую землю безбожные татары и взяли славный Великий город Болгарский[1] и перебили оружием [всех жителей] от старца и до юного и до сущего младенца, и захватили много имущества, а город их сожгли огнем и всю землю их пленили...

В лето 1237. Зимою пришли из восточной стороны на Рязанскую землю лесом безбожники татары и начали воевать Рязанскую землю и захватили ее до Пронска, попленили Рязань всю и сожгли и князя их убили. Схваченных же одних рассекали, других стрелами расстреливали, а иным назад руки связывали. Много же святых церквей огню предали, монастырей и сел сожгли... потом пошли на Коломну. В ту же зиму. Пошел [князь] Всеволод сын Юрьев, внук Всеволода[2], против татар и сошлись около Коломны, и была сеча великая, и убили у Всеволода воеводу Еремея Глебовича и иных мужей много... и прибежал Всеволод во Владимир с малой дружиной, а татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли Москву татары и воеводу убили Филиппа Нанка, [павшего] за правоверную христианскую веру, а князя Владимира Юрьевича[3] схватили руками, а людей от старца и до сущего младенца перебили, а город и церкви святые, и монастыри все, и села сожгли и, захватив много имущества, отошли[4]. В ту же зиму. Выехал [князь] Юрий[5] из Владимира с малой дружиной, оставив вместо себя сыновей своих Всеволода и Мстислава, и пошел на Волгу с племянниками своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Владимиром и стал на [реке] Сити станом, ожидая к себе брата своего Ярослава с полками и Святослава с дружиною своею.

И начал князь Юрий собирать воинов против татар, а воеводство

в дружине своей передал Жирославу Михайловичу. В ту же зиму. Пришли татары к [городу] Владимиру месяца февраля в 3 день на память св. Семена во вторник... Владимирцы затворились в городе [крепости] с [князьями] Всеволодом и Мстиславом, а воеводой был Петр Ослядюкович. Владимирцы не сдавались[6], и тогда татары подъехали к Золотым воротам [крепости], приведя с собой Владимира Юрьевича, брата Всеволода и Мстислава. И начали татары спрашивать о князе великом Юрии, в городе ли он? Владимирцы [в ответ] пустили по стреле на татар, и татары также пустили по стреле на Золотые ворота. И после того сказали татары владимирцам: «Не стреляйте». Они же замолчали. И тогда, подъехав ближе к воротам, начали татары говорить: «Узнаете ли вашего княжича Владимира?» Стоял тот с унылым лицом. Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего... [Оба они] с дружиною своею и все горожане плакали, видя Владимира. А татары, отойдя от Золотых ворот и объехав весь город, остановились станом перед Золотыми воротами. Насколько видел глаз, окружило город бесчисленное множество [татарских] воинов. Всеволод же и Мстислав, пожалев брата своего Владимира, сказали дружине своей и Петру воеводе: «Братья! Лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую Богородицу и за правоверную веру христианскую, а не сдаться на волю их»...

Татары, станы свои урядив около города Владимира, пошли и взяли Суздаль, и святую Богородицу разграбили, и двор княжеский огнем пожгли, и монастырь св. Дмитрия сожгли, а другие разграбили, а монахов и монахинь старых, и попов, и слепых, и хромых, и глухих, и немощных, и людей всех порубили, а молодых монахов и монахинь, и попов, и дьяконов, и жен их и дочерей, и сыновей их повели в станы свои и сами пошли к [городу] Владимиру... В субботу Мясопустную начали татары готовить лес и до самого вечера ставили пороки[7], а за ночь огородили весь город Владимир тыном. В неделю[8] Мясопустную рано утром начали штурм города месяца февраля в 7 день... и взяли город до обеда, ворвавшись от Золотых ворот у [церкви] св. Спаса по примету[9] через городские стены, а отсюда с северной стороны от Лыбеди к Орининым воротам и к Медным, а отсюда от [реки] Клязьмы к Волжским воротам, и так вскоре взяли Новый город, и бежали Всеволод и Мстислав и все [оставшиеся в живых] люди в Печерный город[10].

А епископ Митрофан и княгиня Юрьева с дочерью и с снохами, и с внучатами и прочие княгини владимирские с детьми, и многое множество бояр и всего народа, укрывшиеся в церкви св. Богородицы, без милости огнем запалены были... Татары, выломав двери церковные, увидели одних от огня погибших, других же оружием до конца смерти предали, церковь разграбили, чудесную икону, украшенную золотом и серебром и драгоценным каменьем, ободрали, все монастыри и иконы ободрали и ограбили, а иные порубили, а иные забрали... и книги разодрали, и драгоценные одежды покойных первых князей, которые они повешали в церквах святых на память о

себе, тоже все взяли себе в добычу... И убиты были архимандрит монастыря Рождества св. Богородицы Пахомий, да игумен Успенский Феодосий Спасский, и прочие игумены, и монахи, и монахини, и попы, и дьяконы от юного и до старца и сущего младенца, и всех тех порубили, одних убивая, а других гоня в плен босых и без одежды, умирающих от мороза, в станы свои...

Захватив Владимир, пошли окаянные те кровопийцы на великого князя Юрия, и одни шли к Ростову, а другие к Ярославлю, а иные на Волгу на Городец, и завоевали все по Волге даже до Галича Мерского; а другие пошли на Переяславль [Залесский] и тот взяли, а оттуда всю страну и города многие, даже до Торжка, захватили, и не было места, мало было таких деревень и сел в Суздальской земле, где татары не воевали, и взяли они 14 городов, кроме слобод и погостов, за один месяц... И пошли безбожные татары на [реку] Сить против великого князя Юрия. Услышав об этом, князь Юрий с братом своим Святославом и с племянниками своими Васильком и Всеволодом и Владимиром и с мужами своими пошел против поганых, и встретились оба [войска], и была сеча злая, и побегли наши перед иноплеменниками, и тут убит был князь Юрий, а Василька взяли руками безбожные и повели в станы свои. Зло это случилось месяца марта в 4 день... И тут убит был князь великий Юрий на реке Сити, и дружинников его много убили... а Василька Константиновича вели в крайней нужде до Шернского леса, и как стали станом, принуждали его много проклятые безбожные татары к обычаю поганскому, быть в их воле и воевать [вместе] с ними, но он нисколько не покорился их беззаконию и много укорял их, говоря: «О глухое царство оскверненное! никак меня не отведете от христианской веры, хотя я и нахожусь весьма в большой беде...» И как только он это сказал, тотчас без милости убит был...

В лето 1239. Того лета татары взяли Переяславль Русский и епископа убили и людей перебили, а город сожгли, и, захватив много людей и имущества, ушли... Того же лета взяли татары Чернигов... и город сожгли и людей перебили и монастыри пограбили... Того же лета зимой взяли татары Мордовскую землю и Муром сожгли и по Клязьме воевали и город... Гороховец сожгли и вернулись в станы свои...

В лето 1242. Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий на помощь (князю) Александру против немцев, и победили их за Плесковом (Псковом) на озере и взяли много пленными, и возвратился Андрей к отцу своему с честью.

В лето 1262. Избавил Бог от лютого изнурения бесурменского[11] людей Ростовской земли, вложил ярость в сердца крестьянам: не вытерпев насилий (со стороны) поганых, собирались они на веча и выгнали (их) из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля. Откупали те окаянные бесурмене (у ханов Золотой Орды.— *Ред.*) дани и оттого великую пагубу людям творили: порабощали людей за проценты и множество душ крестьянских уводили врознь... В том же году убили (восставшие.— *Ред.*) Изосима преступника, был то

пьяница и срамословец, празднословец и кощунник, окончательно отрекся от Христа и стал бесурменином, вступив в прелесть ложного пророка Махмеда. Был тогда хищник, приехал от царя татарского, по имени Кутлубий, злой был бесурменин, и с его помощью окаянный отступник (Изосима) делал христианам великую досаду, надругался над крестом и святыми церквами, когда же люди на врагов своих на бесурмен восстали, одних изгнали, а других перебили, тогда и этого беззаконного Зосима убили в городе Ярославле. И тело его жрали псы и вороны.

[1] *Город Болгарский* — Булгар, столица Волжской Болгарии — феодального государства в Среднем Поволжье.

[2] *Всеволод Юрьевич* — князь Суздальский.

[3] *Владимир Юрьевич* — сын великого князя Юрия Всеволодовича.

[4] Москвичи оказали упорное сопротивление захватчикам: штурм города монголо-татарами продолжался пять дней.

[5] *Юрий Всеволодович* — великий князь (1212—1238), сын великого князя Всеволода Большое Гнездо.

[6] Осада монголо-татарами Владимира продолжалась с 4 по 7 февраля.

[7] *Пороки* — стенобитные орудия.

[8] *Неделя* — воскресенье.

[9] *Примет* — навал из земли, бревен и т. п. с внешней стороны крепостных стен.

[10] *Печерный город* — старая часть города Владимира.

[11] *Бесурмен (басурман)* — мусульманин, вообще нехристианин, иноверец; здесь бесурмене — откупщики золотоордынской дани.

Глава 6

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ В XII—XIII вв. БОРЬБА С НЕМЕЦКИМИ И ШВЕДСКИМИ ФЕОДАЛАМИ. ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Народы Прибалтики (предки латышей, литовцев, эстонцев, карел) с глубокой древности были тесно связаны с Русским государством. Некоторые из племен (чудь, ямь, либь (ливы), литва и др.) названы летописцем среди тех, которые «дань дают Руси». Прибалты участвовали в походах киевских князей, в борьбе Руси с печенегами уже в X в. Среди выдающихся воевод — киевских князей известны Микула Чудин, его сын Тука. Основание Ярославом Мудрым города-крепости Юрьева (Тарту) (1030) упрочило политические и торговые связи Руси с Прибалтикой. Племена, входившие в состав Новгородской республики (водь, ижора, карела, чудь) и Полоцко-Минского княжества (ливы, латгалы и др.), активно участвовали в борьбе против вторжений шведских, датских и немецких феодалов. Завершив к концу XII в. покорение полабских славян, немецкие феодалы развернули наступление на Восточную Прибалтику, а затем и на русские земли. Орудием агрессии под знаменем «крестового похода» явились сначала основанный епископом Альбертом Орден меченосцев (1202), а затем Ливонский орден (1237).

Извлечение публикуется по изданию: Латвийский Генрих. Хроника Ливонии.— М., 1938.— С. 75—82, 141, 148, 169, 171.

1. ХРОНИКА ЛИВОНИИ

О втором епископе Бертольде

...Став епископом, он ... отправился в Ливонию ... и собрал к себе всех важнейших лиц, как язычников, так и христиан. Предложив им напитки, угощение и подарки, он старался расположить их к себе... Они сначала ласково его приняли, но потом ... непрерывно старались — одни сжечь его в церкви, другие убить, третьи утопить. Увидев такое начало, он ... обратился к господину папе[1]... Господин папа даровал отпущение грехов всем, кто примет на себя знак креста[2] и вооружится против вероломных ливов; епископу Бертольду он дал грамоту об этом...

Собрав людей, епископ прибыл с войском в Ливонию... Против него собралась в боевой готовности масса ливов... Готовятся к бою и саксонские войска... Стремительно бросаются они на язычников, и ливы бегут. Епископ, не удержав коня из-за его быстроты, замешался в массу бегущих. Тут двое схватили его, третий ... пронзил его сзади копьем, а прочие растерзали на куски...

О епископе Альберте

В год господень 1198... Альберт... был посвящен в епископы... он отправился в Готландию[3] и там набрал до пятисот человек для крестового похода в Ливонию... 1207. На девятый год (епископства Альберта) вся Ливония была крещена, церковь наслаждалась тишиной и миром...

1211. Шел тринадцатый год епископства, а церковь не находила покоя от войн... 1215. Был семнадцатый год епископства Альберта, и вновь началась война по всем границам Ливонии... Эстония стала враждебной Ливонии. [Рыцари вступили в Эстонию], опустошили и предали огню все деревни, а мужчин, каких могли захватить, всех сожгли живыми... Сожгли все их замки, чтобы не было у них там убежища... Женщин и детей увели с собой в плен, захватили коней, скот, большую добычу и вернулись в землю свою...

[1] *Господин папа* — папа римский Иннокентий III (1198—1216), один из вдохновителей крестовых походов.

[2] Члены ордена меченосцев носили на белом плаще знаки красного меча и креста; «отпущение грехов» поощряло крестоносцев на совершение убийств «еретиков» и «язычников».

[3] *Готландия* — остров Готланд в Балтийском море, служил для немецких рыцарей перевалочным пунктом при переходе морем в Ливонию на кораблях.

2. НЕВСКАЯ БИТВА И ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Извлечения публикуются по изданию: ПСРЛ.— Т. XVIII.— С. 61—65.

Победа на реке Неве

(Правитель Швеции Биргер), услышав о храбрости великого князя Александра Ярославича[1], задумал победить его или в плен взять и Великий Новгород захватить и его пригороды и славянских людей обратить в неволю. И сказал он: «Иду и покорю всю землю Александрову». Король собрал великую силу, начальников и епископов своих, и шведов, и норвежцев, и сумь, емь[2], и наполнили корабли множеством своих полков и двинулись с великой силой, обуреваемые воинственным духом, и пришел в реку Неву и стал на устье Ижоры, желая в безумии своем захватить Ладогу[3] и даже Новгород и всю область Новгородскую. Тогда пришла весть, что шведы идут на Ладогу, а король в то же время прислал с гордостью послов к великому князю Александру Ярославичу в Новгород со словами: «Если можешь мне сопротивляться, то я уже нахожусь здесь и покорю землю твою»...

И пошел Александр на шведов с мужественными воинами своими, не со многою дружиною, потому что не было времени собрать многочисленное войско. Отец же его, великий князь Ярослав Всеволодович, не знал о нападении на сына Александра, некогда было послать весть к отцу, потому что враги уже приближались. И многие

новгородцы не успели собраться в войско, потому что великий князь Александр поспешил пойти против врагов.

И пришел на них в воскресенье 15 июля (1240), и была сеча великая со шведами. Избили множество шведов, и самому королю нанес Александр рану на лице острым своим мечом.

[1] *Александр Ярославич* (1220—1263) — сын переяславского князя Ярослава Всеволодовича; вместе с отцом участвовал в предыдущих сражениях с немецкими рыцарями.

[2] *Сумь, емь* — финские племена.

[3] *Ладога* — новгородская крепость при впадении реки Волхов в Ладожское озеро.

О шести храбрых мужах

В полку великого князя Александра оказалось 6 мужей храбрых, которые вместе с ним мужественно сражались. Первый, Гаврило Алексеич, наехал на корабль и увидел королевича и поехал по сходням до самого корабля, и все бежали перед ним, а возвратившись обратно, бросили его вместе с конем со сходен в море. Божиим же заступничеством он вышел невредим и, опять напавши, ожесточенно бился с самим воеводою посреди полка шведов, и тут был убит воевода шведов Спиридон и епископ их. Второй же новгородец, именем Сбыслав Якунович, много раз нападал, бился одним топором, не имея страха в сердце, и несколько человек пало от руки его, и все подивились его силе и храбрости.

Третий же — Яков Полочанин, бывший ловчим[1] у князя [Александра], напав на полк с мечом, ожесточенно сражался, и похвалил его великий князь. Четвертый же новгородец, именем Миша, напал пешим с дружиною своею и погубил 3 корабля шведов. Пятый же из молодших людей[2] некто по имени Сава, напав на великий златоверхий шатер, подсек его столб, шатер упал, а полки Александровы, увидев падение шатра, обрадовались. Шестой же, один из слуг Александра, по имени Ратмир, бился пешим, был окружен многими шведами, упал от многих ран и скончался.

Все это я слышал от господина своего, великого князя Александра, и от других, которые в то время принимали участие в битве.

Уцелевшие же шведы побежали посрамленными, а трупами своих убитых воевод наполнили 3 корабля, а для остальных убитых выкопали ямы и набросали в них бесчисленное количество трупов. Многие другие шведы были ранены и побежали той же ночью. Новгородцев же пало: Константин Луготинич, Юрата Пинящин, Намест, Дрочило Нездилов, сын Кожевника, а всего пало 20 мужей вместе с ладожанами[3]. Великий же князь Александр Ярославич возвратился с великою победою в Новгород.

[1] Ловчий ведал княжеской охотой.

[2] *Молодшие люди* — посадские низы (ремесленники, мелкие торговцы и др.).

[3] Перечень отличившихся в битве и погибших показывает, что в ней участвовали не только дружинники, но и ополченцы из Новгорода, Ладоги и, вероятно, других городов и сел.

О немцах и псковичах

В том же году немцы медвежане, юрьевцы, вельядцы[1] вместе с князем Ярославом Владимировичем[2] взяли город Изборск. И пришла весть в Псков, что немцы взяли Изборск, и вышел против немцев весь город Псков, и псковичи вступили с ними в борьбу и бились ожесточенно, и была между ними великая сеча. Тут убили Гаврила Гориславича, воеводу, и обратили в бегство псковичей и многих из них перебили во время бегства, а других взяли в плен. Немцы, подъехав к городу, зажгли весь посад[3] и много причинили зла: погорели многие церкви и святые иконы в них и все имущество церковное. Немцы опустошили села около Пскова и стояли под городом неделю, но города не взяли и, захватив много пленных, ушли. И были псковичи без мира. Некоторые же псковичи изменили и сносились с немцами, которых привел Твердило Иванкович[4] с иными, и начал сам владеть Псковом с немцами, разоряя села новгородские, а другие псковичи убежали в Новгород с женами и с детьми. В ту же зиму снова пришли с запада немцы и чудь на водь[5] и повоевали и обложили ее данью и построили деревянную крепость в Копорье[6], в земле великого князя Александра.

Но зло этим не ограничилось, немцы взяли и Тесово[7] и сделали набег, убивая купцов и не доехав 30 верст до Новгорода, а в другую сторону до Луги[8] и до Сабли, а великий князь Александр отъехал тогда в Суздальскую землю, в город Переяславль, с матерью и с княжною, и с двором своим, поссорившись с новгородцами.

Новгородцы же с челобитием[9] послали к великому князю Ярославу Всеволодовичу, прося у него сына себе в князья, и он дал им сына своего Андрея. Новгородцы же, посоветовавшись, послали владыку Спиридона[10] с боярами к великому князю с челобитием, прося себе в князья его сына, великого князя Александра. А в то время на землю Новгородскую напали литва, немцы и чудь, забрали по Луге всех коней и скот, не на чем было и пахать по селам. Князь же великий Ярослав принял прошение владыки и челобитье новгородцев и дал им опять сына своего Александра.

В 1242 году пришел великий князь Александр Ярославич в Новгород и тотчас пошел с новгородцами, ладожанами, с корелою и с ижерянами на город Копорье, и разрушили крепость до основания, а самих немцев перебили, а иных с собою привели в Новгород, а остальных Александр помиловал и отпустил, потому что был чрезвычайно милостив, а изменников вожан и чудцев повесил и пошел в Переяславль. Немцы же собрались с другой стороны и пришли на Псков и победили псковские полки и наместников своих посадили в Пскове. Услышав об этом, князь Александр пожалел о крови христианской и, нимало не помедлив, взял с собой брата своего Андрея и все войско и пришел в Новгород.

[1] *Немцы медвежане* — из города Медвежья Голова, *юрьевцы* — из Юрьева, захваченного немцами в 1214 г., *вельядцы* — из города Вельяд.

[2] *Ярослав Владимирович* — русский князь, бежавший к немцам в Ливонию.
[3] *Город* — крепость Пскова, *посад* — окружающие крепость кварталы, заселенные горожанами (посадскими людьми).
[4] *Твердило Иванкович* — псковский боярин-изменник.
[5] *Водь* — финское племя.
[6] *Копорье* — небольшая крепость у Финского залива в Новгородской земле
[7] *Тесово* — селение к северо-западу от Новгорода.
[8] *Луга* — река, впадающая в Финский залив.
[9] *С челобитием* — прошением от имени веча; с образованием Новгородской боярской республики (1136 г.) Новгород приглашал к себе на службу князей с их дружинами по решению веча (фактически — крупных бояр, высших церковников).
[10] *Владыка Спиридон* — епископ Новгородский.

Ледовое побоище

И пошел с братом своим Андреем и с новгородцами и с суздальцами на немецкую землю с великой силой, чтобы немцы не хвалились, говоря «унизим словенский язык».

Уже город Псков был взят и тиуны немецкие посажены в городе. Великий же князь Александр занял все пути ко Пскову и взял внезапно город, и, захватив немцев и чудь и наместников немецких, в оковах заточил в Новгороде, а город Псков освободил от плена, а землю немецкую повоевал и пожег и взял много пленных, а иных перебил. Они же собрались, говоря с гордостью: «Пойдем на Александра и, победив, возьмем его в плен». Когда немцы приблизились, стража великого князя Александра удивилась силе немецкой и ужаснулась. Князь же великий Александр, помолившись в церкви святой Троицы, пошел в землю немецкую, желая отомстить за кровь христианскую... Услышав об этом, магистр[1] пошел против них (полков Александра.— *Ред.*) со всеми своими епископами и со всем множеством их народа и силы их, какая только ни была в их области, вместе с королевской помощью[2]; и сошлись на озере, именуемом Чудским. Великий князь Александр возвратился назад.

Немцы же и чудь пошли за ним. Князь же великий поставил войско на Чудском озере на Узмени, у Воронья камня, и, приготовившись к бою, пошел против них. Войска сошлись на Чудском озере; было тех и других большое множество. Был же тут с Александром и брат его Андрей со множеством воинов отца своего, было у Александра множество храбрых, сильных и крепких, все наполнились воинственным духом, и были у них сердца подобны львиным. И сказали: «Княже, ныне пришло время положить свои головы за тебя».

Был же тогда день субботний, и на восходе солнца сошлись оба войска.

И была здесь злая и великая сеча для немцев и чуди, и слышен был треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и лед на замерзшем озере подломился, и не видно было льда, потому что он покрылся кровью. И сам я слышал об этом от очевидца, бывшего там.

И обратились немцы в бегство, и гнали их русские с боем как по воздуху, и некуда им было убежать, били их 7 верст по льду до Суболицкого берега, и пало немцев 500, а чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50 лучших немецких воевод и привели их в Новгород, а другие немцы утонули в озере, потому что была весна. А другие убежали тяжело раненными. Был же этот бой 5 апреля (1242 года).

[1] *Магистр* — глава немецкого ордена.
[2] *С королевской помощью* — с помощью вспомогательного отряда, присланного немецким рыцарям датским королем.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Литовские племена издавна жили на южном побережье Балтийского моря, между реками Неманом и Западной Двиной. В первой половине XIII в. возникло Литовское феодальное княжество. Его столицей стал Вильнюс (Вильно). В XIV—XV вв. территория Великого княжества Литовского расширялась за счет западнорусских, белорусских и украинских земель, ослабленных монголо-татарским нашествием. Вместе с укреплением и расширением княжества при князьях Миндовге, Витене и особенно Гедимине литовские дружины с участием украинских и белорусских воинов вели непрестанную борьбу с рыцарями Ливонского и Тевтонского орденов, нанеся им крупные поражения в битвах при Шяуляе (1236), у Дорогочина (1237), у озера Дурбе (1260). В 1385 г. Польша и Литва заключили между собой Кревскую унию (союз), закрепленный браком литовского великого князя Ягайло с польской королевой Ядвигой.

Объединенные силы немецких рыцарей, получив подкрепления, возобновили вторжение на земли Литовского княжества. Летом 1410 г. польские войска Ягайло и литовско-русские великого князя Витовта с участием украинских, белорусских и чешских полков в упорном и кровопролитном сражении близ селений Грюнвальд и Танненберг наголову разгромили войска Тевтонского ордена. Победа положила конец захватническим войнам немецких феодалов на литовско-русских землях, отстоявших свою независимость.

3. ЛИТОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О КНЯЗЕ ГЕДИМИНЕ И ЕГО ПОБЕДАХ НАД НЕМЕЦКИМИ РЫЦАРЯМИ

Извлечение публикуется из издания: Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV в.— М., 1960.— С. 476—478.

И был великий князь Витень на Великом княжестве Литовском и Жемоитском[1], и Русском, и родился от него сын, именем Гидимин. И по смерти великого князя Витеня сел на великом княжестве Литовском вышенареченный сын его Гидимин.

Пребывал же великий князь Гидимин по смерти отца своего Витеня на великом княжестве Литовском и Жемоитском, и Русском, сидя на столе отца своего в Пернове. И княжил он много лет. И по смерти его отца восстали против него немцы, прусы и лифлянты и пошли с великим множеством людей своих в землю Жемоитскую, хотя ею овладеть. Гидимин не успел быстро собрать свое войско против их и послал старейшего гетмана своего с малыми людьми

к городу Куносову, на помощь от немцев... И немцы того гетмана опередили... [и]... увели в плен, и овладели Жемоитской землей. И князь великий Гидимин заключил перемирие с немцами и дал за того гетмана своего откупу тридцать тысяч золотых. И на другой год, собрав всех людей своих и войско литовское и русское, пошел на немцев... И помог бог великому князю Гидимину, который всех немцев наголову разбил, а жемоитцы отступили и присоединились к государю своему прирожденному Гидимину, и так же немцев побили...

[1] *Жемоит (Жмудь)* — литовское племя и земля в области нижнего Немана.

4. СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН. ОПИСАНИЕ ЛИТВЫ И ЛИВОНИИ

Наблюдательный путешественник, дважды проезжая в начале XVI в. в Москву и обратно через Ливонию и Литву, оставил содержательные описания природы, государственного устройства, хозяйства и общественных отношений в этих странах.

Извлечения публикуются по изданию: Герберштейн С. Записки о московитских делах.— Спб., 1908.— С. 164—181.

Литва

Столицей народа является Вильна; это обширный город, расположенный в долине между холмами, при слиянии рек Вилии и Вильны... Ныне Вильна опоясана стеною, в ней строится много храмов и каменных домов; она служит также местопребыванием епископа... Кроме того, замечательны приходская церковь и несколько монастырей; преимущественным уважением между ними пользуется обитель францисканская, постройка которой обошлась очень дорого. Но храмов русских там гораздо больше, чем римского исповедания...

Главный промысел литовцев составляют имеющиеся у них в изобилии мед, воск и зола. Все это в большом количестве вывозится от них в Данциг, а затем в Голландию. В изобилии также поставляет Литва смолу и лес для постройки судов, а также хлеб... Литва довольно лесиста: в ней имеются огромные болота и много рек... Климат суров, животные всех пород малорослы; хлеба там изобилие, но посев редко достигает зрелости. Народ жалок и угнетен тяжелым рабством. Ибо если кто, в сопровождении толпы слуг, входит в жилище какого-нибудь поселянина, то ему можно безнаказанно творить что угодно, грабить и забирать необходимые для житейского употребления вещи, и даже жестоко побить поселянина. Поселянам же без подарков прегражден путь к господам, какое бы они не имели до них дело. А если допустят, то все же отсылают к чиновникам и начальникам. И если те не получат даров, то не решат и не постановят ничего хорошего...

Помимо оброка они работают на господ шесть дней в неделю: наконец, при женитьбе, при смерти жены, равно как при рождении и кончине детей и во время исповеди, они обязаны заплатить известную сумму денег приходскому священнику...

Ливония

...Область Ливонии тянется в длину на берегу моря. Столица ее Рига, в которой начальствует магистр Тевтонского ордена. Кроме Рижского архиепископа, в этой области есть епископ Ревельский и Эзельский. В Ливонии большое множество городков, особенно замечателен между ними город Рига на реке Двине, недалеко от устья, а также города Ревель и Дерпт. Русские называют Ревель Колыванью, а Дерпт — Юрьевым городом. Рига же удерживает свое название на том и другом языке. Из тамошних рек судоходны Рубон и Нарва. Князь этой области, орденские братья, главные из которых именуются командорами, а также вельможи и граждане — почти все германцы...

5. УКРЕПЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Развитие и укрепление феодальных отношений в Литве характеризуют земельные пожалования великих князей своим слугам-феодалам. Типичная жалованная грамота великого князя литовского Свидригайло публикуется по изданию: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.— Спб., 1863.— Т. I.— № 21 (перевод).

Божьей милостью мы, Свидригайло, великий князь литовских, русских и других земель. Делаем известным и даем знать этой нашей грамотой каждому ныне живущему и потомкам, кто на нее посмотрит или услышит ее чтение, кому это нужно будет.

Увидав и засвидетельствовав верную и всегда старательную нам службу нашего верного слуги пана Андрея Волотовича, мы, учинив совет с нашими князьями, боярами и нашей верной радой [советом], даем и дали тому вышеназванному пану Андрею за его верную службу село Михлин в Луцком вместо его отчины Загорова со всем тем, что к тем селам издавна, из старины, относилось и относится — навсегда и нерушимо со всеми угодьями и промыслами, ничего не изымая для себя, с поселками, нивами, пашнями, лесами, дубравами, бортными землями, пасеками, ловами звериными и ловищами, с бобровыми гонами, болотами, реками, озерами, колодцами, ручьями, прудами, с мельницами, мытами, рудными промыслами, и с тем, что в том имении решит посадить на свежем корню, со всеми оброками, которые к тому имению принадлежат и перед тем принадлежали, а также с лугами, покосами, и всеми угодьями, может он [все это] для себя улучшать, расширять, населять и приумножать. Даем тому названному выше пану Андрею Волотовичу поименованные выше места навсегда и нерушимо — ему, а после него его детям и его внукам, и его ближайшим родственникам: вольны пан Андрей Волотович, его родные и его потомки все те имения отдать, продать и променять. А при том были свидетели верные наши князья и паны... [перечислены поименно].

В подтверждение этого нашего пожалования печать нашу велели привесить к этой нашей грамоте. Писано в Киеве в лето от р. х. 1442, месяца декабря 9 день...

6. КЛАССОВАЯ БОРЬБА. ВОССТАНИЕ 1440 г. В СМОЛЕНСКЕ

Извлечение публикуется по изданию: ПСРЛ.— Т. XVII.— С. 67—69.

В 1440 году случилось большое зло в Литве: убит был великий князь Сигизмунд в Литве в городе Троках; в вербное воскресенье, перед обедом, было волнение большое в литовской земле, а в то время в Смоленске держал воеводство от Сигизмунда пан Андрей Сакович. Он стал приводить к целованию смольнян на том: кого князья литовские и паны и вся земля литовская посадят в Вильне на великом княжении, вам от литовской земли не отступать и от великого князя литовского и ни к кому другому не приступать, а меня вам держать у себя воеводой, пока сядет в Вильне князь великий. Владыка [епископ] Симеон и князья и бояре, и горожане, и черные люди целовали крест пану Андрею на всем том: от Вильны не отступать, а пана Андрея держать у себя честно воеводой в Смоленске.

После пасхи, на светлой неделе в среду, порешили [на вече] смольняне, черные люди — кузнецы, кожемяки, портные, мясники, котельщики — пана Андрея выгнать насильно из города, нарушили крестное целование, вооружились луками, стрелами, косами и топорами и зазвонили в колокол.

Пан Андрей стал совещаться с боярами смоленскими, а бояре ему молвили: «Вели, пан, своим дворянам вооружиться, а мы с тобой. Это лучше, чем даваться им в руки». И пошли против них [черных людей] на конях; и была схватка у [монастыря] Бориса и Глеба в городе. Избили много черных людей копьями до смерти, а другие раненые остались живы, и побежали черные люди от пана Андрея.

В ту ночь уехал пан Андрей из города с женой и бояре смоленские с ним.

После того было большое волнение в Смоленске. Схватили смольняне Петрыку, маршалка смоленского, и утопили его в Днепре, а посадили себе воеводой в Смоленске князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского...

В это время пришел князь Юрий Лингвеньевич из Новагорода в Литву, и князь великий королевич Казимир[1] дал ему отчину его Мстиславль. Бояре смоленские приехали к нему из Литвы в Смоленск, а черные люди не пустили их в город. Они разъехались по своим селам, и случилась потом борьба великая между боярами и черными людьми...

[1] *Казимир* — Казимир IV Ягеллончик, великий князь литовский с 1440 г., король польский (1447—1492).

Глава 7

ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА И СВЕРЖЕНИЕ ИГА МОНГОЛО-ТАТАРСКИХ ХАНОВ

В основе процессов, подготовлявших внутренние и внешние предпосылки образования централизованных национальных государств, лежала «незаметная работа угнетенных классов» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 406). Несмотря на катастрофические последствия Батыева нашествия и тяжелое иго Золотой Орды, производительные силы русских земель как в деревне, так и в городе постепенно восстанавливались. В XIV—XV вв. вместе с ростом феодального землевладения усиливалось закрепощение крестьян. Хозяйственная деятельность феодалов, пути извлечения ими доходов, способы эксплуатации крестьян и холопов полнее отражены в лучше сохранившихся церковно-монастырских архивах, но они характеризуют также и аналогичные хозяйства светских феодалов. Различного рода грамоты (указные, уставные и жалованные светских и духовных властей) свидетельствуют о дальнейшем укреплении феодального землевладения; те и другие дают наглядное представление о категориях феодально-зависимого населения, имущественном положении крестьян. Писцовые книги с описанием угодий и крестьянских дворов, с перечнем крестьян феодального владельца начали в это время служить документами, оформляющими фактическое прикрепление крестьян к земле и в дальнейшем — юридическое закрепление крестьян за помещиками.

УСТАВЫ И ГРАМОТЫ ФЕОДАЛОВ

1. ДУХОВНАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА АЛЕКСЕЯ ЧУДОВУ МОНАСТЫРЮ

Ок. 1377 г.

Публикуется по изданию: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.— М., 1964.— Т. 3.— № 28. (Далее АСЭИ.)

Се яз, смиренныи грешныи раб божии Алексеи, пишю грамоту душевную целым своим умом. Даю святому великому Михаилу и честному его чюду село Жилинское, Серкизовское, Тюфтецевское, Никола святыи на Сосонке, Рамение, что есмь купил у Ильи у Озакова, Софроновское с мельницею, Фоминское, Желетовское, Каневское, Душевое с деревнями и с бортью, Филиповское с деревнями и с бортью, Обуховскую деревню. А все те села даю с серебром и с половники и с третники[1] и с животиною. А что моя челядь в селех, а на них серебрецо, и не похотят служити, и хто куды похочет, и тем воля, отдав серебрецо; а хто рост[2] дает, тем воля же. А огород дадут[3], также и Садовская деревня к святому Михаилу. А монастырь святого Михаила чюда приказываю тобе своему сыну (духовному) князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии[4] — все пологаю на бога

упование и на тобе, как манастыря святого Михаила побережешь. А садець[5] мои Подолнеи святому Михаилу чюду.

[1] *Серебро (серебрецо)* — долг, ссуда, денежные доходы феодала с крестьян, *половники, третники* — феодально-зависимые крестьяне («сироты»), работавшие на господина из половины или части урожая.

[2] *Рост* — проценты, уплачиваемые крестьянином деньгами или работой («серебро изделньое») за ссуду.

[3] *Огород дадут* — овощи, выращиваемые на огороде.

[4] *Дмитрий Иванович* — великий князь Дмитрий Донской.

[5] *Садец* — сад, садик; «подольний» — расположенный внизу кремлевского холма.

2. ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА III НА ЗЕМЛИ И ПОМЕСТЬЯ

Публикуются по изданию: Самоквасов Д. Я. Архивные материалы: Новооткрытые документы поместно-вотчинских учреждений Московского государства XV—XVII столетий.— М., 1905.— Т. 1.— С. 125—126.

Грамота 1482 г. Се яз князь великий Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми Митю да Ерему Трусовых детей Воробина... селцем Копцами и з деревнями Богдановским Есипова селцом Солопским и з деревнями Ивановским Кузмина... з доходом з денежным и з хлебным по старине, как были те селца за Богданом за Есиповым и за Иваном за Кузминым.

Грамота 1490 г. Се яз княз великий Иван Васильевич всеа Руси пожаловал Васюка Иванова сына Тыртова... волостькою Костянтиновскую Немово да сына ево Василия... в поместье, з доходом з денежным и з хлебным по старине, со всем по тому, как та волостька была за Костянтином за Немым и за его сыном за Василием.

Грамота 1502 г. Се яз княз великий Иван Васильевич всеа Руси и сын мой князь великий Василей Иванович всеа Руси пожаловал есмя Афанасия Иванова сына Мосеева да сына его Федора... деревнями Богдановским Есипова в поместье, з доходом з денежным и с хлебным и с мелким доходом, оприч наших великих князей обежные дани.

УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ О ПОВИННОСТЯХ КРЕСТЬЯН

Извлечения из двух грамот о повинностях монастырских крестьян раскрывают усиление феодальной эксплуатации в XIV—XVI вв. Публикуются по изданиям: АСЭИ.— М., 1964.— Т. 3.— № 5; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Академии наук.— Спб., 1836 — Т. 1.— № 258, 48. (Далее ААЭ.)

3. УСТАВНАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА ВЛАДИМИРСКОМУ ЦАРЕВОКОНСТАНТИНОВСКОМУ МОНАСТЫРЮ. 1391 г.

Се яз Киприан митрополит всеа Руси дал есмь сю грамоту монастырю своему святому Костянтину и игумену, что ми били челом сироты[1] монастырские на игумена на Ефрема, так ркучи[2]: наряжает

нам, господине, дело не по пошлине[3], чего, господине, при первых игуменах не бывало, пошлины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали.

А игумен митрополиту так рек: яз, господине, хожу по старой пошлине, как было при первых игуменех, а здесь, господине, на Москве, игумен Царко, тот игуменил у святого Костянтина наперед мене, того, господине, и вспросы. И митрополит послал Окинфа[4] к Царку игумену, занеж тогды Царко неиздоровел, велел вспросити, какова пошлина в святом Костянтине и как людем монастырским дело делати.

И Царко игумен так отвечал Окинфу: при моем игуменстве так было в святом Костянтине: большим людем[5] из монастырских сел церковь наряжати[6], монастырь и двор тынити[7], хоромы ставить, игумнов жеребий весь рольи орать взгоном[8], и сеяти, и пожати, и свести, сено косить десятинами и в двор ввести, ез[9] бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити[10], пруды прудить, на бобры им в осенине поити[11], а истоки им забивати, а на велик день[12] и на Петров день[13] приходят к игумену что у кого в руках[14].

А пешеходцем[15] из сел к празднику рожь молоти, и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить, а лен дасть игумен в села, и они прядут сежи и дели[16] неводные наряжают, а дают из сел все люди на праздник яловицу[17], но одинова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, тремя бараны, и яз их пожаловал за яловицу, занеж ми была не надобе яловица, а по пошлине по старой всегды ходит яловица на праздник. А в которое село приедет игумен в братшину[18] и сыпци[19] дают по зобне[20] овса конем игуменовым...

И Киприан митрополит всеа Руси так рек игумену и христианом монастырским: ходите же вси по моей грамоте, игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте...

[1] *Сироты* — крестьяне.
[2] *Ркучи* — говоря, жалуясь.
[3] *Не по пошлине* — не по старине, больше обычного, чем и вызвана жалоба крестьян.
[4] *Окинф* — боярин митрополита, управлявший его хозяйством.
[5] *Большие люди* — зажиточные крестьяне, имевшие лошадей.
[6] *Церковь наряжати* — строить и убирать церковь.
[7] *Тынити* — строить изгородь, тын.
[8] *Жеребий... взгоном* — пахать принадлежащий игумену участок пашни всем вместе, сообща, в одно время.
[9] *Ез* — устройство для ловли рыбы в виде частокола или плетня, поставленных поперек реки или ее притока, где шла рыба.
[10] *На невод ходити* — ловить рыбу неводом (сетью).
[11] *На бобры... поити* — осенью ловить бобров.
[12] *Велик день* — праздник пасхи.
[13] *Петров день* — церковный праздник (29 июня).
[14] *Что у кого в руках* — с подношениями игумену.
[15] *Пешеходцы* — крестьяне малоимущие, безлошадные.
[16] *Сежи и дели* — неводы с приспособлениями для ловли рыбы.
[17] *Яловица* — нетелившаяся корова, телушка.

[18] *Братшина* (братчина) — праздничный пир в складчину.
[19] *Сыпци* — участники складчины, называемой также «ссыпчиной».
[20] *Зобна* — плетеный кошель, кузовок для дачи лошадям овса.

4. УСТАВНАЯ ГРАМОТА КНЯЗЯ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА.

Ок. 1450 г.

От князя Михаила Андреевича[1] на Белоозеро, к наместнику и ко всем боярам, и детем боярьским и околичником и поселским моим, ко всем без оменки[2]. Бил ми челом отец мой игумен Касьян Кирилова монастыря[3], а сказывает, что у него отказываете[4] людей монастырьскых серебреников, и половников, и рядовых людей и юрьевских, а отказываете не о Юрьеве дни, иных о рожестве Христове[5], а иных о Петрове дни. И вы бы так серебреников и половников и слободных людей[6] не отказывали, а отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит, а после Юрьева дни отказа от серебреника нет, а коли серебро заплатит, тогды ему и отказ[7]; а игумну есте серебреника после Юрьева дни пускати не велел. А кто сей моей грамоты ослушает, быти от меня в казни[8].

[1] *Михаил Андреевич* — внук Дмитрия Донского, удельный князь белозерский; после его смерти (1486) обширный Белозерский край вернулся в состав владений великого князя московского.
[2] *Наместник, бояре, дети боярские, околичники и посельские* — княжеские управители и слуги. *Всем без оменки* — без исключения.
[3] *Кирилло-Белозерский монастырь* — основан в конце XIV в., один из самых богатых и крупных в то время.
[4] *Отказываете* — отпускаете.
[5] *Серебреники* — крестьяне, находившиеся в феодальной зависимости за ссуду «серебром» (деньгами), часто фиктивную; серебро было «издельное» (отрабатывалось барщиной) и «ростовое» (с начислением процентов, «роста»); *половники* — крестьяне, работавшие на феодала из половины урожая; *рядовые люди* — работавшие на феодала по договору («ряду»); *юрьевские* — крестьяне, заключившие с феодалом соглашение о работе в вотчине на год с Юрьева до Юрьева дня (26 ноября). *Рождество Христово* — 25 декабря.
[6] *Слободные люди* — крестьяне, работавшие на феодала в течение обусловленного срока («рядовые», «юрьевские»).
[7] Половникам и серебренникам предоставлялась возможность получить «отказ» только в Юрьев день и после полной выплаты долга.
[8] *В казни* — здесь: в наказании.

5. ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ МОНАСТЫРЮ.

Ок. 1418 г.

Публикуется по изданию: Акты феодального землевладения и хозяйства.— М., 1951.— Ч. 1.— № 234. (Далее АФЗХ.)

Святого для Благовещениа се аз князь Александр Иванович[1] пожаловал есмь игумена благовещенского з братьею[2]. Что люди монастырские пошлые[3] в городе и в селах, коли придет моа дань, и игумен за них заплатит по силе. А опричь того не надобе им ни мыт, ни тамга, ни побережное, ни костки, ни осмничее[4]. Ни становщики, ни езовики не ездят ни по что, ни езу ими не бити, ни лугу им не ко-

сити[5]. Ни наместници мои к тем людем не всылают, ни судят их, ни доводщики к ним не въежжают, ни по что, оприче душегубства и разбоя, ведает и судит их игумен или кому прикажет[6]. А будет суд смесной[7], и наместници мои судят, а игумен с ними, или кому прикажет. А тутошных людей становых[8] игумен в монастырь не принимает. А кого к себе игумен призовет людей из иного княженья, а не из моее отчины, и тем людем пришлым не надобе моа дань на десять лет, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни инаа никоторая пошлина[9]. А уживут десять лет, и они потянут с старожильци[10] по силе. А к тем же людем также наместници мои не всылают, ни судят их, судит игумен свои люди сам или кому прикажет. А случится суд смесной, и игумен судит с наместники, а прибытком ся делят наполы[11]. А через сию грамоту кто их чим изъобидит или что у них возьмет, быти от меня в казни. А дана грамота июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новегороде. А на которую грамоту свою грамоту дам, а на сю грамоту грамоты нет.

[1] *Александр Иванович* — удельный князь нижегородский.

[2] *С братьею* — с монахами, живущими в монастыре.

[3] *Люди пошлые* — давние, старинные.

[4] Перечислены поборы в пользу князя; *мыт* — торговая проезжая пошлина; *тамга* — сбор за клеймо при продаже скота; *побережное* — за привал судов и лодок к берегу и за пастьбу скота в пойме реки; *костки* — проезжая подать; *осмничее* — торговая пошлина. Все эти поборы князь передавал в пользу монастыря.

[5] *Становщик* — смотритель стана или «яма», где стояли княжеские лошади; *езовник* — княжеский рыболов, ставящий на реке «езы».

[6] Княжеским судом запрещается судить монастырских людей, кроме дел об убийстве и разбое. Игумену пожаловано право иммунитета по судебным, административным и владельческим делам внутри монастырской вотчины.

[7] *Суд смесной* — производился с участием уполномоченных лиц тяжущихся сторон по всяким спорным делам, затрагивающим их интересы.

[8] *Люди становые* — жители Нижегородского княжества.

[9] *Ям* — повинность по ямской гоньбе; *подвода* — подводная повинность крестьян.

[10] *Старожильцы* — старинные, издавна живущие в вотчине в отличие от «новопришлых» крестьян.

[11] *Наполы* — пополам.

6. ВЫПИСЬ ИЗ ПИСЦОВЫХ КНИГ 1490—1491 гг. НА МИТРОПОЛИЧЬЮ ВОЛОСТЬ КАРАШ В РОСТОВСКОМ УЕЗДЕ

Извлечения публикуются по изданию: АФЗХ.— Ч. 1.— № 12.

Волость Караш, а в ней села и деревни митрополичи:

Село Осник над озером над Осников: в.[1] Гаврило, в. Лучка, в. Гридка, в.Васько, в.Степанко, в.Олексейко, в.Епинах, в.Фролко, в.Степанко, в.Дема, в.Илейка, в.Онанка, в.Пашко, в.Ондрейко, в.Тимошка, в.Онфимко, в.Акинка, в.Васько; а безпашенных[2] — в.Федько, в.Петрок, в.Окулик.

Село Чашниче над озером Чашничем, а в нем церковь Спас нерукотворенный образ: двор митрополич, в.дворник митрополич Пантелейко, в.посельской Иван Данилов, в.Огафонко, в.Олексейко, в.Ивашко, в.Ивашко ж, в.Ивашко, в.Жила, в.Курбатко, в.Лехоня, в.Данилко, в.Онфимко, в.Филька.

Село Павловское, а в нем церковь Дмитрей святы: поп Алексей, в.Симак староста, в.Микитка, в.Ермак, в.Дергайко, в.Паня, в.Голова, в.Истомка Полник, в.Ивоха, в.Микитка, в.Ивашко, в.Курило, в.Гридка.

Сельце Синельница: в.Ивашко, в. Куземка, в.Окинка, в.Васко, в.Ивашко, в.Федотко, в.Данилко, в.Ивашко, в.Мишук, в.Ивашко.

Сельце Ондронеж: в.Федько, в.Левка, в.Фомка, в.Степанко, в.Доронка, в.Еска, в.Гридка, в.Пронка, в.Васко, в.Васко ж, в.Васко же, в.Огафонко.

А деревень митрополичих к пяти селом...[3] И всех сел пять, а деревень к ним сто восмдесят и две, а дворов в них и в селах четыреста и сорок и шесть, а людей в них 446 ч., пашни шестнадцать сох.

Митрополичи ж починки на нове без пашни...[4]

В Караше ж селце Семеновское Воскресенского монастыря... а в нем христиан: в.Бориско, в.Исачко, в.Ивашко, в.Тимошка, в.Перфирко, в.Левка, в.Конан, в.Огафон, в.Васько, в.Корман, в.Михаль, в.Микитка.

А деревень к тому селу их жо[5]... И всех деревень к селу дватцать и одна, а дворов в ней пятьдесят и семь, а людей в них пятьдесят и семь ч., пашни соха с четвертию сохи...

И всего в Караше митрополичих и монастырских шесть сел, а деревень двести и три, а дворов в селе и в деревнях пятьсот и три дворы, а людей в них пятьсот и три человека, пашни семнадцать сох с четвертию сохи.

[1] Значком «в» условно обозначался двор.

[2] *Беспашенные* — не имевшие в момент описания пашни.

[3] Далее перечисляются деревни митрополита с числом крестьянских дворов от одного до шести.

[4] Далее названо 22 починка с 28 крестьянскими дворами.

[5] Далее названа 21 деревня с 41 крестьянским двором.

УСИЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

В XIV в. началось объединение русских земель вокруг Москвы. Она становилась центром сплочения русского народа в его борьбе против золотоордынского ига. Значительно усилилось Московское княжество при князе Иване Даниловиче (1325—1341). В его духовной грамоте названо уже около 100 принадлежавших ему городов и сел. Он получил от хана ярлык на великое княженье с правом сбора дани для Орды, что открыло ему путь к обогащению и дало ему прозвище «Калита» (денежная сума). Во второй половине XIV в. большая часть князей Владимиро-Суздальской земли уже признала власть московского великого князя. Настало время для открытой борьбы с Золотой Ордой, где началась «великая замятня» (усобицы) между самими ханами. В 1378 г. московская рать Дмитрия Ивановича, прозванного позже Донским (1359—1389), нанесла поражение напавшему на Рязанскую землю мурзе Бегичу. Хан Мамай предпринял наступление на Русь всеми силами Золотой Орды, намереваясь повторить Батыево нашествие. Заключив союзы с русскими князьями, собрав ополчение, князь Дмитрий выступил против Мамая.

Извлечения из документов публикуются по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.— М.; Л., 1950.— № 1, 3.

7. ДУХОВНАЯ ГРАМОТА МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ ИВАНА КАЛИТЫ.

Ок. 1339 г.

Во имя отца и сына и святого духа. Я, грешный, ничтожный раб божий Иван, пишу духовную грамоту, идя в Орду, никем не принуждаем, в здравом своем уме, в полном здоровье. На случай, если бог что решит о моей жизни, даю завещание сыновьям моим и княгине моей.

Завещаю сыновьям своим отчину свою Москву, а раздел учинить им такой. Дал я сыну старшему Семену: Можайск со всеми волостями, Коломну со всеми Коломенскими волостями, Городенку, Мезыню, Песочную и Середокоротну, Похряне, Устьмерску, Брошевую, Гвоздну, Ивани деревни, Маковец, Левичин, Скульнев, Канев, Гжель, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северске в Похрянском уезде, село Константиновское, село Орининское, село Островское, село Копотенское, сельцо Микулинское, село Малаховское, село Напрудское у города...

Даю сыну моему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходол, Великую слободу, Замошскую слободу, Угож, Ростовцы, Окатьеву слободку, Скирминовское, Тростну, Негучу; а села: Рюховское, село в Замошской слободе, село Семчинское...

Я дал сыну моему Андрею: Лопасню, Северскую, Наруникское, Серпухов, Нивну, Темну, Голичихи, Щитов, Перемышль, Ростовец, Тухачев; а села: село Талежское, село Серпуховское, село Колбасинское, село Нарское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфоновское, село Ясиновское, село Коломенское, село Ногатинское...

А княгине моей с меньшими детьми даю: Сурожик, Мушкину гору, Радонежское, Бели, Ворю, Черноголовль, на Воре слободку Софроновскую, Вохну, Дейково, Раменье, Данилищеву слободку, Машев, Сельну, Гуслицу, Раменье, что было за княгинею; а села: Михайловское, Луцинское, село у озера, село Родонежское, Дейгунинское, Тыловское, Рогож, Протасьевское, Аристовское, Лопастьнское, Михайловское на Яузе, 2 села Коломенских. А из городских доходов даю княгине моей осмничее, а тамгою[1] и другими доходами городскими поделятся сыновья мои; также и проездными торговыми пошлинами, которые у кого в уезде, то — тому, а оброком городским Васильцева веданья поделятся сыновья мои. А что касается моих бортников и оброчников купленных[2], то которые у кого в росписи, то — тому. А если, по моим грехам, татары будут доискиваться каких волостей и отнимут у вас... поделитесь вы опять этими волостями вместо тех. А численных людей[3] пусть ведают сыновья мои сообща, а моими людьми, купленными, в большом свертке, пусть поделятся сыновья мои...

Кроме московских сел, даю сыну моему Семену села свои купленные: село Аваковское в Новгороде на Улале, а другое во Владимире — Борисовское. А села, что я купил, Петровское, Алексинское, Вседобричь и Павловское на Масе (половину купил, а половину выменял у митрополита) и сельца на Масе, что я купил у Афинея,

то даю моему сыну Ивану. А что я купил села Варварское и Меловское у Юрьева, что выменял на Матвеищевское село, то даю сыну моему Андрею. А село Павловское (купля бабки нашей) и новое сельцо, что я купил, и Александр святой, что я купил в Костроме, то даю княгине своей.

А село, что я купил в Ростове,— Богородицкое, то отдал Бориску Воркову, если он будет служить какому-либо сыну моему, село будет за ним, а если не будет служить детям моим, пусть отнимут (у него) село.

А сельцо на Кержаче, что я купил у Игумена Прокофия, другое Леонтьевское, третье Шараповское, то отдаю святому Александру для своего поминовения. А завещаю тебе, сыну моему Семену, братьев твоих младших и княгиню мою с меньшими детьми...

[1] *Осминчее, тамга* — торговые сборы на рынках.
[2] *Оброчники* — сидевшие на землях князя и платившие ему оброк.
[3] *Численные люди* — занесенные ордынцами в «число» при переписи, с них взималась дань

8. ДОГОВОР ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА С ТВЕРСКИМ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ. 1375 г.

По благословению отца нашего Алексия, митрополита всея Руси, на сем, брате молодший, князь великии Михаило Олександрович, целуи ко мне крест, к брату старейшему, князю великому Дмитрию Ивановичю, и к моему брату, князю Володимеру Андреевичю, и к нашеи вотчине к Великому Новугороду, и за свои дети, и за свои братиничи[1].

Имети ти мене братом старейшим, а князя Володимера, брата моего, братом. А добра ти нам хотети во всем, везде, без хитрости. А што ты слыша ото крестьянина или от поганина о нашем добре или о лисе[2], а то ти нам поведати въ правду, по целованью, без хитрости.

А князи велиции крестьянстии и ярославьстии[3] с нами один человек[4]. А их ти не обидети. А имешь их обидети нам, дозря их правды, боронитися с ниме отъ тобе с одиного. А имут тобе обидети, нам, дозря твоие правды[5], боронитися с тобою от них с одиного.

А где ми[6] буде, брате, поити на рать[7], или моему брату, князю Володимеру Ондреевичю, всести ти с нами самому на конь[8] без хитрости. А пошлем воевод, и тобе и своих воевод послати.

А вотчины ти нашие Москвы, и всего великого княженья, и Новагорода Великого, под нами не искати[9] и до живота[10], и твоим детем, и твоим братаничем.

А людии ти нашим московьских, и всего великого княженья, и Новагорода Великого, и новоторъжськых[11] блюсти, а не обидети, как и своих. А закладнеи[12] ти в нашеи вотчине, в великом княженьи, не держати, ни грамот не давати.

А имут нас сваживати татарове[13], и имут давати тобе нашу вотчину, великое княженье, и тобе ся не имати, ни до живота. А имут

давати нам твою вотчину Тферь, и нам ся тако же не имати, и до живота[14].

А в Кашин ти ся не въступати, и что потягло к Кашину, ведает то вотчичь князь Василеи...

А жити нам, брате, по сеи грамоте. А с татары оже будет нам мир, по думе. А будет нам дати выход[15], по думе же, а будет не дати, по думе же[16]. А поидут на нас татарове, или на тебе, битися нам и тобе с одиного всемъ противу их. Или мы поидем на них, и тобе с нами с одиного поити на них...

[1] *Братиничи* — племянники.
[2] *О лисе (лихе)* — о враждебном.
[3] *Ярославьстии* — ярославские.
[4] *С нами один человек* — с нами в союзе, дружбе.
[5] *Дозря их правды, дозря твоие правды* — рассмотри, рассудив их (твою) правоту или неправоту.
[6] *Ми* — мне.
[7] *Поити на рать* — пойти на войну.
[8] *Всесть на конь* — в переносном смысле — лично отправиться на войну, предводительствуя своими войсками.
[9] *Под нами не искати* — не претендовать и не требовать земель и титула великого князя московского.
[10] *До живота* — до смерти, до окончания живота (жизни).
[11] *Торжок (Новый Торг)* — в то время важный торговый и перевалочный пункт на пути из Москвы в Новгород, из-за которого шла борьба между Московским и Тверским княжествами. В 1332 г. присоединен к Москве.
[12] *Закладень* — закладчик, крестьянин или горожанин, поступивший в зависимость к феодалу и получавший от него грамоту.
[13] *Сваживать* — сорить, натравливать друг на друга.
[14] В ответ на отказ Михаила от титула великого князя Дмитрий обязуется не посягать на земли Тверского княжества.
[15] *Выход* — дань в Орду.
[16] *По думе* — по совету, с общего согласия.

9. ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОБОИЩЕ НА ДОНУ

Извлечение публикуется по изданию: Повести о Куликовской битве.— М., 1959.— С. 211—219.

Той же осенью пришел ордынский князь Мамай с единомышленниками своими и со всеми прочими князьями ордынскими и со всей силой татарской и половецкой, да еще кроме того отряды нанял басурман, армян, фрягов, черкесов, ясов и буртасов[1]. Также с Мамаем в единомыслии и в единой думе был и литовский Ягайло[2] со всею силою литовскою и польскою. С ними же в союзе был князь Олег Иванович Рязанский[3] и со всеми этими сообщниками пошел на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его Владимира Андреевича[4]... Окаянный же Мамай, возгордившись и считая себя царем, начал осуществлять злой замысел, темных своих князей звать[5]. И сказал им: «Пойдем на русского князя и на всю силу русскую, как при Батые было, христианство уничтожим и церкви божии спалим, и кровь их прольем и законы их погубим». Это из-за того, что нечестивый люто гневался за своих друзей и любимцев, князей, убитых на реке Воже[6]...

Дмитрий же князь, услышав в невеселое то время, что идут на него все царства, совершающие беззаконие, говоря: «Наша рука еще высока», пошел в соборную церковь... Встав после молитвы, вышел он из церкви и послал за братом своим Владимиром и за всеми князьями русскими и за воеводами великими. И сказал брату своему Владимиру и всем князьям русским и воеводам: «Пойдем против этого окаянного и безбожного, нечестивого и темного сыроядца Мамая, за правую веру христианскую, за святые церкви, за всех младенцев и старцев и за всех христиан...» И соединившись со всеми князьями русскими и со всею силою, пошел он против них скоро из Москвы, намереваясь оборонять свою отчину, и пришел в Коломну, и собрал воинов своих 150 тысяч, кроме войска княжеского и воевод местных. От начала мира не бывало такой силы русских князей, как при этом князе. Было всей силы и всех войск с полтораста тысяч или с двести[7]. Да еще к тому подоспели в ту пору военную издалека великие князья Ольгердовичи, чтобы поклониться и послужить: князь Андрей полоцкий с псковичами и брат его, князь Дмитрий Брянский со всеми своими воинами.

В то время Мамай стал за Доном, буйствуя, возгордившись и гневаясь со всем своим царством, и стоял три недели... И начал Мамай посылать к князю Дмитрию дани просить, как было при Чанибеке-царе[8], а не по своему соглашению... Олег же, отступник наш, присоединившийся к зловерному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, начал дань ему отдавать и свою силу посылать к нему на князя Дмитрия... И пошел он из Коломны с великой силой против безбожных татар 20 августа... И пройдя свою отчину, великое свое княжение, стал у Оки при устье Лопасни[9], перехватывая вести от поганых[10]. Тут приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич и все воины остальные, которые были оставлены в Москве[11]. И начали они перевозиться через Оку за неделю до Семенова дня в день воскресный, и, переехав через реку, вошли в землю рязанскую...

...Великий же князь пришел к реке Дону за два дня до рождества святой богородицы[12]... Пришли они к Дону, стали тут и много раздумывали[13]. Одни говорили: «Пойди, князь, за Дон», а другие сказали: «Не ходи, так как умножились враги наши, не только татары, но и Литва, и рязанцы»... (Дмитрий) сказал брату своему и всем князьям и воеводам великим: «Подошло, братья, время битвы нашей...» И велел мосты мостить и о бродах разузнавать в ту ночь[14]. На следующий день, в субботу рано, 8 сентября, в самый праздник, во время восхода солнца была тьма великая по всей земле, мгла, не было света от утра до третьего часа... Князь же великий приготовил свои полки великие, и все его князья русские свои полки подготовили, и великие его воеводы оделись в одежды праздничные, и случайности смертельные уничтожились... Когда князь перешел за Дон в чистое поле, в Мамаеву землю, на устье Непрядвы[15] господь бог один вел его...

И было это в шестой час дня, начали появляться поганые... И

тут приготовились татарские полки против христиан, и встретились полки; и великие силы увидав, пошли, и гудела земля, горы и холмы тряслись от множества воинов бесчисленных... Когда бились они с шестого часа до девятого, пролилась, как дождевая туча, кровь обоих — русских сыновей и поганых... А Мамай, в страхе затрепетав и сильно застонав, сказал: «Велик бог христианский и велика сила его...» И сам обратившись в бегство, быстро побежал обратно к орде... И гнали их до речки Мечи...

[1] Нанял служить в своих войсках басурман — жителей Волжской Болгарии, армян, живших в городах на Волге, фрягов — итальянцев из их колоний в Крыму Кафа (ныне Феодосия) и Сурож (ныне Судак), черкесов и ясов (осетин), живших на Северном Кавказе, буртасов — из племен Среднего Поволжья (в том числе мордвы).

[2] Литовский великий князь *Ягайло* (1377—1434) — сын Ольгерда. Старшие братья Ягайло Андрей и Дмитрий Ольгердовичи участвовали в Куликовской битве на стороне Дмитрия Донского.

[3] *Олег Иванович Рязанский* (умер в 1402 г.).

[4] *Владимир Андреевич* — князь серпуховской и боровский, двоюродный брат князя Дмитрия Донского (умер в 1410 г.).

[5] *Темных князей* — видимо, от «тьмы» — отряда татарских войск в 10 тыс. человек под командой «темников».

[6] То есть в битве на реке Воже в 1378 г.

[7] Численность княжеских дружин самых крупных составляла тысячи — десятки тысяч человек; подавляющую массу войск Дмитрия на Куликовом поле представляли вооруженные ополченцы из горожан и крестьян.

[8] *Чанибек, или Джанибек* (1342—1357) — хан Золотой Орды.

[9] *Лопасня* — приток реки Оки.

[10] Еще одно указание на постоянную разведку сил и намерений Мамая отрядами русской «сторóжи».

[11] Часть войск Дмитрий Донской оставил в Москве в предвидении возможного нападения литовских войск с запада.

[12] То есть 5 сентября.

[13] Раздумывали на военном совете перед битвой.

[14] Военный совет решил перейти через реку Дон навстречу Мамаю.

[15] *Непрядва* — правый приток Дона.

10. ИЗ ПОЭМЫ XIV В. «ЗАДОНЩИНА»

Поэма «Задонщина» в переводе В. Ф. Ржиги публикуется по изданию: Повести о Куликовской битве.— М., 1959.— С. 227—238.

Сойдемся, братья и друзья, сыновья русские, составим слово к слову и возвеличим землю Русскую, бросим печаль на восточную страну, в Симов жребий[1], провозгласим над поганым Мамаем победу, а великому князю Дмитрию Ивановичу воздадим похвалу и брату его, князю Владимиру Андреевичу...

Но устремимся мыслию над землями и вспомним первых лет времена и похвалим вещего Бояна[2], искусного гусляра в Киеве. Тот Боян возлагал искусные свои персты на живые струны и пел князьям русским славы...

И я восхвалю песнями и под гусли буйными словами и этого великого князя Дмитрия Ивановича, и брата его, князя Владимира Андреевича... было ведь мужество их и желание за землю Русскую и за веру христианскую.

А от Калкской битвы до Мамаева побоища 160 лет[3].

Этот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, испытав ум свой крепостью, поострили сердца свои мужеством и наполнились ратного духа и устроили у себя храбрые полки в Русской земле...

О жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синие небеса, посмотри на сильный город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу...

...Для нас земля Русская подобна милому младенцу у матери своей: его мать ласкает, а рать лозою наказывает, а добрые дела милуют его. И помиловал господь бог, человеколюбец, князей русских: великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

Остановился князь великий со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами на костях[4]: «Страшно ведь, брат, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, как стоги сена, а Дон-река три дня кровью текла. Считайте, братья, скольких воевод нет, скольких молодых людей нет». И говорит Михаил Андреевич, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович, нет тут у нас сорока бояринов больших московских, да 12 князей белозерских, да 20 бояринов коломенских, да 40 бояринов серпуховских, да 30 панов литовских, да 40 бояринов переяславских, да 25 бояринов костромских, да 35 бояринов владимирских, да 50 бояринов суздальских, да 70 бояринов рязанских, да 40 бояринов муромских, да 30 бояринов ростовских, да 23 бояринов дмитровских, да 60 бояр можайских, да 60 бояринов звенигородских, да 15 бояринов углецких, а погибло у нас всей дружины 250 000». И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество.

И князь великий Дмитрий Иванович говорит: «Братья и бояре, князья молодые, вам, братья, место суда между Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве, положили вы головы за Русскую землю и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем». «Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, в свою Залесскую землю и сядем, брат, на своем княжении. Чести мы, брат, добыли и славного имени...»

[1] *В Симов жребий* — по библейскому преданию, после всемирного потопа вся земля была разделена между тремя сыновьями Ноя: Симу достались все восточные страны, Хаму — южные, Афету — северные и западные. Татары, по взглядам автора «Задонщины», жили в земле («жребии») Сима.

[2] *Вещий Боян* — поэт-сказитель XI в., упоминаемый также в «Слове о полку Игореве». Упоминание в «Задонщине» Бояна, подражание ее автора «Слову о полку Игореве» — яркие свидетельства сохранения живых традиций поэтического творчества в Древней Руси, огромной популярности «Слова...» в среде русских книжников XIV в.

[3] *Калкская битва* — битва на Калке в 1223 г., где объединенная русско-поло-

вецкая рать в результате распрей между русскими князьями была разбита монголо-татарами.

[4] *Остановился на костях* — на поле битвы, где была одержана победа над врагом.

ПАДЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ИГА. УСИЛЕНИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ

Во второй половине XV—XVI в. сложилось Российское централизованное государство со столицей в Москве. В этот период народы России сбросили с себя вековое иго золотоордынских ханов. Завершилось объединение вокруг Москвы феодальных земель и княжеств, в состав государства вошли народы Поволжья, Приуралья, Западной Сибири. Возросла международная роль России. Подчеркивая, что в процессе возникновения национальных государств в странах Западной Европы королевская власть «была прогрессивным элементом... представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства», Ф. Энгельс замечал: «...и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 416). Совпадение процессов централизации с борьбой против ига Золотой Орды наложило печать своеобразия на экономическое и культурное развитие страны, обострило противоречия между господствующими и угнетенными сословиями-классами и внутри самого класса феодалов. В общественном и государственном строе длительное время сохранялись устойчивые пережитки феодального сепаратизма. Важным этапом, подготовившим объединение русских земель в единое государство, послужило усиление великокняжеской власти при князе Василии Васильевиче Темном (1425—1462) в результате его победы в двадцатилетней феодальной войне с представителями другой ветви московских князей — князем Юрием Дмитриевичем Галицким и его сыновьями.

11. «СТОЯНИЕ НА УГРЕ». ГИБЕЛЬ ХАНА АХМАТА. ЛЕТОПИСЕЦ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СВЕРЖЕНИЯ ИГА

Извлечения публикуются по изданию: ПСРЛ.— Спб., 1859.— Т VIII.— С. 205—207.

В том же году [1480] пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идет со всею Ордою... [на Русскую землю] ... Князь же великий [Иван III Васильевич] послал своего сына [князя Ивана] и брата [князя Андрея] и воевод со всеми войсками на Угру. И придя, они стали на Угре и заняли броды и перевозы... Царь Ахмат со своими татарами пошел по Литовской земле, мимо Мценска и Любутска и Одоева и, придя, остановился у Воротынска... Ахмат пришел к Угре со всем войском, желая перейти реку. И пришли татары, и начали стрелять в наших, а наши в них... И отбили татар от берега, и много дней они подступали и не могли перейти реку, и стояли, ожидая, когда замерзнет река...

Когда же река замерзла, князь великий велел сыну своему, великому князю Ивану, и брату своему, князю Андрею, и всем воеводам со всеми силами придти к нему к Кременцу[1], боясь татарского нашествия, чтобы, соединившись вместе, бороться с врагом. В граде же Москве все были в страхе. Когда наши отступили от берега, тогда татары, одержимые страхом, побежали, думая, что

русские пускают их на другой берег, желая с ними биться... Князь же великий с сыном и с братьями, и со всеми воеводами пошел к Боровску[2], говоря, что там учинит с ними бой.

Царь [Ахмат] убежал в Орду, и пришел на него ногайский царь Ивак[3] и Орду взял и его убил...

О храбрые, мужественные сыновья русские, постарайтесь сохранить свое отечество, Русскую землю, от татар, не пощадите своих голов, да не увидят очи пленения и разграбления домов ваших и убиения детей ваших и поругания над женами и дочерьми вашими, так же как пострадали иные великие и славные земли от турок — Болгария, Сербия, Греция, Трапезунт, и Аморея, и албанцы, и хорваты, и Босния, и Манкуп и Кафа и иные многие земли[4]...

[1] *Кременец* — городок, находившийся к северо-западу от Калуги, по дороге на Москву.
[2] *Боровск* — город к юго-западу от Москвы.
[3] *Ногайский царь* — хан Ногайской орды, кочевавшей в низовьях Волги.
[4] Названные страны и народы были завоеваны турками.

12. ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА

Летом 1471 г. 10-тысячное войско великого московского князя Ивана III разбило новгородское войско иа реке Шелони. Победа была одержана благодаря превосходству вооружения и военного искусства московской рати. Большую роль сыграло и нежелание «черных людей» — новгородских ополченцев сражаться с москвичами. В 1477 г. был предприият второй поход на Новгород. На этот раз новгородцы без боя покорились власти великого князя и сами «били челом» на самоуправных новгородских бояр. Вдову посадника Марфу Борецкую и других заговорщиков схватили и разослали по дальним городам. Вечевой колокол — символ независимости Новгорода — сняли и отправили в Москву. После нового боярского мятежа 1479 г. Иван III казнил его зачинщиков, сотни новгородских бояр и купцов были «выведены» в центральные уезды страны, а на их место поселены посадские люди из московских городов, земли розданы московским дворянам. Коростынский договор Ивана III с В. Новгородом 11 августа 1471 г. признавал Новгород «отчиной» великого князя.

Извлечения публикуются по изданию: Памятники русского права.— М., 1953.— Вып. 2.— С. 251—259.

Се приехаша к великому князю Иоанну Васильевичю всея Руси и к его сыну великому князю Иоанну Иоанновичу всеа Руси от посадника новогородского Тимофея Остафьевича и от тысяцкого новогородского Василья Максимовича, и от всего Великого Новагорода посадники новгородские... [названы послы В. Новгорода] ... и добили челом своеи господине великим князем...

Новгород, господине, держати вам в старине, по пошлине, без обиды, а нам, мужем новгородцом, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды. И за короля и за великого князя литовского... от вас, от великих князей, нам, вашей отчине Великому Новугороду, мужем вол[ь]ным не отдатися ни которою хитростью, а быти нам от вас, от великих князеи, неотступным ни х кому. А князеи нам у короля великого князя литовского собе на пригороды не просити, не принимати из Литвы князеи в Великии Новгород. Также нам, Великому Новугороду, отчине вашей, недругов ваших, вели-

ких князей, князя Ивана Можаиского и князя Иоанна Шемякина, и князя Василья Ярославича и их детеи и их зятии к собе в Новгород не принимати...

13. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТВЕРСКОГО КНЯЖЕСТВА

Извлечение публикуется по изданию: Памятники русского права.— М., 1955.— Вып. 11.— С. 65—69.

В лето 6993 [1485] ... Той же зимой князь великий Иван Васильевич разгневался на князя тверского Михаила Борисовича, который начал дружбу держать с литовским королем Андреем и советы с ним творить и просил короля выдать за него [замуж] его внучку. И за это князь великий послал на него своих воевод со множеством воинов. И попленили всю их землю, и взяли 2 города и сожгли; после того тверской владыка [епископ] з боярами добили [великому князю] челом и смирились...

В лето 6994 [1486]. Князь великий Иван Васильевич разгневался паче первого на князя тверского Михаила Борисовича, а не ведомо за что, то бог ведает и они сами между собой. Только нечто малое слышал от некоего мужа: как после первой брани, добив челом великому князю и отдався во всю его волю, как любо великому [князю], и измены не замышлять к королю на князя, о чем он и крест поцеловал, но потом начал грамоты посылать королю; и с такими листами поймали послов его люди великого князя... И узнав об этом, тверской князь начал посылать своих послов к великому князю с челобитьями; но его послы не добились ничего. И так князь великий Иоанн Васильевич... со множеством войска пришел к Твери; а князь тверской Михайло Борисович, предвидя свою погибель, и... забрав свою казну, побежал из города в Литву, а тверичи отворили город, вышли навстречу великому князю с крестами и добили ему челом. И так он вошел в город, не повредив ничего; и владыка тверской Вассиан, и бояре и купцы и все мужи от мала до велика поцеловали крест; и князь великий, посадив наместников своих, сына своего князя Ивана, отошел к Москве и положил оружие свое без крови...

14. ИЗ ЗАПИСОК СИГИЗМУНДА ГЕРБЕРШТЕЙНА

Барон Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) дважды, в 1517 и 1526 гг., подолгу жил в Москве в качестве посла австрийских императоров. Он владел русским языком и в своем сочинении о России использовал не только личные наблюдения, но и важные источники («Русскую Правду», Судебник, летописи), стремясь возможно объективнее описать страну, ее государственное устройство, войско, нравы и обычаи.

Отрывки публикуются по изданию: Герберштейн С. Записки о московитских делах.— Спб., 1908.— С. 164—181.

О власти великого князя Василия Ивановича

... Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. И он докон-

чил также то, что начал его отец [великий князь Иван III], а именно отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления. Во всяком случае даже родным своим братьям он не поручает крепостей, не доверяя и им.

...Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что, если он прикажет кому-нибудь быть при его дворе или идти на войну, или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет... Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех; из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они открыто заявляют, что воля государя есть воля божья и что ни сделает государь, он делает по воле божией... Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-нибудь деле неверном и сомнительном, то в общем обычно получает ответ: «Про то ведает бог да великий государь»...

Глава 8

РОССИЯ В XVI в. ФЕОДАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО XVI в. УСИЛЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА. КЛАССОВАЯ БОРЬБА. ВОТЧИНЫ И ПОМЕСТЬЯ XVI в. ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Писцовые книги XVI в.— Спб., 1877.— Отд. II.— Ч. I.— С. 1299—1534; Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI в.— М., 1977.— С. 78—79, 113—114, 121—122.

1. КАШИРА С УЕЗДОМ.
ПИСЦОВАЯ КНИГА 1578—1579 гг.[1]

Место городовое... в длину его 80 сажен, а поперег 60[2] сажен, а у города были двои ворота: болшие да ворота меншие, водяные, на реку на Коширу. На городе было 8 башен да 180 городен[3], да у городовые стены колодезь, от него был выведен тайник к реке к Кошире. А город сожгли татарове в 79 году... [На посаде в Подолной улице 315 дворов черных людей[4]] пожгли татарове в 79 г., а крестьяне померли в лихое поветрее[5], а иных поймали татарове в полон, а достальные люди розошлися в Коширский уезд по селом и по деревням и по иным государевым городом... [В станах Раставском, Безпуцком, Мстиславском] села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища за князьми и за детми боярскими в поместьях... И всего в Раставском стане детей боярских старых помещиков 240 человек, да 23 человека новиков[6], да 31 человек служат с отцовых поместий..., да 81 человек недорослей[7], да 22 девки... [всего за всеми 1889 дворов крестьянских, 143 двора бобыльских, людей в них 1911 человек].

[1] *Писцовые книги* — составлялись «писцами», включали сведения о городе, его укреплениях, церквах, монастырях, лавках, улицах и слободах, городском населении, землях, выгонах. Уезды описывались по селам и деревням, починкам, пустошам, с указанием владельцев вотчин и поместий, их размеров, крестьянских и других дворов.
[2] Указаны длина и ширина стен крепости.
[3] *Городня* — часть стены в виде сруба.
[4] *Черные люди* — посадские, горожане.
[5] *Лихое поветрие* — эпидемия острозаразной болезни.
[6] *Новики* — молодые дворяне, вновь зачисленные на службу.
[7] *Недоросль* — дворянский сын, не достигший 15 лет.

2. ЦАРСКИЕ ПОЖАЛОВАНИЯ

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Нижний Новгород воеводе нашему Левонтью Ивановичу Оксакову, да

дьяку нашему Ивашке Шарапову. Бил нам челом нижегородской и литовской новокрещен[1] Василей, а прозвище Головня. По окладу велено за ним нашего жалованья учинить поместья на 200 чети. И за ним деи поместья нет нигде. И нам бы его пожаловати... Матвеевым поместьем Свинухова в деревне в Горюшки [не]. А Матвея деи Свинухова не стало давно... Да будет по сыску так, как нам новокрещен Василей... бил челом, и ты б то Матвеево помес[т]ье Свинухова... велел отказати новокрещену Василью Головне... Бил нам челом нижегороцкой литвин Остафей Роща, по окладу велено ему нашего жалованья поместья учинить на 200 [чети] и за ним деи в тот оклад... помес[т]ья нет нигде. И нам бы его пожаловать в Нижегородском уезде Нечаевым да Шестаковым помес[т]ьем Григорьевых детей... И Нечая де и Шестка... не стало давно, а после их жен и детей не осталось... И ож будет так, как нам литвин Осташ Роща бил челом... и вы б в тех помес[т]ьях по выписи с книг пашни 150 чети велели отвесть литвину Остафью Роще в его оклад в 200 чети...

Бил нам челом цывильский жилец Богдашко Филипов сын Воетцкой. По окладу велено за ним нашего жалованья учинить помес[т]ья на 150 чети, и за ним деи помес[т]ья нет нигде. И нам бы его пожаловать... из порозжих земель пустошью Ячниковою Большою да пустошью Игнатовою..., что были в помес[т]ье за Меншиком да за Федором за Своробоярскими..., а ныне деи те пустоши порозжи, в помес[т]ье и в вотчину не отданы никому и к нашим дворцовым селам и к черным волостям не приписаны... Да будет по сыску так, как нам Богдашко Воетцкой бил челом. И вы б в тех пустошах пашни перелогу 133 чети велели бы есте отделити Богдашке Филипову в его оклад в 150 чети...

[1] *Новокрещен* — иноверец, принявший православие; среди них были люди из народов Поволжья, Сибири и др., а также литовцы, поляки, выходцы из стран Западной Европы. Последние, приняв православие (вместо католического или протестантского вероисповедания), приобретали права русских помещиков-дворян.

3. СУДЕБНИКИ XV—XVI вв. О КРЕСТЬЯНАХ И ХОЛОПАХ

В 1497 г. был принят первый сборник законов Российского централизованного государства — Судебник великого князя Ивана III (68 статей), а в 1550 г. Судебник царя Ивана IV (100 статей). Законы судебников санкционировали и регулировали права светских и духовных феодалов на эксплуатацию труда двух основных категорий феодально-зависимого населения — холопов и крестьян; они стали основой крепостнического законодательства.

Извлечения публикуются по изданию: Судебники XV—XVI веков.— М.; Л., 1952.— С. 27, 168—170, 172—173.

Судебник 1497 г.

57. **О христианском отказе.** А христианом[1] отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего[2] и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина[3]. А которой христианин поживет за ким год, да поидеть прочь, и он платит четверть

двора, а два года поживеть да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он весь двор платит.

Судебник 1550 г.

88. А крестианом отказыватись из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни до осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят в поле рубль и два алтына, а в лесех, где десять връст до хоромного лесу[4], за двор полтина и два алтына... А пожилое имати с ворот. А за повоз[5] имати з двора по два алтына; а опричь того пошлин на нем не имати. А останетца у которого крестианина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоачего даст боран[6] два алтына; а по кои места была рож его в земле, и он подать цареву и великаго князя платит со ржы, а боярьского дела[7] ему, за кем жыл, не делати. А попу пожылого нет, и ходити ему вон безсрочно воля. А которой крестианин с пашни продаст ся в холопи в полную, и он выйдет безсрочно ж, и пожылого с него нет; а которой хлеб его останется в земле, и он с того хлеба подать цареву и великого князя дает; а не похочет подати платити, и он своего хлеба земленаго лишен...

76. **А о холопстве суд.** По полной холоп грамоте[8]. По ключу по селскому з докладною холоп з женою и з детми, которые у однова государя с ним в одной крепости и которые породилися в холопстве; а которые его дети а родились до холопства, а учнут жыти у иного государя, или себе учнут жыти, то не холопи. А по городцкому ключю не холоп. По робе холоп; по холопе роба... По духовной холоп. По приданой робе холоп, а по холопе роба...

77. А отпускные давати з боарьского докладу; а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дьяком подписывати... А хто положит отпускную без боарьского докладу... и без дьачей подписи, хотя и государя своего руку, и та отпускная не в отпускную...

80. А холопа рать полонит, а выбежит ис полону, и он свободен, а старому государю не холоп. А похочет тот холоп к своему старому государю, и того холопа явити бояром, а дьаку подписати на старой крепосте, и пошлины имати з головы по алтыну...

81. А детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не принимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит...

[1] *Христианин* — здесь: крестьянин.
[2] *Юрьев день осенний* — 26 ноября.
[3] *В полех* — в полях, в местности безлесной; *в лесех* — в лесистой местности; *дворы пожилые* — плата за пользование двором, предоставленным феодалом крестьянину при поселении в его поместье или вотчине.
[4] *Хоромный лес* — лес строевой, годный для возведения жилых и хозяйственных построек.
[5] *Повоз* — подводная повинность крестьянина.
[6] *Боран* — денежный штраф.

[7] *Боярское дело* — барщина.

[8] *Грамота полная* — оформляла самопродажу человека в полное холопство, которое было бессрочным и наследственным. В такую грамоту записывали вместе с отцом и мужем жену и детей. Записанные в полной грамоте дети холопа могли быть по воле феодала переданы в приданое его дочерям («приданой холоп») или по завещанию другим его законным наследникам («по духовной холоп»). Холопом становился также человек, поступивший на службу к феодалу в сельской местности. Брак с несвободным человеком являлся безусловным источником холопства («по робе холоп, по холопе роба»). Статья 81 запрещала крупным феодалам впредь холопить мелких дворян (детей боярских).

4. УКАЗЫ 1597 г. О БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯНАХ И ХОЛОПАХ

Указы 90-х гг. XVI в. явились следующим после Судебников 1497 и 1550 гг. этапом законодательного закрепощения крестьян и холопов. В 70—80-х гг. XVI в. в Российском государстве была осуществлена общая перепись населения и составлены «писцовые книги», содержавшие сведения о городах, городском населении, размерах тягла, а также описания уездов по селам и деревням с указанием их владельцев, размеров вотчин и поместий, крестьянских и других дворов, окладных единиц в сохах, вытях и т. д. Писцовые книги узаконили сословную неравноправность угнетаемых классов общества, служили юридическим основанием для взимания податей и обложения повинностями тяглого населения феодальным государством, эксплуатации крестьян и усиления крепостной зависимости. Этому способствовало также введение «заповедных лет», в течение которых крестьянам запрещали переход от одного феодала к другому и в Юрьев день, а посадским людям (горожанам) — оставлять места своего жительства.

Прикрепление крестьян к земле, а горожан к посадской общине вызывалось также введением новых общегосударственных прямых налогов на тяглое население (стрелецкие, ямские, полоняничные деньги и др.).

Извлечения публикуются по изданию: Памятники русского права.— Вып. IV.— С. 370—373, 539—540.

Указ 1597 г. о пятилетнем сыске беглых крестьян

Лета 7106-го ноября в 24 день царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал. Которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских, и из-за всяких людей, ис поместей и из вотчин, ис патриарховых, и из митрополичих, и изо владычних[1], и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106-го году за пять лет,— и на тех беглых крестьян в их побеге и по тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем помещиком, из-за ково они выбежали, и патриаршим, и митрополичим, и владычним, и детем боярским, и монастырьских сел приказщиком и служкам давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски. А по суду и по сыску тех крестьян беглых з женами и з детми и со всеми их животы возити их назад, где хто жил. А которые крестьяня выбежали до нынешняго 106-го году лет за шесть и за семь и за десять и болши, а те помещики и вотчинники, из-за ково они выбежали... государю не бивали челом,— и государь указал на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем оне, выбежав, живут, суда не давати и назад им, где хто жил, не вывозити.

Указ 1597 г. о холопах

Лета 7105-го апреля в 25 день... государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии приговорил со всеми бояры о холопех, о полных, и о докладных, и о кабальных людех[2], которые люди, на Москве и по городом, служат в холопьстве у бояр, и у князей, и думных[3], и у приказных людей, и у детей боярьских, и у всяких служилых людей, и у гостей всяких торговых людей, по полным и по купчим и по докладным и по всяким крепостям[4], и по кабалам по старым, и по новым записным кабалам[5], и от кого которые холопи полные и кабальные люди побежали, и ныне с лета 7105-го февраля с 1 числа, государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии приговорил со всеми бояры.

1. От которых бояр полные холопи, и кабальные и приданые люди, и жены и дети побежали, и бояром имена своих холопей, и на них крепости, прислати в Холопей приказ, да тех холопей имяна, которые у государей своих служат и которые холопи от кого збежали, и на них крепости старые, полные и купчие и докладные и всякие крепости и кабалы старые в Холопье приказе записывати в книги. А тем всяким холопьим крепостным книгам быти за дьячею рукою, болшого для укрепления. А пошлин с старых кабал и со всяких крепостей не имати.

2. А приговорил государь со всеми бояры: Московского государьства всяким людем холопьи имена и на них крепости всякие записывати с нынешнего нового уложения бессрочно... И которыя люди служат в холопьстве у бояр, и у князей, и у дворян, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, и у гостей и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по рядным, полные люди, и те люди, и жены их и дети, в холопстве тем своим государем и их детям, по прежнему государеву уложенью по Судебнику.

5. А которого записново кабалново человека, которая кабала, старая и новая, по новому уложенью записано в книги, а в том кабалном холопьстве у ково родится сын или дочь,— и те их дети тем своим государем в холопи...

7. А который государь, поимав, приведет к Холопью Суду своего кабального холопа или рабу, а кабала будет у Холопья Суда в записных книгах записана; и тово холопа и рабу, по записной кабале, отдавати головою в холопство тому его государю, а в сносе[6] дать суд...

[1] *Владычних (владык)* — высших иерархов церкви (епископов, архиепископов и др.); здесь: стоящих ниже патриарха и митрополитов.

[2] *Кабальные люди* — холопы, которыми владели не только феодалы, но также «гости и всякие торговые люди» и царские чиновники («приказные люди»), вторая, после крепостных крестьян, категория феодально-зависимого населения.

[3] *У думных людей* — членов Боярской думы при царе.

[4] *По... крепостям* — по любым письменным документам, удостоверяющим факт похолопления человека.

[5] *Записным кабалам* — кабальным грамотам, зарегистрированным в Холопьем приказе.

[6] *В сносе* — в украденном холопом у господина при побеге.

5. «ВЕЛИКИЙ ПОЖАР» И ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ В 1547 г.

Извлечения публикуются по изданию: ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 13.— С. 455—457.

О пожаре в граде. Тоя же весны, априля 12 (1547)... загоресся в Торгу в Москотинном ряду[1]; и погореша лавкы в всех рядех[2] града Москвы со многыми товары от Николского хрестьца и до речной стены городной; и гостиные дворы великого князя[3], и дворы людскыа и животы многые погореша, от Ильинскые улицы и до городные стены, от площадки и до речной стены городной[4], церкви и монастырь Богоявленьской и Ильиньской. А у реки у Москвы у стрелницы[5] загорешася зелие пушечное[6] и от того розорва стрелницу и размета кирпичие по берегу реки Москвы...

О великом пожаре. Того же месяца 21... в 10 час дни... загоресся храм Воздвижение честного креста за Неглимною[7] на Арбатской улице на Острове. И бысть буря велика, и потече огнь, якоже молниа, и пожар силен промче в един час... В един час многое множество народу згореша, 1700 мужеска полу и женьска и младенець... таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися... прежде бо сего Москва не такова бяше народна, якоже ныне народом умножися в лета благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии...

О убиении князя Юрья Глиньского. И после пожару на 2 день приехал царь и великий князь навещати Макария митрополита... и бояре с ним, и вражиим наветом начаша глаголати, яко волхвъванием[8] ... вся Москва погоре... И того же месяца 26 день, в неделю, на пятый день после великого пожару, бояре приехаша к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей и начаша вопрошати: хто зажигал Москву? Они же начаша глаголати, яко княгиня Анна Глинская з своими детми и с людми волховала... и оттого Москва выгорела. И сие глаголаху черпии людие того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху... а князь Юрьи Глинской тогда приеха туто же... и пошел в церковь в Пречистую. Бояре же по своей к Глинским недружбе наустиша черни; они же взяша князя Юрия в церкви и убиша его...

Много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы, называючи их Глинского людми. А после того убийства на третий день приходиша многие люди чернь скопом ко государю в Воробьево, глаголюще нелепая, что государь хоронит у себя княгини Анну и князя Михаила и он бы их выдал им. Царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити; они же мнози разбегошася по иным градом, видяще свою вину, яко безумием своим сие сотвориша...

[1] *Торг* — на Красной площади перед Кремлем; *Москотинный ряд* — от «москоть» — красильные и аптечные товары.

[2] *В рядех* — торговля производилась из лавок, со скамей и т. п., расположенных по «рядам» с определенным товаром (суконный, шелковый, железный, игольный, замочный, иконный, калачный, луковый, мыльный, овощной, пирожный, самопальный, сапожный, соляной, судовой и др.); всего в XVI в. было более 60 торговых рядов.

[3] *Гостиные дворы* были устроены для иноземных купцов (армян, греков, литовцев, англичан и др.) и русских купцов из других городов.

[4] *До стены городной* — до кремлевской стены.

[5] *Стрельница* — башня.

[6] *Зелие пушечное* — порох пушечный (отличался от пороха «ручного», предназначенного для стрельбы из ружей).

[7] *За Неглимною (Занеглименье)* — часть большого посада Москвы, расположенная к западу от реки Неглинной.

[8] *Волхвъванием* — волшебством, чародейством, колдованием.

6. СУДЕБНИК 1550 г.

Приводятся статьи Судебника, характеризующие дальнейшую централизацию и усиление аппарата самодержавной власти, регламентацию судопроизводства и администрации, стремление царизма укрепить свою социальную базу, опираясь на многочисленное дворянство и посадскую верхушку.

Извлечения публикуются по изданию: Судебники XV—XVI веков.— М.; Л., 1952.— С. 141—177.

1. Суд царя и великаго князя судити боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу[1] в суде не имати; також и всякому судье посулов в суде не имати.

2. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду безхитростно[2], или список подпишет и правую грамоту[3] даст, а обыщется то в правду, и боярину, и дворецкому, и околничему, и казначею, и диаку в том пени нет[4], а истцом суд з головы, а взятое отдати.

3. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду[5], а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взяти исцов иск[6], а пошлины царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток и пожелезное взяти втрое[7], а в пене что государь укажет.

4. А которой дьак список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярьского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял, и на том дьаке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрму.

5. Подьачей, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутьем...

26. А бесчестие[8] детем боярским, за которыми кормлениа[9], указати против доходу, что на том кормление по книгам доходу[10], а жене его безчестья вдвое против того доходу; которые дети боарьские емлют денежное жалование[11], сколко которой жалованьа имал, то ему и безчестие, а жене его вдвое против их бесчестиа; а дьяком полат-

ным и дворцовым безчестие что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их бесчестиа; а торговым людем и посадцким людем и всем середним бесчестиа пять рублев, а женам их вдвое бесчестиа против их бесчестиа; а боярскому человеку доброму[12] бесчестиа пять рублев, опричь тиунов и довотчиков[13], а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведчику бесчестиа против их доходу, а женам их вдвое; а крестианину пашенному и непашенному бесчестиа рубль, а жене его бесчестиа два рубля; а боярскому человеку молотчему[14] или черному городцкому человеку молотчему[15] рубль бесчестиа, а женам их бесчестиа вдвое. А за увечие указывати крестианину, посмотря по увечию и по бесчестию; и всем указывати за увечие, посмотря по человеку и по увечью.

92. А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду...

98. А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати...

[1] *Посул* — взятка.
[2] *Бесхитростно* — по ошибке.
[3] *Правая грамота* — постановление (решение) суда.
[4] *Пени нет* — наказания (штрафа).
[5] *Не по суду* — за взятку, вопреки достоверным результатам следствия и суда.
[6] *Взяти исцов иск* — взыскать штраф в размере суммы иска (частного).
[7] Перечислены судебные расходы (езд, хоженое) и пошлины, взимаемые с виновного в тройном размере.
[8] *Бесчестие* — плата за оскорбление.
[9] *Кормление* — доходы за исполнение обязанностей по делам управления.
[10] *По книгам доходу* — по доходам, записанным в книгах.
[11] Денежное жалованье дворянам и детям боярским назначалось в соответствии со «статьей», в которой он числился.
[12] *Боярский человек добрый* — холоп, по своему положению или профессии более ценимый господином.
[13] *Тиун, доводчик, праведчик* — холоп, исполнявший в доме и хозяйстве господина административные или судебные функции по его поручению.
[14] *Боярский человек молотчий* — рядовой холоп, выполнявший «черную» работу.
[15] *Городцкой человек молодчий* — малоимущий посадский человек (горожанин).

7. «ИЗБРАННАЯ ТЫСЯЧА». 1550 г.

Одним из важных мероприятий, направленных на усиление самодержавной власти царя и его опоры в рядах дворянства, был приговор 1550 г. об испомещении под Москвой готовых «в посылки» «помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек». В список были включены дворяне из 46 городов и уездов, фактически со всей территории государства; из 1078 человек лишь 28 человек принадлежали к столичной знати (бояре, окольничие, оружничие, казначеи). В числе провинциальных детей боярских первой статьи находились многие лица, занимавшие при Иване IV крупные посты в войске и государственном управлении (например, князь А. М. Курбский, А. Ф. Адашев и др.).

Извлечения публикуются по изданиям: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь пятидесятых годов XVI века.— М.; Л., 1950; о русском войске XVI в. см.: Очерки русской культуры XVI в.— М., 1977.— Ч. I.

Лета 7059 октября царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил з бояры учинить в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в числяках и в ординцах[1], и в перевесных деревнях и в тетеревничих[2] и в оброчных деревнях[3], от Москвы верст за 60 и 70, помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек.

А которым бояром и окольничим быти готовым в посылки, а поместей и вотчин в Московском уезде у них не будет,— и [тем] бояром и окольничим дати поместья в Московском уезде по 200 чети; а детем боярским — в 1-й статье дати поместья по 200 ж чети, а другой статье детем боярским дати поместья по 150 чети, а третьей статье дати детем боярским поместья по 100 чети. А сена им давати по тольку ж копен, на колько кому дано четвертные пашни, опроче крестьянского сена,— а крестьяном давати на выть по 30 копен. А которой по грехом ис той тысечи вымрет, а сын его не пригодитца к той службе, ино в того место прибрать иного. А за которыми бояры и за детми боярскими вотчины в Московском уезде или в ыном городе, которые блиско Москвы верст за 50 или за 60 — и тем поместья не давати...

(Далее следует список 18 бояр, 6 окольничих, одного оружничего, двух казначеев.— *Ред.*)

...И всех в сей статье бо́яр и окольничих и с оружничем и с казначеи 28 человек, а поместья им дати по 200 чети, итого 5600 чети...

(Далее следует список разделенных на три «статьи» детей боярских.— *Ред.*)

...И всех детей боярских во всех статьях московские земли, и ноугородцких помещиков, и псковских, и торопецких, и луцких, и ржевских, дворовых и городовых — 1050 человек; а земли им дати 112 600 чети, оприч бояр. А бояр, и окольничих, и дворетцких, и с казначеи 28 человек; а земли им дати 5600 чети. А всех и з бояры 1078 человек; а земли им дати 118 200 чети.

[1] *В числяках и в ординцах* — на землях великокняжеских крестьян (государственных), переписанных раньше (положенных «в число») для уплаты дани в орду.

[2] *Перевесные, тетеревничие деревни* — с угодьями для царской охоты.

[3] *Оброчные деревни* — доход с них шел в виде оброка с крестьян или арендующих угодья лиц (дворян, купцов, горожан).

8. ПРИГОВОР О МЕСТАХ ВОЕВОД В ПОЛКАХ. 1550 г.

В XVI—XVII вв. сохранилось традиционное деление русского войска на полки — большой, правой руки, передовой, левой руки, сторожевой и Ертаульный; в состав этих полков входили дворянская конница, стрелецкая пехота и артиллерия (полковой наряд). В походах с участием царя создавался государев полк, возглавляемый дворовыми воеводами. В каждом полку имелись первый и второй (иногда и третий) воеводы, которым подчинялись командиры полковых подразделений — го́ловы и сотники. По укоренившемуся обычаю, представители феодальной знати занимали на военной и придворной службе более или менее высокое или низкое «место» в зависимости от положения их предков на иерархической лестнице чинов и фамилий (например, потомки великих князей стояли выше потомков князей удельных, ста-

ринные московские бояре выше бояр из других княжеств и т. д.). Местничая друг с другом, воеводы отказывались брать списки подчиненных им полков или их подразделений до разбора их спора царем или Боярской думой, отказывались выполнять распоряжения назначенных старшими воевод, считая их «меньше» себя, бездействовали в ожидании разбора своего местнического дела и т. д., что нередко приводило к провалу всего похода или к поражению в отдельном сражении с неприятелем. Приговор 1550 г. не отменял, а лишь регламентировал местничество воевод — определил старшинство самих полков (в указанном выше порядке), выделил первого воеводу большого полка как «главного» (главнокомандующего), установил субординацию первых и вторых воевод в полках.

Публикуется по изданию: Разрядная книга 1475—1598 гг.— М., 1966.— С. 125—126.

Лета 7058 г., июля, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил с отцом своим Макарием митрополитом, и з братом своим со князем Юрьем Васильевичем, и с князем Володимером Андреевичем, и з своими бояры, да и в наряд служебной велел написати, где быти на цареве и великого князя службе бояром и воеводам по полком: в болшом полку быти болшему воеводе, а передовому полку, и правые руки, и левые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводам быти менше болшого полку первого воеводы. А хто будет другой (второй.— *Ред.*) в болшом полку воевода, и до того болшюго полку другово воеводы правые руки болшему воеводе делу и счета нет: быти им без мест.

А которые воеводы будут в правой руке, и передовому полку да сторожевому полку воеводам первым быти правые руки не менши. А левые руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первых воевод. А быти левые руки воеводам менши правые руки первого воеводы. А другому воеводе в левой руке быти менше другова же воеводы правые руки.

А князем и дворяном болшим, и детем боярским на цареве и великого князя службе з бояры и с воеводы или с лехкими воеводами[1] царева и великого князя для дела быти без мест. И в наряд служебный царь и великий князь велел записати, что боярским детем и дворяном болшим лучитца на цареве и великого князя службе быти с воеводами не по их отечеству, и в том их отечеству порухи никоторые нет[2].

А которые дворяне болшие ныне будут с меншими воеводами где на цареве и великого князя службе не по своему отечеству, а вперед из них лучится кому ис тех дворян болших самими быть в воеводах и с теми же воеводами вместе, с которыми они были, или лучитца где быти на какове посылке, и с теми им воеводами, с которыми оне бывали, счет дати тогды, и быти им тогды в воеводах по своему отечеству[3], а наперед того хотя и бывали с которыми воеводами с меншими на службе, и тем дворяном с теми воеводами в счете в своем отечестве порухи нет по государству цареву и великого князя приговору[4].

[1] *Легкие воеводы* — поставленные в походе во главе отдельных отрядов, выполнявших частные задачи (разведка противника, захват небольших городов или крепостей, преследование разбитого неприятеля и т. п.).

[2] В летописном варианте приговора 1550 г. сказано: «хто с кем в одном полку послан, тот того и менши» (см.: ПСРЛ.— Спб., 1904.— Т. XIII.— С. 267). Это правило не приносило «порухи» (уничижения) «отечеству» назначенным в тот или другой полк на более низкие должности дворянам.

[3] Знатные («болшие») дворяне получали право после службы под начальством воевод, которых они считали менее знатными, получить с ними местнический «счет» и назначение воеводами «по своему отечеству».

[4] Фактически местничество воевод друг с другом продолжалось (даже в годы опричнины) вплоть до окончательной его отмены в 1682 г.

9. СТРЕЛЬЦЫ

Одной из важных реформ явилось учреждение в 1550 г. стрелецкого войска, вооруженного ручным огнестрельным оружием (ружьями — пищалями, рушницами или самопалами). Предшественниками стрельцов были пищальники — первые сведения о них относятся к началу XVI в.

Извлечение об учреждении стрелецкого войска приводится по изданию: ПСРЛ.— Т. XXII.— С. 532—533.

Учреждение стрелецкого войска

1550 г. Того же лета учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич выборных стрельцов с пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе, а головы у них учинил детей боярских: в первой статье Гришу Желобова сына Пушечникова, а у него пищальников 500 человек, да с ним головы, у ста человек сын боярской, а в другой статье дьяк Ржевской, а у него пищальников 500 человек, а у всяких у ста человек сын боярской; в третьей статье Иван Семенов сын Черемисинов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской в сотниках; в четвертой статье Васка Фуников сын Прончищев, а с ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в пятой статье Федор Иванович сын Дурасов, а с ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в шестой статье Яков Степанов сын Бунтов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской. Да и жалованье стрельцом велел давати по 4 рубля на год.

10. АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ Д. ФЛЕТЧЕР О СТРЕЛЬЦАХ. 1589 г.

Публикуется по изданию: Флетчер Д. О государстве Русском.— Спб., 1905.— С. 64, 68, 73—76, 123.

Пехоты, получающей постоянное жалованье, царь содержит до 12 тысяч человек, называемых стрельцами. Из них 5000 должны находиться в Москве или в ином месте, где бы ни имел пребывание царь, и 2000 (называемые стремянными стрельцами) при самой его особе... Прочие размещены в укрепленных городах, где остаются до тех пор, пока не понадобится отправить их в поход. Каждый из них получает жалованья по семи рублей в год, сверх двенадцати мер ржи и столько же овса... Стрельцы, составляющие пехоту, не носят никакого оружия, кроме самопала в руке, бердыша на спине и меча с боку. Ствол их самопала не такой, как у солдатского ружья,

но гладкий и прямой (несколько похожий на ствол охотничьего ружья); отделка ложа очень груба и неискусна, и самопал весьма тяжел, хотя стреляют из него очень небольшою пулею... В Сибири... построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны около шести тысяч солдат, из русских и поляков, которые царь усиливает, отправляя туда новые партии для населения, по мере распространения владений... Постоянных телохранителей его (царя.— *Ред.*) составляют 2000 стрельцов, стоящие день и ночь с заряженными ружьями, зажженными фитилями и другими нужными снарядами. Они не входят во дворец и сторожат во дворе, где живет царь... Стрельцы... сторожат дворец царский или опочивальню по двести пятидесяти человек в ночь; другие двести пятьдесят человек караулят на дворе и около казначейства...

11. УЧРЕЖДЕНИЕ ПОМЕСТНО-ДВОРЯНСКОЙ КОННИЦЫ

Централизация военных сил и военного управления в государстве была характерной чертой самодержавия. Судебник 1550 г. решительно запретил крупным феодалам принимать в холопы «детей боярских служивых и их детей, которые не служивали»; указ 1558 г. распространил это правило на всех сыновей мелких дворян — детей боярских, которым от роду было «менши пятинатцати лет». Эти законы закрывали источники пополнения военных сил феодальной знати, делали службу всех дворян в царском войске обязательной и наследственной. Уложение 1556 г. окончательно определило строгий порядок военной службы феодалов всех разрядов, помещиков и вотчинников, в качестве обязательной и наследственной повинности.

Публикуется по изданию: ПСРЛ.— Т. 13.— С. 268—269.

Уложение о службе. 1556 г.

Посем же государь и сея разсмотри: которые велможи и всякие воини многыми землями завладали, службою оскудеша,— не против государева жалования и своих вотчин служба их[1],— государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша[2], комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим[3]; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе полном, а в далной поход о дву конь[4]; и хто послужит по земли[5], и государь их жалует своим жалованием, кормлении, и на уложеные люди[6] дает денежное жалование; а хто землю держит, а службы с нее не платит[7], на тех на самех имати денги за люди[8]; а хто дает в службу люди лишние перед землею[9], через уложеные люди, и тем от государя болшее жалование самим, а людем их перед уложеными в полътретиа[10] давати денгами. И все государь строяше, как бы строение воинъству и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому розряды у царьскых чиноначалников, у приказных людей.

[1] *Не против вотчин... служба их* — феодалы являлись в поход с числом людей и оружием по своему усмотрению независимо от богатства и размеров их земельных владений; это ущемляло интересы мелких и средних дворян.

[2] *Землемерие им учиниша* — около 1551 г. был составлен единый писцовый наказ, и писцы начали измерять земельные владения в общегосударственной налоговой

единице — «сохе», с которой соразмерялись старые единицы, существовавшие в разных областях государства («выть», «обжа» и др.). В руках писцов в качестве пособия появилась «Книга, именуемая Геометрия или Землемерие».

[3] *Преизлишки... неимущим* — мелким дворянам.

[4] *100 четвертей (четей)* — около 50 га; если у феодала было 200 четей земли, он должен был привести с собой в поход одного слугу на коне, с оружием и в доспехах, если 300 четей,— двух слуг и т. д.

[5] *Хто послужит по земли* — выполнит полностью норму поставки людей, коней и оружия в соответствии с данным Уложением.

[6] *Уложенные люди* — ратники, выставляемые феодалом по одному с каждых 100 четей принадлежащей ему земли.

[7] *Службы с нее не платит* — не несет.

[8] *Имати деньги за люди* — удерживать деньги из жалованья по окладу за недоставленных по норме ратников.

[9] *Лишние перед землею* — выставленные в поход сверх установленной нормы (так называемые «передаточные люди»).

[10] *В полътретиа* — в два с половиной раза; так и назначалось на практике.

12. БОЯРСКАЯ КНИГА. 1556 г.

Вскоре после издания Уложения 1556 г. о службе были произведены смотры служилых людей: воеводы с «окладчиками» из числа самих дворян проверяли наличие людей, оружия и доспехов, лошадей в соответствии с правилами Уложения 1556 г., размерами принадлежащих феодалам поместий и вотчин и определяли, в какую «статью» и с каким денежным жалованьем должен быть зачислен каждый из них. В сохранившейся части Боярской книги 1556 г. перечислено 177 служилых людей от 11-й до 25-й «статьи» с окладами годового жалованья от 6 до 50 рублей. Однако фактически в зависимости от выполнения требований Уложения 1556 г. они получали значительно большее или меньшее жалованье. При этом учитывались качество доспеха (лучшими считались «бехтерец», «кольчуга», «зерцала»), оружия, обеспеченность служилого человека боевыми и вьючными конями и т. д. Боярская книга в то же время свидетельствует, что большую часть поместно-дворянской конницы XVI в. составляли не дворяне, а «люди с земли» — крестьяне и холопы.

Извлечения публикуются по изданию: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России.— М., 1861.— С. 27—80 (отд. второе).

Князь Федор княж Михайлов сын Борятинской... поместья сказал 600 четвертей, сам на коне в доспесе и в шеломе, людей его 10 чел., в них 5 чел. в доспесех и в шапках в железных с копьи о дву конь, 5 чел. в тегиляех в толстых[1] с копьи, об один конь, на одном шелом, а на другом шапка железна, а (у) 3-х шапки медены, из них ведут 2 коня просты княжи[2] 4 чел. А по Уложенью[3] взяти с него с земли (5 чел. в доспехах.— *Ред.*), и передал 5 чел. в тегиляех. А по новому окладу дати [на] его голову в 16 статье[4] 25 рублев, да на люди с земли 10 рублев, да на передаточных людей 17 рублев, а не додати ему на 3 шеломы 3-х рублев.

Михаило Тимофеев сын Шетнев... вотчины [за ним] не сыскано, поместья 147 четвертей... по старому смотру людей его 3 чел. в доспесех; в Серпухове смотр ему не был, был болен на Москве. А по Уложенью взяти с него с земли человека в тегиляе, и передал людей всех, а не додал человека в тегиляе; а по новому окладу дати на его голову в 16 статье 25 рублев, да на люди на передаточные 13 рублев, а не додати ему 2 рублев.

Михайло Михайлов сын Гагин... Поместья Михайло сказал за собою на 150 четвертей, вотчины не сказал; сам на коне в доспесе,

людей его 5 чел. на конех, 3 чел. в доспесех, 2 чел. в тегиляех да конь прост; а по Уложенью взяти с него с земли человека в тегиляе, и передал 3 чел. в доспесех, да человека в тегиляе. А по новому окладу дати на его голову в 16 статье 25 рублев, да на человека с земли рубль, да на передаточных людей 19 рублев...

Борис Иванов сын Шастинского... по старому смотру в Свияжском на году, сам на коне в доспесе, людей его с ним человек на коне в доспесе, 3 чел. пеших, в них 1 чел. в доспесе, а 2 чел. в тегиляех. А лета 7064 в Нижнем Новегороде Борис поместья за собою сказал на 180 четьи, вотчины на 20 четвертей; сам на коне в доспесе, людей его 2 чел. на конех в доспесех, в саадацех[5] и в саблех, 4 чел. пеших в саадацех, 2 с рогатинами, 2 с топорки; а по Уложенью взяти с него с земли человека в доспесе, и передал человека в доспесе; а по новому окладу дати на его голову в 18 статье 17 рублев, да на человека с земли 2 рубля, да на передаточного человека 5 рублев...

Петр Ондреев сын Окинфова... поместья за ним 250 четвертей, вотчины не сыскано... в Серпухове поместья сказал 200 четьи, вотчины 10 четвертей; сам на коне в доспесе, людей его 3 чел. на конех, в доспесех и в шеломех, 2 кони просты, 3 чел. с юки[6], а по Уложенью взяти с него с земли человека в доспесе да человека в тегиляе, и передал 2 чел. в доспесех, а не додал человека в тегиляе; а по новому окладу дати на его голову во 18 статье 17 рублев, да на люди с земли 3 рубли, да на передаточных людей 8 рублев; а не додати ему 2 рублев, потому что не додал человека в тегиляе...

[1] *Тегиляй толстый* — стеганый кафтан с высоким воротником и рукавами по локоть из «бархата цветного» с меховой опушкой, иногда из холста, с прокладками из железа или выделанной кожи, предохранявшими воина от удара саблей и ружейной пули.

[2] *Кони просты* — запасные, переменные в походе.

[3] *По Уложенью* — по Уложению о службе 1556 г.

[4] *На его голову* — лично самому дворянину.

[5] *В саадацех (с саадаками)* — луком со стрелами и колчаном.

[6] *С юки (с вьюки)* — с навьюченными походными припасами.

13. ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

С государственными преобразованиями середины XVI в. тесно связана деятельность первых Земских соборов, обсуждавших и решавших важные вопросы внутренней и внешней политики. В состав соборов входили члены Боярской думы, Освященного собора (высшие иерархи церкви), «приказные люди», возглавлявшие органы центрального управления — приказы, лица, ведавшие различными отраслями дворцового хозяйства (дворецкие, конюшие, казначеи и др.), а с 1556 г. также и депутаты от дворян и посадских верхов.

Извлечения из летописей о Земских соборах 1549 и 1556 гг. публикуются по изданиям: Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— Т. VII.— С. 295—296; ПСРЛ.— Т. XIII.— Вторая половина.— С. 402—403.

Важную роль в упорядочении взаимоотношений между светской властью и церковью, укреплении внутренней церковной организации и дисциплины в интересах господствующего класса сыграл так называемый Стоглавый собор 1551 г. (его постановления сформулированы в ста главах в виде «соборных ответов» на вопросы царя Ивана IV). Собор одобрил новый Судебник 1550 г., который расширил

права феодалов на труд зависимых крестьян. Постановления «Стоглава» содержат интересные сведения о бытовом укладе жизни народных масс в XVI в., о борьбе церковников с «языческими» обычаями и обрядами («скоморохи», «гусельники» и т. д.) в целях полного подчинения духовной жизни людей церковно-религиозному мировоззрению.

Извлечения из документа публикуются по изданию: Стоглав.— Спб., 1863.— С. 25, 29—32, 38—39, 47—48, 58—60, 81, 93—94, 96, 107—108, 124, 128, 135—136, 137—139, 140—142, 222—224, 228—233, 261—263, 275—276.

Земский собор. 1549 г.

Того же месяца февраля в 27 день царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии в своих царьских полатах перед отцем своим Макарьем митрополитом и предо всем освященным собором говорил боярам своим князю Дмитрию Феодоровичю Бельскому, князю Юрью Михайловичу Булгакову, князю Феодору Андреевичу Булгакову, князю Петру Михайловичю Щенятеву, князю Дмитрею Феодоровичю Палецкому, Василию Дмитреевичю Шеину, князю Данилу Дмитреевичю Пронскому, князю Александру Борисовичю Горбатому, и иным своим бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, что до его царьского возраста от них и от их людей детем боярским и христьяном чинилися силы и продажи[1] и обиды великие в землях, и в холопех и в ыных во многих делех, и они бы вперед так не чинили, детем бы боярьским и христьяном от них и от их людей силы и продажи и обиды во всех делех не было [бы] никоторые, а хто вперед кому учинит силу или продажу и обиду, и тем от царя и великого князя быти в опале и в казни.

И бояре все били челом государю царю и великому князю, чтобы государь их в том пожаловал, сердца на них не дерьжал[2] и опалы им не учинил никоторые, а они хотят служити ему, государю царю и великому князю, и добра хотети ему и его людям во всем вправду, безо всякия хитрости, по тому же, как служили и добра хотели господарю своему, отцу его, великому князю Василию Ивановичю всеа Руси... и деду его, великому князю Ивану Васильевичю всея Руси.

А которые будут дети боярьские и христьяне на них и на их людей учнут бити челом, о каких делех не буди, государь бы их пожаловал, давал им и их людем с теми детми боярьскими и со христьяны суд. И царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси перед отцом своим Макарьем митрополитом и перед всем освященным собором бояр своих пожаловал с великим благочестием и усердием, наказав их, умилне говорил им: «по се время сердца на вас в тех делех не держу и опалы на вас ни на кого не положу, а вы бы вперед так не чинили». Да и воеводам и княжатам и боярьским детем и дворяном большим то же говорил; и пожаловал их, наказал всех[3] с благочестием умилне.

Того же месяца февраля в 29 день царь и великий князь Иван со отцем своим Макарьем митрополитом и з бояры уложил, что во всех городех Московьские земли наместником детей боярьских не

судити ни в чем[4], опричь душегубства и татьбы и розбоя с поличным; да и грамоты свои жаловальные о том во все городы детем боярским послал.

[1] *Чинилися силы и продажи* — насилия и тяготы.
[2] *Сердца на них не держал* — не гневался.
[3] *Наказал всех* — здесь: наставил, научил.
[4] Исключение детей боярских из подсудности наместников сопровождалось запрещением крупным феодалам холопить детей боярских.

Стоглавый собор 1551 г.

[Царское «рукописание» собору]... Сие убо предлагаю писание вашей отеческой любви, ради пречистыя истинныя нашея православныя християнския веры... потружайтеся во еже исправити истинная и непорочная наша християнская вера, иже от божественного писания, во исправление церковному благочинию и царскому благозаконию и всякому земскому строению... Такоже и братия моя и вси любимии мои князи, и боляре, и воини, и все православное християнство помогайте ми и пособствуйте вси, единодушно вкупе...

Еще же молю вашу святыню и преподобие и о сем прострите прилежную молитву... еже за многия грехи наша попустил на нас бог скудость всякому плоду земному, такоже и скотом, и птицам, и прочему изобилию, и всякому стяжанию, и аще вашими отеческими святыми молитвами умолен будет от нас бог и милостива его себе мы сотворим и очистимся от всяких грех душевных и телесных, и тако уповаем на милость его, да помилует нас и моления нашего не презрит... и не оставит нас сирых, но послет благодать свою в помощь рабом своим и просветит ум наш и утвердит страх свой на нас и укрепит ноги наша на путь мирен, и наставит на всякое дело благо, и умножению подаст всяческим плодом земным и вся враги наша видимыя и невидимыя вскоре да покорит под ноги наши...

Царь глаголет к собору.

...Да аз же устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники, и соцкие, и пятидесяцкие по всем градом и пригородком и по волостем и по погостом, и у детей боярских, и уставные грамоты под сей судебник подписал пред вами, и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было дело наше по бозе в род и род и по вашему благословению неподвижино, аще достойно сие дело на святем соборе утвердив и вечное благословение получив и подписати на судебники и на уставной грамоте, которой в казни быти...

Вопрос... о монастырех иже пусты от небрежения. В монастыри дают боголюбцы душам своим и родителем на поминок вотчинные села и прикупы, а иные вотчины собою покупают в монастыри, а иные угодий у меня припрашивают и поимали много по всем монастырем. Братии во всех монастырех по старому, а инде старого меньше, ясти и пити братии старого скуднее, устроения в монастырях никоторого не прибыло, и старое опустело, где те прибыли и кто тем корыстуется, да тарханные и несудимые грамоты[1] и льготные у них

же о торговлях без пошлин. А черньцы по селом живут, да в городе тяжутся о землях, достойно ли то, а села и имения в монастыри емлют, а по тех душах и по родителех и по их приказу и памятей неисправляют, кто о сем истязан будет в день страшного суда...

Глава 6. И некогда вниде в слухи боговенчанного и христолюбивого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии самодержца, что по многим церквам божиим звонят и поют не во время... и многие церковные чины не сполна совершаются по священным правилом и не по уставу... соборне уложили отныне и впредь в царствующем граде Москве и по всем градом росийского царствия, по всем святым божиим церквам, звонити вечерни и утрени, часы и божественную литургию служити и прочее церковное пение правити сполна и по чину...

Глава 26. Ответ соборной о училищах книжных по всем градом... В царствующем граде Москве и по всем градом... избрати добрых духовных священников и дияконов, и дияков[2] женатых и благочестивых... и грамоте чести и пети и писати гораздивы, и у тех священников и у дияконов и у дияков учинити в домех училища, чтобы священницы и дияконы и все православные христиане в коемждо граде давали своих детей на учение грамоте, книжного письма и церковного пения и чтения налойного[3], и те бы священники и дияконы и дияки избранные учили своих учеников страху божию и грамоте и писати и пети и чести со всяким духовным наказанием...

Глава 28. О книжных писцех. Також которые писцы по градом книги пишут, и вы бы им велели писать с добрых переводов, да написав правили, потом же продавали, а которой писец, написав книгу, продаст неисправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением, а кто такую неисправленную книгу купит, потому же бы возбраняли, им, чтобы впредь так не творили, а впредь только учнут тако творити продавцы и купцы, и вы бы у них те книги имали даром, без всякого зазора, да исправив отдавайте в церковь, которые будут скудны книгами...

Глава 40. От священных правил о острижении брад. Також священная правила возбраняют православным християном во всем, чтобы не брити брад и усов непристригати, таковая несть православных, но поганых латынская еретическая предания...

Глава 41. ...Писати иконописцем иконы с древних преводов, како греческие иконописцы писали и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие[4] иконописцы, и подписывати святая троица, а от своего замышления ничтоже предтворяти... В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники, и гусельники, и смехотворцы и бесовские песни поют, и как к церкве венчатися поедут, священник со крестом будет, а пред ним со всеми теми играми бесовскими рищут[5], а священницы им о том не возбраняют и не запрещают... Да по погостом и по селом ходят лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отростив и распустя, трясутся и убиваются и сказывают, что им являются святые пятницы и Настасии и велят им заповедати християном каноны завечати, они

же заповедают в среду и в пяток ручного дела не делати, и женам не прясти, и платия не мыти, и камения не разжигати... Ответ... царская заповедь учинити, где такие прелестники... обрящутся и учнут смущати мир всякими своими богомерзскими прельщеньми бесовскими, и таких бы прелестников православные християне не слушали и из домов бы от себя отгоняли и от них удалялися...

Глава 72. О искуплении пленных. Которых откупят царевы послы в ордах и в Царе граде и в Крыму, или где-нибудь в дальних ордах от поганых из плену, и тех всех пленных окупати из царевы казны[6], а которых пленных православных християн приводят к Москве купив греки, турки, армения или иные гости, да быв на Москве восхотят их с собою опять повести, ино их не давати, и за то стояти крепко, да их окупати из царевы же казны, и колько того окупу из царевы казны годом разойдется, и то раскинути на сохи по всей земле...

Глава 75. О вотчинах и о куплях. Которые боголюбцы давали святым церквам на память своим душам, по своих родителех в вечный покой и в наследие вечных благ. Да духовным же пастырем, архимандритом и игуменом и строителем и соборным старцем... по всех по тех боголюбцах, которые давали вотчины и села и купли уставити по них кормы[7] и на памяти их пети понахиды собором и обедни служити и братию кормити по монастырскому чину, а имена их написати в синодик[8] и поминати по церковному уставу, а отчин их и сел, которые даны на поминок святым церквам без выкупа[9] и иных церковных и монастырских земель и прочих недвижимых вещей, по священным божественным правилом, ни отдати, ни продати, но крепко хранити и блюсти[10]...

Глава 92. О игрищах еллинского[11] бесования. Еще же мнози от неразумия простая чадь[12] православных християн во градех и в селех творят еллинское бесование, различные игры и плясания в навечерии Рождества Христова и против праздника рождества Иоанна Предтечи в нощи и в праздник весь день, мужи и жены и дети в домех по улицам отходя и по водам глумы[13] творят всякими играми и песньми сотанинскими и многими виды скаредными[14] подобно же сему творят и во святые вечеры и в навечерии Богоявления Господня... таковые творят неподобные дела, святыми отцами отреченныя[15]. Отныне же впредь подобает православным християном вместо сих бесования в такие святыя и честныя праздники приходити ко святым божим церквам и упражнятися на молитву... и божественного писания со вниманием слушати и божественную литургию со страхом предстояти...

И того ради по священным правилом... всем православным християном на таковая еллинская бесования не ходити ни во градех, ни по селом... Сего ради отрицают вся божественная писания и священная правила всякое играние и зернь, и шахматы, и тавлеи, и гусли, и смыки, и сопели, и всякое гудение и глумление и позорище и плясание[16]...

Глава 98. ...Приговорил еси государь преже сего с нами, с своими богомольцы... о наших митрополичьих слободах, и о архиепископльих и епископльих и о монастырских, что слободам новым тянути с городскими людьми всякое тягло и судом, и мы ныне тот приговор помним, в новых слободах ведает бог да ты, опричь суда, а ныне наместники твои государевы и властели тех слобожан хотят судити, и в том слобожаном нашим запустети, а преже того твои государевы наместники и властели наших слобожан не суживали, и ты бы, государь, своим наместником и властелем впредь наших слобожан судити не велел. А ныне твой царский приговор с нами, что в те новые слободы вышли посацкие люди после писца[17] и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад, и о том ведает бог да ты, государь, как тебе о них бог известит, а впредь бы митрополит и архиепископом и епископом и монастырем держати свои старые слободы по старине... а новых бы слобод не ставити, и дворов новых в старых слободах не прибавляти, разве от отца детем или от тестя зять, или от братия братия отделяются и ставят свои дворы; а в которых старых слободах дворы опустеют, и в те дворы звати сельских людей пашенных и непашенных по старине, как преже сего было, а отказывати тех людей на срок о Юрьеве дне осеннем по государеву указу, по старине же, а с посаду впредь градских людей в слободы не называти и не примати, разве казаков[18], нетяглых людей, а которые християне митрополичьи или архиепископльи и епископольи похотят из слобод итти на посад, или в села жити, и тем людям итти вольно на тот же срок[19].

[1] *Тарханные и несудимые грамоты* освобождали крупных церковников и монастыри от уплаты податей и выполнения повинностей в пользу государства, от вмешательства царских управителей и судей (кроме убийства, разбоя и татьбы с поличным) в дела церковных вотчин.

[2] *Дьяки* — ведали делопроизводством в Боярской думе, в приказах, в канцеляриях (избах) наместников и воевод больших городов.

[3] *Чтение налойное* — чтение богослужебных книг в церкви, стоя за аналоем (налоем) — высоким столиком с покатым верхом.

[4] *Пресловущие* — знаменитые, известные.

[5] *Рищут* от *ристать* — быстро бегать, скакать, ездить.

[6] На выкуп пленных тогда же был введен особый налог со всего тяглого населения — «полоняничные деньги» (взимались и в XVII в. См. Соборное уложение 1649 г.).

[7] *Уставити... кормы* — кормить нищих в день поминовения умершего «боголюбца», который отдал церкви свои вотчины.

[8] *Синодик* — рукописная книга, по которой во время церковных служб провозглашалась «вечная память» внесенным в нее умершим. В синодики Иван IV записывал имена казненных во время опричнины.

[9] *Без выкупа* — без права выкупа членами «рода» (фамилии).

[10] Запрещая отчуждать любым способом вотчины, села и всякое недвижимое имущество церкви и монастырей, «Стоглав» укреплял феодальную собственность церковников.

[11] *Еллинского* — греческого, здесь: в смысле языческого.

[12] *Простая чадь* — простолюдины, сельчане и горожане.

[13] *Глумы* — шутки, смех, потехи, забавы, насмешки.

[14] *Виды скаредные* — накладные маски-личины, потешные одежды и украшения.

[15] *Отреченные* — запрещенные.

[16] *Зернь* — игра в кости, или в «зерна»; *тавлеи* — игра в шашки; *смыки* — игра на скрипке (отсюда «смычковый инструмент»); *сопели* — дудки, свирели и т. п. инструменты.

[17] *После писца* — после составления писцовых книг.

[18] *Казаки* — здесь: вольные, нетяглые люди.

[19] Запрещая церковникам ставить в своих владениях новые слободы, «Стоглав» открывает для этого лазейки, разрешая в старых слободах ставить новые дворы родственникам старожилов и призывать крестьян в опустевшие дворы; запрещается, однако, призывать в монастырские слободы посадских людей и задерживать бессрочно крестьян, пожелавших «из слобод итти на посад или в села жити».

Земский собор 1566 г.

В первые же годы Ливонской войны (1558—1583) русские войска при поддержке местного населения разгромили Ливонский орден, и в 1560 г. он прекратил свое существование. Однако в ход войны вмешались другие государства (Дания, Швеция, Литва и Польша). В обстановке острых противоречий внутри страны и осложнений в ходе тяжелой Ливонской войны летом 1566 г. был созван Земский собор.

Того же лета (1566) месяца июня в 28 день царь и великий князь Иван Васильевичь всея Русии говорил со князем Володимером Ондреевичем и с своими богомолци с архиепископы и епископы... со всем еже освященным собором и со всеми бояры и с приказными людми, да и со князми и з детми боярскими и з служилыми людми, да и з гостми и с купци и со всеми торговыми людми[1], что Литовские послы... без Ливонские земли на перемирье делати не хотят, а написати бы Ливонские земли в перемирную грамоту: которые городы за царем и великим князем, те за царем и великим князем и написати, а которые немецкие городы за королем, те бы за королем и написати; и толко те городы немецкие написати в перемирную грамоту за королем и вперед как за те городы и стояти? и пригоже ли ныне за то стояти?

И князь Володимер Ондреевичь, и архиепископы и епископы все соборне, и царевы и великого князя бояре и приказные люди, и князи и дети боярские, и гости и купцы и все торговые люди приговорили, что царю и великому князю Ливонские земли городов Полскому королю никак не поступитися[2] и за то крепко стояти. На том архиепископы и епископы и архимандриты и игумены к приговорному списку руки свои приложили, а бояре и приказные люди и князи и дети боярские и гости и купци на своих речех государю крест целовали. А митрополита у того приговору не было, что Офонасей митрополит в то время митрополию отставил[3].

[1] Одни члены собора (духовенство, бояре, приказные люди) были представлены в полном составе, другие (торговые люди, дети боярские), очевидно, лишь отдельными представителями.

[2] *Не поступитися* — не уступать.

[3] *Митрополию отставил (оставил)* — отказался быть митрополитом.

14. ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО ОБ ИЗМЕНЕ А. КУРБСКОГО. 1564 г.

Бежавший в 1564 г. по предварительному сговору с польским королем и вельможами в Литву предатель князь А. М. Курбский выдал противнику военные секреты

русских и, получив от короля «богатые имения», активно участвовал во вторжениях польско-литовских войск на Русскую землю. По новым данным, изменник «настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой он вызвался завоевать Москву» (см.: Скрынников Р. Г. Бегство Курбского // Прометей.— 1977.— Т. 11). В ответ на послание Курбского, в котором он пытался оправдать свою измену, Иван Грозный написал обширное «послание во все его Российское царство об измене клятвопреступников — князя Андрея Курбского с товарищами» (бежавшими с Курбским С. Тетериным, М. Сарыгозиным и другими). Яркий литературный памятник, это послание характеризует политическую идеологию самодержавия в противовес взглядам реакционного боярства, раскрывает подробности внутриполитической борьбы в десятилетия, предшествовавшие введению опричнины, освещаемые с позиций сторонника сильной и неограниченной царской власти.

Извлечения из послания публикуются по изданию: Послания Ивана Грозного.— М.; Л., 1951.— С. 283—328. (Перевод Я. С. Лурье.)

...Да будет известно повеление... истинно православной христианской самодержавной власти, владеющей многими землями, и да примет наш христианский смиренный ответ бывший истинно православный христианин и наш боярин, советник и воевода... князь Андрей Михайлович Курбский, изменнически пожелавший быть Ярославским князем[1]... Писание твое принято и прочитано внимательно[2]. Змеиный яд у тебя под языком, и поэтому, хотя письмо твое и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни... В слепоте твоей злобы ты не способен видеть истину... Вы ведь еще с юности, подобно бесам, поколебали мое благочестие, и державу, полученную мною от бога и от моих прародителей, взяли под свою власть. А это ли совесть прокаженная — держать свое царство в руке и не давать господствовать своим рабам? Это ли противно разуму — не хотеть быть под властью своих рабов?..

...Когда по божьей воле... наш отец, великий государь Василий, оставил бренное земное царство... мне было три года, а покойному брату, святопочившему Георгию, один год; остались мы сиротами, а мать наша, благочестивая царица Елена, — столь же несчастной вдовой, и оказались словно среди пламени: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Надчитархан, нагаи, казанцы, а вы, изменники, тем временем начали причинять нам многие беды — князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись? И в Царьград и в Крым и к нагаям, и всюду подымали войну против православных... Потом изменники подняли на нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду... а от нас в это время отложились и присоединились к князю Андрею многие бояре во главе с твоим родичем князем Иваном Семеновичем, внуком князя Петра Львова-Романовича, и многие другие... Затем они изменническим образом стали уступать нашему врагу, великому князю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель,— так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить губить родную землю ради славы, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю![3]

...Так они жили долгое время, но когда я стал подрастать, я не

захотел быть под властью своих рабов; князя Ивана Васильевича Шуйского отправил служить вдали от себя, а при себе велел быть своему боярину князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав многих людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его советники, Кубенские и другие, еще до его приезда захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили; а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский со своими единомышленниками явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, вытащили из палаты и хотели его убить. Тогда мы послали митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они, с неохотой послушавшись наших слов, сослали его в Кострому; при этом они оскорбляли митрополита, теснили его и разорвали на нем мантию... и толкали в спину наших бояр... Хороша ли такая верная служба? Поистине вся вселенная будет смеяться над такой верностью![4] ...Со времени кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же мы достигли пятнадцати лет, то взялись сами управлять своим царством... Но так как человеческие грехи всегда раздражают бога, то случился за наши грехи по божьему гневу в Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала и таким образом спалила Москву, и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников, народ, собравшись сонмищем иудейским, с криками захватил в церкви Дмитрия Селунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского; оттуда его выволокли и бесчеловечно убили в Успенском соборе напротив митрополичьего места, залив церковный помост кровью...

Чего же ты, собака, хвастаешься военной храбростью и хвалишь за нее других собак и изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «если царство разделится, то оно не сможет устоять»; кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобиями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: если в царстве нет благого устройства, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель недостаточно укрепляет войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, не думая об этом, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно; ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; дома ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь утвердить храбрость на самовольстве и междоусобных бранях...

Вспомни, как, когда началась война с ливонцами, мы послали своего слугу царя Шигалея и своего боярина Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, сколько мы услышали укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея (Адашева) и от вас — не стоит подробно и рассказывать![5] Что бы плохое ни случилось с нами — все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали тебя и нашего боярина и воеводу Петра Ивановича Шуйского на год против германских городов (ты был тогда в нашей вотчине, Пскове, ради собственных нужд, а не по нашему поручению), мне пришлось более семи раз посылать к вам, пока вы, наконец, пошли с небольшим числом людей и лишь после многих наших напоминаний взяли свыше пятнадцати городов. Это ли ваше старание, если вы берете города после наших писем и напоминаний, а не по собственному стремлению? Как не вспомнить вечные возражения попа Сильвестра, Алексея (Адашева) и всех вас против похода на германские города, и как, из-за коварного предложения короля Датского, вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы[6]. Сколько христианского народа они перебили, напав на нас в начале зимы!.. Потом мы послали вас с вашим начальником Алексеем (Адашевым) и с очень большим числом людей; вы же едва взяли один Вильян (Вильянди, Феллин) и при этом еще погубили много народа. Испугались литовских войск, словно малые дети!.. Если бы не ваше дьявольское противодействие, то, с божьей помощью, в том же году вся Германия (Ливония) была бы под православной верой. Тогда же вы подняли против православия литовский народ и готский (шведский)[7]...

Поголовно мы вас не истребляем, но изменникам всюду бывает казнь: в той стране, куда ты поехал, ты узнаешь об этом подробнее[8]. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны больших казней и опалы; мы еще милостиво вас наказали,— если бы мы наказали тебя так, как следовало, то тебе бы не удалось уехать от нас к нашему врагу; если бы мы тебе не доверяли, то ты не был бы отправлен в этот наш город[9] и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в эту нашу вотчину, и ты изменил нам, как собака...

[1] В подлиннике «владыкой», как называл себя А. Курбский.

[2] Первое послание А. Курбского царю, присланное из Литвы после побега.

[3] Названные города были заняты польским королем Сигизмундом I в 1535 г. После этого князь С. Бельский ходил на Русь с крымско-турецкими войсками.

[4] В своем послании Курбский называл бояр — противников Ивана IV — его «доброхотными» слугами.

[5] *А. Адашев, Сильвестр* и другие члены Избранной рады были противниками Ливонской войны.

[6] Перемирие, заключенное в марте 1559 г. с ливонцами по «челобитью» датского короля на полгода, фактически прервало военные действия до 1560 г.

[7] Перемирие 1559 г. использовали Польша и Швеция для вмешательства в ход Ливонской войны.

[8] Судьба А. Курбского в Литве подтвердила, что он не обнаружил там условий для проявления своего «свободного естества человеческого». Во втором послании Ивану IV предатель писал: «Тако же и зде, подобно тебе, жестоце творят».

[9] Устраненный от царского совета А. Курбский в то же время был значительно

понижен в чине: в 1552 г. под Казанью он был вторым воеводой третьего по значению полка правой руки (после царского и большого), а в походе на Полоцк 1562—1563 гг.— вторым же воеводой стоявшего на две ступени ниже (после полков передового и левой руки) сторожевого полка. После взятия Полоцка А. Курбский во главе небольшого отряда был послан на службу в Юрьев (Дерпт, Тарту).

15. УЧРЕЖДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ. 1565 г.

Наиболее подробный рассказ об обстоятельствах, причинах введения опричнины, а также изложение царских указов, связанных с введением опричнины, первыми казнями бояр «за великие изменные дела», содержатся в Дополнении к «Никоновской летописи».

Извлечения из нее публикуются по изданию: ПСРЛ.— Спб., 1906.— Т. XIII.— Вторая половина.— С. 391—396.

...Тоя же зимы, декабря в 3 день, в неделю[1], царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии с своею царицею и великою княгинею Марьею[2] и с своими детми, со царевичем Иваном и со царевичем Феодором, поехал с Москвы в село в Коломенское... взял же с собою святость, иконы и кресты златом и каменьем драгим украшеные, и суды золотые и серебряные, и поставцы[3] все всяких судов, золотое и серебряное, и платие и денги и всю свою казну повеле взяти с собою. Которым же бояром и дворяном ближним и приказным людем повеле с собою ехати, и тем многим повеле с собою ехати з женами и з детми, а дворяном и детем боярским выбором изо всех городов, которых прибрал государь быти с ним[4], велел тем всем ехати с собою с людми и с конми, со всем служебным нарядом[5]. А жил в селе в Коломенском две недели для непогодия и безпуты, что были дожди и в реках была поводь велика... И как реки стали, и царь и государь ис Коломенского поехал в село в Танинское в 17 день, в неделю, а из Тонинского к Троице... а от Троицы из Сергиева монастыря поехал в Слободу[6]. На Москве же тогда быша Афонасий митрополит всеа Русии, Пимин архиепископ Великого Новаграда и Пъскова, Никандр архиепископ Ростовский и Ярославский и ины епископы и архимандриты и игумены и царевы и великого князя бояре и околничие и все приказные люди[7], все же о том в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо, куды бяше. А генваря в 3 день прислал царь и великий князь из Слободы ко отцу своему и богомолцу к Офонасию митрополиту всеа Русии с Костянтином Дмитреевым сыном Поливанова с товарыщи да список, а в нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государьству его до его государьского возрасту после отца его блаженные памяти великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии[8]...

И все гражане града Москвы по тому же биша челом Афонасию митрополиту всеа Русии и всему освященному собору, чтобы били челом государю царю и великому князю, чтобы над ними милость показал, государьства не оставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук силных избавлял; а хто будет государь-

ских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят[9]...

Челобитье же государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том[10], чтобы ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти[11], а иных казнити и животы их и статки[12] имати; а учинити ему на своем государьстве себе опришнину[13], двор ему себе и на весь свой обиход учинити особной, а бояр и околничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и столников и стряпчих и жилцов[14] учинити себе особно; и на дворцех, на Сытном и на Кормовом и на Хлебенном[15], учинити клюшников и подклюшников и сытников и поваров и хлебников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей на всякой обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно[16].

А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих царевичев Иванов и царевичев Федоров обиход, городы и волости[17]...

А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1.000 голов[18], и поместья им подавал в тех городех с одново[19], которые городы поимал в опришнину; а вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место[20] в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно...

Государьство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитреевичю Белскому, князю Ивану Федоровичю Мстиславскому и всем бояром; а конюшему и дворетцкому и казначеем и дьяком и всем приказным людем велел быти по своим приказом и управу чинити по старине[21], а о болших делех приходити к бояром; а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити[22].

За подъем же свой приговорил царь и великий князь взяти из земского сто тысяч рублев; а которые бояре и воеводы и приказные люди дошли за государьские великие измены до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя. Архиепископы же и епископы и архимандриты и игумены и весь освященный собор[23], да бояре и приказные люди то все положили на государьской воле...

Тоя же зимы, февраля в 15 день, царь и великий князь приехал к Москве с своими царевичи с Ываном и с Феодором из Александровские слободы...

[1] *Декабря в 3 день, в неделю* — 3 декабря 1564 г., в воскресенье.
[2] *Марья* — вторая жена Ивана IV Марья Темрюковна, дочь кабардинского князя.
[3] *Суды* — здесь: сосуды; *поставцы* — посудные шкафы.
[4] Иван IV взял с собою бояр, дворян, детей боярских, приказных людей, которых заранее «прибрал» «быти с ним» в опричнине.

[5] *С людми... со всем служебным нарядом* — со своими военными слугами и в полном вооружении.

[6] *В Слободу* — Александрову слободу (ныне г. Александров Владимирской обл.), в 100 км от Москвы, в годы опричнины — это царская резиденция.

[7] *Приказные люди* — дьяки и подьячие приказов и дворцового управления.

[8] Имеются в виду годы «боярского правления» после смерти великого князя Василия Ивановича (1533 г.) в малолетство Ивана IV. См. послание его к А. Курбскому.

[9] *Сами потребят* — сами уничтожат.

[10] *Принял на том* — на нижеследующих условиях.

[11] *Опала своя класти* (от *опалять*) — гнев, немилость с последствиями в виде отставки, ссылки в дальние города, лишения чина и звания, а нередко и казни с конфискацией имущества.

[12] *Животы их и статки* — все имущество без остатка.

[13] *Опришнина* (от *опричь, кроме*) — особая часть.

[14] *Стольники, стрялчие, жильцы* (лучшие из городовых дворян, поочередно жившие в Москве при дворе) — разряды дворян «московского» чина, прямые царские слуги при его дворе.

[15] Сытный, Кормовой, Хлебный «дворцы» ведали заготовкой разного рода напитков, съестных припасов, хлебных изделий и т. п. на «обиход» царской семьи, дворцовых слуг, мастеров, иностранных послов и т. д.

[16] «Особные» стрельцы получили название «стремянных»: в конном строю они несли службу как бы у «стремени» царского коня.

[17] Далее перечислены города и волости, вошедшие в опричнину в 1565 г.: Можайск, Вязьма, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Суздаль, Шуя, Галич, Вологда, Чухлома, Балахна, Старая Руса, Устюг, Каргополь и др. В дальнейшем территория опричных владений царя расширялась.

[18] Общее число опричников (князей, бояр, дворян) за 1565—1572 гг. не превышало 4,5—5 тыс. человек, по другим данным, до 6 тыс. человек. См.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины.— М., 1963.— С. 185; Кобрин В. Б. Источники для изучения численности и истории формирования опричного двора // Археографический ежегодник за 1962 г.— М., 1963.— С. 124—125.

[19] *С одново* — в одних межевых границах владений.

[20] *В то место* — вместо конфискованных поместий и вотчин.

[21] *Чинити по старине* — как было до учреждения опричнины, в прежних органах управления.

[22] «Земские» бояре и приказные люди ведали лишь текущим управлением, верховная же власть в государстве принадлежала царю, как и до введения опричнины.

[23] В этом перечислении церковных владык не назван митрополит Афанасий, уклонившийся от одобрения мероприятий Ивана IV.

16. АНГЛИЧАНИН Д. ГОРСЕЙ ОБ УСИЛЕНИИ САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

Англичанин Джером Горсей долго жил в Москве, пребывая в ней с 1572 г. сначала в качестве агента «Русской компании» лондонских купцов, а затем посланника королевы Елизаветы Тюдор. Он близко общался с царем Иваном IV и выполнял его дипломатические поручения. В Британском музее хранилась Библия, изданная на славянском языке в Остроге в 1581 г., с надписью: «Эту библию, на славянском языке, получил из царского книгохранилища Джером Горсей в 1581 г.» — свидетельство существования в XVI в. кремлевской библиотеки.

Фрагменты из сочинения публикуются по изданию: Горсей Д. Записки о Московии XVI в.— Спб., 1909.— С. 14, 44—48, 51, 60—63.

Строй и управление Русским государством так изменились против прежнего, что можно было назвать это государство совсем новым; все получило другой вид, противоположный старому... [Если бы Иван IV] не держал правление в жестких и суровых руках,

то он не жил бы так долго; против его постоянно составлялись коварные и предательские заговоры; но он всегда открывал их... [Царь] покорил Полоцк, Смоленск[1] и много других городов и укреплений... в восточной Ливонии, завоевал царства Казанское и Астраханское, земли многочисленных нагаев, черкесских татар и множество других народов, обитавших на расстоянии двух тысяч верст, по берегам знаменитой реки Волги, на юг до самого Каспийского моря... Сверх того, Иоанн покорил царство Сибирское и все прилежащие к северу земли свыше 1500 верст и, таким образом, значительно расширил свои владения и государство на все стороны; старался заселить его и завел обширную торговлю со всеми странами... Иоанн построил в свое время до сорока каменных церквей, богато убранных и украшенных внутри, с позолоченными чистым золотом верхами. Он основал около шестидесяти мужских и женских монастырей... При Иоанне посторoена среди Кремля башня из тесаного камня... с 30-ю большими колоколами приятного звона... Все колокола заливаются разом в праздничные дни [которых очень много у русских], или заунывно звонят во время полночной молитвы...

Кроме подобных дел, царь в свое время построил 155 крепостей в разных частях своего государства и снабдил их орудиями и гарнизоном... Самую Москву царь обвел крепкою, широкою и красивою стеною, снабдив орудиями... Он был хорош собой, стройно сложен, с высоким лбом, с пронзительным голосом, настоящий скиф — остроумен, жесток, кровожаден, безжалостен...

[Похвалив Горсея за успешное выполнение его поручения к королеве Елизавете и о закупке военных припасов при встрече в Александровской слободе] царь назначил мне жалованье и обещал еще в награду щедрую милость, когда вернется в Москву; а привезенные товары: медь, свинец, селитру и серу — на девять тысяч литров — взял в свою казну, заплатив за все сполна чистою монетою...

[На одной из аудиенций] царь спросил: видел ли я его большие суда и барки, посторенные в Вологде? Я ответил, что видел... Говорят, что у вашей королевы, моей сестры, лучший флот в мире? — Это правда, ваше величество.— Чем же он отличается от моего? — Силою и величиною: корабли могут пробиться в разрез волнам через великий океан и бурные моря.— Как же они построены? — Искусно, с острыми килями, не плоскодонные... Что еще? — На каждом корабле пушки и сорок медных орудий большого калибра, пули, мушкеты, порох, цепные ядра, копья и другие орудия защиты, сильные огненные снаряды... Сколько у королевы таких кораблей, как ты описываешь? — Сорок, ваше величество... [По просьбе царя Горсей привез из Лондона] образец корабля, искусно и точно сделанный, разрисованный, со всеми снастями, распущенными парусами, флагами, раззолоченными орудиями и всеми другими военными принадлежностями...

[1] Смоленск был присоединен в 1514 г. при Василии III.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

17. БОРЬБА С КРЫМСКО-ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ И КАЗАНСКИМИ ФЕОДАЛАМИ

В России «покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 416). Однако с падением ига (1480 г.) систематические разорительные нашествия на Русь со стороны Казанского, Астраханского и Крымского ханств не прекратились. Выжигая города и села, грабя и разоряя население, татарская конница с участием полков турецких янычар угоняла в плен десятки тысяч людей, которых превращали в рабов и продавали на невольничьих рынках. Извлечения из летописи, где зафиксированы лишь наиболее крупные нашествия, дают наглядное представление о внешнеполитических условиях образования Российского централизованного государства XVI в.

Публикуются по изданию: ПСРЛ.— Т. XIII.— С. 5—6, 26, 37—38, 42—43, 64—65, 99—102, 105—113, 256—258, 300—301.

1507. Воеводы же великого князя [Василия Ивановича] быша в Воротынске, и прииде к ним весть, что татарове многие люди имав на украйне[1] много полону и прочь пошли. Воеводы же... поидоша за ними на Поле[2] в погоню, и угониша[3] их на Оке и... многих татар побиша, а иных живых поимаша и полон весь назад возвратиша, и гоняли их до речки до Рыбници, месяца августа в 9, в понеделник. И которых татар поимали на бою, и они сказали, что приходили на украйну Крымские татарове Зяньсеит Мурза Янкуватов сын с товарищи. А к великому князю пригонил от воевод с тою вестью Гридя Афанасьев августа 14.

1537. ...Учали вести приходити... что събирается Казаньский царь Сафа-Кирей с многыми людми с Казаньцы и с иными ордами, с Крымцы и с Ногаи, а помышляет итъти на Костромъскые места и на Галичскые. И князь великий и мати его великаа княгини, слышав то, послали воевод своих в Володимерь и в Мещеру. Царь же Казаньский уведав, что на Костроме и в Галиче великого князя стоят многие люди... якоже змий вынырну из хврастиа[4], тако и сей из леса прииде безвестно генваря 15, в понеделник, под Муром и, пришед, посады пожег и к городу приступати начат. И великого князя воеводы не даша ему приступати, ис пушек и из пищалей из града биша их много, и воеводы, вылазя из града[5], такожде многих побили... Царь же Казаньскый слышав, что въеводы великого князя из Володимера и из Мещеры идуть к Мурому... пошел въскоре от Мурома в Казань; и поплениша многых христиан грех ради наших...

1541. О приходе Крымского царя Саип-Гирея на Русскую землю к Оке реке на берег... И в то время прибежали к великому князю ис Крыма два полоняника, Якимко Иванов... с товарыщом, а сказали... царь... нача наряжатися[6] на Русь и с своим сыном царевичем с Мен-Гиреем, и всю Орду с собою поведе, а остави в Орде стара да мала; да с царем же князь Семен Белской[7] и многих орд люди, Турского царя[8], и с пушками и с пищалми, да из Нагай Бакий-князь с многими людми, да Кафинцы, и Азторокан-цы, и Азовцы, и Белогородцы; идеть на Русь с великою похвалою,

хотя потребити крестьанство... И князь велики по тем вестем послал в Путимль к наместнику своему к Федору Плещееву к Очину, а велел ему послати станицу[9] на Поле поперег дороге. И Федор послал Гаврила Толмача, и Гаврило приехал с Поля, сказал великому князю, что наехал на Поле сакмы великие[10]: шли многие люди к Руси, тысячь со сто и боле. И князь велики по тем вестем... велел... всем воеводам своим из Коломны выйти, а стати с всеми людми у Оки-реки по берегу... А царевича Шигалея Шибанского[11] да боярина своего князя Юрья Михайловича Булгакова князь велики отпустил с Москвы, а с ними послал двора своего многих людей, а велел царевичю и князю Юрью стояти на Похре; а в Володимерь послал к боярину своему и воеводе ко князю Ивану Васильевичю Шуйскому с товарыщи, велел им стояти в Володимере; а в Мещеру послал к царю к Шигалею[12], чтобы со князми и с мурзами и со всеми людми пошол в Володимерь же; и с Костромы воеводе своему князю Федору Ивановичу Шуйскому с товарыщи велел итти к Володимерю со всеми людми с царем сниматися[13]. Июля, приехал к великому князю с Поля станичник Алексей Кутуков, сказал... что видел на сей стороне Дону... многых людей, шли черезо весь день полки, а конца им не дождался. И с тою вестью послал князь велики на берег ко князю Дмитрею Федоровичю Белскому с товарыщи, а велел розослать по воевод на Рязань и на Угру и в Серпухов и по всей украйне, чтобы часа того с ним сымалися. Июля в 28 пришол царь к городу Осетру, и татарове многие к городу приступали, а Назар Глебов з горожаны о посадех с татары бился да татар многих побили; а девяти татаринов живых поимал и к великому князю послал. И те татарове сказали великому князю, что пришол сам Крымской царь Саип-Гирей, а с ним сын его царевичь Мен-Гирей и вся Крымская орда, да князь Семен Белской, да из Нагай Бакий-князь с многими людми, да Турского царя люди, и с пушками и с пищалми и иных орд и земель и многие прибылные люди...

(На совещании великого князя с митрополитом и боярами решено было готовить Москву к обороне от нашествия Саип-Гирея.— *Ред.*) И князь велики... призва к собе приказщикы городцкие и велел запасы градские запасати, пушки и пищали по местом ставити, и по воротам и по стрелницам и по стенам люди росписати, и у посада по улицам надолобы делати. Людие же градцкие с великим хотением начаша прилежно делати, а меж собя завещаша за святые церкви и за государя великого князя и за свои домы крепко стояти и головы своя класти. К великому же князю вестницы ускоряют, что царь тары[14] готовит, хочет лести за реку[15]... Князь же великый вскоре посылает ко князю Дмитрею Федоровичю Белскому и ко всем воеводам диака своего Ивана Федорова сына Курицина, чтобы за православное христианьство крепко пострадали, а розни бы межь ими не было, послужили бы... все заодин... чтобы... царь реку не перелез... Царь же Саип-Гирей прииде к Оке-реке на берег июля в 30, в субботу, на третьем часу дни,

и ста на горе на высоце месте, татарове же многие приидоша на берег и с тары, а хотеша лести за реку. Воеводы же великого князя поспешиша против царя, а наперед прииде на берег передовым полком князь Иван Ивановичь Туронтай Пронской да князь Василий Охлабинин и начаша с татары стрелятися. Татарове же, видевше передовой полк, и чаали, что все люди, пришли напрасно на берег многими людми и в реку побрели и на тары почали садитися, а передовой полк учали стреляти многыми стрелами, и полетеша стрелы, аки дождь. Царь же [Саип-Гирей] повеле ис пушек бити и ис пищалей стреляти, а велел отбивати людей от берега, а захотеша за реку лести. И узре же царь: идут болшие полки да и правая рука и левая[16]; и начат царь зрети и дивитися, что идут люди многие, учредив полки красно[17], а люди цветны и доспешны[18]... И прииде великий страх на него, часа того от берега побеже... Воеводы же великого князя, видевше, что царь побеже от берега... за царем послали Илью Левина с товарыщи... [и] воевод князя Семена Ивановича Микулинского да князя Василья Семеновича Оболенского Серебряного, а с ними многих людей, выбрав изо всех полков, дворовых и городовых... Царь же Саип-Гирей прииде к Прони августа в 3, а сам стал за рекою за Пронею, близко города[19], а войску велел приступати ко граду с пушками и с пищалми и градобитными наряды[20]. А во граде в те поры великого князя воевода не с многыми людми Василей Жулебин... а другой Александр Кобаков... Татарове же приступиша всеми полкы к городу, ис пушек и ис пищалей начаша по городу бити, а стрелы их, аки дождь, полетеша. И к стенам града приближишася, з града же против начаша пушки и пищали на татар пущати[21]: а которые татарове к стене приступиша, и тех з города кольем и камением отбиша. Татарове же через весь день ко граду приступаша, а гражаны бишася; и многих татар ис пушек и ис пищалей з города побища. Князи же и мурзы, приезжаа к городу, Василью [Жулебину] говорят, чтобы город здал, а царь им милость покажет; а не взявши царю города, прочь не ити. Василий же отвеща: «...А пождал бы царь мало великого князя воевод, а великого князя воеводы за ним[22] идут». Татарове же отступиша в станы своя; царь же велел всем людям туры[23] делати и градобитные приступы пасти[24], а хочет всеми людми со все стороны к городу приступати. Василий же и Александр всеми людми и женским полом город крепити и на город велел колье, и камение, и воду носити. И в то время приехали от воевод... дети боярские Андрей Васильев сын Овцын да Иван Семенов сын Нащекин Ветреного с товарыщи, семь человек, с вестью, чтобы сидели в городе крепко, «а мы идем к городу наспех со многими людми и хотим с царем дело делати[25], сколко нам бог поможет». И бысть во граде радость велиа... И сторожы царевы сказали, что тех людей и сами видели... И царь приступ отложил, а туры и наряд велел пожечь, а сам пошел прочь от города... И воеводы за царем пошли часа того, пришли к Дону, а царь уже Дон перевезся...

1571. Приходил к Москве Крымской царь Девлет-Кирей, и мая в 24 день... татарове посад зажгли. И божиим гневом, грех ради наших, Москва згорела вся: город и в городе государев двор и все дворы, и посады все, и за Москвою; и людей погорело многое множество, имже не бе числа; и всякое богатество и все добро погоре. И церкви каменые от жару росседалися, и люди в каменых церквах и в каменых погребех горели и задыхалися, едва где кто божиим сохранением от смерти избыл. Митрополит же Кирил со освященным собором в те поры просидели в церкве Пречистые Богородицы в соборной. А князь Иван Дмитреевич Белской на своем дворе в каменом погребе, задохнувся, умер. Инех же княгинь и боярынь и всяких людей хто может исчести, сколко погоре и, задохнувся, померло. И Москва-река мертвых не пронесла: нароком оставлены были спроваживати рекою на них мертвыя; а хоронити некому; а у которых оставалися приятели, тех хоронили. А во государевых полатах, в Грановитай и в Проходной и в Набережная и в ыных полатах прутье железное толстое, что кладено крепости для на свяски, перегорели и переломалися от жару. А царь Крымской в те поры отшол в Коломенское да, смотря гнева Господня, дивился и пошол в Крым; а к Москве не попусти ему Господь приступати... А сам царь и великий князь Иван Васильевичь с опричниною в те поры шол из Серпухова в Бронниче село в Коломенском уезде, а из Броннича села мимо Москву в Слободу, а к Москве не пошол; а из Слободы пошел в Ярославль и дошел до Ростова, и тут пришла весть, что Крымский царь пошел прочь, и царь и великий князь воротился к Москве.

[1] *На украйне* — на так называемой польской украйне за рекой Окой.

[2] *Поле* — так называемое «Дикое поле» на юг от реки Оки.

[3] *Угониша* — нагнали, настигли.

[4] *Хврастиа* — хвороста.

[5] *Вылазя из града* — предприняв вылазку из крепости.

[6] *Нача наряжатися* — начал собираться (в поход на Москву).

[7] Князь С. Бельский в 1534 г. бежал в Литву, а затем «поднимал» против Руси Турцию и крымского хана.

[8] *Турского царя* — турецкого султана.

[9] *Станица* — конный отряд разведчиков.

[10] *Сакмы великие* — следы большие, протоптанные татарским войском.

[11] *Шигалей Шибанский* — царевич из Шибанской (Тюменской) орды, поступивший на службу к московскому князю.

[12] *Царь Шигалей* — казанский хан, перешедший на службу к великому князю московскому; участвовал в походе на Казань 1552 г.

[13] *Сниматися* — соединяться.

[14] *Тары* — лодки, плоты и другие переправочные средства.

[15] *Лести за реку* — переправляться с войском через Оку.

[16] Вслед за передовым полком к Оке подошли большой полк и полки правой и левой руки, за ними — сторожевой полк и артиллерия («наряд»).

[17] *Учредив полки красно* — прекрасно, стройно.

[18] *Цветны и доспешны* — нарядны и хорошо вооружены.

[19] *Города* — крепости Пронска. Саип-Гирей решил взять Пронск, чтобы избежать позора от неудачного похода на Москву.

[20] *Градобитные наряды* — стенобитные орудия.

[21] *На татар пущати* — стрелять.
[22] *За ним идут* — вдогонку за войсками хана.
[23] *Туры* — заслоны и насыпи для осады крепости.
[24] *Пасти* — готовить.
[25] *Дело делати* — сражаться, воевать.

18. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

После двух безуспешных походов на Казань (1547—1548 и 1549—1550 гг.) в 1552 г. для нового похода была снаряжена 150-тысячная армия со 150—200 пушками, которая 2 октября 1552 г. штурмом овладела Казанью. В 1551 г. в 30 км от Казани на реке Свияге была поставлена сильная крепость Свияжск, послужившая опорной базой русского войска. Во время передвижения войск летом 1552 г. к Туле подступила огромная армия крымского хана; поход на Казань продолжался после отражения крымцев и турецких янычар.

Извлечения из летописи об этих событиях публикуются по изданию: ПСРЛ.— Т. XIII.— Вторая половина.— С. 464—468, 482—499, 501—513.

О совете царьском и о походе х Казани. И учал государь мыслити со князем Владимиром Ондреевичем и з боляры и со всеми воеводами, как итти х Казани и на которые места; и приговорил государь надвое, вмещениа для людем, а самому государю итти в Володимерь и на Муром, а воевод отпустити на Резань и на Мещеру, а сходитися на Поле за Алатарем. Многу же несогласию бывшу в людех, дети бояръские Ноугородцы государю стужающи, а биют челом, что им невозможно, столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боях бывшим, да толику долготу пути итти, а там на много время стояти. Государь же... прекращает многонародных гласов молву, велит люди розписывати: хто похочет с государем поити, тех государь хощет жаловати и под Казанию перекормити; а кому не возможно, те останься на Коломне[1]...

Августа 23 поиде государь к городу Казани... урядя полки... а велел итти ертоулу князю Юрью Шемякину да князю Федору Троекурову, а с ними стрелцы и казаки пеши пред полки; такоже и предо всеми полки головы стрелецкие, а с ними их соцкие, всякой с своим стом идет, и атаманы с сотцкими и с казаки... И как государь вышел на луг против города, и велел... херугви христианские розвертити, сиречь знамя... иже бе у прародителя его... князя Дмитриа на Дону[2]...

И как пошли к городу, и казанцы вылезли многие люди конные и пешие, и обоим, христианом и татаром, биющеся крепко на много время, и ис пушек по граду и по воротам безпрестани биюще и стрелцы ис пищалей, такоже и из города ис пушек и ис пищалей стреляху, и бысть сеча велика и преужасна, от пушечного бою и от пищалного грому и от гласов и вопу кричания от обоих людей[3] и от трескоте оружий и не бысть слышати друг друга глаголанного, бысть яко гром великий и блистания от множества огня пушечного и пищалного стреляния и дымного курения... И в суботу, 27 августа, повеле государь боярину своему Михаилу Яковлевичу Морозову наряд болшей[4] прикатити к турам... И

боярин... прикатиша наряд... и начаша беспрестани по граду бити стенобитным боем и верхними пушками[5] огнеными...

О подкопе. Того же месяца августа 31, в среду, призывает государь к собе немчина, именуема Размысла[6], хитра, навычена градскому разорению, и приказывает ему подкоп под град учинити. И нача подкоп творити от Булака-реки у околничего у Петровых тур Морозова промежь Аталыковых ворот и Тюменьских[7]... Того же месяца (сентября) повеле царь диаку своему Ивану Выродкову башту[8] поставити у княже-Михайловых тур Воротынского против Казани Царевых ворот. И поставиша башту шти сажен вверх и вознесли на нее много наряду, полуторные пищали и затинные; и стрелцы с пищалми многие стали и стреляли в город по улицам и по стенам градным...

О розрядстве воеводском, как приступати ко граду. И посем благочестивый царь повеле всем людем готовым быти в полцех, хотя приступати ко граду, и отобра множество воиньства своего и повеле бояръским людем всем по предиреченному головы устроити[9], выборных детей боярских и наученных ратному делу, всякому сыну боярскому по сту человек. И наперед велел приступати со всех сторон атаманом с казаки и головам з боярскими людми да головам со стрелцы; и как... люди у города будут и на стенах, государь велел помагати другим воеводам изо всех полков з детми боярскими; такоже учреди всякому сту сынов бояръских царьского полка выборная голова; последи же повеле и болшим воеводам ис полков пособляти со всеми людми. Царю благочестивому, с ним князю Владимеру Андреевичю, с своими полки стати против Царьских ворот на посаде от кладбища и помогати на все стороны... А от сторон государь лесов велел беречи полков, и для силной вылазки из города и пробивания на лесы на Арьском поле[10] и на дорогах на Арьских и на Чювашьских велел государь быти царю Шигалею, а с ним все князи и мурзы Городецкие, да боярину и воеводе князю Ивану Федоровичю Мстиславьскому со своим полком, да горним людем[11] велел с ними же быти. А на Нагайской дороге[12] велел государь быти боярину княже-Володимерову Андреевичя князю Юрию Оболеньскому с полком да голове з дворяны своего царьского полку князю Григорью Федоровичю Мещерскому. А на Галицкой дороге[13] за Казанию-рекою велел государь быти воеводе своему князю Ивану Ромадановьскому с людми, близко Бежболды, да княже-Володимерову Андреевичя воеводе Ивану Угримову Заболотцкому; да за Казанию же рекою велел быти голове з дворяны же своего царьского полку Михаилу Ивановичю Воронову; а вверх по Казани у Старого городища голову Михаила Петрова Головина. Того же дня, розрядя государь по местом, где кому быти, и отпустил, да всяк готовится и строит (полки), где кому повелено быти...

О подставлении зелия под город. И прислал ко государю князь Михайло Воротыньской: «Расмысл деи зелие под город подставил, а з города деи его видели, и невозможно деи до третьего часу

мешькати»... О взорвании подкопа. И се прииде время... солнцу уже восходящу... и абие[14] якоже силный гром грянул и велми земля дрогну и потрясеся... и се внезапу вторый подкоп градцкую стену грознее первого сътвори, и множество граждан на высоте являшеся, овем наполы перерваным, а иным же руце и нозе оторвани, и с великой высоты бревна падаху во град и множество нечестивых побивавше. И поиде воиньство царьское со всех сторон на град... и со всех сторон вскоре устремишася на поганых. Татарове же во граде скверного своего Магмета... призывают к собе на помощь и говорят: «вси помрем за юрт». И бьющимся обоим в воротех и на стенах крепце... И вступает государь в бранное стремя и всходит на конь и поскору поиде х полку своему ко граду. И виде государь знамена христианьские уже на стенах градных и приехал самодръжец в полк свой и по всем странам посылает, утвержает воины. И видев вси люди, яко государь приближилъся к ним и мужествене храбръствует с ними, и в той час от всех стран, якоже на крылех, на стенах градцкые взлетели, такоже и з стен в град, биющеся во всех местех жестоко.— Бысть сеча в граде Казани. Ко государю же от князя Михаила Воротыньского говорят, что божиим милосердием люди царевы во граде биются с неверными, а государь бы им помогал. Царь же посылает головы из своего царьского полку, а велит пешим спешить и помогати своим, на конех бо невозможно: теснота в граде великая в хоромех, такожде и от множества людей. Головы же царьские з детми бояръскими мужествене нападают на иноверных, и бьющеся царевы воини во всех местех от всех ворот мужествене, за руки имаяся, копии и саблями в теснотах ножи режущеся; во многих улицах со обоих стран христианом и татаром ударившеся во многие копия и на мног час стояше на копиах, ни единым поступившим... Богу же помогающу православным, поверх хором ходящим християном и сверху побивающе татар, к государю же из всех мест воеводы приказывают: «воини твои крепце бьются... но многие слабые емлют съкровища Казаньские; и ты, царю, помогай нам». Царь же посылает бояр своих и многих ближних забивати тех, да не падают на съкровищех, такожде и помогают своим... Татарове же побегоша вси на царев двор... и видеша свою конечную погибель... и побегоша все к Елбугиным воротам, и нача с града метатся и в ворота пробиватца, и многие к лесу на бегъство устремишася...

[1] Мятеж новгородских детей боярских вынудил Ивана IV освободить их от участия в походе на Казань.

[2] Развертывание боевых знамен, среди которых было знамя Дмитрия Донского, служило сигналом к началу осады Казани.

[3] *От обоих людей* — сражающихся сторон.

[4] *Наряд болшей* — главная полевая артиллерия с большими пушками.

[5] *Верхними пушками* — мортирами.

[6] *Немчин Размысл* по другим источникам был фрягом (итальянцем), «родом литвин». В Коломенском уезде в 70-х гг. XVI в. числилось поместье «за немчином Размыслом за Петровым», следовательно, он принял русское подданство.

[7] Этот подкоп под тайник, «отколе воду емлют в городе», был взорван в начале сентября. Размысл делал его со своими учениками.

[8] *Башта* — башня.

[9] *Головы устроити* — назначить командиров (голов) каждой сотии.

[10] *Арское поле* простиралось на восток от Казани в сторону городка-крепости Арска.

[11] *Горним людям* — отрядам из населения горной стороны.

[12] *Нагайская (Ногайская) дорога* шла на юго-восток от Казани.

[13] *Галицкая дорога* вела на северо-запад от Казани.

[14] *Абие* — вскоре.

19. ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА

Взятие Полоцка — сильной крепости на Западной Двине — явилось крупным военным успехом русского войска XVI в., продемонстрировавшего способность быстро и энергично мобилизовать пехоту, конницу, артиллерию (до 200 орудий), провести стремительный поход в зимних условиях и успешно овладеть хорошо защищенной крепостью.

Осада Полоцка описана в «Никоновской летописи».

Извлечения публикуются по изданию: ПСРЛ.— Т. XIII.— Вторая половина.— С. 354—359.

Осада и взятие Полоцка по летописи

И пошел царь... ко граду Полотцку и знамя повеле развертети... И прииде в озеру к Волову и поставил полк свой у Волова озера против города. И повеле в сурны играти и трубити и по накром[1] бити, а в ту пору велел коши уставливати... Повеле же царь... того дни от своего полку ставити наряд и стрелецким головам с стрелцы стати и закопатися в Двины-реки в березех и на острову[2]. И царевы... пушкари и стрелцы из наряду с острогу пушкарей збили и литовских людей многих побили в остроге. А воеводы левые руки и сторожевово полку и с нарядом воеводы[3] пришли к Полотцку того же дни... генваря в 31 день к вечеру, и стали по своим местом...

И царь... велел по острогу и по городу из болшово наряду стреляти и учал советовати, как бы над острогом промыслити, что острог крепок; а рублен острог и всякими крепостьми делан по тому же, как и городная стена рублена [главной крепости], да и ров вкруз острога от Полоты и до Двины-реки делан крепок и глубок. И из-за Двины-реки повеле стреляти в острог и по Острожным воротам, понеже бо от Двины-реки острожные стены не было. А в которую пору полочане с лестными словесы из города говорити и высылали, а в то время по государскому приказу воеводы туры блиско Острожных ворот и острожные стены и наряд за турами поставили, и пушкари и стрелцы под турами стали. Февраля в 9 день воевода Полотцкой Довойна[4] и ляхи большой острог... и в остроге церкви и гостины дворы и лавки в торгех и все острожные дворы зажгли во многих местех, а посадских людей из острогу учали забивати в город[5]. А стрелцы царевы... и боярские люди и казаки в острог вошли... и с ляхи учали битися... И государева царева... полку головы... ляхов в остроге потоптали и в город вбили... А которые люди Полотцково повета селские сидели в остроге, и те в город не пошли, а вышли в государской полк и воеводские полки; а вышло их в один государской стан мужска полу 3.907 человек, а жонок и девок 7.253

человеки, и обоего[6] 11.160 человек; а по воеводским полком и в татарские станы[7] вышли из острогу, и тем же не бе числа. И животов бесчисленное множество поимали, а острог болшой весь згорел, а дворов в остроге згорело 3.000. Царь же... видя полочан лестьное их челобитие к себе... повеле над городом делом своим промышляти болшим[8] и приказал боярину князю Михаилу Петровичу Репнину[9] против Великих ворот в остроге на пожженом месте пушки болшие, Кашпирову да Степанову да Павлик да Орел да Медведь[10] и весь наряд стенной и верхней поставити блиско городских ворот; а вкруз города и городные стены за Двиною и за Полотою по тому же велел болшой наряд изставити и со все стороны бити без опочивания день и нощь. И из наряду во многих местех вкруз города стены пробили, и ворота выбили, и обламки з города позбили, и людей из наряду побили, якоже от многого пушечнего и пищалного стреляния земле дрогати и в царевых великого князя в полкех; бе бо ядра у болших пушек по дватцети пуд, а у иных пушек не многим того полегче. Городная же стена не удръжашеся, но и в другую стены ядра прохожаше. Полочане же со града никоторым пушечным и пищалным боем не промышляли и из города ни на какову стравку не выежживали, но токмо крыящеся в домох своих, в погребех и в ямах от пушечново и пищалново стреляния... нападе бо на них страх и ужас и ничим же противитися могуще... А февраля в 13 день, в суботу, и в 14 день по государскому наказу изо всего наряду били без опочивания день и ночь... Тоя же ночи стрелцы городовую стену зажгли во многих местех, и городовая стена учала горети... И тоя же нощи часа за два до света прислали ко царю... бояре и воеводы... с тем, что з города кличют и владыка[11] и воевода Полотцкой Довойна город государю здают, да и знамя городцкое з города здали; а то знамя прислали воеводы ко государю с Ываном с Кобылиным... И февраля в 15 день, в понеделник, за два часа до вечера... государевы воеводы... в город въехали и на королевском дворе стали и город устроили по государеву... наказу...

[1] *Сурны* — духовые военные музыкальные инструменты; *накры* — большие барабаны.

[2] *Закопатися... на острову* — вырыть окопы на острове, расположенном на реке Двине против крепости.

[3] *И с нарядом воеводы* — с главной («большой») артиллерией; в ней было пять «великих», 36 «огнеметных» орудий и до 200 других пушек, трое воевод, 2500 пушкарей и прислуги.

[4] *Довойна* (Станислав Довойно) — полоцкий воевода.

[5] *Забивати в город* — загонять в крепость.

[6] *Обоего* — всего.

[7] *В татарские станы* — в полоцком походе участвовали отряды казанских, астраханских, ногайских и других татар.

[8] *Делом... большим* — подготовкой штурма Полоцка.

[9] Князь М. П. Репнин был первым воеводой «большого наряда».

[10] *«Павлик», «Орел», «Медведь»* и др. — тяжелым стенобитным орудиям присваивалось особое название. Например, знаменитый пушечный мастер Андрей Чохов (Чехов), кроме Царь-пушки, отлил орудия «Лев», «Троил», «Аспид», «Скоропея»; «Аспид» весил 370 пудов, «Троил» — 430 пудов.

[11] *Владыка* — полоцкий епископ Арсений.

Глава 9

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В XIV—XVI вв.

На территории Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. складывалась русская (великорусская) народность. Местные культурные и бытовые особенности постепенно исчезали. Сельчане и горожане Руси говорили на общепонятном русском языке, пользовались им и в деловых документах. Но книжный язык был для простых людей труден и не всегда понятен: монахи писали книги, пользуясь устаревшими словами церковнославянского языка. Это препятствовало распространению грамотности. Но уже в это время народная по происхождению и светская (гражданская) по содержанию культура пробивала себе дорогу. Зодчие строили каменные здания и крепости с применением рычагов, блоков, циркулей и «мерных саженей»; появились пушечные и денежные мастера, оружейники. На Руси стали употреблять бумагу. Раньше пользовались букварями, изготовленными из дерева (такая азбука найдена при раскопках в Новгороде). После выхода в Москве в 1564 г. первой московской книги «Апостол» Иван Федоров выпустил это издание в 1574 г. во Львове и в том же году издал первый русский букварь в виде небольшой книжки на 80 страницах со славянской азбукой и элементами грамматики.

В XVI в. знаменитый пушечный мастер Андрей Чохов отлил «Царь-пушку», и ныне украшающую Московский Кремль.

Если в XV в. известны имена всего нескольких русских пушечных мастеров (Яков с учениками Ваней и Васюком, Петр Пушечник, Булгак Новгородов), то в XVI в. на московском Пушечном дворе работали уже десятки мастеров, подмастерьев и учеников (Игнатий, Богдан, Кузьма Первой, Семен Дубинин и др.).

Крупным центром производства холодного оружия и доспехов, а с XVI в. и ручного огнестрельного («самопалы», «рушницы») стала Оружейная палата Московского Кремля.

1. МОСКВА ПРИ ИВАНЕ III

Редкое описание Москвы конца XV в. оставил посланник Венецианской республики в Персии Амвросий Контарини, который возвращался на родину через Астрахань и Москву. Его записки относятся к 1474—1477 гг.

Извлечения публикуются по изданию: Библиотека иностранных писателей о России.— Спб., 1836.— Т. 1.— С. 99—112.

Город Москва расположен на небольшом холме, и все строения в нем, не исключая и самой крепости, деревянные. Посреди протекает река, называемая также Москвою и разделяющая его на две половины, из коих в одной находится крепость. Для переезда через эту реку в город построено несколько мостов. Москва есть столица великого князя. Она окружена обширными лесами, покрывающими почти все пространство России, и изобилует всякого рода хлебом... Страна их весьма холодна, так что жители в продолжении девяти месяцев должны топить в домах свои печи... В конце октября река, протекающая посреди Москвы, покрывается крепким льдом, на котором купцы

ставят лавки свои с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе. Они полагают, что это место, будучи со всех сторон защищено строениями, менее подвержено влиянию стуж и ветра. На такой рынок ежедневно в продолжении всей зимы привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы... На реке бывают также конские ристания и другие увеселения, но нередко участвующие в сих игрищах ломают себе шеи.

Москвитяне, как мужчины, так и женщины, вообще красивы сами собой... Образ жизни их состоит в следующем: утро до полудня проводят они на рынке, а потом отправляются в харчевню есть и пить, так что вечером никакой уже услуги ожидать от них нельзя. В Москву во время зимы съезжаются множество купцов из Германии и Польши для покупки различных мехов, как то: соболей, волков, горностаев, белок и отчасти рысей. Меха эти добываются не в самой Москве, а гораздо далее на север и северо-восток, но привозятся обыкновенно в Москву на продажу... Великому князю на вид около 35 лет. Он высок ростом и худощав, но со всем тем красивый мужчина... В Москве пробыл я с 25 сентября по 21 января и не могу пожаловаться на гостеприимство ее жителей...

2. АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Автор шедевра мировой живописи иконы «Троица» Андрей Рублев (ок. 1360—1430) вместе с другими художниками выполнил росписи иконостаса Благовещенского собора в Москве (1405), фрески Успенского собора во Владимире, росписи и иконы Троицкого монастыря в Троице-Сергиевой лавре и др.

Летописные известия о его работе публикуются по изданиям: Приселков М. Д. Троицкая летопись.— М.; Л., 1959.— С. 459; ПСРЛ.— Спб., 1853.— Т. VI.— С. 138.

Роспись Благовещенского собора

В ту же весну начали расписывать церковь каменную, святое Благовещение, на великого князя дворе... А мастерами были Феофан иконник Гречин[1] да Прохор старец из Городца да чернец Андрей Рублев, в том же году они окончили роспись.

[1] *Феофан Грек* (ок. 1350—1410), называемый современниками «дивным и знаменитым мужем», родом из Византии, знаменитый мастер фрески (церковь Спаса на Ильине в Новгороде), иконописи, миниатюры.

Роспись Троицкого собора

...И монастырь, собрав отовсюду [средства], по воле и при помощи всемогущего бога воздвиг церковь прекрасную на похвалу своему отцу [основателю монастыря Сергию Радонежскому]... Однако, видя, что она не украшена росписью, болели душевно и хотели ее всячески украсить... Однако некоторые из братии запрещали это делать по случаю прискорбной скудости. Но преподобный [игумен Никон], охваченный великим желанием, упорный в том, чтобы увидеть

своими очами церковь законченной и росписью украшенной, собрал вскоре живописцев, людей очень известных. Всех же тех превосходили в совершенной добродетели Даниил[1] и Андрей [Рублев], его товарищ, и некоторые другие вместе с ними. Они спешно делали это дело, как бы предвидя духом скорый уход из жизни этих духовных людей и живописцев и свою смерть, что через некоторое время по окончании дела и было. С помощью же бога, чтобы окончить дело преподобного, они занимаются им усердно и украшают церковь различными чудными росписями, могущими удивить всех ее видящих и ныне.

[1] *Даниил Черный* — живописец, учитель А. Рублева.

3. НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА РУСИ

Первенцами славянского книгопечатания считаются «Осмогласник» и «Часословец» 1491 г., изданные в Кракове, предназначавшиеся также для украинцев и белорусов. Почти одновременно печатание славянских книг началось в Венеции (1493), в Черногории (1495), несколько позже в Румынии и Молдавии. Выдающуюся роль в книгопечатании в Белоруссии сыграл Георгий Скорина (ок. 1490— ок. 1541) — основатель первой белорусской типографии (ок. 1525 г.), издавший в своем переводе Библию, а также «Апостол» и «Малую подорожную книжицу», в которых пропагандировал распространение просвещения среди народа. Преемственность в развитии книгопечатного дела среди славянских народов подчеркивает надпись на могильном камне Ивана Федорова о том, что он «друкование занедбалое обновил». В 1564 г. первопечатник Иван Федоров (ум. в 1583 г.) вместе с Петром Мстиславцем, белорусом по происхождению, напечатали в основанной ими типографии в Москве книгу «Апостол», в следующем году «Часовник». После выезда первопечатников в 1565—1566 г. московская типография была перенесена в Александровскую слободу, их дело продолжил Андроник Невежа. Всего во второй половине XVI в. было напечатано около 20 книг. 1564 — официальный год начала книгопечатания в России; в действительности первые, так называемые «безвыходные издания» появились примерно в 1553—1555 гг.

Издание книг, служивших учебниками, показывает, что начало книгопечатания не было результатом исключительной инициативы Ивана IV и митрополита Макария, а было вызвано потребностями просвещения.

Извлечение из послесловия к «Апостолу» 1564 г. публикуется по изданию: У истоков русского книгопечатания.— М., 1959.— С. 216—220.

...По повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия России самодержца и по благословению преосвященного Макария митрополита всеа Руссии многие церкви воздвигались в царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем городам царства его... И все эти святые храмы благоверный царь украшал чтимыми иконами и святыми книгами, и сосудами и ризами и прочими вещами. ...И поэтому ... повелел покупать святые книги на торгу... Но из них мало оказалось годных, остальные же все искажены несведущими и неразумными переписчиками... И это стало известно царю, и он начал размышлять, как бы издать печатные книги, как у Греков, и в Венеции, и в Италии, и у прочих народов, чтобы впредь святые книги излагались правильно... И так, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и по благословению преосвященного Макария митрополита начали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой

тысячи [1553]; в 30-й же год [1563] царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело.

И не жалея давал от своих царских сокровищ делателям, диакону церкви Николы чудотворца Гостунскому Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обеспечение до тех пор, пока дело их не пришло к завершению. И начали печатать впервые эту святую книгу... Окончены же были в год 7070 второй [1564], марта в 1 день...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVI в.

Изготовленные в типографиях книги стоили очень дорого и издавались небольшими тиражами. Как и в других странах Востока и Запада, в России XVI—XVII вв. шнрокое распространение получили рукописные книги. Они изготовлялись по заказу и на продажу профессионалами — писцами, владевшими искусством каллиграфии и работавшими поодиночке или группами в мастерских со своими учениками «книжного дела», но нередко переписывались и просто грамотными людьми, крестьянами и горожанами, любителями чтения. Крупные библиотеки того времени — Кремлевская в Москве, Соловецкого, Кирилло-Белозерского и других богатых монастырей, новгородского Софийского собора и другие, по большей части, состояли из рукописных книг. Многие рукописные книги того времени (летописи, сборники церковных и гражданских законов), сборники поучений, так называемые «Азбуковники», художественные произведения, лечебники и другие сохранились во многих десятках и сотнях копий («списков»), свидетельствуя о пытливости ума, жажде знаний, большой любви к книге и книжному чтению наших предков.

На новую ступень поднялось летописание. Многотомный «Царственный летописец» содержит, кроме текста, 16 000 замечательных миниатюр — ценнейший источник, характеризующий многие стороны русской истории, культуры и быта. «Степенная книга» повествует об истории Руси от ее крещения при Владимире I до царствования Ивана IV. Появились «Хронографы», освещающие всемирную историю,— из них читатели узнавали и о Троянской войне, и о походах Александра Македонского, и о взятии турками Константинополя в 1453 г. Большой популярностью пользовалось «Сказание о князьях Владимирских». «Повесть о зачале Москвы», сказания о Москве как «третьем Риме» подчеркивали всемирно-историческое значение образования Российского государства.

Многочисленные «повести» можно отнести к художественной прозе, содержавшей зарисовки хозяйственной жизни, быта и нравов. В «Повести о купце Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле» сын, удачно отгадывая загадки, спасает жизнь себе и отцу, расправляется с царем Несмеяном Гордым.

Некоторые произведения свидетельствуют о развивающихся культурных связях великороссов с другими народами. В Москве читали «Повесть о Мутьянском воеводе Дракуле», прототипом которого был один молдавский воевода. «Повесть о грузинской царице Динаре» знакомила читателя с преданиями о царице Тамаре, которая возглавила борьбу грузинского народа против иноземных захватчиков и одержала над ними победу.

Появились рукописные книги, пропагандирующие научные знания. «Космография», в противовес церковному учению, давала правильное объяснение причин солнечного и лунного затмений. «Книга сошному письму» содержала правила арифметики и элементы геометрии. Множество лечебников знакомило людей с правилами гигиены тела, жилища, пищи, народной медициной, лекарственными травами. Появились первые словари иностранных слов (греческого, славянских, тюрко-половецкий). Воинские повести освещали героическую борьбу с внешними врагами, выражали чувства патриотизма, верности Родине.

4. «ДОМОСТРОЙ»

Это сочинение XVI в., приписываемое священнику кремлевского Благовещенского монастыря и духовнику Ивана IV Сильвестру, сохранилось во множестве списков, что свидетельствует об его популярности и широком распространении в обществе. Негативная оценка «Домостроя», ставшего в трудах некоторых писателей символом заскорузлости, консерватизма и невежества, не учитывала принадлежности письменного памятника к тому времени, когда религиозность людей, суровость и патриархальность их нравов были общим и распространенным явлением. Поучая читателей прежде всего «праведному житию» — соблюдению постов и церковных праздников, всех правил православной церкви, «Домострой» отразил и новые черты мировоззрения современников: церковно-религиозные наставления сочетаются в нем с чисто хозяйственными, бытовыми, касающимися повседневных забот мирских людей, главным образом светских феодалов и зажиточных горожан. Именно к ним адресованы советы автора держать у себя в домах портных, сапожников, кузнецов и плотников, чтобы не покупать нужного, а всегда иметь готовое, заготовлять впрок напитки и продукты разного рода (квас, мясо, овощи, соления и пр.). Книга учила экономии и бережливости, содержанию в порядке одежды, соблюдению чистоты в доме, личной гигиены человека и т. д.

Извлечения публикуются по изданию: Хрестоматия по истории СССР.— М., 1951.— Т. 1.— С. 371—374.

Како дети учити и страхом спасати

Казни сына своего от юности его, и покоит тя на старость твою, и даст красоту души твоей. И не ослабляй бия младенца: аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здравие будет; ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти... Казни сына своего из млада и порадуешися о нем в мужестве...

Поучати мужу своя жена... Подобает поучати мужем жен своих с любовью и благорассудным наказанием; жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии: како душу спасти, богу и мужу угодити и дом добре строити; и во всем ему покорятися...

Первие: имети страх божий... Востав от ложа своего и молебная совершив, женам и девкам дело указати дневное всякому рукоделию, что работы: дневная ества варити, и которои хлебы печи... все бы сама государыня умела; ино умеет и слуг научити, и все сама знает...

И всякую бы еству, и мясную и грибную и всякой приспех скоромной и посной, жена сама бы знала и умела зделать, и слушку научить. То государыня домовная... Коли все знает доброго мужа наказанием и грозою, и своим добрым разумом, ино все будет споро и всево будет много.

А которая женьщина или девка рукодельница, и той дела указати: рубашка делати, или убрус брати и ткати, или золотное или шелковое пяличное дело[1]... Мужь ли придет, гостья ли обычная приидет, всегда бы над рукоделием сидела сама: то ей честь и слава, и мужу похвала: а николи же бы слуги государыни не будили: государыня бы слуг будила...

Как избная порядня устроити хорошо и чисто. Стол и блюда и ставцы[2] и лошки, и всякие суды и ковши, и братены[3], воды согрев из утра, перемыти и вытерьти и высушить; а после обеда такоже, и вечере...

Изба, и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенех, и на крылцы — вымыть и вытереть и выместь и выскресть,— всегда бы было чисто... Ино то, у добрых людей, у порядливой жены, всегды дом чист и устроен; все по чину: и упрятано, где что пригоже, и причищено и приметено; всегды в устрои как в рай войти!..

А только жены, или сыны или дщери, слово или наказание не имет, не слушает, и не внимает и не боитца и не творит того, как муж или отец или мати учит,— ино плетью постегать, по вине смотря; а побить не перед людьми, наедине: поучити да примолъвити и пожаловати, а никако же не гневатися ни жене на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по видению не бити, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть; никаким железным или деревянным не бить: хто с серца с кручины так бьеть,— многие притчи от того бывают, слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут, и перст, и главоболие и зубная болезнь... А плетью с наказанием бережно бити: и разумно и болно и страшно и здорова.

В житницах и в закромех о бережении

А в житницах бы у ключника был бы всякий запас и всякое жита: солод и рожь, овес, пшеница не сгноено, и не накапала бы и не навьяло; не проточено от мышей и не слеглося, и не затхло бы ся... А всему бы тому была мера и счет: сколько чево из села или из торгу привезут, и записати; а что весовое, то взъвесити; и колко коли отдаст чево на расход или взаймы и на всякой обиход, или кому государь велит что дати, то все записати же...

[1] *Пяличное дело* — шитье, вышивание на пяльцах — рукодельном верстаке.
[2] *Ставцы* — поставцы, посудники, приделанные к стене шкафчики.
[3] *Братены* — братины, сосуды.

Глава 10

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XVII в. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И ИНОЗЕМНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

В 70—80-х гг. XVI в. в Российском государстве была осуществлена общая перепись и составлены «писцовые книги», содержавшие сведения о городах, городском населении, владельцах дворов, лавок, кузниц или других промысловых заведений, размерах тягла, а также описания уездов по селам и деревням с указанием их владельцев, размеров вотчин и поместий, крестьянских и других дворов, окладных единиц в «сохах» и «вытях» и т. д. Писцовые книги узаконивали сословную неравноправность угнетаемых и господствующих слоев общества, служили юридическим основанием для взимания податей и обложения повинностями тяглого населения феодальным государством, эксплуатации крестьян светскими и духовными феодалами и усиления крепостной зависимости крестьян, чему способствовало также введение «заповедных лет», в течение которых крестьянам запрещали переход от одного феодала к другому в Юрьев день, а посадским людям (горожанам) оставлять места своего жительства.

Указы 90-х гг. XVI в. положили начало законодательному закрепощению крестьян в общероссийском масштабе, ухудшили положение кабальных холопов. Введение новых прямых налогов на тяглое население («стрелецкие», «ямские», «полоняничные деньги» и другие денежные поборы), тяжелые натуральные повинности (например, «городовое дело» — строительство и ремонт крепостей, поставка хлеба и фуража в войска и др.) привели к невиданному прежде усилению податного гнета. Постоянные нашествия крымских ханов, угонявших в «полон» десятки тысяч людей вместе с их скотом и имуществом, 25-летняя Ливонская война довершали разорение народных масс, сокращали численность населения и еще более увеличивали денежные и натуральные повинности крестьян и горожан в пользу казны и помещиков.

Неурожайные годы (1601—1603) сопровождались гибелью многих тысяч людей от голодной смерти. Напряженным внешне- и внутриполитическим положением России воспользовались иноземные захватчики: началась интервенция польско-литовских феодалов. В то же время заметно обостряется борьба в среде господствующего класса между силами сторонников дальнейшей государственной централизации и носителей традиций феодального сепаратизма.

В столь сложной обстановке вспыхнула первая в истории России крестьянская война под предводительством Ивана Исаевича Болотникова (1606—1607), предвестником которой явилось крупное восстание крестьян и холопов в Подмосковье во главе с Хлопком Косолапом (1601 г.).

Классовая ненависть эксплуатируемых масс против угнетателей ослаблялась царистскими иллюзиями, верой крестьян в «хорошего царя». Не сразу произошло и размежевание повстанцев по классовому признаку. В составе их войска, двигавшегося в 1606 г. к Москве (в отличие от крестьянских войн под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева), участвовали на первых порах и отряды дворян, которые в ходе боев с царскими войсками под Москвой изменили Болотникову и перешли на сторону царя Василия Шуйского.

Ниже приводятся извлечения из документов, которые характеризуют обстановку в стране накануне выступлений народных масс, состав участников восстаний, личность Болотникова, отдельные эпизоды крестьянской войны, жестокие расправы царских властей с повстанцами. При использовании источников следует

учитывать, что все они вышли из лагеря господствующего класса, писатели и летописцы крайне враждебно относились к повстанцам и их руководителям.

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Восстание И. Болотникова.— М., 1959.— С. 48, 154—156, 196—201, 87, 102—103, 144, 244—245, 117—118, 188—194; Сказание ... Авраамия Палицына.— М., 1955.— С. 105—108.

ГОЛОД 1601—1603 гг. ВОССТАНИЕ ХЛОПКА

1. ИЗ «СКАЗАНИЯ» АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

Монах-келарь[1] Троице-Сергиева монастыря А. Палицын в своем «Сказании» о событиях начала XVII в. рисует страшную картину разорения и голода народных масс, вызвавшего колоссальную смертность населения в Москве и по всей стране. Видя корень зла в «грехах» современников, Палицын все же не мог скрыть своекорыстия феодалов, прятавших запасы хлеба и наживавшихся на нужде народа, отпускавших своих холопов на «волю» на голодную смерть и в то же время закабалявших «в неволю» обнищавших крестьян, горожан и мелких служилых людей.

О начале беды по всей России

И яко сих ради Никитичев[2], паче же всего мира за премногиа и тмочисленыя грехи нашя и безакониа и неправды вскоре того же лета 7109-го (1601 г.) излиание гневобыстрое бысть от бога. Омрачи господь небо облаки и толико дождь пролиася, яко вси человецы во ужасть впадошя. И преста всяко дело земли и всяко семя сеянное, возрастши, разседеся от безмерных вод, лиемых от воздуха; и не обвея ветр травы земныя за десять седмиц дней и прежде простертиа серпа поби мраз силный всяк труд дел человеческих и в полех, и в садех, и в дубравах, всяк плод земный, и яко от огня поядена бысть вся земля. Году же сему прешедшему, праведному же наказанию от бога на нас бывшу, мы же никако же от злоб своих престахом... И сего ради во второй год злейши того бысть, такожде и в третие лето; и всякому естеству, ох! и горе! восклицающу... Мнози же тогда от ближних градов приришуще к царствующему граду, препитатися хотяще от милостыни царевы... И тии убо приходящеи такожде погибаху скудости ради пища. По отцех же богоносных речению, мнози тогда ко второму идолослужению уклонишася и вси имущеи сребро и злато, сосуды и одежда отдааху на закупы и собираху в житница своя вся семена своя всякого жита и прибытков восприимаху десяторицею и вящи. Мнози бо имущеи к разделению братии на милость не приклаияхуся. И зряще богатии по стогнам царствующего града от глада умерших, ни во что же вменяху; и не толико бревн и дров не возилех, яко же мертвых нагих телес влачаху по граду всегда, такожде и по всем градом. И за два лета и четыри месяца счисляще по повелению цареву погребоша в трех скудельницах[3] 127 000 (человек.— *Ред.*), толико во единой Москве. Но что се? Тогда бысть в царствующем граде боле четырех сот церквей, у всех же тех неведомо колико погребше христолюбцы гладных. А еже во всех градех и селех никто же исповедати может: несть бо сему постижения. И пси

бо и зверие и птица небесныя преизобильствоваху сицевою пищею; и аще не бы царским повелением погребахуся, то всяко бы от смрада мертвости и от снедения пес возсмерделся царствующий град. Толика же беда належаще, яко всяку нечистоту бедным и неимущим снедати. И аще не бы господь прекратил дьней тех, то уже начинаху и друг друга ясти.

В те же лета мнози имущеи глаголаху к просящим: не имамы ничто же. Во время же пленения от всех околних язык, наипаче же от своих то обретеся бесчислено расхищаемо всякого хлеба и давныя житницы неистощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоней и копен и зородов[4], и до четырехнадесяти лет, отнеле же смятение бысть во всей Русской земли... Се бо да разумеется грех во всей России, чесо ради от прочих язык пострада. Во время боискушениа гнева божиа не пощадехом братию свою и жита и благаа своя заключихом себе. Тако и нас не пощадешя врази наши.

[1] *Келарь* — монах, в обязанности которого входила забота обо всем монастырском хозяйстве и громадных земельных имуществах.

[2] *Никитичи* — сосланные Борисом Годуновым родственники царя Михаила Федоровича Романова (по первой жене Ивана IV Анастасии).

[3] *Скудельницах* — кладбищах, общих могилах.

[4] *Одоней* (кладей) *и копен и зородов* (зародов) — хлеба и семян.

О зачале разбойничества во всей России

...В правлении же при сем велицем государе блаженнем царе Феодоре Борис Годунов и инии мнози от вельможь не токмо род его, но и блюдомии ими, многих человек в неволю к себе введше служити, инех же ласканием и дарьми в домы своя притягнувше; и не от простых токмо ради нарочита рукоделиа или какова хитра художества[1], но и от честнейших издавна многим именем и з селы и с вотчины, наипаче же избранных меченосцев[2] и крепких во оружии и светлы телесы и красны образом и возрастом излишьствующих. Мнози же и инии, начальствующим последствующе, в неволю порабощающе, с кого мощно и написание служивое[3] силою и муками емлюще. Во время же великого глада сего озревшеся вси, яко немощно питати многую челядь, и начашя рабов своих на волю отпущати; инии убо истинно, инии же лицемерством... и аще к кому прибегнет, той зле продаваем бываше и мног снос и убытки платяху; инии же ради воровства нигде не приемлеми бываху... Бяше же и се зло и лукаво во многих: лето убо все тружаются, в зиму же не имеют где и главы подклонити; и наки в лето в делех зле стражут у господей своих. В сицевых же озлоблениих велико зло сотворися во всяких местех, их же несть возможно исписати. Домы же великих боляр зле от царя Бориса распуженых и вси раби распущены бышя, заповедь же о них везде положена бысть, еже не принимати тех опалных боляр слуг никому же. Инии же сами поминающе благодеяние господей своих и в негодовании на царя пребывающе, но

времени ждуще, зле распыхахуся, инии же от глада зле скончевахуся, инии же ремеством кормящеся, овии же от родитель своих питахуся. А иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни, сии к великому греху уклоняхуся; во грады бо вышереченные украйные отхождаху. И аще не вкупе, но боле двадесяти и тысящь сицевых воров обретшесе по мнозе времени во осаде в сидении в Колуге и в Туле, кроме тамошних собравшихся старых воров.

[1] *Хитра художества* — искусного ремесла.
[2] *Меченосцев* — здесь: служилых людей, вооруженных мечами.
[3] *Написание служивое* — кабальную грамоту на холопа.

2. ИЗ «НОВОГО ЛЕТОПИСЦА»

Краткое и враждебное по отношению к повстанцам известие «Нового летописца» указывает в то же время на большую территорию, охваченную восстанием Хлопка, упорство повстанцев в борьбе с царскими войсками, бегство участников восстания на юг страны, где многие из них затем присоединились к И. Болотникову.

«Новый летописец» был составлен при патриаршем дворе Филарета Никитича, отца Михаила Романова. Это сочинение, в котором доказывается, что воцарение новой династии Романовых на российском троне было изъявлением божьей воли. Текст «Нового летописца» не содержит прямого указания на то, когда именно и кем он был составлен. Предположительная дата составления — около 1630 г.

О разбойницех и о посылке на разбойников

...Бысть в то же время, умножишась разбойство в земле Рустей, не токмо что по пустым местом проезду не бысть, ино и под Москвою быша разбои велицы. Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, посылаше многижда на них. Они ж разбойники, аки звери зубы своими скрежетаху на человека, тако противляхуся с посланными и ничево им не можаху сотворити. Они же воры и досталь православных христиан посецаху и грабяху. У них же воровских людей старейшина в разбойниках именем Хлопа. Царь же Борис, слышав, яко ничто им не зделати, прискорбен бысть и призва к себе бояр и возвести им и думаше с ними, како бы тех разбойников переимати. Боляре же придумаша на них послати со многою ратью воевод. Царь же Борис посла на них околничево своево Ивана Федоровича Басманова, а с ним многую рать. Они ж поидоша и сойдоша их близ Москвы. Разбойницы ж с ними биющеся, не щадя голов своих, и воеводу Ивана Федоровича убиша до смерти. Ратные ж, видя такую от них над собою погибель, что убиша у них разбойники воеводу, и начаша с ними битися, не жалеюще живота своего, и едва возмогоша их окаянных осилить, многих их побиша: живи бо в руки не давахуся, а иных многих и живых поимаша. И тово же вора их старейшину Хлопка едва возмогоша жива взяти, что изнемог от многих ран, а иные уйдоша на Украину и тамо их всех воров поимаша и всех повелеша перевешать...

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ И. И. БОЛОТНИКОВА

3. ИЗ ЗАПИСОК К. БУССОВА О БОЛОТНИКОВЕ

Конрад Буссов, немец, находившийся в Туле вместе с повстанцами Болотникова, оставил в своей «Московской хронике» наиболее подробные сведения о предводителе восстания. Записки Буссова — красноречивое свидетельство царистских иллюзий предводителя восставших.

Об Иване Исаевиче Болотникове, прибывшем из Венеции в Польшу, и о том, как он был направлен для войны в Россию одним поляком, выдававшим себя за Димитрия всей Руси[1]

Вскоре после Мартынова дня[2] на помощь путивльскому воеводе Истоме Пашкову прибыл опытный витязь Иван Исаевич Болотников, пройдя со своими силами через Комарицкую волость, Калугу и далее к Москве до Котлов[3]. Всю область, которую он прошел, он привел к присяге Димитрию и усилил значительно свое войско. По рождению Болотников был московитом[4], но в юности был взят в плен татарами (против которых московиты ежегодно были вынуждены воевать) и продан в Турцию. Там он был прикован на галере и несколько лет должен был исполнять тяжелую грубую работу и, наконец, был освобожден немецким судном, которое перехватило турок на море, и привезен в Венецию. Оттуда через Германию он пришел в Польшу и узнал об удивительных изменениях, происшедших в его отечестве во время его отсутствия. Когда он узнал, что его государь царь Димитрий ускользнул от московских убийц, пробрался в Польшу и теперь находится у воеводы Сандомирского, он представился ему. После того как тот, который выдавал себя за Димитрия, его проэкзаменовал и порасспрашивал: кто он такой, откуда пришел, куда направляется, и увидел из его ответов, что он опытный воин, тогда спросил он его: не хочет ли он служить ему против соотечественников-убийц и клятвопреступников-злодеев. Когда Болотников ответил, что он готов биться за своего наследного государя, тогда Лжедмитрий сказал ему: «я не имею пока возможности много дать, возьми 30 дукатов, саблю и шубу... и отправляйся с этим письмом в Путивль к князю Григорию Шаховскому[5], который из моих сокровищ даст достаточно золота и назначит тебя воеводой и командующим над несколькими тысячами войск, с которыми ты начнешь наступать вместо меня и с помощью божией попытаешь счастья против моих неверных подданных. Скажи там, что ты меня здесь в Польше... видел и говорил со мной и получил из моих рук это послание». С этим письмом и подобным известием Болотников кратчайшим путем прошел в Путивль и был принят здесь с большой радостью, так как возбужденные путивляне твердо поверили, что Димитрий (как им говорил князь Григорий) действительно бежал и жив и что они поэтому тем горячее будут бороться против изменников и ради него, Дмитрия, не пожалеют своей крови и имущества, хотя это, конечно, не

был истинный Димитрий, а снова поставленный от Польши самозванец. На основании письма и рассказов Болотников был назначен большим воеводой (т. е. верховным главнокомандующим) и с 12 тыс. человек отправился через Комарицкую волость к Москве, которая была ими осаждена и была бы, конечно, принуждена к сдаче, если бы этому не помешали раздоры между двумя командующими[6].

[1] Это был авантюрист М. Молчанов, бежавший после гибели Лжедмитрия в Польшу и выдававший себя за чудом спасшегося «царя Димитрия».

[2] *Мартынов день* — день св. Мартына (14 апреля).

[3] *Котлы* — местность на южной окраине Москвы, где стояли отряды Болотникова до их поражения и отхода в Калугу.

[4] Холопом князя Андрея Телятевского.

[5] Путивльский воевода князь Г. Шаховской изменил В. Шуйскому, находился в отрядах Болотникова, после взятия Тулы царскими войсками был оставлен на свободе и бежал в лагерь Лжедмитрия II.

[6] В ходе двухмесячной осады Болотниковым Москвы (октябрь — ноябрь 1606 г.) присоединившиеся к нему отряды дворян и служилых людей во главе с П. Ляпуновым, Г. Сумбуловым, И. Пашковым изменили и перешли на сторону царя Василия Шуйского: они были напуганы антифеодальной борьбой крестьян и холопов. С помощью подоспевших ему на выручку смоленских и ржевских дворян В. Шуйский в сражении под Москвой в начале декабря нанес поражение Болотникову, который отступил к Калуге.

Московские жители послали в лагерь к Болотникову своих людей и через них потребовали, что если Димитрий (который был ранее в Москве) жив и находится при нем в лагере или где-либо, то он должен его им представить в лицо... Болотников ответил: «Царь воистину живет в Польше и будет скоро здесь. Я сам был у его руки, и он лично назначил меня вместо себя верховным главнокомандующим и отправил меня в Путивль с письменным приказом». «Нет,— сказали москвитяне,— это, должно быть, другой: Димитрия мы убили». И усовещевали Болотникова прекратить проливать невинную кровь, покориться Шуйскому, их царю: он сделает его знатным господином.

Болотников ответил отказом: «Я дал моему государю торжественную клятву пожертвовать за него самою жизнью, ее я сдержу, делайте, как хотите: поскольку вы не намерены сдаться по добру, я намерен принудить вас к этому. Я навещу вас скоро»[7].

[7] Попытка царя В. Шуйского подкупить Болотникова, сделав его в случае измены «знатным господином», встретила решительный отказ. В результате размежевания классовых сил под Москвой крестьянская война вступила в новый этап своего развития, когда повстанческие отряды прямо противостояли царским войскам, угнетенные массы — феодалам.

4. ИЗ ГРАМОТ ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА В НОЯБРЕ 1606 г.

Заняв с самого начала крестьянской войны резко враждебную по отношению к восставшим позицию, церковники всеми силами стремились опорочить, очернить Болотникова и его сторонников в глазах народа (особенно в момент ожесточенных сражений повстанческих отрядов под Москвой, когда в самой столице обнаружилась опасность перехода жителей Москвы на сторону Болотникова, рассылавшего свои «листы» с призывами присоединиться к восстанию). Устраивая в Москве различные церковные церемонии, молебствия и проповеди, направленные

против восставших «воров», патриарх Гермоген в своих грамотах призывал прекратить «брань межуусобную» и покориться царю, обещая участникам антифеодального движения «милостивое» прощение «их вины».

...А ныне, по своим грехом, забыв страх божий, воста плевел[1], хощет поглотити пшениценосные класы. Окопясь разбойники и тати и бояр и детей боярских беглые холопи в той же прежепогибшей и оскверненой Северской Украине, и зговорясь с воры с казаки, которые отступили от бога и от православные веры и повинулись сатане и дьявольским четам (внушениям.— *Ред.*), и оскверня всякими злыми делы Северские городы и пришли в Рязанскую землю и в прочая городы, и тамо тако ж святые иконы обесчестиша... и многих смерти предаша... пришли к царствующему граду Москве, в Коломенское, и стоят и розсылают воровские листы по городом и велят вмещати в шпыни[2] и в боярские и детей боярских люди и во всяких воров всякие злые дела, на убиение и на грабеж, и велят целовать крест мертвому злодею и прелестнику Ростриге (Лжедмитрию.— *Ред.*), а сказывают его проклятого жива...

...А сю б еси, сыну, грамоту велел чести на соборе не поодинова, чтобы ведомо было всем православным крестьяном. И в свои монастырские села, по всем святым церквам, с сее нашие грамоты списки посылал к священником и, призывая их, с поучением наказывал от божественного писания, чтоб отпадших крестьянские веры разбойников и губителей крестьянских, злодеев, воров, не слушали никак ни в чем... и помня б на чем крест целовали государю царю и великому князю Василию Ивановичу всеа Русии, стояли б против воров крепко, чтоб им тако ж не погинути и з женами и з детми в разорении не быти... А стоят те воры под Москвою, в Коломенском, и пишут к Москве проклятые свои листы и велят боярским холопем побивати своих бояр и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безъимянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество... И государь милостив ждет их воров к себе обращения, и чтобы престала брань межуусобная и погибели бы крестьяном не было, к ним злодеем от Москвы ни един же отторжеся, а от них к государю приезжаючи многие добивают челом, и государь милостив их вины им отпущает.

[1] *Плевелы* — сорняки, мякина, мусор — так презрительно называет патриарх повстанцев.

[2] *Шпынь* — нищий оборванец.

5. ИЗ «КРАТКОГО ИЗВЕСТИЯ О МОСКОВИИ» ИСААКА МАССЫ

Голландец Исаак Масса был в Москве по торговым делам в 1601—1609 гг.

Города, участвовавшие в восстании

[Мятежникам] на татарской или рязанской стороне принадлежали следующие города: Рязань, Карачев, Ливны, Орел, Венев, Михай-

лов, Болохов, Ряжск, Серебряные Пруды, Новосиль; на северской стороне: Путивль, глава и зачинщик всех мятежных городов... потом Чернигов, Брянск, Елец, Козельск, Рыльск, Почеп, Сосница, Рославль, Монастырище, Новгород-Северский и многие другие; также были у них: Коломна, Кашира, Алексин, Епифань, Перемышль, Льгов, Дедилов, также Калуга и Тула, где осадили Петра[1], сверх того они завладели всей Волгой и опустошали все местности [по ее течению], где только не проходили. Одним словом, у них была большая сила, и они владели прекрасными землями...

[1] *Петр* — сын посадского человека г. Мурома, затем работный человек на Волге, с 1603 г.— казак, объявивший себя «царевичем Петром Федоровичем» (сыном царя Федора Ивановича) (настоящее имя Илья Горчаков), с отрядами из казаков и «черкас» (украинцев) занял Тулу и присоединился к движению Болотникова; в мае 1607 г. послал на выручку войскам Болотникова свой отряд, который нанес сильное поражение царским войскам у с. Пчельня под Калугой, что вынудило царских воевод снять осаду Калуги и в панике отступить к Серпухову.

6. ИЗ «ИНОГО СКАЗАНИЯ»

«Иное сказание» — повесть неизвестного автора, составленная в 1606 г., т. е. непосредственно в период крестьянской войны. Интересные сведения дает «Иное сказание» об обороне повстанцами Калуги. Эта оборона продолжалась до мая 1607 г. Несмотря на поражение Болотникова под Москвой (2 декабря 1606 г.), антифеодальное движение приобрело большой размах и охватило громадную территорию. Героическая и умелая оборона Калуги Болотниковым завершилась поражением крупных сил царя В. Шуйского, получавших в ходе сражений подкрепления.

И бысть у них во граде (у повстанцев, осажденных в Калуге.— *Ред.)* глад велик и нужда, многаго ради времени осадного: не токмо хлеб, но и скот весь рогатой, и конской весь изъядоша, и вси начаша изнемогати. И здатися помышляху, понеже видяху конечную гибель себе, не токмо от гладу, но еще хитроумием ведется подмет под градцкие стены, вал дровяной. Сами идуще ко граду за туры, пред собою же ведоша множество дров, аки стену градную, на сожжение граду, созади убо емлюще дрова и наперед бросающе, и тако впредь ко граду идуще; самих же их со града за дровы ничем вредити не могут. И тако един конец дровяного валу уже и под стену придвигнуша, другаго же конца того дни не успеша придвигнути. Но ини глаголют, то де содеяся тако: по изменничью умыслу и снаровки той де был конец наперед веден, и как де поставили на их подкопном месте,— понеже под то место у них из града подкоп поведен и зелие (порох.—*Ред.)* подкачено,— и они его тот предней конец поставя, и учали последний наперед вести и ведоша, а того не повели ноши ради, отложиша до утра, придвигнув и зажетчи в утре дрова. Они же разбойницы и кровоядцы, улучивши время своему злому умыслу, а к погублению православных христиан, и тоя нощи зажгоша под землею, и тако от лютости зелейные подняся земля и з дровы, и с людми, и с туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростьми. И бысть беда велика, и много войска погибоша, смятеся все войско. Во смятении же том вси разбойницы из града напустишася сетчи

без милости... и вси воеводы устрашишася и бегству вдашася, и все воинство такожде вослед их побегоша, кто елико можаше; разбойницы же и богоотступницы вослед их женуще (догоняя, преследуя.— *Ред.*) и бьюще секуще без милости...

7. ИЗ «КАРАМЗИНСКОГО ХРОНОГРАФА»

«Карамзинский хронограф» составлен арзамасским помещиком Баимом Болтиным. Интересные сведения имеются в хронографе о заключительном этапе восстания Болотникова.

Оставив полуразрушенную и разоренную Калугу после победы над воеводами В. Шуйского, Болотников соединился с «царевичем» Петром в Туле, которая имела сильную и хорошо вооруженную каменную крепость (кремль). Численность повстанцев в Туле превышала 20 тыс. человек. Сосредоточив в Серпухове громадное войско (до 100—150 тыс. человек), царь Василий Шуйский в мае 1607 г. осадил Тулу. Около четырех месяцев осажденные защищали Тулу, предпринимая «на всякой день по трожды и по четырежде» вылазки. Обладая численным превосходством и сильной артиллерией, Шуйский не смог взять Тулу и по совету сына боярского Кравкова затопил город, построив ниже его плотину на реке Упе. В Туле начался страшный голод. 7 октября 1607 г. повстанцы капитулировали, поверив обещаниям Шуйского пощадить их и отпустить «на свободу» руководителей восстания.

И того же лета царь Василий ис Серпухова пошел з бояры, и с окольничими, и с стольники и стряпчими, и с жильцы, и со всякими ратными людми, и с ним, государем, наряд, пушки большие и огненные, и пришел... со всеми ратными людми под Тулу и стал от Тулы три версты. А в Туле в те поры... всяких воров сидело с вогненным боем з 20 тысечь. И с Тулы вылозки были на все стороны на всякой день по трожды и по четыреж(д)е, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали. А из наряду болшова со обеих сторон в Тулу стреляли и побивали многих людей. И в государеве Розряде дьяком подал челобитную муромец сын боярской Иван Сумин сын Кровков, что он Тулу потопит водою, реку Упу запрудит, и вода де будет в остроге и в городе, и дворы потопит, и людем будет нужа великая, и сидеть им в осаде не уметь. И царь Василей Иванович велел ему Тулу топить, и сын боярской Иван Кровков плотину делал, секли лес и клали солому и землю в мешках рогозинных, и вели плотину по обе стороны реки Упы, а делали плотину всеми ратными (людьми) с окладов. И плотину зделали и реку Упу загатили, и вода стала большая, и в острог и в город вошла, и многие места во дворах потопила, и людем от воды учала быть нужа большая, а хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стало. И с Тулы к царю Василью в полк учели выходить всякие люди человек по сту, и по двести, и по триста на день, а подостоль многие люди от голоду и от воды стали выходить... И на самой празник Покров пречестыя тульские сидельцы царю Василию Ивановичю всеа Русии добили челом и в город государевых ратных людей пустили[1]. А в Тулу послан от царя Василия боярин Иван Федоровичь Крюк Колычев. И с Тулы в полки прислали к царю Василью вора Петрушку, что назывался царевичем (Петром

Федоровичем.— *Ред.*), да князь Ондрея Телятевского, да вора Ивашка Болотникова. А тульских сидельцов привели ко крестному целованию за царя Василья. [Вора Петрушку велел повесить под Даниловым монастырем по Серпуховской дороге, а Ивашку велел сослать в Каргополь и посадить в воду]...

[1] В среде осажденных повстанцев были люди отчаявшиеся или принадлежавшие к разряду служилых людей, которые надеялись на царскую милость. Однако официальная версия хронографа о том, что все осажденные «добили челом» царю (без всяких условий), оправдывает расправу с участниками и руководителями восстания.

8. ИЗ СОЧИНЕНИЯ Э. ГЕРКМАНА

Сочинение голландца Э. Геркмана «Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском» опубликовано в 1625 г. в Амстердаме и основано на сведениях, полученных автором во время пребывания его в России вскоре после событий.

Во время переговоров с его царским величеством (Василием Шуйским)... заключен был следующий договор: 1) Желающим предоставить право в полном вооружении свободно выступить и отправиться туда, куда они пожелают идти. 2) Желающих поступить на службу к его ц.в-ву принять и назначить им жалованье, подобно другим солдатам. 3) Петра Федоровича, выдающего себя за царевича, отпустить, не причиняя ему вреда, туда, куда он пожелает идти. 4) Ивана Исаева (Болотникова) беспрепятственно отпустить и предоставить ему полную свободу. Шуйский поклялся своей короной в соблюдении и исполнении этих условий.

На этих условиях город был сдан, и для охранения его царь послал туда часть своего войска. [По вступлении его в город] Петр Федорович, выдававший себя за царевича, был взят и без всякой справедливой причины выдан царю. Болотников, в надежде быть освобожденным, выехал верхом в лагерь, чтобы лично представиться его ц. величеству. По прибытии в лагерь он был оскорблен несколькими лицами, кричавшими: «Благодарим тебя, вор, благодарим, изменник!» Болотников спрашивал их, за что, что им нужно? Тогда [один] отвечал: «За моего брата»; [другой]: «За моего затя»; [третий]: «За моего сына» и т. д.; «все они здесь погибли, и ты виновник их гибели». Болотников возразил им: «Я в этом не виноват, они убиты за свои грехи»...

По прибытии в Москву Болотникову позволили свободно ходить по городу в сопровождении приставов, а [Петра] засадили под крепкую стражу, не подвергая его, однако, каким-либо пыткам. Просидевши таким образом некоторое время, он был приговорен к повешению, выведен из Москвы и приведен на место, где стояла виселица... Его повесили на мочалах, которые не могли крепко затянуть, так как они были очень толсты, и преступник был еще жив, когда палач уже спустился вниз. Увидев это, палач взял у близ стоявшего крестьянина дубину [которую этот случайно держал в руках], снова влез на виселицу и ударил царевича по черепу. От этого удара он

умер. Затем, продержав известное время в Москве Ивана Исаева Болотникова, отправили его в Каргополь... где его и убили. Отсюда видно, как точно сдержал присягу царь Василий Иванович, хотя он и клялся своею короною.

БОРЬБА ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ В НАЧАЛЕ XVII в.

Иноземная интервенция начала XVII в., подобно монголо-татарскому нашествию XIII в., угрожала независимому существованию Российского государства и населяющих его народов. Неисчислимые людские и материальные потери затормозили развитие производительных сил. В результате уступки Речи Посполитой (по Деулинскому перемирию 1618 г.) смоленских, черниговских и новгород-северских земель с 29 городами и с «ключом к Москве» — Смоленском западные границы России оставались под постоянной угрозой новых вторжений, было отдалено воссоединение с нею Украины. Уступка Швеции (по Столбовскому миру 1617 г.) Ижорской земли (по течению реки Невы), крепости Иван-город (на реке Нарве) на сто с лишним лет (до 1721 г.) лишила Россию выхода в Балтийское море. Первоначальным успехам авантюриста Лжедмитрия I способствовали не только враждебные России внешние силы (Ватикан, польско-литовские магнаты), но также антипатриотические силы внутренней боярско-княжеской реакции — многие воеводы Бориса Годунова, по словам летописца, «норовили окаянному Гришке». После его гибели в лагере Лжедмитрия II оказались «тушинские перелеты» — русские бояре и дворяне, готовые служить «семо и овамо» (тут и там); после свержения с престола царя Василия Шуйского (1610 г.) правительство «семибоярщины» во главе с Ф. И. Мстиславским заключило с польским королем Сигизмундом II, осаждавшим с большим войском Смоленск, предательский договор и впустило отряды гетмана Жолкевского в столицу государства Москву. В то же время наивная вера народных масс в «справедливого», «истинного» царевича Дмитрия, демагогически использованная Лжедмитрием при движении на Москву в 1604—1605 гг., по мере того как обнаруживались действительные цели захватчиков, и особенно после начала открытой интервенции польских войск, осадивших в 1609 г. Смоленск, постепенно рассеивалась. Отдельные очаги сопротивления интервентам сливались в могучее народное движение за освобождение родины, охватив уже в 1609—1610 гг. города Кострому, Кинешму, Галич, Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Ярославль, Вологду, Устюжну, Сольвычегодск и многие другие, где отряды крестьян и горожан все более решительно и единодушно давали отпор захватчикам. В марте 1611 г., когда первое ополчение приближалось к столице, жители Москвы в течение двух дней сражались с отрядами поляков и их наемников; вести о жестокой расправе с повстанцами, о сожжении Москвы оккупантами разошлись по всей стране и вызвали новый подъем патриотического движения. На его волне выросли силы всенародного ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского. В ноябре 1612 г. Москва была освобождена. Героическая борьба народных масс против иноземных захватчиков в начале XVII в. завершилась победой. Ценою многих жертв народ отстоял независимость родины.

Содержательный обзор событий 1601—1612 гг. дан в грамоте русского правительства 1615 г. французскому королю.

Извлечения из нее публикуются по изданию: Шафиров П. П. Рассуждение о причинах войны со Швецией.— Спб., 1722. (Приложения. «Буква С».)

9. ГРАМОТА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦУЗСКОМУ КОРОЛЮ 1615 г.

...В прошлом во 109[1601] присылал к царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии Жигимонт король польской и великой князь литовской послов своих... и те послы приговорили с наши-

ми бояры перемирье меж царем и в. к. Борисом Федоровичем всеа Русии и меж Жигимонтом королем польским и меж их великих государств на дватцать на два года с лета 7109 по лето 7131, и то перемирье царь Борис и Жигимонт король крестным целованьем своими душами закрепили, что было в те перемирные лета им, государем и государству с государством быти в миру и в дружбе и в любви, а войны и ни которые недружбы невчинати, и людей в землю Московского государства не всылати, и через свою землю никаких воинских людей не пропускати, и недругом никакими людми, ни казною не вспомогати. И после того укрепленья вскоре, некоторой вор чернец еретик именем Гришка Богданов сын Отрепьев из Московского государства... збежал в Литву, и скинул с себя чорное платье и врагом рукописание на себя дал... и назвался царевичем Димитрием Углицким, деда нашего великого государя царя и в. к. Ивана Васильевича всеа Русии сыном; а царевича Дмитрея Углецкого не стало до того времени за тринатцать лет; и в Польше, по совету и умышлению Радного Пана воеводы Сендомирского Юрья Мнишка, пристали к тому вору князь Адам да князь Костянтин Вишневецкие, да Острянской староста Михайло Ратомский и иные многие польские и литовские люди, и привели того вора Гришку Ростригу к Жигимонту королю, имянуичи ево царским сыном, будто они про него подлинно ведают...

А тот вор бил челом королю о помочи, чтоб ему быть на Московском государстве государем; а за то королю учинится он сам и с великим нашим государством Российским в подданстве, и король Жигимонт, поруша мирное постановленье... тому вору на вспоможенье дал многую свою казну, и людей против царя Бориса и Московского государства, и пан Радной коруны Польские воевода Сендомирской Юрьи Мнишек, по королевскому веленью, зговорил за того вора дочь свою Марину, и многую ему казну на вспоможение дал, и сам с ним на украину Московского государства с ратными людьми пошел; и пришел тот вор Гришка Отрепьев и воевода Сендомирской со многими с польскими и литовскими людми на украину Московского государства в Северские городы безвестно... И вражьим действом, а умышленьем и вспоможеньем Жигимонта короля... тот вор дошел до царствующего града Москвы... и царского престола достиг, и государем Московским имяновался.

А с ним пришли в царствующий град Москву многие польские и литовские люди, и Донские и Вольские[1] атаманы и казаки, которые бегали из нашего Московского государства за свои вины от смертные казни. И учинясь на Московском государстве тот вор государем, многих бояр и воевод и всяких людей по городам в заточенье разослал, а иных смертными казньми казнил. А потом к тому вору пришел из Литвы воевода Сендомирской Юрья Мнишек со многими Польскими и Литовскими людми, а привез с собою... по договору с тем вором дочь свою Марину и дал ему в жену, да с воеводою ж Сендомирским вместе пришли от короля к тому ж вору послы Микалай Алетницкой, каштелян Мологовской, да Александр Га[н]севской

дворянин королевской, со многими людми, урядясь полки и ротами, кабы воинским делом...

И будучи на Москве, те Польские и Литовские люди... почали вере нашей крестьянской многое поругание чинить, и... людем многое насильство делать, и умыслил был тот вор Гришка с поляки патриарха Московского и митрополитов и архиепископов и епископов и бояр и воевод и всяких чинов людей лутчих побити, а Московское государство под коруну Польскую прилучити, а нашу православную християнскую истинную веру греческого закона разорити.

И нашего Московского государства бояре и воеводы и всякие люди... немога такого зла терпети, соединяся все единомышленно и облича того вора злой смерти предали. А которые Польские и Литовские люди за него было вступились и учали побивать руских людей, и тех не многих земские черные люди за их грубости побили; а воеводу Сендомирского с дочерью и ево приятелей Вишневецких и иных Польских и Литовских людей наши бояре от смерти уберегли...[2]

...Жигимонт король и Паны Рада, умышля Московское государство разорить болши прежняго, устремились в Московском государстве смуту делать и кровь крестьянскую напрасную проливати, велели пустити славу во все пограничные места Московского государства и на Дон к казакам, будто тот вор, который был на Москве государем, с Москвы ушол и у них в Польше жив, а в его место будто ся убит некоторой литвин. Да умысля выслали на Украину Московского государства в Северскую землю другова вора... называючи ево царем Дмитреем...

И пришед тот другой вор с Польскими и Литовскими со многими людми... под царствующий град Москву, и пришед близко Москвы табаром стали, и по городам... в уезды войну распустили, и почали... разоряти села и деревни жечь, и людей в полон имать, а иных побивать и грабить и кровь напрасную проливать без милости, и к царствующему граду к Москве приступать...[3]

И божиею милостию тот вор у Москвы хотенья своего не получил...

[1] *Вольские* — волжские казаки.

[2] Далее повествуется о воцарении Василия Шуйского и его переговорах с польским королем о возобновлении мирных отношений и возмещении понесенных Россией от прихода Лжедмитрия и польско-литовских войск в Москву убытков.

[3] Далее повествуется об отпуске из Москвы в Польшу польских послов и Юрия Мнишка с дочерью, которые, однако, перешли в тушинский лагерь Лжедмитрия II, где Мнишек «дочь свою за тово другова вора дал... и обычаи всякие прежняво вора Ростриги тому вору росказал».

10. ИЗ «СКАЗАНИЯ» АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА ОБ ОБОРОНЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ

В сентябре 1608 г. польские войска Сапеги и Лисовского (до 30 тыс. человек) предприняли осаду Троице-Сергиева монастыря — сильной крепости, расположенной в 90 км к северу от Москвы и препятствовавшей военным действиям Лжедмитрия II и интервентов в областях, расположенных к северу и во-

стоку от столицы. Крепость защищали вместе с ратными людьми укрывшиеся в ней с семьями горожане и крестьяне окрестных деревень; их стойкость и мужество не сломили ни штурмы противника, ни блокада крепости. Продолжавшаяся более года (до января 1610 г.) героическая оборона Троице-Сергиева монастыря отвлекла крупные силы захватчиков от Москвы и помешала им захватить столицу, нанесла интервентам большие потери, облегчила продвижение к Москве войск М. В. Скопина-Шуйского и, таким образом, способствовала распаду тушинского лагеря Лжедмитрия II. Автор «Сказания» — келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын — подчеркивает в ходе событий значение божественного промысла, молитв «чудотворцев» «о избавлении града и о помощи над враги» и т. п., но в то же время описывает ряд ярких эпизодов обороны крепости, свидетельствующих о героизме осажденных, об их высоком патриотизме.

Выдержки публикуются по изданию: Сказание Авраамия Палицына / Под ред. Л. В. Черепнина.— М.; Л., 1955.— С. 157—160, 177—179.

О выласки на сторожи литовские и русские

Во един же от дний тех, еще убо тогда во граде Троицком Сергиеве монастыре множество воинства храбрствующих на враги и борющеся, дню освитающу недельному[1], бысть велика мгла в зимнее время. Воеводы же паки устроиша выласку на заставы литовские, в Благовещенский враг[2] и на Нагорнюю заставу к Благовещенскому лесу, а иных людей послаша к Нагорному пруду за сады на заставы руских изменников[3]. Изшедше же конные люди и заставу в Мишутине враге побили; вскоре же поспевше и на Нагорнюю заставу, и тое топташа по Красной горе вдоль и до Клемянтеевского пруда и многих побили; из Сопегиных же табар многие роты приидоша, и бысть бой велик. Из града же, вышедше на помощь многие люди конные и пешие, и прогнаша литву паки до пруда Клемянтеевского...

И нератницы охрабришяся, и невежди[4], и никогда же обычай ратных видевшеи, и ти убо исполинскою крепостию препоясашася. От них же един некто даточных людей[5], села Молокова крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом и силен вельми, подсмеваем же всегда неумениа ради в боях[6], и рече: «Се умру днесь или славу получю от всех!» В руках оружие держаше бердышь. И укрепи господь бог того Суету, и даде ему безстрашие и храбрость; и нудяше православных христиан стати от бегства и глаголя: «Не убоимся, братие, врагов божиих, но вооружимся крепце на них!» И сечаше бердышем своим на обе страны врагов и удержеваа полк Лисовского Александра; и никто же против его стати не возможе. Скоро же скакаше, яко рысь, и многих тогда вооруженых и во бронях уязви. Мнози же крепцыи оружницы сташя на него за срамоту и жестоце на него наступающе. Суета же сечаше на обе страны...

Тогда же с слугой с Пиминым с Теневым сущии людие сташя крепко против врагов на пригорке у рву, бьющеся с литвою и с казаки. Видев же мало троицкого воинства, злонравный лютор[7] Лисовской устремися жестоко на них, и смесившеся вси людие вместе, литовские и троицкие, и бысть бой велик близ врага Глиняново. Врази же, боящеся подсады[8], начашя отбегати. Троицкое же воинство помалу отходяще от литовских людей и скрывшеся в Косой Глиняной враг; Александр же Лисовской, хотя во отводе жива взяти слу-

гу Пимина Тененева, Пимин же обратився на Александра и устрели его из лука в лице по левой скрании. Свирепый же Александр свалился с коня своего. Полчане же его ухативше и отвезошя в Сопегин полк. Троицкое же воинство ударишя изо множества оружия по них и ту побишя много литвы и казаков...

Такову же погибель видяще поляки, яко князя Юрья лишишяся и иных храбрых своих растесаных лежящих, и гонимых гневом божиим, побегошя от троицкого воинства. И тако разыдошяся вси полци Сопегины и Лисовского. Троицкое же воинство внидошя во обитель с великою победою.

[1] *Дню... недельному* — воскресенью.
[2] *Враг* — овраг.
[3] *Русских изменников* — казаков и «тушинских перелетов», служивших Лжедмитрию и полякам.
[4] *Нератницы* — не ратники, мирные жители; *невежди* — не ведающие военного дела.
[5] *Даточных людей* — призванных для обслуживания войска (перевозки тяжестей, артиллерии, строительных работ и т. п.).
[6] *Подсмеваем... неумениа ради* — над которым подсмеивались из-за неумения сражаться.
[7] *Лютор* — лютеранин; служило тогда бранным словом против всех иноземцев-христиан неправославного вероисповедания.
[8] *Подсады* — засады.

О втором большом приступе

Месяца маиа в 27 день паки в Сопегиных табарех и Лисовского бысть шум велик, играюще во многиа игры[1]... И заиграшя во многия игры, начаша приступати ко граду всеми силами, всякими делы и хитростьми: мняху бо окааннии во един час похитити град; ведяще же во граде зело мало людей, и тии суть немощни, и сего ради крепце належаху на град.

Но благодатию божиею подкрепляемо троицкое воинство бияхуся с стен градных крепко и мужественно. Литва же тщащеся вскоре на град взыти и придвигнушя щиты на колесех и лествицы многия, и нуждахуся силою приставити и взыти на стены: христолюбивое же воинство и вси людие градстии не дающе им щитов и тарасов[2] придвигнути и лествиц приланивати бьюще ис подошевново бою изо многих пушек и пищалей, и в окна[3] колюще, и камение мешуще, и вар с калом льюще; и серу, и смолу зажигающе метаху, и известью засыпающе скверныя их очеса, и тако бьющеся через всю нощь... Егда же бысть день, видяще окааннии, яко не успешя ничто же, но паче своих множество изгубишя, начаша с студом отступати от града. Градстии же людие вскоре отворишя град, овии же с стен скочивше, учинишя выласку на оставшихся ту литовских людей у стенобитных хитростей своих: инии же во рвех бродяще и не могуще изыти.

И тако тех многих побили, а живых взяли панов и русских изменников 30 человек. И повелешя им в жерновы играти[4], и тако работающе на братию и на все троицкое воинство и до отшествия врагов от града. И милостию пребезначальныя троица и заступле-

нием пречистыа богоматере... побиша тогда множество приступных людей, и тарасы их, и щиты, и лествицы, и прочия козни вземше, во град внесоша. Сами же вси здравы отшедше, яко победители над враги показашася...

[1] *Играюще во многиа игры* — играя на всех музыкальных военных инструментах (для воодушевления войск перед приступом — по обычаю того времени).
[2] *Тарасы* — передвижные срубы, прикрывающие воинов при атаке крепости; *тарасы,* или *городни,*— также звенья крепостных стен в виде срубов, засыпанных землей и галькой.
[3] *Окна* — бойницы (амбразуры) в стенах крепости.
[4] *В жерновы играти* — молоть зерно ручными жерновами.

11. ОТПИСКА «МИРСКИХ ЛЮДЕЙ» УСТЮЖАН «ВСЕМ ЛЮДЕМ» СОЛЬВЫЧЕГОДСКА С ПРИЗЫВОМ «СТОЯТИ НАКРЕПКО» ПРОТИВ ЗАХВАТЧИКОВ.

Ноябрь 1608 г.

В 1609 г. устюжане успешно отразили два нападения крупных сил интервентов. Регулярный обмен посланиями и гонцами способствовал сплочению отдельных очагов сопротивления и развертыванию всенародной борьбы против захватчиков. Публикуемый документ — один из множества подобных — свидетельствует о том, что стихийно возникшее движение постепенно приобретало более организованные формы и подготовило организацию всенародного ополчения К. Минина и Д. Пожарского. См.: Памятники по истории смутного времени.— М., 1909.—№ XII.

И мы... поговорили с Устюжаны с посадскими людми и с волостными крестьяны: как, коим обычаем, тем делом промыслити, токо к нам на Устюг также, как и к Вологде и к Тотьме, пришлют наказы и целовалную запись, и нам целовать ли крест или стояти крепко? И Устюжане... посадские люди и волостные крестьяне с нами говорили накрепко, что креста целовати тому, которой называется царем Дмитреем, не хотят; а хотят стояти накрепко, и людей сбирати хотят тотчас со всего Устюжского уезда поворотно головами. А про Московское государство они же и иные люди сказывали, что Московское государство, дал бог, стоит по старому здорово... А наша мысль то: будет вы к нам приедете и стоять с нами заодин похотите, и нам вам в том крест целовати меж себя, а вам также крест целовати, что нам с вами, а вам с нами и ожить и умереть вместе.

12. ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ.

Март 1611 г.

После гибели авантюриста Лжедмитрия I, убедившись в неспособности «тушинского вора» овладеть Москвой, польские феодалы начали открытую интервенцию: летом 1609 г. король Сигизмунд с большим войском начал осаду Смоленска. В марте 1610 г. войска М. В. Скопина-Шуйского вступили в Москву, тушинский лагерь распался. Однако 40-тысячная армия царя Василия Шуйского во главе с его братом боярином Д. И. Шуйским в июне 1610 г. была разбита войсками польского гетмана С. Жолкевского у села Клушино. 17 июля 1610 г. В. Шуйский был низложен с престола. Через месяц московские бояре во главе с Ф. И. Мстиславским подписали с С. Жолкевским «договорную запись» «о упрошении польского королевича Владислава Сигизмундовича к принятию Российской короны» и в

октябре тайком от жителей впустили польские отряды в столицу. В марте 1611 г., когда передовые отряды сформировавшегося в Рязанской земле первого ополчения подошли к Москве, захватчики спровоцировали столкновение с москвичами и потопили в крови вспыхнувшее вслед за тем восстание жителей столицы; Москва была сожжена дотла.

Извлечения из дневника очевидца событий — польского шляхтича С. Маскевича[1], родом литвина, публикуются по изданию: Сказания современников о Димитрии самозванце.— Спб., 1859.— Ч. 2.— С. 43—65.

...Москвитяне замышляли против нас измену; наши остереглись и уже не отрядами, а целым войском держали стражу, готовясь к отпору, как бы в военное время... мы не расседлывали коней ни днем ни ночью... Все мы утомлялись частыми тревогами, которые бывали по 4 и по 5 раз в день, и непрестанною обязанностию стоять по очереди в зимнее время на страже; караулы надлежало увеличить, войско же было малочисленно...

Советовали нам многие, не ожидая неприятеля в Москве[2], напасть на него, пока он еще не успел соединиться, и разбить по частям. Совет был принят, и мы уже решились выступить на несколько миль от столицы для предупреждения замыслов неприятельских; но во вторник по утру... в Китае-городе наши поссорились с русскими. По совести, не умею сказать, кто начал ссору: мы ли, они ли? Кажется, однако, наши подали первый повод к волнению, поспешая очистить московские домы до прихода других: верно, кто-нибудь был увлечен оскорблением, и пошла потеха. Дали знать Гонсевскому о начавшейся битве: он тотчас прискакал на коне; но развести сражающихся было уже трудно, и с русской стороны многие пали убитые. Гонсевский должен был оставить их в покое, чтобы кончали начатое дело.

И так 29 марта во вторник на Страстной неделе завязалась битва сперва в Китае-городе, где вскоре наши перерезали людей торговых (там одних лавок было до 40.000); потом в Белом городе; тут нам управиться было труднее: здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башень полевые орудия и, разставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями; а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитою своих загородок стреляют по нас из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон, бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, то есть всадники, не в силах ничего сделать, отступаем, они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю.

Тут мы послали к пану Гонсевскому за пехотою... Часть наших сошла с коней и, соединясь с пехотою, разбросала загороды; москвитяне ударились в бегство; только мы мало выиграли: враги снова возвратились к бою и жестоко поражали нас из пушек со всех сторон. По тесноте улиц, мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: огня! огня!

жги дома! Наши пахолики (слуги.— *Ред.*) подожгли один дом... то же делали и с другими домами, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дуя с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад; а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китаю-городу. Я стоял в Белом городе[3], и едва успел выбрать из своей квартиры в Кремль что было получше; все прочее пошло к чорту: одно разграбили, другое сгорело; съестные припасы истреблены... Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду... Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора...

[1] *С. Маскевич* командовал польскими отрядами, приводившими вместе с предателями-боярами москвичей к «присяге» Владиславу.

[2] В марте 1611 г. лазутчики известили польское командование в Москве о приближении к столице из Рязани первого ополчения во главе с П. Ляпуновым с 80 тыс. воинов, а из Калуги отрядов И. Заруцкого с 50 тыс. воинов.

[3] *Стоял в Белом городе* — в смысле: стоял на квартире.

13. НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ К. МИНИНА И Д. ПОЖАРСКОГО. ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Упорная оборона Троице-Сергиева монастыря и Смоленска, изгнание захватчиков из многих городов и уездов Поволжья и севера России, восстание против них в Москве свидетельствовали о подъеме широкого освободительного движения народных масс, росте патриотических сил, выступавших против интервентов и их пособников из среды боярства и разложившихся элементов, называемых современниками «русскими изменниками», во главе с атаманами И. Заруцким и другими, служившими то «тушинскому вору», то королю Сигизмунду, то сыну Марины Мнишек «воренку», грабившими и опустошавшими Русскую землю вместе с иноземными захватчиками. Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде под предводительством посадского старосты К. Минина и воеводы Д. М. Пожарского начало формироваться народное ополчение, в состав которого вливались мелкие дворяне, горожане, русские и нерусские крестьяне, служилые люди «по прибору» — стрельцы, городовые казаки, пушкари и др. Сбор средств среди населения, помощь других городов и уездов людьми, оружием, продовольствием позволили в короткий срок усилить ополчение и сплотить его ряды с целью освобождения Москвы от интервентов и создания независимого русского правительства. Большой военный опыт Д. Пожарского и его соратников помог придать ополчению правильную военную организацию, снабжение же войск всем необходимым обеспечивал К. Минин. Организационным центром ополчения явился созданный его руководителями «Совет всея земли», выполнявший до созыва Земского собора 1613 г. правительственные функции.

Действия народного ополчения описаны в «Новом летописце», составленном из отдельных сказаний о «смутном времени».

Извлечения из памятника публикуются по изданию: ПСРЛ.— Т. XIV.— С. 116—127.

О присылке из Нижнева Нова города ко князю Дмитрию Михайловичу и о приходе в Нижней и о собрании ратных людей

...Ото всех же градов во едином граде, рекомом в Нижнем Нове городе, те же нижегородцы, поревновав православной християнской вере, и не хотяху видети православной веры в латынстве, начаша мыслити, како бы помощь Московскому государству. Един же от них

нижегородец имеяше торговлю мясную Козма Минин, рекомый Сухорук, возопи во все люди: «будет нам похотеть помочи Московскому государству, ино нам не пожалети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожалеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать и бить челом, хто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником». Нижегородцем же всем ево слово любо бысть, и здумаша послати бити челом к столнику ко князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому... Князю же Дмитрию Михайловичу в то время бывшу у себя в вотчине, лежащу от ран[1], от Нижнева 120 поприщ[2]... [Нижегородцы] приидоша ко князю Дмитрею Михайловичу и биша ему челом со слезами, чтобы к ним ехал в Нижней Нов город и стал бы за православную християнскую веру и помочь бы учинил Московскому государству. Князь Дмитрий же их совету рад бысть и хотяше ехати в тот час, да ведаша у нижегородцев усердья и непослушанье к воеводам и писаше к ним, чтоб они выбрали у себя ис посацких людей, кому быть с ним у такова велика дела и казну збирати, а с Кузмою с Мининым бысть у них по слову. ...Нижегородцы говориша князю Дмитрею, что у них такова человека во граде нет. Он же им рече: «есть у вас Кузма Минин; той бывал человек служивой, тому то дело за обычей». Нижегородцы ж, слышав такое слово, наипаче ради быша и приидоша в Нижней и возвестиша вся. Нижегородцы же тому обрадовашеся и нача Кузме бити челом. Кузма же им для укрепления отказываше, что не хотя быть у такова дела. Они же ему с прилежанием говоряху. Он же нача у них прошати приговору, что им во всем быти послушливым и покорливым во всем и ратным людем давати деньги. Они же даша ему приговор. Он же написа приговор, не токмо что у них имати животы, но и жены и дети продавати, а ратным людем давати. И взя у них приговор за руками и посла тот приговор ко князю Дмитрею в тот час для того, чтоб того приговору назад у него не взяли. В то же время приидоша из Орземаса от смольян[3] челобитчики, чтоб их приняли к себе в Нижней. Нижегородцы же послаша ко князю Дмитрею и тех челобитчиков смолян послашà к нему же и веляху им бити челом, чтоб шол в Нижней, не мешкая. Они же ко князю Дмитрею приидоша и биша ему челом, чтоб в Нижней шол не мешкая. Он же поиде в Нижней, а их отпусти наперед, а смольяном повеле итти в Нижней. На дороге ж к нему приидоша дорогобужане и вязмичи. Он же приде с ними в Нижней. Нижегородцы же его встретиша и прияша с великою честию. Смольяне же в Нижней приидоша в то же время. Он же им нача давати жалование, что збираху в Нижнем.

[1] От ран, полученных Пожарским в сражении с поляками в Москве в марте 1611 г.

[2] *Поприщ* — верст.

[3] *От смольян* — отрядов смоленских дворян и других ратников, ушедших в Поволжье после захвата поляками Смоленска летом 1611 г.

О приезде из городов ратным людем и з казною из городов

В Нижнем же казны становяше мало. Он же нача писати по городом в Поморские и во все Понизовые[1], чтоб им они помогали итти на очищения Московского государства. В городах же слышаху в Нижнем собрания, ради быша и посылаху к нему на совет и многую казну к нему посылаху и свезоша к нему из городов многую казну. Слышаху же в городех ратные люди, что в Нижнем збираютца все свободный чин, поидоша изо всех городов. Первое приидоша коломничи, потом резанцы, потом же из Украинных городов[2] многия люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье. Они же им даваша жалованье...

[1] *Города Поморские* — на севере России (Вологда, Белоозеро, Тотьма, Устюг Великий, Холмогоры и др.); *Понизовые* — на Волге ниже Казани (Самара, Саратов, Царицын и др.).

[2] *Украинные города* — на юге России, за рекой Окой.

О посылке из Нижнево в Ярославль

Придоша же из Ярославля в Нижней посланницы и возвестиша князю Дмитрею и Кузме, что прислал Заруцкой многих казаков в Ярославль, а ныне де идет Ондрей Просовецкий[1] с ратью, а хотят захватити Ярославль и все Поморския грады, чтоб не дати совокупитися нижегородской рати с ярославцы. Князь Дмитрей же Михайлович и Кузма, слышав то, посла на скоро брата своего князя Дмитрия Петровича Лопату Пожарсково, а с ним дьяка Семейку Самсонова с ратными людьми, и повеле им итти на спех в Ярославль. Они же приидоша в Ярославль и казаков переимаху и в тюрьму пересажаху. Ондрей же, то слышав, в Ярославль не пойде...

[1] *А. Просовецкий* — атаман, сторонник И. Заруцкого.

О приходе в Ярославль

Князь Дмитрей же Михайлович и Кузма... поидоша в Ярославль. Костромичи ж их проводиша с великою радостию и даша им на подмогу многую казну. Они же идяху к Ярославлю, и многие люди их встречаху с радостию... Ярославцы же их приняша с великою честию и принесоша дары многия. Они же не взяша у них ничево и, быв в Ярославле, начаша промышляти, како бы им итти под Московское государство на очищение. К ним же начаша из градов приезжати многие ратные люди и посадские люди привозити на помочь денежную казну...

О приходе под Москву

На утрие же с реки Яузы поидоша под Москву. Князь Дмитрей же Тимофеевич Трубецкой с ратными людьми встретоша ево и зваша ево стоять к себе в острог[1]. Он же ему отказа, что отнюдь вместе с ка-

заками не ставивать. И пришед, ста у Арбацких ворот и уставишася по станом подле Каменново города, подле стены, и зделаша острог и окопаша кругом рвом и едва укрепитися успеша до етманскково приходу[2]. Князь Дмитрей же Тимофеевич Трубецкой и казаки начаша на князь Дмитрея Михайловича Пожарскова и на Кузму и на ратных людей нелюбовь держати за то, что к ним в табары не пошли.

[1] Отряды Д. Трубецкого расположились лагерем у Яузских ворот.
[2] Войска польского гетмана Я. Ходкевича подошли к Москве 21 августа 1612 г.

О приходе гетманском под Москву и о первом бою

...Етман же, пришед под Москву, и ста на Поклонной горе. На утрии же перелезя Москву реку под Новым Девичьим монастырем, и приде близ Чертольских ворот. Князь Дмитрей же со всеми ратными людьми выиде противу ево, а князь Дмитрей Трубецкой стоял на другой стороне Москвы реки у Крымского двора и присла ко князь Дмитрею Михайловичю, чтобы прислати к ним конных сотен, а им промышляти на них с стороны. Они же чаяху, что правдою прислал он по люди, и, выбрав лутчие пять сотень, посла к ним. С етманом же бывшу бою конному с 1-го часа до осьмого, от князь Дмитрея ж Трубецково ис полку и ис табар казачьи помочи не учиниша ни мало; лише казаки лаяху, глаголаху: «богати пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана». Етману же наступающу всеми людьми, князю же Дмитрею и всем воеводам, кои с ним пришли с ратными людьми, не могущу противу етмана стояти конными людьми, и повеле всей рати сойти с коней, и начаша битися пешие: едва руками не имались меж себя, едва против их стояша. Головы же те, кои посланы ко князю Дмитрею Трубецкому, видя неизможение своим полком, а от нево никоторые помочи нету и поидоша от нево ис полку бес повеления скорым делом. Он же не похоте их пустить. Они же ево не послушаша, поидоша в свои полки и многую помощь учиниша. Атаманы ж Трубецкого полку: Филат Межаков, Офонасей Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов поидоша самовольством на помощь и глаголаху князю Дмитрею Трубецкому, что «в вашей нелюбви Московскому государству и ратным людем пагуба становитца». И придоша на помочь ко князю Дмитрею в полки и по милости всещедраго бога етмана отбиша и многих литовских людей побиша. На утрии же собраху трупу литовскаго больши тысечи человек и повелеша их покопати в ямы. Етман же, отшед, ста на Поклонной горе, а с Поклонной горы перешед, ста у пречистой Донской[1].

[1] *У пречистой Донской* — около Донского монастыря на южной окраине Москвы, за Москвой-рекой.

О побое гетманском и об отходе гетману от Москвы

И августа в 24 день... поидоша етман з запасом на проход в Москву[1]. Князь Дмитрей же Тимофеевич Трубецкой с ратными людьми ста от Москвы реки от Лужников. Князь Дмитрей же Михаилович с своей стороны ста у Москвы реки, у Ильи пророка Обыденного, а воевод, кои с ним приидоша из Ярославля, поставиша, где был древяной град по рву. А против етмана послаша сотни многия. И бою бывшу великому с утра до шестаго часу, етман же, видя против себя крепкое стояние московских людей, и напусти на них всеми людьми, сотни и полки все смяша, и втоптал в Москву реку. Едва сам князь Дмитрей с полком своим стоял против их. Князь Дмитрей же Трубецкой и казаки все поидоша в табары. Етман же, пришед, ста у Екатерины мученицы христовы и табары постави. И острожок, что был у Климонта[2] ... сидеша в нем казаки, литовские люди взяша и посадиша своих литовских людей. Людие же сташа в великой ужасти и посылаху х казаком, чтобы сопча промышляти над етманом. Они же отнюдь не помагаху. В та же время прилучися быти в полках у князь Дмитрея Михайловича Пожарского Троицкому келарю Аврамию Палицыну, и пойде в табары х казаком и моляша их и посули им многую монастырскую казну. Они же, ево послушавше, поидоша и придоша с обеих сторон от Трубецково полку и от Пожарсково и совокупившеся вместе, острожок Клементьевской взяша и литву побиша: одних венгорей[3] побиша семьсот человек, и опять седоша в остроге, а иные пехота легоша по ямам и по кропивам на пути, чтоб не пропустить етмана в город... Дню же бывшу близко вечера, бог же положи храбрость в немощнаго: приде бо Кузма Минин ко князю Дмитрею Михаиловичю и просяще у него людей. Князь Дмитрей же ему глаголаше: «емли, ково хощеши». Он же взя рохмистра Хмелевского[4] да три сотни дворянския, и перешед за Москву реку и ста против Крымского двора. Тут же стояху у Крымского двора рота литовская конная да пешая. Они же быша богом гонимы... не дождався их, побегоша к табарам Хаткеевым[5], рота роту смяху. Пехота же, видя то, из ям и ис кропив поидоша тиском[6] к табарам. Конныя же все напустиша. Етман же, покинув многие коши[7] и шатры, побежа ис табар. Воеводы ж и ратные люди сташа по рву древяного города, коши же и шатры все поимаша. Многие же люди хотяху битися... Огню же бывшу и дыму, яко от пожара велия, гетману же бывшу в великой ужасти, и отойде к пречистой донской и стояще во всю нощь на конех. На утрие же побегоша от Москвы. Срама же ради своего прямо в Литву поидоша...

[1] *На проход в Москву* — с целью прорваться с запасами в Китай-город и Кремль к польскому гарнизону.

[2] *У Климонта* — около церкви св. Климента в Замоскворечье.

[3] *Венгорей* — венгерской наемной пехоты из войск Ходкевича.

[4] *Ротмистра Хмелевского* — польского ротмистра, перешедшего летом 1612 г. на сторону второго ополчения.

[5] *К табарам Хаткеевым* — к лагерю гетмана Ходкевича.

[6] *Поидоша тиском* — дружным натиском всех сил.

[7] *Коши* — обозы.

О взятии города Китая

Литовским же людем в городе бысть теснота великая: никуда их не выпускаху. Гладу же у них бывшу великому, выпущаху из города всяких людей. По милости же всещедраго бога... поидоша приступом и Китай взяша и многих литовских людей побиша...

О выводе боярском и о сдаче Кремля города

Литовские ж люди, видя свое неизможение и глад великой, и град Кремль здавати начаша и начаша уговариватца, что бы их не побили, полковником же и рохмистром и шляхтам чтобы итти ко князю Дмитрею Михайловичю в полк Пожарскому, а к Трубецкому отнюдь не похотеша итти в полк. Казаки ж, видя то, что приидоша на Каменной мост все бояре, и собрашася все, з знаменами и со оружием приидоша и хотяху со князь Дмитреевым полком битися, едва у них без бою пройде. Казаки ж поидоша к себе в табары, а бояре из города выидоша[1]. Князь Дмитрей же Михаилович прия их с честию и возда им честь велию. На утрии же Струс полковник[2] с товарыщи Кремль город здаша. И Струса взяша в полк ко князь Дмитрею Тимофеевичу Трубецкому со всем полком ево. Казаки ж весь ево полк побиша, немногие осташа. Будилов же полк[3] взяша в князь Дмитреев в полк Михаиловича Пожарсково и их послаша по городом ни единова ни убиша и не ограбиша их. Сидение ж их бяша в Москве таково жестоко: не токмо что собаки и кошки ядяху, но и людей руских побиваху и ядяху, но и сами друг друга побиваху и едяху...

[1] *Бояре из города выидоша* — русские бояре, сдавшие Москву полякам и скрывшиеся с ними в Кремле.

[2] Полковник Н. Струс возглавлял польский гарнизон в Москве.

[3] *Будилов полк* — отряд польского хорунжего Будзило.

Глава 11

РОССИЯ В XVII в. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ. КЛАССОВАЯ БОРЬБА. КУЛЬТУРА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

В XVII в. начался новый период русской истории. После воссоединения двух братских народов — великорусского и украинского — в едином государстве (1654 г.) в его состав вошли Левобережная Украина и Киев. В результате освоения Восточной Сибири границы России раздвинулись до берегов Тихого океана и Приамурья. К концу века население европейской части страны возросло до 10—12 млн. человек, азиатской — до полумиллиона (в том числе русских — около 300 тыс. человек, местных народностей — около 200 тыс. человек). Значительно расширилось феодальное землевладение: за исключением Сибири, где крестьяне находились на положении государственных тяглецов, во внутренних уездах страны уже около 90% крестьянских дворов принадлежало светским и духовным феодалам. С отменой «урочных лет» для сыска беглых (1649 г.) все крестьяне были окончательно закрепощены.

Вместе с ростом товарно-денежных отношений местные рынки постепенно сливались в единый всероссийский рынок. Если в «эпоху московского царства...,— указывал В. И. Ленин,— государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии», то «новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое». Слияние это вызывалось «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» (Ленин В. И. Поли. собр. соч. — Т. 1.— С. 153—154).

Развитие и укрепление национальных связей в процессе складывания всероссийского рынка постепенно стирало различия в культуре, языке и бытовом укладе жизни населения отдельных областей и вело к образованию великорусской нации с общим языком и культурой. Шел процесс взаимного обогащения достижениями культуры между отдельными народностями и более развитыми нациями России. В XVII в. сквозь толщу господствующего церковно-религиозного мировоззрения пробивались ростки светской, демократической культуры, антицерковных взглядов, антифеодальной идеологии и научно-технических знаний.

ФЕОДАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО XVII в. ВОТЧИНЫ БОЯРИНА Б. И. МОРОЗОВА

Документы вотчинного архива Морозова наглядно характеризуют способы хозяйствования путем максимальной эксплуатации труда крепостных, говорят о разорении крестьян, вынужденных брать у феодала «взаймы» рожь и пшеницу, о массовых побегах крепостных из вотчин боярина. «Грамотка» Морозова с извещением о богатом даре на строительство Макарьевского Желтоводского монастыря около Нижнего Новгорода показывает, что в церкви феодалы видели свою опору, влиятельную силу, оправдывающую существующий феодально-крепостнический строй.

Извлечения публикуются по изданию: Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова.— М.; Л., 1945.— Ч. II.— С. 63—64, 88—89, 143, 159, 172.

1. ГРАМОТА Б. И. МОРОЗОВА ПРИКАЗЧИКАМ НИЖЕГОРОДСКИХ И АРЗАМАССКИХ ВОТЧИН, 1659 г.

От Бориса Ивановича людям моим Ивану Дмоховскому, Левонтью Гросу, Андрею Фролову. Как к вам ся моя грамота придет, и вам бы со всех моих нижегородцких и орзамаских вотчин со крестьян и з бобылей[1] денежной мой оброк взять весь сполна без недобору по окладу, да и всякие мои денежные доходы с мельниц, и с лавок, и с полков, и с кузниц, и с рыбных ловель, и с пашни, и с сенных покосов взять все же сполна, и никакие б мои денежные доходы в забыти нигде не были. А свиных мяс взять по полупуду с выти, да з дыму взять по курице, да по 3 яйца, по полугривенке[2] масла коровья. И куры имать добрые и велеть сушить, и яйца свежие, а масло имать доброе ж и свежее, и в кади велеть масло наливать или набивать, как лутче, с солью; а соли б класть в меру, чтоб не добре было солоно, и масло б было чисто, не порошно, и подонья б не было. А куры прислать к Москве сушеные, старые и не петухи и жирные; а яйца — мерзлыми, и чтоб были свежие...

Да по прежнему же моему указу прислать 30 пуд сала говяжья доброва и чистова, плотного. А которое у вас будет сало самое доброе, чистое, которое в еству годитца, и вам бы на той кади ерлык приложить... Да 500 языков говяжьих соленых, да 50 четвертей[3] муки пшеничной самой доброй, да 30 чети пшеницы самой же доброй; в которой моей вотчине самая добрая есть пшеница, оттуды и, взяв, прислать, чтоб годилась на крупичатую муку. И ядра ореховые, собрав со крестьян по указу все сполна, прислать к Москве. И з бортных ухожеев медвеной оброк велеть имать з бортников и с мордвы, мед самой доброй улазной; и что будет от моих пчел, и тот весь мед и воск прислать к Москве ж. И япанчи, и войлоки, и сукна, и сундуки, по указу построя, прислать к Москве ж.

И против сей моей грамоты в денежных оброках и во всяких денежных доходах и в столовых обиходах учинить бы вам ведомость во все мои нижегородские и орзамаские вотчины ко всем приказщикам...

А с которых моих крестьян, с низовых промышленников, идет рыба и соль и вязига, и с тех бы вам крестьян рыба и соль и вязига взять по указу. Да велеть бы вам кузнецом сковать 100 удил к уздам, да 100 седельных снастей пряжек; а сковать в мяхком железе,— половину веретенных пряжек, а другую — завареных. Да в которых моих вотчинах есть горох и мак, и вам бы прислать мак весь, а гороху прислать 30 четвертей. Да велеть бы вам, в которых моих вотчинах есть мой хлеб, зделать 30 чети толокна да 30 чети круп овсяных; а толокно бы и крупы было самое доброе и не перезжено; а к Москве толокно прислать, просея, а крупы, выполов и вычистя. Да в которых вотчинах есть гречиха, и в той гречихе велеть крупы переделать и прислать к Москве, только аставить на семена; а крупы б были добрые и чистые.

Да в которых моих вотчинах готовлены какие ягоды и постилы, и вам бы прислать велеть к Москве же. Да которые мои оброшные

деньги на крестьянех и на бобылях за прошлые годы не донеты... и на тех за те прошлые годы доимочные оброчные деньги велеть выбирать по тамошнему росмотренью и писать велеть особь статьею. Да тот бы вам час прислать ко мне роспись, сколько в которой моей вотчине на мойданах[4], бог послал, уломано пудов поташу, и что бочек набито... Да и ничто б у вас по прежним моим и по сей моей грамоте в забыти не было...

[1] *Бобыли* — обедневшие крестьяне.
[2] *Полугривенка* — полфунта.
[3] *Четверть (четь)* — мера сыпучих тел (около 6 пудов зерна).
[4] *Мойдан (майдан)* — здесь: лесной завод — поташный, смолокуренный или дегтярный.

2. ГРАМОТКА Б. И. МОРОЗОВА СОБОРНЫМ СТАРЦАМ МАКАРЬЕВСКОГО ЖЕЛТОВОДСКОГО МОНАСТЫРЯ. 1660 г.

Пречестные и великие обители пресвятые живоначальные троицы и чюдотворца Макария Жолтовотцкого господам моим, келарю старцу Похомию и соборным старцом и всей еже о Христе братии Борис Морозов челом бьет. Пожалуйте, господа, велите ко мне писать о своем душевном спасении и о телесном здоровье и о всем своем благом пребывании, как вас бог милует. А про меня, пожалуете, похотите ведать, и я при государских пресветлых очех апреля по 4 день, дал бог, здорово, а впереди бог волен. Послал я к вам на церковное строение со старцем Серепионом железа свитцкого[1] 729 пуд с полупудом, и вам бы то железо велеть принять и перевесить. По сем вам челом бью.

[1] *Свитцкого* — шведского.

3. ГРАМОТА Б. И. МОРОЗОВА ПРИКАЗЧИКУ с. ЛЫСКОВА. 1660 г.

От Бориса Ивановича в нижегородскую мою вотчину в село Лысково человеку моему Левонтью Гросу. В нынешном во 168-м году апреля в... день писал ты ко мне, что де ты послал к Москве беглых даточных 14 человек села Лыскова с крестьянином с Сенькою Асокиным. И к Москве пришло даточных людей 11 человек, а з дороги де забежало 3 человека даточных, Фетька Степанов, Сафка Федотов, Кондрашко Федотьев Ковало. И как те беглые даточные люди в селе Лыскове объявятца, и тебе б их велеть принять и бить их кнутом нещадно, водя по улицам, и бив кнутом, вкинуть в тюрьму и о том ко мне отписать.

4. РОСПИСЬ БЕГЛЫМ КРЕСТЬЯНАМ И БОБЫЛЯМ с. БУРЦОВА. 1660 г.

Роспись села Бурцова беглым крестьяном. Филька Игнатьев з женою и з детьми збежал; тягла после ево осталось треть осьмухи. Васька Наумов з женою и з детьми; тягла после ево осталось четверть осьмухи. Васька Степанов збежал, покиня жену и дети; тягла

после ево осталось полосьмухи. Ивашко Романов збежал, покиня жену и дети; тягла после ево осталось полосьмухи. Бориско Матфеев збежал, покиня жену и дети; тягла после ево осталось полосьмухи. Федотко Андронов збежал, покиня жену и дети; тягла осталось треть осьмухи. Да 2 бобыля: Онтошко Спиридонов з женою и з детьми збежал; Митька Осипов збежал, покиня жену и дети.

5. РОСПИСИ ХЛЕБУ, ВЗЯТОМУ КРЕСТЬЯНАМИ «ВЗАЙМЫ» У Б. И. МОРОЗОВА. 1657 г.

165-го году маия в 26 день вотчины государя нашего боярина Бориса Ивановича Морозова села Мурашкина дер. Краснова крестьяня, взяли мы государя нашего Бориса Ивановича хлеба взаймы на ссуду бедным крестьяном, и сколько хто взял какова хлеба на емена[1] и на семена именем, и тому роспись. А отдать нам тот хлеб на срок на покров святыя богородицы во 166-м году с первого овина. А имать нам тот хлеб в боярскую меру. Выборной Гордей Микитин взял чети пшеницы, ржи осьмину; Петр Осипов взял осьмину пшеницы, ржи 2 чети; Яков Еремеев взял пшеницы чети, ржи 2 чети; Прокофей Иванов — осьмину пшеницы, 2 чети ржи; Данило Федоров взял 2 чети ржи; Иван Осипов взял 2 чети ржи... А порука в том хлебе мы, крестьяня, друг по друге. А роспись писал Якушко Дементьев по их крестьянскому веленью...

165-го году августа в 17 день вотчины государя нашего боярина Бориса Ивановича Морозова дер. Тынова взяли бедные скудные крестьяне боярского выморошнова хлеба на семена на ссуду взаймы, и хто именем взял, и тому роспись. И отдать нам тот хлеб с первого овина в боярскую меру. Иван Иванов —6 чети; Илья Григорьев — 6 чети; Алексей Лукоянов — 6 чети; Оверкей Емельянов — 3 чети; Василей Емельянов —3 чети; Ипатей Степанов —3 чети; Тихан Федоров —4 чети; Спиридон Семенов —3 чети; Яков Мосеев —3 чети; Офонасей Онисимов —3 чети; Ортемей Васильев —6 чети; Степан Кормилов —3 чети; Степан Игнатьев —3 чети; Ермак Перфильев — 3 чети; Фома Васильев —4 чети; Купреян Дементьев —3 чети; Алексей Онисимов —3 чети; Сергей Яковлев —3 чети; Сергей Парфенов —4 чети; Лука Сафонов —3 чети. И всего 20 человек взяли 72 чети. А порука в том хлебе мы, крестьяне, друг по друге. А роспись писал Якушко Дементьев по их веленью.

[1] *На емена* — на прокорм семьи до нового урожая.

ПОЛНОЕ ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

Значительные людские потери в войнах XVII в., почти ежегодный угон «полона» крымскими ханами из южных уездов страны, массовые побеги крестьян на Дон и в Сибирь в условиях расширения хозяйства феодалов до крайности обострили борьбу за рабочие руки между ними. Богатые вотчинники, пользуясь правом сильного, нередко сманивали или просто сгоняли крестьян, мелких помещиков в свои вотчины.

По мере дробления поместий на более мелкие владения образовался многочисленный разряд так называемых «малопоместных, пустопоместных и безпоместных» дворян и детей боярских, владевших зачастую одним-двумя крестьянскими дворами и позднее получивших название «однодворцев». Жалуясь на побеги крестьян, на невозможность исправно нести военную службу «с пуста», дворяне единодушно требовали в своих челобитных царю отменить «урочные годы» для сыска беглых и предоставить им право сыскивать и возвращать своих крепостных в течение неограниченного срока. Принятое Земским собором 1649 г. новое Уложение не только удовлетворило эти требования, но и расширило права помещиков на личность и имущество самого крестьянина и членов его семьи, а черносошных (государственных) крестьян прикрепило к земле и к тяглу: крепостное право восторжествовало на территории всей страны, крестьяне стали «крещеной собственностью» феодалов.

Челобитная дворян 1637 г. публикуется по изданию: ЧОИДР.— 1915.— Кн. 3. Извлечения из главы XI Уложения по изданию: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г.— М., 1961.

6. ЧЕЛОБИТНАЯ ДВОРЯН И ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ ЦАРЮ МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧУ. 1637 г.

Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии! Пожалуй нас, холопей своих, за прежнюю нашу службишку и за крови для нашей бедности и розоренья и для своих государьских служб беспрестанных вечным своим государьским жалованьем, как было при прежних государех, и твой государев указ: вели, государь, те урочные годы пять лет отставить, а крестьян беглых наших и людишек вели, государь, нам, холопям своим, отдавать по писцовым и по отдельным книгам[1], и по выписем, и по нашим крепостям...

[1] *Отдельные книги* — с записью актов на выдел земли (с указанием границ) по царскому пожалованию, судебному приговору или согласию сторон.

7. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г. «СУД О КРЕСТЬЯНЕХ»

Глава XI — «Суд о крестьянех» — состоит из 34 статей, однако она не исчерпывает всех законов Уложения о крестьянах. Так, например, помещичьи крестьяне были лишены права обращаться в суд по имущественным спорам: по статье 7 главы XIII Уложения «за крестьян своих ищут и отвечают... дворяне и дети боярские во всяких делех, кроме татьбы и разбою, и поличного и смертных убийств». Отныне, по статье 262 главы X Уложения «О суде», крестьяне отвечали своим имуществом за несостоятельного помещика или вотчинника. За действия «скопом и заговором» против помещиков и властей, за покушение на жизнь господина Уложение предписывало казнить виновных «смертию безо всякие пощады» (глава II, ст. 18, 19, 20, 21 и др.).

1. Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли[1], выбежав из государевых дворцовых сел и ис черных волостей, живут за патриархом, или за митрополиты, и за архиепископы, и епископом, или за монастыри, или за бояры, или за околничими и за думными и за комнатными людьми[2], и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за иноземцы[3],

и за всякими вотчинники и помещики, а в писцовых книгах, которые книги писцы подали в Поместной в иные приказы после московского пожару прошлого 134-го году[4], те беглые крестьяне, или отцы их написаны за государем, и тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая свозити в государевы дворцовые села и в черные волости, на старые их жеребьи по писцовым книгам з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет.

[1] *Крестьяне и бобыли дворцовые* — принадлежавшие царской семье; *черных волостей* — черносошные (государственные).

[2] *Люди думные* — члены Боярской думы при царе (думные бояре, дворяне и дьяки); *комнатные* — ближайшие советники, фавориты царя (обычно из его родственников), вхожие в царские «комнаты» во дворце.

[3] *Иноземцы* — имеются в виду так называемые «поместные иноземцы», принявшие русское подданство; зачисленные на временную службу за жалованье, «кормовые иноземцы» не пользовались правом владеть крепостными крестьянами.

[4] *Московского пожару 134-го году* — большого пожара 1626 г., во время которого сгорели архивы многих приказов.

2. Такъже будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех и о бобылях, и скажут, что их крестьяне и бобыли, выбежав из-за них, живут в государевых в дворцовых селех, и в черных волостях, или на посадех в посадских людех, или в стрельцах, или в казаках, или в пушкарях, или в ыных в какихнибудь в служилых людех в Замосковных и в Украинных городех, или за патриархом, или за митрополиты, или за архиепископы и епископы, или за монастыри, или за бояры, и за околничими и за думными и за комнатными людьми, и за столники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жилцы, и за городовыми дворяны и детми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики, и тех крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати по писцовым книгам, которыя книги писцы в Поместной приказ отдали после московского пожару прошлого 134-го году, будет те их беглыя крестьяне, или тех их беглых крестьян отцы, в тех писцовых книгах за ними написаны, или после тех писцовых книг те же крестьяне, или их дети, по новым дачам[1] написаны за кем в отделных или в отказных книгах[2]. А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем без урочных лет...

9. А которые крестьяне и бобыли за кем написаны в переписных книгах прошлых 154-го и 155-го годов, и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, збежали, или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат з женами и з детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и с молоченым отдавать из бегов тем людем, из-за кого они выбежат, по переписным книгам, без урочных лет, а впредь отнюд(ь) никому чюжих крестьян не примать, и за собою не держать...

22. А которые крестианские дети от отцов своих и от матерей учнут отпиратися[3], и тех пытати...

32. А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися в

работу и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей наймоватися в работу, по записям, и без записей, повол(ь)но. А тем людем, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не имати и ничим их себе не крепити, и как от них те наймиты отработаются, и им отпущати их от себя безо всякого задержания[4].

[1] *По новым дачам* — по новым царским пожалованиям дворянам поместий или вотчин.

[2] *Отказные книги* — с записью актов на отказ (передачу) земли, части вотчины или поместья, угодий от одного владельца другому.

[3] *Учнут отпиратися* — с целью освободиться от крепостной зависимости.

[4] Разрешая крестьянам и бобылям поступать в «наймиты» (без освобождения от государевых податей и повинностей в пользу помещиков), Уложение в интересах феодалов и казны запрещает нанимателям каким-либо способом «крепити» их за собой.

8. КАБАЛЬНЫЕ ХОЛОПЫ XVII в.

Многочисленным разрядом феодально-зависимого населения XVII в., наряду с частновладельческими и государственными («черносошными» и ясачными Поволжья и Сибири) крестьянами, оставались кабальные холопы (до введения подушной подати при Петре I).

Извлечение из XX главы Соборного Уложения 1649 г. «Суд о холопех» и служилая кабала 1648 г. публикуются по изданию: Вопросы истории.— 1977.— № 7.

1. ...А будет к кому придут какие люди и учнут бити челом в холопство... и в распросе скажут, что они не служилых отцов дети и в государеве службе и в тягле нигде ... не бывали ..., и тем людем, к кому такие люди учнут в холопство бити челом..., приводити их в Холопей приказ... и те их речи записав, велеть на них давати служилые кабалы. И которые грамоте умеют, и тем велеть к служилым кабалам и к книгам руки прикладывать...

2. Се яз Никула Леонтьев сын Огородник, новгородец, дал есми запись новгородским гостем Семену да Ивану Стояновым в том, что есть мне, Никуле, отдать им кабального и бескабального долгу пятьдесят рублев и мне, Никуле, того своего долга пятьдесят рублев платить им нечим, и я, Никула, за тот свой долг ... отдал им, новгородским гостем... во двор детей своих сына своего Сеньку, да другого маленькова на другом году Ивашка, да трех дочерей своих: Наталку, да Оксюшку, да Овдотьицу; служить им, детям моим всем, у них во дворе до их смерти всякая работа работати, чево они заставят, и быть им, детям моим, у них в послушании и покорении; вольно им Семену Ивановичу и Ивану Ивановичу тех детей моих смирять за вину и ото всякого дурна унимать... А мне тех своих детей поить и кормить, одевать и обувать нечим...

ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО XVII в.

По неполным данным переписной книги Москвы 1638 г. только в двух «каменных городах» столицы — Китае и Белом городе — жило и работало 1812 ремесленных мастеров 220 профессий.

Названия торговых рядов на Красной площади в Москве (скорняжный, сапожный, седельный, медовый, свечной, мыльный, подошвенный, самопальный, игольный, шапошный, замочный, котельный, оконничный и т. п.) свидетельствуют о том, что ремесленные мастера XVII в. изготовляли свою продукцию на продажу, т. е. являлись товаропроизводителями. Зачатки ремесленного разделения труда (например, в производстве обуви наряду с сапожными мастерами появились подошевники, каблучники, в изготовлении одежды — пуговичники, пряжники, в выделке тканей — ткачи и красильники и т. п.) по мере расширения системы ученичества и использования труда «наймитов» (от одного до 3—4 человек в мастерской) постепенно подготавливали переход к мануфактурному производству изделий.

В московских кварталах подавляющую массу ремесленников составляли тяглые посадские люди; рядом с ними своими дворами жили казенные («государевы») мастера, а в дворах бояр, дворян и церковников — крепостные мастера. Однако многие сотни казенных ремесленников жили в своих слободах (Бронная, Плотницкая, Оружейная, Пушкарская, Хамовная, Басманная, Денежная, Кадашевская, Печатных мастеров и др.). На крупных «государевых» предприятиях ярко выражены новые черты мануфактурного разделения труда. По переписной книге 1638 г., на Денежном дворе работало 30 денежных мастеров, плавильщиков, кузнецов и работных людей, на Печатном дворе (типографии) — 97 печатных мастеров, наборщиков, разборщиков, переплетчиков, словолитцев, резчиков, батырщиков (наносили краску на набор), тередорщиков (печатников) и кузнецов, на Пушечном дворе — 185 пушечных, пороховых, плавильных мастеров и литейщиков, лафетников, колокольников и других, а также 53 ученика шести профессий.

Извлечения из документа публикуются по изданию: Переписная книга города Москвы 1638 года.— М., 1881.

9. ИЗ ПЕРЕПИСНОЙ КНИГИ МОСКВЫ 1638 г.

В Китае-городе от Ильинского кресца по Неглиненские ворота.

...Ромашка Полиектова сапожника, а у нево наймит Власка Володимерец...

Серешки Васильева манатейник[1]...

Конюшенного Приказу седельного мастера Сенки Петрова, у нево два сына Ивашка да Спирка...

Ивашка Иванова хлебника...

Минки Ермолаева, сапожника, а каменщик он же...

Суконные сотни теглеца Якушка Власова серебреника...

Епифанка Михайлова сына сусальника, у нево наймит Фомка Власов...

Семена Иевлева сына шапочника сидит в лавке в Шапочном ряду, у него ученик Петрунька Ондронов...

Портного мастера Олешки Матвеева...

Михалка Васильева сына Попова шапочника...

Федьки Григорьева шапочника...

Панкратка Дмитриева сына скорняка...

Юрка Офонасьева сына плетника...

Государева портного мастера Микифорка Микифорова...

Денежного мастера Михалка... да у нево живет сусед работной человек Олешка...

Жданка плотника, у него сын Куземка...

Тимошки Олексеева свечника, у нево ученик...

Тренка Девятого портного мастера, у нево ученик Осипка...

Воинка Томилова сына сапожника...

Печатного двора наборщик Левка Григорьев...

Слобода Пушкарская[2] ... И всего в Пушкарской слободе церковных 2 двора, а в них поп и дьякон... Да пушкарских дворов... 102 дворов, а людей в них 115 человек, а 5 человек на службе... Да Пушкарского ж двора всяких мастеровых людей 60 дворов, а людей в них 60 человек...

[1] *Манатейник* — мастер по изготовлению монашеских одеяний (мантий, манатей).

[2] Далее перечислены имена пушечных, плавильных, зелейных, замочных, колокольных и других мастеров и их учеников.

МАНУФАКТУРА XVII в. ПОДМОСКОВНЫЕ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ

Железоделательные заводы Подмосковья (тульские, каширские и др.), возникшие в 30-х гг. XVII в., были предприятиями с высокой степенью разделения труда, с применением вододействующих механизмов, сверлильных, токарных и других станков, домен и плавильных печей, разнообразного инструмента, с узкой специализацией и «иерархией» рабочих (мастера, подмастерья, кузнецы, молотобойцы, сверлильщики, подсобные рабочие и др.), среди которых нередко встречались люди, работавшие на заводах по 10, 20, 30 и больше лет. Наряду с трудом наемных рабочих на этих предприятиях использовали труд приписных крестьян (на добыче и перевозке руды, заготовке дров и угля и других подсобных работах) без всякой оплаты (в счет погашения государевых податей). В 1672 г. приписные крестьяне, во главе которых стоял «старой бунтовщик Васька Титов прозвище Кобель», на заводах «бунт заводили», отказывались от работ «огурством своим», за что были «биты 30 человек кнутом да 3 человека сосланы в ссылку».

Извлечения из документов о железоделательных заводах публикуются по изданию: Крепостная мануфактура в России.— Л., 1930.— Ч. I.— С. 93—96, 103, 108, 123—128, 142—143.

10. КНИГА ПЕРЕПИСНАЯ СТОЛЬНИКА А. ФОНВИЗИНА ПО ПОРОТОВСКИМ И УГОДСКИМ ЗАВОДАМ. 1663 г.

Первой завод на реке Поротве, а на том Поротовском заводе: плотина длина 50 саж., поперег 15 саж... Подле той же плотины ларь воденой большей поперег 7-ми саж., а длина до молотовые кузницы 15 саж., а подле молотовой поперег 3-х саж., а длина 10 саж... Под конец тое плотины вертельня 4 саж. дубовая... сверлить в ней пушки. ...А ниже вертельни домня длина 7 саж., а поперег 4-х саж.; в той домни 2 горна плавильных, в одном плавят чюгунное железо... А у тое домни у одново горна мехи большие 3-х саж., дмут водою[1], а другой горн пуст. Блиско домни ж 2 избы: одна 3-х саж., греютца в ней мастеровые люди и работники, печь с проводною трубою; а другая изба 4-х саж., делают в ней ядерные фурмы[2], а наверху тое избы белая изба, делают в ней мехи деревянные. А позади домни мучная мельница, онбар 3-х саж., в онбаре одне жернова 2 арш.; а ниже домни и мучной мельницы молотовая кузница... а в той кузнице два молота ковальных больших; у тех молотов 5 горнов больших, кладены в кирпиче с выходными трубами; а у горна по 2 меха большие; а в тех горнах из штык пережигают в крицы, а

ис криц розсекают и тянут связное и прутовое железо. В молотовой кузнице 7 колес воденых, 5 меховых, да 2 молотовых, на больших же валах; а валы обиты большими железными обручами... А на все те колеса в малые лари идет вода из большево ларя. А ниже молотовые кузницы 5 изб 4-х саж. белые с проходными трубами, а перед избами сени 3-х саж., живут мастерские люди. На том же заводе сарай угольной длина 20 саж., поперег 6 саж... На том же Поротовском заводе плавильнова доменнова горну и молотовые кузницы и всяких заводных железных дел железные и всякие снасти; да мастеровые люди иноземцы и руские...

От Поротовскова заводу в 4-х верстах другой завод на речке на Уготке... К тем ж к Поротовскому и к Угоцкому железным заводам для всякие железных дел работы отдано в Верейском уезде государева дворцовая Вышегороцкая волость... И всего во всей Вышегородской волости 2 села да приселок да 9 деревень... Да в тех же селех и приселке и в деревнях 171 двор крестьянских; людей в них крестьян и их детей и братьев и племянников и внучат и зятьев и шюрьев и пасынков и приимышев 646 человек...

[1] *Дмут водою* — надувают воздух с помощью водяного двигателя.
[2] *Ядерные фурмы* — формы для отливки пушечных ядер.

11. РОСПИСЬ КУЗНЕЦОВ И УЧЕНИКОВ, ПОСЫЛАЕМЫХ НА ТУЛЬСКИЕ И КАШИРСКИЕ ЗАВОДЫ. 1665 г.

173-го ноября в 16 день роспись приказу Ствольного Дела кузнецом добрым мастером ствольным заварщиком и отдельщиком опричь замочных мастеров, которым ныне мочно работать на Тульских и на Каширских железных заводех у розных дел. К молотовому делу в подмастерья: тверичи Кирюшка Яковлев, Серешка Дербинской, Ганька Романов, Ильюшка Корзин; Переславля Залесского Моська да Сенька Микитины; галиченя пушечной мастер Федька Степанов, Сидорко Фомин; ельчаня Минька Зыков, Кондрашко Ларионов, Ивашко Остафьев; вологженя Сенька Осипов, Харька Ипатов, Сидорко Степанов; шуенин Ивашко Якимов; устюженец Дружинка Иванов; углеченя Ивашко Уваров, Антошка Степанов; суздалец Федька Семерня; муромец Трошка Павлов. Всего 20 человек.

К латному делу в ученики и к ствольной отделке: тверичи Ортюшка Бобошин, Андрюшка Скобников; углеченин Елизарко Яковлев; костромича Назарко Ульянов, Архипко Леонтьев; ростовец Ортюшко Игнатьев; вологженя Тимошка Иванов, Якушко Мартынов; нижегородец Терешка Агеев; муромец Федька Толшин. Всего 10 человек...

УСИЛЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ И ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Во второй половине XVII в. в обстановке резкого обострения антифеодальной борьбы крестьян и посадских низов начался процесс превращения самодержавия

«с боярской Думой» в абсолютную чиновничье-дворянскую монархию. Соборное Уложение 1649 г. в главах «О государьской чести» и «О государеве дворе» назначило за покушение на честь и здоровье царя и членов царской семьи (за «оскорбление величества»), за действия против властей толпой — «скопом и заговором» — смертную казнь. В Боярской думе возрастало влияние неродовитых думных дьяков и думных дворян, в приказах — дьяков, выслужившихся из подьячих или вышедших из среды торговых людей, в царских покоях — «комнатных», или «ближних», людей, фаворитов и советников самодержца (боярин Б. И. Морозов, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев и др.). Вместе с ростом числа приказов значительно возросла численность бюрократического аппарата в них (дьяки, подьячие). Одной из попыток дальнейшего усиления царской власти явилось создание в 1654 г. Приказа великого государя тайных дел (существовал до 1676 г.) во главе с самим царем и со штатом лиц, пользовавшихся его особым доверием, самыми широкими правами и полномочиями, в решении важнейших вопросов внешней и внутренней политики, военного дела, государственных финансов и т. д.

Приказы XVII в. наиболее подробно описал Г. Котошихин — подьячий Посольского приказа, который в 1664 г. «своровал, изменил, отъехал в Польшу», а затем укрылся в Швеции и по поручению шведских властей написал свое сочинение о Российском государстве.

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г.— М., 1961.— Гл. II—III; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича.— Спб., 1859.— Гл. VII.

12. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

Глава II. О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать

1. Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщетса допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию.

2. Такъже будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государьством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государьством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию...

5. А поместья и вотчины и животы изменничьи взяти на государя.

6. А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнити смертию...

13. А будет учнут извещати про государьское здоровье, или какое изменное дело чьи люди на тех, у кого они служат, или крестьяне, за кем они живут во крестьянех, а в том деле ни чем их не уличат, и тому их извету не верить. И учиня им жестокое наказание, бив кнутом нещадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне. А опричь тех великих дел ни в каких делех таким изветчиком не верить...

18. А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают, или услышат на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех воеводам и приказным людем...

21. А кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полкех на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякия пощады...

Глава III. О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчиньства и брани не было

1. Будет кто при царском величестве, в его государеве дворе и в его государьских полатах, не опасаючи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрму на две недели, чтоб на то смотря иным неповадно было впередь так делати...

3. А будет кто при царьском величестве вымет на кого саблю, или иное какое оружье, и тем оружьем кого ранит, и от тоя раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого досмерти убьет, и того убойца за то убойство самого казнити смертию же...

4. А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружье, а не ранит и не убиет, и того казнити, отсечь рука...

6. Такоже царьского величества во дворе на Москве, или где изволит царьское величество во объезде быти, и ис пищалей и из луков и из ыного ни ис какова оружья никому без государева указу не стреляти, а с таким оружьем в государеве дворе не ходити. А будет кто в государеве дворе на Москве, или в объезде кого ранит, или кого убиет досмерти, и того казнити смертию же.

7. А будет кто на государеве дворе, на Москве, и в объезде, учнет ходити с пищальми и с луками, хотя и не для стрелбы, и ис того оружья никого не ранит и не убиет, и тем за ту вину учинити наказание, бити батоги и вкинути на неделю в тюрму...

13. Г. КОТОШИХИН О ПРИКАЗАХ

1. Приказ Тайных Дел; а в нем сидит диак, да подъячих с 10 человек, и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот Приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя. А посылаются того Приказу подъячие с послами в государства, и на посолские съезды, и в войну с воеводами, для

того что послы в своих посолствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в розговорных речах... а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людми, и те подъячие над послы и над воеводами подсматривают и царю приехав сказывают... А устроен тот Приказ при нынешнем царе, для того чтоб его царская мысль и дела исполнилися все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали.

Да в том же Приказе ведомы гранатного дела мастеры, и всякое гранатное дело и заводы: а на строение того гранатного дела и на заводы денги, на покупку и на жалованье мастеровым людем, емлют из розных Приказов, откуды царь велит...

2. Посолской Приказ; а в нем сидит думной дьяк, да два дьяка, подъячих 14 человек. А ведомы в том Приказе дела всех окрестных государств, и послов чюжеземских принимают и отпуск им бывает; такъже и русских послов и посланников и гонцов посылают в которое государство прилучится, отпуск им бывает ис того ж Приказу; да для переводу и толмачества переводчиков латинского, свейского, немецкого, греческого, польского, татарского, и иных языков, с 50 человек, толмачей[1] с 70 человек... Да в том же Приказе ведомы московские и приезжие иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди: и судят торговых иноземцев, и росправу им чинят с рускими людми в одном в том Приказе...

3. Розрядной Приказ; и в том Приказе сидят околничей, да думной дьяк, да два дьяка. А ведомы в том Приказе всякие воинские дела, и городы строением и крепостми починкою и ружьем и служивыми людми; такъже ведомы бояре, околничие, и думные и ближние люди, и столники, и стряпчие, и дворяне Московские, и дьяки, и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские, и казаки и салдаты, всякою службою: и кого куды лучится послати на службы, в войну и в воеводства в городы и во всякие посылки и за службы о жалованье и о чести и о прибавке денежного жалованья указ в том же Приказе...

4. Приказ Болшаго Дворца; а в нем бывает и сидит боярин и дворецкой, да околничей, да думной человек, да два или три диака, и тот боярин честию бывает другой человек, под конюшим первой... А ведомы в том Приказе дворы, Сытенной, Кормовой, Хлебенной, Житенной, и дворовые люди... Да в том же Приказе ведомы болши 40 городов, посадские люди, тяглом и податми, да с кабаков и с таможень и с вод, с мелниц и с рыбных ловель, откупы и верной збор, ежегодь; дворцовые села и черные волости, и рыбные угодья, и бобровые гоны, и бортные ухожьи, и сенные покосы в царских угодьях... да Московские слободы, восмь слобод...

5. Стрелецкой Приказ; а в нем сидит боярин, да два дьяка. А в том Приказе ведомы стрелецкие приказы, московские и городовые; и собирают тем стрелцом жалованье со всего Московского государства, с вотчинниковых крестьян, кроме царских дворцовых сел и волостей крестьян... А бывает на Москве стрелецких приказов, когда и войны не бывает ни с которым государством, всегда болши 20 приказов; и в тех приказех стрелцов по 1000 и по 800 человек в

приказе, или малым менши. И ис тех приказов один приказ выборной первой словет стремянной, потому что бывает всегда с царем и с царицею во всяких походех, для оберегания, а в-ыные службы и в посылки ни в какие не посылается никуды, кроме вахты. И в тех приказех стрелцы люди торговые и ремесленные всякие богатые многие. Началные люди у тех стрелцов головы и полковники, да полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники; а выбирают в те головы и в полуголовы и в сотники из дворян и из детей боярских, а в пятидесятники и в десятники из стрелцов...

6. Приказ Казанского Дворца; а в нем сидит боярин, да думной дьяк, да два диака. А в том Приказе ведомо Казанское и Астраханское царствы, и к ним Понизовые городы...

7. Сибирской Приказ; а ведает тот Приказ тот же боярин, что и Казанской Дворец ведает, а с ним два дьяка. И в том Приказе ведомо Сибирское царство и городы... А началной город в Сибири зовется Тоболеск. И ис тех Приказов Казанского и Сибирского ссылаются с Москвы и из городов, на вечное житье, всякого чину люди, за вины; а тех ссылочных людей в тамошних городех верстают в службы, смотря по человеку, во дворяне, и в дети боярские, и в казаки, и в стрелцы...

8. Поместной Приказ; а в нем сидит околничей, да думной дьяк, да два дьяка. А ведомо в том Приказе всего Московского государства земля, и что кому дано поместья и вотчин, или кто у кого вотчину купит и кому вновь что дадут...

9. Приказ Болшие Казны; а ведает тот Приказ боярин тот же, что и Стрелецкой Приказ ведает, а с ним товарыщ думной дворянин, да два или три диака. А в том Приказе ведомы гости, и гостиная и суконная сотня[2], и серебряного дела мастеры, и многих городов торговые люди; и собирают з гостей и с торговых людей, и которые городы ведомы в том Приказе, и тех городов с крестьян и з бобылей тягло, и подати, и откупы, и иные поборы, ежегодь; и соберется тех доходов с 300.000 рублев...

И всего на Москве, кроме городовых и патриарших Приказов и таможень, 42 Приказа; а дьяков в тех Приказех, и по городом с воеводами, со 100 человек; подъячих с 1000 человек[3]...

[1] *Толмач* — устный, словесный переводчик, не знавший «книжного» перевода.

[2] Купечество XVII в. делилось на четыре корпорации, члены которых пользовались бо́льшими или меньшими правами и привилегиями: «именитые люди Строгановы», «гости», купцы гостиной и суконной сотен; члены двух последних, в свою очередь, делились на три «статьи» — «бо́льшую», «среднюю» и «меньшую». См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г.— Гл. X.— Ст. 94.

[3] По спискам 1675—1676 гг. в 42 приказах числилось 2017 подьячих, в том числе 652 «неверстанных», кормившихся до зачисления в штат «доброхотными даяниями» (платой) людей, обращавшихся в приказы с челобитными и по другим делам.

Функции приказов часто совпадали, что создавало ведомственную неразбериху. Так, финансовыми вопросами занимались одновременно Приказ большой казны, Приказ большого прихода и др.; вопросами военного характера ведали Разрядный, Стрелецкий, Оружейный, Пушкарский приказы; судебные дела 'разбирали

Поместный, Земский, Холопий и некоторые другие. Особняком стоял Аптекарский приказ («А ведомо в том Приказе аптека, и докторы, и лекари...»).

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ 1648—1662 гг.

В середине XVII в. по России прокатилась волна крупных городских восстаний: в 1648 г. в Москве, Устюге Великом, Сольвычегодске, Курске, Воронеже, Козлове, Ельце, Болхове и др., в городах Сибири (Нарым, Сургут, Томск), в 1650 г. в Великом Новгороде и Пскове, в 1662 г. вновь в Москве («Медный бунт»). Внутри растущего городского населения усилилось социальное расслоение — массу «черного» посадского люда (мелкие торговцы, ремесленники, работные люди) подвергали жестокому гнету «мирские кровопивцы» — богатые купцы, царская администрация, духовные и светские феодалы, владевшие в границах городов привилегированными «белыми слободами» и превращавшие разорившихся горожан в своих «закладчиков». Главной движущей силой восстаний были посадские низы — «черные люди», к ним примыкали мелкие «приборные» служилые люди (стрельцы, городовые казаки, пушкари и др.), близкие по своему положению к городским тяглецам, а во многих местах также крепостные крестьяне и холопы. Расправляясь с повстанцами казнями, пытками и ссылками в дальние города и в Сибирь, царское правительство в то же время вынуждено было пойти на некоторые уступки посадским общинам, упорядочить судопроизводство, отменить наиболее грабительские меры, разорявшие народ.

14. ИЗ «ЛЕЙДЕНСКОЙ БРОШЮРЫ» (О ВОССТАНИИ В МОСКВЕ 1648 г.)

В дополнение к регулярно собираемым прямым налогам с тяглых людей («стрелецкие», «ямские деньги» и др.) правительство начало взимать с них новые поборы — «пятую» или «десятую деньгу» (с оценки доходов и движимого имущества). Главная тяжесть этого налога легла на плечи посадских людей «черных слобод», в то время как население принадлежавших феодалам «белых слобод» казенных податей и повинностей не несло. Небывалую нужду и разорение народным массам принес новый косвенный налог — соляная пошлина, взимавшаяся с продаваемой казной соли в 1646—1647 гг. Злоупотребления и насилия царских вельмож накалили обстановку в столице до крайности.

Иностранец, находившийся летом 1648 г. в Москве, был очевидцем событий, описанных им в брошюре, изданной в том же году в Голландии.

Извлечение из документа публикуется по изданию: Городские восстания в Московском государстве XVII в.— М., 1936.

Года 1648 второго июня, по старому стилю, в пятницу, до полудня, его величество царь всея Руси, Алексей Михайлович, со всей торжественностью совершал, вместе с патриархом, ежегодную процессию или паломничество в сопровождении знатных бояр, иначе называемых советниками государства, а также высшего духовенства, каковым обстоятельством воспользовался народ, чтобы подать его царскому величеству некие челобитные о невыносимо больших податях, пошлинах и поборах, коими они были обременены несколько лет... а также о чрезвычайных несправедливых тяготах и притеснениях, которые они каждодневно претерпевают от бояр и далее не могут сносить; да и скорее желали бы тотчас умереть вместе с женами и детьми, нежели стенать далее под бременем подобных тягот; и бояре [окружавшие особу его царского величества], заполучив в свои руки челобитные, не только разорвали их в клочки, но и швырнули эти клочки в лицо [подателям] и ругали народ язвительными словами; да и некоторых велели своим холопам или крепостным слугам немилосердно побить; а иных заточить в темницу, что сделало народ весь-

ма нетерпеливым и до чрезвычайности ожесточило против бояр; и по окончании процессии народ всем скопом пошел к Кремлю. Стрельцы [или его царского величества лейб-гвардия] [числом в несколько тысяч] чье жалованье также было уменьшено и убавлено, так что они не могли им себя прокормить, пристали к народу, и тотчас после обеда напали на двор Бориса Ивановича Морозова — главнейшего посла его царского величества, правителя всей России, обвенчавшегося прошедшей зимой с сестрой нынешней царицы, и его двор был в конец расхищен, различные найденные ими драгоценные вещи они порубили в куски топорами и саблями; все золотые и серебряные изделия расплющили, драгоценный жемчуг и другие каменья истолкли в порошок, потоптали ногами, пошвыряли за окно, не позволяя никому что-либо унести с собою, крича во все горло: «То наша кровь»... От этого двора народ поспешно устремился ко двору Назара Ивановича Чистова — великого канцлера государства и начальника над всеми иноземцами, чей двор они также в конец разграбили и забрали там неимоверно большую казну золота и серебра; он же [будучи болен] отлучился в баню... когда он вышел из бани, они встретили его и избили дубинами, топорами и саблями. Первый, ударивший его топором по голове, сказал ему: «Изменник, то за соль» [он ведь и был тем, кто наложил высокую подать на соль], и полумертвого его протащили... [и] ...бросили... на навозную кучу, где и прикончили.

Оттуда они с необычайным шумом напали на двор Леонтия Степановича Плещеева, правителя города [или начальника над всеми городами], чей двор они также в конец расхитили, а сам он бежал к его царскому величеству. Оттуда они всем народом и силой устремились на двор Петра Тихоновича Траханиотова, начальника надо всей артиллерией, чей двор они также в конец разорили, а он сам бежал из города в некий монастырь.

Оттуда они с адской злобой напали на дворы различных других бояр, где [сокрушая все] не оставили в целости и малейшей безделицы, меж тем наступила ночь, и разбой несколько поутих, но с раннего утра снова принялись разорять и грабить дворы многих других знатных господ и русских торговых людей, которые так или иначе зависели от прежде помянутых [бояр] — всего числом примерно тридцать шесть.

Учинив это, они всем скопом устремились в Кремль и вызывали на суд бежавшего Морозова, бежавшего Плещеева вместе с бежавшим Траханиотовым, а также его царское величество, и домогались, чтобы выдали им в руки [беглецов], того ради его царское величество тотчас выдал им Плещеева, дабы ему публично отсекли топором голову, однакож народ был до чрезвычайности ожесточен против него и не мог так долго терпеть [пока приведут в исполнение приговор], но потащили его [Плещеева] на большую рыночную площадь и там палками и дубинами избили его так, что он стал синим как легкое, и топорами и саблями изрубили, как рыбу, и так оставили лежать нагого в назидание и на позорище.

Народ, еще не удовольствованный тем, стал далее единодушно и громко взывать и весьма настойчиво добиваться Морозова, а также Траханиотова; тогда его царское величество сам, своей особой, вышел к народу и, видя, что нельзя унять народ, стал настойчиво упрашивать: дать ему не более двух дней сроку, он хочет за это время справедливо поразмыслить и даровать им во всем удовлетворение. И тем стечение народа перед полуднем было утишино, и все тихо разошлись по домам. Но что за тем воспоследовало? Тотчас после обеда в пяти различных местах города учинился большой и ужаснейший пожар, который за тринадцать или четырнадцать часов опустошил половину Москвы, обратив ее в груду пепла. В этом пожаре сгорело всего [как насчитывают некоторые] около десяти тысяч дворов; и так как на различных дворах стояло много различных домов, то можно счесть, что погорело примерно пятнадцать тысяч домов... число людей, которые сгорели, задохлись и задушились в дыму, которые известны, исключая тех, которые остались неизвестны, исчисляют примерно в тысячу семьсот... во время этого ужасного большого пожара в другие кварталы города, где проживали все мы, иноземцы, а также многие другие русские, схватили несколько негодяев поджигателей... и они откровенно признались, что были к тому подкуплены многократно упомянутым Морозовым, дабы отомстить народу, а также другим вельможам, его противникам. Народ, узнав об этом, еще более ожесточился против Морозова и требовал, чтобы его выдали без всякого промедления, и его царское величество прилежно просил сохранить ему [Морозову] жизнь... того ради [царь] обещал всему народу, целуя в том [по русскому обычаю приносить клятву] золотой крест, который держал в руках патриарх... что он сошлет Морозова на крайний рубеж государства, на вечную опалу, или велит удалить его в монастырь и постричь там в монахи.

Другой [боярин], Петр Тихонович Траханиотов, который бежал в один из монастырей, был по повелению его царского величества выдан [народу], и ему отрубили голову на плахе...

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В НОВГОРОДЕ И ПСКОВЕ 1650 г.

Восстания в Новгороде и Пскове 1650 г. явились одними из самых крупных антифеодальных движений XVII в. Они распространились на пригороды Пскова (Гдов, Остров, Изборск) и сельские районы Пскова и Новгорода. Если в Новгороде восстание, вспыхнувшее 15 марта, царским войскам удалось через месяц подавить, то в Пскове оно продолжалось до августа 1650 г. Повстанцы образовали свое правительство — «Всегороднюю избу». Упорство восставших вынудило правительство царя Алексея Михайловича направить для подавления восстания большую армию во главе с боярином Иваном Хованским.

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Новые материалы о новгородском восстании 1650 г. // Вопросы истории.— 1981.— № 2; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в.— М., 1969.

15. ЗАПИСЬ О ПОДАЧЕ ЯВОЧНОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ ПОДЬЯЧИХ НОВГОРОДСКОЙ СЪЕЗЖЕЙ ИЗБЫ И ДВОРЦОВОГО ПРИКАЗА

Марта в 21 день подали явку Новогородцкие съезжие избы[1] подьячие Богдан Воломской, Дружина Харитонов... (следуют имена еще 23-х подьячих)... что в нынешнем де во 158-м году марта 15 день в Великом Новегороде в посадцких людех, и в стрельцах, и в козакех и в новокрещенах учинилось смятение великое, и многие домы пограбили и государева богомольца митрополита Никона[2] били и за окольничим за князь Федором Андреевичем Хилковым и за дьяки за Василием Софоновым да Исаком Кудриным[3] с оружьем и с каменьем, а их, подьячих, с теми смутными людьми в их воровском заводе и в думе и в совете нет и не бывало и впредь не будут. А ныне де, покрывая оне свое воровство, во градцкой в земской избе бывший митрополичь приказной человек Иван Жеглов[4] с советники, которые на воровство думали и учинились с посадцкими и с стрельцы и с казакии с новокрещены и со всеми черными людми учинили смуту, забыв государево крестное целованье, учинили запись неведомо какую, и к той записи всяких чинов людем велят руки прикладывать[5], не показав. А которые люди не хотят в таком их воровском совете быть, и тем велят силно, бив розными всякими бои, руки потому же прикладывать. А дворян и детей боярских, которые ныне в Великом Новегороде, и подьячих велят, имая по одному человеку, приводить в земскую избу и заставляют руки прикладывать потому же сильно. И марта в 20 день дворяне и дети боярские и оне, подьячие, в земской избе приходили к Ивану Жеглову и всем новгородцом посадцким людем говорили, чтоб оне им те свои записи показали, и заводца[6] де Иван Жеглов с товарыщи с своими советники не показали, а сказывал им тот Иван Жеглов речью, что написаны у них в записи такова: как де по кого-нибудь их воровского совету присланы будут с Москвы какие-нибудь люди, и их бы никого не выдать, стоять за одно...

[1] *Съезжая изба* — канцелярия местной администрации.
[2] *Никон* — митрополит в Новгороде (1648—1652), потом патриарх (1652—1658).
[3] *Князь Ф. А. Хилков* — новгородский воевода, остальные дьяки.
[4] *Иван Жеглов* — один из предводителей повстанцев.
[5] *Руки прикладывать* — подписывать обязательство всем «стоять за один».

16. ОТПИСКА ВОЕВОДЫ И. Н. ХОВАНСКОГО ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ О БОЯХ С ПОВСТАНЦАМИ. 12 ИЮЛЯ 1650 г.

По твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии велено со мною, холопом твоим Ивашком, быти на твоей государеве службе подо Псковом ноугородцом, лучаном, торопчаном и розных городов дворяном и детем боярским, да с Олонца и с Сумерские волости салдатом, а ис Торопца и с Лук Великих стрелцом и казаком...

А изо Пскова, государь, беспрестанные вылоски и бои и чаем,

государь, от псковских воров приходу к осторожкам и к обозу на Снятныю гору вскоре многими людми... А ноугородцкую, государь, дорогу ото Пскова псковские воры и волос(т)ные деревенские шиши[1] заняли, гонцом к тебе, государю, к Москве и с Москвы проехать никоторыми обычаи нелзя и з запасы не пропускают, многих побивают, а иных, поимав, отводят во Псков...

Июля, государь, в 12 день выходили изо Пскова псковские воры... а хотели взять острожек, которой поставлен за Великою рекою, и твоих государевых ратных людей побить... И те псковские воры учали острожку наступать, и с сотнями, которые стояли на стороже, и с пехотою у острожка битца... И со псковскими воры учинился у твоих государевых ратных людей у пехоты бой большой... И по смете, государь, убито было псковских воров больши трехсот человек, а живых взято человек с сорок, и от ран многие померли, а осталося в живых десять человек. И те языки роспрашиваны и пытаны...

[1] *Шиши* — голь перекатная, бедняки, участники повстанческих отрядов крестьян и бобылей.

17. Г. КОТОШИХИН О ВОССТАНИИ В МОСКВЕ 1662 г. («МЕДНЫЙ БУНТ»)

Народное восстание в Москве в июле 1662 г. явилось результатом дальнейшего усиления феодально-крепостнического гнета, роста податей и повинностей горожан, разорения и голода народных масс. Толчком к восстанию послужили чеканка медных денег, пущенных в оборот по цене серебряных, злоупотребления царских вельмож, не гнушавшихся брать «посулы» (взятки) с богатых людей, которые чеканили фальшивые медные деньги и «откупались» от наказания. Об обстановке в Москве накануне восстания и жестокой расправе с повстанцами сообщает очевидец событий Г. Котошихин в сочинении, написанном им в 1666—1667 гг. в Стокгольме после побега в Швецию.

Извлечения из его рассказа публикуются по изданию: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича.— М., 1859.— С. 82—87.

Да в то ж время делали денги полтинники медные с ефимок[1], и крестьяне увидев такие в одну пору худые деланые денги, неровные и смешаные, не почали в городы возить сена и дров и съестных запасов, и почала быть от тех денег на всякие товары дороговь великая. А служилым людем царское жалованье давано полное, а они покупали всякие запасы и харчь и товары вдвое ценою, и от того у них в году жалованья не доставало, и скудость почала быть болшая... И... ходили те мелкие денги многое время с серебряными заровно...

И в скором времяни, на Москве и в городех, объявилися в тех медных денгах многие воровские, и тех людей хватали и пытали всячески, где они те денги имали; и они в денежном воровстве не винились, а сказывали, что от людей имали в денгах не знаючи. И потом почали домышлятися на денежных мастеров, и на серебряников, и на котелников, и на оловянишников, и на иных людей, потому что до того времяни, как еще медных денег не было, и в то время жили они не богатым обычаем, а при медных денгах испоставили себе дворы, каменные и деревяные, и платье себе и женам по-

делали з боярского обычая, такъже и в рядех всякие товары и сосуды серебряные и съестные запасы почали покупать дорогою ценою, не жалея денег, и их подсматривая хватали, и воровские денги их дела у них вынимали... И которые воры были люди богатые, и они от своих бед откупались, давали на Москве посулы болшие боярину, царскому тестю, Илье Даниловичу Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, за которым была прежнего царя (Михаила Федоровича.— *Ред.*) царицына родная сестра, да дьяком, а в городех посулы ж воеводам и приказным людем: и они, для тех посулов, тем вором помогали и из бед избавливали...

И тех воров товарыщи видя, что тому боярину и думному человеку, за их воровство, не учинено ничего, умыслили написать на того боярина и на иных трех воровские листы... будто те бояре ссылаются листами с Полским королем, хотя Московское государство погубить и поддать Полскому королю; и те воровские листы прибили, в ночи, на многих местех по воротам и по стенам, а царь в то время был в походе, со всем своим домом, и с ними бояре и думные и ближние люди, в селе Коломенском, от Москвы 7 верст. И наутрее всякого чину люди идучи в город, те письма чли и взяли к себе; и пришед на (Красную.— *Ред.*) площадь к Лобному месту, у рядов, стали те писма честь в слух всем людем. И собралось к тому месту всякого чина людей множество, и умыслили итти в город к царю и просити тех бояр, чтоб им царь выдал их головою на убиение; и уведали, что царя на Москве нет, и они скопяся все вместе тысечь с пять пошли к царю в поход, а с Москвы в то время бояре послали к царю с вестью, что на Москве учинилась смута и почали домы грабить...

И как те люди пришли и били челом царю о сыску изменников, и просили у него тех бояр на убиение: и царь их уговаривал тихим обычаем, чтоб они возвратилися и шли назад к Москве, а он царь кой час отслушает обедни будет к Москве, и в том деле учинит сыск и указ; и те люди говорили царю и держали его за платье за пугвицы: «чему де верить?» и царь обещался им Богом и дал им на своем слове руку, и один человек ис тех людей с царем бил по рукам и пошли к Москве все...

(Поскольку царь не спешил выполнить обещание, возмущенные полной безнаказанностью лиц, виновных в выпуске «воровских» денег, москвичи вновь направились к Алексею Михайловичу в Коломенское.— *Ред.*) А пришед к царю на двор... а царь в то время садился на лошадь, хотев ехать к Москве... и они... почали у царя просить для убийства бояр, и царь отговаривался, что он для сыску того дела едет к Москве сам; и они учали царю говорить сердито и невежливо, з грозами: «будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по своему обычаю». Царь, видя их злой умысл, что пришли не по добро и говорят невежливо, з грозами, и проведав, что стрелцы к нему на помочь в село пришли, закричал и велел столником, и стряпчим, и дворяном, и жилцом, и стрелцом, и людем боярским, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити.

И как их почали бить и сечь и ловить, а им было противитися не уметь, потому что в руках у них не было ничего, ни у кого, почали бегать и топитися в Москву реку, и потопилося их в реке болши 100 человек, а пересечено и переловлено болши 7000 человек, а иные розбежались. И того ж дни около того села (Коломенского.— *Ред.*) повесили со 150 человек, а досталным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног палцы, а иных бив кнутьем, и клали на лице на правой стороне признаки, розжегши железо накрасно, а поставлено на том железе «буки», то есть бунтовщик, чтоб был до веку признатен; и чиня им наказания, розослали всех в далние городы, в Казань, и в Астрахань, и на Терки, и в Сибирь, на вечное житье, и после их по скаскам их, где кто жил и чей кто ни был, и жен их и детей потомуж за ними розослали; а иным пущим вором того ж дни, в ночи, учинен указ, завязав руки назад посадя в болшие суды, потопили в Москве реке...

[1] *Ефимок, талер* — серебряная немецкая монета, имевшая хождение в России XVII в.

ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

После слияния Польши и Великого княжества Литовского по Люблинской унии 1569 г. в одно государство — Речь Посполитую — и провозглашения Брестской церковной унии 1596 г., подчинившей православную церковь Украины и Белоруссии Ватикану (католической церкви), польско-литовские феодалы установили на подвластных землях режим жестокого крепостнического и национального гнета. В ответ уже в конце XVI — начале XVII в. на Украине и в Белоруссии произошли крупные народные восстания (под предводительством Криштофа Косинского — 1591—1593 гг., Северина Наливайко — 1594—1596 гг., восстания горожан в Витебске, Могилеве и др.), а в 30-х гг. XVII в. прокатилась новая волна освободительного движения (восстание под предводительством Тараса Трясилы — 1632—1634 гг., Павлюка, Гуни и Острянина — 1637—1638 гг.). Все они были жестоко подавлены. В то же время развивались экономические, политические и культурные связи украинского и белорусского народов с Россией. В XVI—XVII вв. все бóльшие группы украинцев («черкас») и запорожских казаков переселялись в южные города и селения Руси, заселяли здесь на льготных условиях целые «слободы черкас», занимаясь хлебопашеством и поступая на службу в русское войско. Они активно участвовали в Ливонской войне (1558—1583), в отражении почти ежегодных нападений крымских ханов и турецких янычар на юге, а также в крестьянских войнах под предводительством И. И. Болотникова и С. Т. Разина. Все это подготовило окончательное воссоединение Украины с Россией в результате освободительной войны украинского и белорусского народов под руководством Богдана Хмельницкого (1648—1654) и русско-польской войны за Украину (1654—1667) по условиям Андрусовского перемирия.

Извлечения из документов публикуются по изданию: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах.— М., 1953.— Т. III.— С. 413—414, 460—461, 567—570.

18. ИЗ РЕШЕНИЯ ЗЕМСКОГО СОБОРА В МОСКВЕ О ВОССОЕДИНЕНИИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ.
1 октября 1653 г.

...А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь

царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку для православные християнские веры и святых божиих церквей, потому что паны рада и вся Речь Посполитая на православную християнскую веру и на святые божии церкви востали и хотят их искоренить, и для того они, гетман Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское, присылали к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бити челом многижды, чтоб он, великий государь, православные християнские веры искоренить и святых божиих церквей разорить гонителем их и клятвопреступником не дал и над ними умилосердился, велел их приняти под свою государскую высокую руку... И по тому по всему приговорили: гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять...

19. ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА. ИЗ СТАТЕЙНОГО СПИСКА РУССКОГО ПОСЛА НА УКРАИНУ В. БУТУРЛИНА.

4—9 января 1654 г.

... И как собралося великое множество всяких чинов людей, учинили круг пространный про гетмана и про полковников, а потом и сам гетман вышел под бунчуком[1], а с ним судьи и ясаулы, писарь и все полковники. И стал гетман посреди круга, а ясаул войсковой велел всем молчать. Потом, как все умолкли, начал речь гетман ко всему народу говорить: Панове полковники, ясаулы, сотники и все Войско Запорожское, и вси православнии християне. Ведомо то вам всем, как нас бог свободил из рук врагов, гонящих церковь божию и озлобляющих все християнство нашего православия восточного. Что уже 6 лет живем без государя в нашей земле в безпрестанных бранех и кровопролития з гонители и враги нашими, хотящими искоренить церковь божию, дабы имя русское не помянулось в земли нашей. Что уже вельми[2] нам всем докучило, и видим, что нельзя нам жити боле без царя. Для того ныне собрали есмя раду, явную всему народу, чтоб есте себе с нами обрали государя из четырех, которого вы хощете Первый царь есть турский, который многижды через послов своих призывал нас под свою область; второй — хан крымский; третий — король польский, который, будет сами похочем, и теперь нас еще в прежную ласку приняти может; четвертый есть православный Великия Росия государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец восточной, которого мы уже 6 лет безпрестанными молении нашими себе просим — тут которого хотите избирайте. Царь турский есть бусурман: всем вам ведомо, как братия наши, православнии християне греки, беду терпят и в каком суть от безбожных утеснений. Крымской хан тож бусурман, которого мы по нужди и в дружбу принявши, каковыя нестерпимыя беды приняли есмя. Какое пленение, какое нещадное пролитие крови християнские от польских панов утеснения — никому вам сказы-

вать не надобеть... А православный християнский великий государь, царь восточный, есть с нами единого благочестия греческого закона, единого исповедания... Той великий государь царь християнский, зжалившися над нестерпимым озлоблением православные церкви в нашей Малой Росии, шестьлетных наших молений безпрестанных не презревши, теперь, милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислати изволил, которого естьли со усердием возлюбим, кроме его царския высокия руки, благотишнейшего пристанища не обрящем. А будет кто с нами не согласует теперь, куды хочет вольная дорога.

К сим словам весь народ возопил: волим под царя восточного, православного, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику христову поганину достати. Потом полковник переяславской Тетеря, ходячи в кругу, на все стороны спрашивал: вси ли тако соизволяете? Рекли весь народ: вси единодушно. Потом гетман молыл, буди тако. Да господь бог наш сукрепит под его царскою крепкою рукою. А народ по нем вси единогласно возопил: боже, утверди, боже, укрепи, чтоб есми вовеки вси едино были...

[1] *Бунчук* — войсковое знамя.
[2] *Вельми* — (церк.) весьма.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА

После похода казацкой голытьбы во главе с С. Т. Разиным «за зипунами» на Волгу и в Каспийское море (1667—1669) казаки с богатой добычей вернулись на Дон. В Кагальницкий городок под знамена Разина стекались толпы казаков, беглых крестьян и холопов. Весной 1670 г. повстанцы двинулись с Дона на Волгу, заняли Царицын, Камышин, Черный Яр и Астрахань, а затем поднялись вверх по Волге, взяли без боя Саратов и Самару и подошли к Симбирску. Крестьянские восстания охватили все Поволжье. Сподвижники Разина заняли Пензу, Нижний и Верхний Ломов, Темников. Кроме казаков и русских крестьян в восстании активно участвовали народности Поволжья (чуваши, мордва, марийцы). Для подавления крестьянской войны были направлены громадные воинские силы — стрельцы, солдаты, драгуны, отряды дворян под командой Ю. А. Долгорукого, Ю. Н. Барятинского и других воевод. В сентябре 1670 г. под Симбирском Разин потерпел поражение, был ранен и ушел на Дон. «Домовитые» (богатые) казаки выдали Степана Разина и его брата Фрола царским властям: в июне 1671 г. они были казнены в Москве. Однако крестьянская война продолжалась и после гибели Разина.

Документы публикуются по изданию: Крестьянская война под предводительством Степана Разина.— М., 1954.— Т. I.— № 162; М., 1957.— Т. II.— № 53, 78, 118, 120, 207; М., 1962.— Т. III.— № 28, 58, 179.

20. ОТПИСКА ГОЛОВЫ МОСКОВСКИХ СТРЕЛЬЦОВ В. ЛАГОВЧИНА В ПРИКАЗ ТАЙНЫХ ДЕЛ О ВЗЯТИИ С. РАЗИНЫМ АСТРАХАНИ. 21 июля 1670 г.

...Богоотступный вор и изменник Стенька Разин сошелся... с стольником и воеводою с князь Семеном Львовым и с астараханскими ратными людьми, которые... шли из Астрахани на него... Стеньку

Разина, в Черном Яру. И астараханские де, государь, ратные люди тебе, великому государю, изменили и стольника и воеводу князь Семена Львова ему, богоотступнику вору и изменнику Стеньке Разину, руками отдали и сами пристали к нему, вору, и с ним, вором, бою не учинили. Да в тех же числех он... Стенька Разин, город Черной Яр взял и в Черном Яру посадил своих воровских казаков и изменников астараханских стрельцов и донских казаков, и... от Черного Яру пошел к Астарахани. А боярин и воеводы князь Иван Семенович Прозоровской с товарищи, проведав подлинно про ево воровской приход к Астарахани, около Астарахани обеих каменных городов и деревянного города крепости построил для ево воровского приходу великие. И как он... Стенька Разин, пришел к Астарахани и приступал к Астарахани 2 дни, и астараханские де, государь, стрельцы своровали, тебе, великому государю, изменили и... Астарахань ему... Стеньке Разину, здали, и ворота ему... отворили...[1] А боярин и воевода князь Иван Семенович Прозоровский убит от него, вора, с роскату, а товарищ [воеводы], брат ево, стольник и воевода князь Михайла Семенович Прозоровской убит в Белом каменном городе у Решеточных ворот... А которые, государь, по твоему... указу были в Астарахани... головы московских стрельцов, и дворяне московские, и жильцы, и головы астараханских стрельцов, и астараханцы дворяне дети боярские... тебе, великому государю, радели и с ним, богоотступным вором, бились,— и он... тех твоих великого государя ратных людей побил многих...

[1] В царской грамоте 26 августа 1670 г. сказано, что Разин пошел на приступ крепости Астрахани ночью «по совету с астраханскими стрельцами, бездомовными людьми», «и те воры его, Стеньку, в город пустили». Разин же, «соединясь» с ними, «бросил с роскату» воеводу И. С. Прозоровского и убил «мало не всех» царских дьяков, дворян, голов стрелецких и тех московских и астраханских стрельцов, которые «к его воровству не пристали» (Акты, собранные... Археографической экспедицией имп. Академии наук (ААЭ).— Спб., 1836.— Т. IV.— № 177).

21. «ПРЕЛЕСТНЫЕ ГРАМОТЫ» С. Т. РАЗИНА И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

«Прелестные грамоты» С. Т. Разина, содержащие призыв «богу да государю послужить», красноречиво свидетельствуют, что восставшие, как в свое время И. И. Болотников и его сторонники, верят в «хорошего», «справедливого» царя, царя-«заступника».

1. **Грамота от Степана Тимофеевича от Разина.** Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Хто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичю, и я выслал казаков, и вам бы за[о]дно измеников вывадить и мирских кравапивцев вывадить. И мои казаки како промысь станут чинить, и ва[м] бы итить к ним в совет, и кабальныя и апальныя шли бы в по[л]к к моим казакам...

2. Великого войска Данского и Еицкого[1] и Запорожского от атаманов от Михаила Харитоновича, да от Максима Дмитревича, да от Михаила Китпевича, да от Семена Нефедьева, да от Артемья Чирскова, да от Василья Шилова, да от Кирилы Лаврентьева, да

от Тимофея Трофимовича в Челнавской атаманом молотцом и всему великому войску.

Послали мы к вам козаков лысогорских Сидара Леденева да Гаврилу Болдырева для собранья и совету великого войска. А мы ныне в Танбове ноября в 9 день в скопе, у нас войскова силы с 42 000, а пушак у нас 20, а зелья у нас полпятаста и больши пуд.

И кой час к вам ся память придет, и вам бы пожаловать, атаманы и молотцы, собрався, ехоть к нам на помочь с пушками и з зельем безо всякого мотчанья днем и ночью наспех. А писал нам из Орзамасу донской атаман, что наши козаки князь Юрья Долгаруково побили со всем ево войским, а у него была пушак 120, а зелья 1500. Да пожаловать бы вам, породеть за дом пресвятые богородицы и за великого государя, и за батюшку за Степана Тимофеевича, и за всю провославную християнскою веру. Потом вам, атаманы молотцы, атаман Тимофей Трофимов челом бьет...

[1] *Еицкого (Яицкого)* — области яицкого казачества. После подавления восстания Е. И. Пугачева указом Екатерины II в 1775 г. река Яик переименована в Урал.

22. ОТПИСКА ПОЛКОВОГО ВОЕВОДЫ П. УРУСОВА О БОЯХ Ю. БАРЯТИНСКОГО ПОД СИМБИРСКОМ.

Октябрь 1670 г.

...В нынешнем во 179 году сентября в 15 день писали к тебе, великому государю... что послал я, холоп твой Петрушка (Урусов.— *Ред.*), с устья Казани реки товарыща своево... воеводу князя Юрья Никитича Борятинского с твоими... ратными... людьми для выручки Синбирска...

Сентября де в 20 день за Свиягою рекою под сельцом Куланги дожидались ево воровские казаки, татаровя и чюваша и черемиса и мордва больши 3000 конных и пеших людей, и был у нево с ними бой. И тех воров побили и языков взяли 67 человек, и тех де языков велел посечь и перевешать. Да на том же бою взят Яковлева приказу Соловцова стрелец Ефремко Провоторхов, и того де стрельца велел он росчетвертовать и на колье россажать.

И сентября ж де в 23 день пришол он к реке Карле, и у реки де Карлы, собрався, встретили его воровские казаки и татарова и чюваша и черемиса и мордва, учинили с ним бой. И на том бою тех воровских казаков побил и языков взято 18 человек, и тех языков велел посечь и перевешать...

Да сентября ж де в 29 день пришел он к черте в городок Тогаев, а ис Тагаева де все люди выбежали к вору Стеньке Разину в Синбирск. И ис того городка пошел он во Мшанеск, а изо Мшанску пошел к Синбирску по Крымской стороне октября в 1 день, и пришел к Свияге реке до Синбирска за 2 версты. И вор де Стенька Разин, собрався с ворами з донскими казаки, и с астараханскими, и с царицынскими, и с саратовскими, и с самарскими ворами, и с-ызменники с синбирскими... с ворами из розных городов... с великими силами почел на него наступать... И он де со всеми твоими великого государя

ратными людьми разобрався и устроясь, против вора Стеньки Разина пошел и с ним сшелся сажень в 20-ти, и учинили бой и на том бою ево, вора Стеньку, сорвали и прогнали. И собрався он, вор Стенька, со всеми силами, с конными и пешими людьми и с пушками... и учинил с ними бой, что люди в людех мешались и стрельба на обе стороны из мелкова ружья и пушечная была в притин. И милостию божиею... тех воров побили бесчисленно много. А ево, вора и крестопреступника Стеньку, самово было жива взяли, и рублен саблею, и застрелен ис пищали в ногу, и одва ушел...

А было де с вором Стенькою воровских людей и казаков с черты и из уездов з 20 000...

23. ОТПИСКА ПОЛКОВОГО ВОЕВОДЫ Ю. ДОЛГОРУКОВА О РАСПРОСТРАНЕНИИ ВОССТАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ И СМЕЖНЫХ ОБЛАСТЯХ.

12 октября 1670 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... Велено мне, холопу твоему, посылать посылки для промыслу на воров в Нижегородцкой и в Курмышской уезды, и к Лыскову, и к Мурашкину и в-ыные села, и в Темников и в-ыные места, где пристойно, чтоб за милостию божиею воров от воровства унять и искоренить воровство... И против твоего великого государя наказу, собрався у Арзамасу с твоими... ратными людьми, хотели итти к Олатарю вскоре. И у Арзамаса учали стоять, потому что во многих местех учинилось воровство: в Саранске и в Орзамаском и в Олаторском уездех, и в Лыскове и в Мурашкине и в-ыных местех, а в другой, государь, стороне, от украйны, в Темникове, в Кадоме и к Шацкому...

24. ГРАМОТА ИЗ ПРИКАЗА КАЗАНСКОГО ДВОРЦА КАДОМСКОМУ ВОЕВОДЕ С ИЗВЕЩЕНИЕМ О ВЫДАЧЕ РАЗИНА И РАСПРАВЕ С РАЗИНЦАМИ.

11 мая 1671 г.

В нынешнем во 179-м году мая в 10 день писали к нам, великому государю, з Дону атаманы и казаки Корней Яковлев с товарыщи... что они, казаки, совокупясь единомышленно во всех городках и служа нам, великому государю, ходили ис Черкаского городка под Когольник для промыслу на воров и изменников на Стеньку Разина с товарыщи. И милостию всесильного господа бога... они... под Когольником воров многих побили и тово вора и изменника Стеньку Разина и ево единомышленников, которые с ним пришли в Кагальник с Царицына и на Дону к ево воровству пристали, взяли. И ево, Стеньку, привезли в Черкаской и заковали в кайдалы и отдали стеречь за крепкую сторожу. А товарыщев ево единомышленников воров же в Кагальнику и в Черкаском всех побили и перевешали, а ево, вора Стеньку, послали... к Москве с атаманом с Корнеем Яковлевым с товарыщи апреля в 24 день нынешнего 179 году...

СОЛОВЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1668—1676 гг.

Еще в 1657 г. монахи и священники Соловецкого монастыря, собравшись в трапезной на своем «черном соборе», отказались принять «новоисправленные» патриархом Никоном богослужебные книги. Все увещевания царя и патриарха соловчане отвергли, и весной 1668 г. наиболее решительные элементы из них подняли вооруженное восстание. Повстанцы — рядовые монахи, монастырские «служки» и крестьяне-«трудники», «работные люди» монастырских солеварен и рыбных промыслов — оказали царским войскам упорное сопротивление. В ходе вооруженной борьбы в крепость монастыря прибывали посланцы «из Разина полку» с Волги, а после подавления крестьянской войны примкнуло множество ее участников — «солдаты и холопы боярские, воровские казачишки», некоторые из них (Фаддей Кожевник, Иван Сарафанов, донской казак Григорий Кривоног) непосредственно руководили обороной монастыря. Волнения охватили громадную территорию Поморья, откуда «нищие мужики и бабы и робята» доставляли повстанцам на остров продовольствие и сведения о численности и вооружении царских войск. Под защитой мощных каменных стен монастыря, располагая большими запасами оружия (около 90 пушек, до 900 штук ручного огнестрельного оружия, пики, бердыши и др.), повстанцы успешно отразили все предпринятые отборными полками московских стрельцов штурмы крепости, взорвали подкопы под три башни, делали вылазки, нанося царским воеводам большие потери. Не помогла и ожесточенная бомбардировка монастыря царской артиллерией. Крепость была взята лишь в январе 1676 г. в результате предательства монаха Феоктиста, который указал воеводе тайный вход в монастырь. В ночном бою внутри крепости были перебиты почти все ее защитники, а попавшие в плен повешены и утоплены в прорубях, сам же монастырь разграблен до нитки.

Извлечения из документа публикуются по изданию: Материалы для истории раскола.— М., 1878.— Т. III.— Ч. 3.— С. 327—330.

25. РАССПРОСНЫЕ РЕЧИ (ПОКАЗАНИЯ) ЦАРСКОМУ ВОЕВОДЕ И. МЕЩЕРИНОВУ ВЫХОДЦА ИЗ МОНАСТЫРЯ СВЯЩЕННИКА МИТРОФАНА. Октябрь 1674 г.

Мятеж учинился о новоисправленных книгах от черного священника[1] Геронтья, да от архимарита Никанора, да от келаря Азарья, да от служки Фадюшки Бородина с товарищи... А стрельба де зачалась от Никанора архимарита да от служки Фадюшки Бородина с товарищи; и он де Никанор по башням ходит беспрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: «матушки де мои галаночки[2], надежда де у нас на вас, вы де нас обороните»; и велит по воеводе по Иване Алексеевиче Мещеринове и по ратным людем стрелять беспрестанно, а на башнях и по стенам приказывает караульщиком смотреть из трубок[3] его, воеводу: «как де усмотрите, и вы де по нем стреляйте; как де поразим пастыря, а ратные люди розыдутся, аки овцы»...

А ныне де воры и к бунту и к воровству заводчики келарь старец Нафанаил, прозвище Тугин, да городничий старец Протасей, да воры ж сотники[4] Исачко Воронин, да кемлянин Самко за великого государя бога молить им священником не велели и хотели их побить... И сентября де в 16 день был у них воров воровской их собор[5], а на том соборе воры, сотники Исачко и Самко с товарищи, во всей своей воровской службе келарю отказали, и ружье на стену положили, и болши того служить не хотели для того, что де они воры за великого

государя священником бога молить не велели, а священницы де их не слушают и за великого государя бога молят.

И они де воры того слышать не хотят; и келарь де им добивал челом, чтобы они им служили, и они де воры сотники ружье взяли и служить стали по прежнему; а в церковь божию не ходят и на исповедь к отцам духовным не приходят, а исповедываются бельцы[6] промеж собою у простолюдинов... а их, священников, называют еретиками... А про великого государя говорят такие слова, что не только написать, но и помыслить страшно. А сели де они воры в монастыре на смерть, сдаться никоторыми делы не хотят. А хлеба де у них воров будет лет на десять и болши, а пороху де у них было сначалу девять сот пуд, а нынешнего де лета они выстреляли по государевым людем половину; а на башнях де у них девяносто пушек... А как они в Соловецком монастыре заперлись, приезжали к ним в монастырь с рыбою и с харчевыми запасу с берегу[7] многие люди... А братьи де в монастыре двести человек, да белцов триста человек...

[1] *Черного священника* — иеромонаха, монаха-священника.
[2] *Галаночки* — пушки, привезенные из Голландии; в XVII в. находились на вооружении многих крепостей России.
[3] *Из трубок* — подзорных труб, также привозимых в Россию из Голландии.
[4] *Сотники* — находившиеся в монастыре ссыльные стрельцы и миряне, руководившие обороной крепости.
[5] *Воровской... собор* — собрание вожаков восстания.
[6] *Бельцы* — миряне, не монахи.
[7] *С берегу* — с побережья Белого моря на континенте.

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В конце XVI и в XVII в. обширные области Сибири и Дальнего Востока вошли в состав многонационального Российского государства и стали неотъемлемой частью нашей великой Родины. Численность населения Сибири к концу XVII в. составляла: русских — около 300 тыс., местных народностей — около 200 тыс., а всего до полумиллиона человек (см.: Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР.— М., 1973.— С. 114—116). В трудных условиях суровой и неосвоенной природы сибирские земледельцы добились значительных успехов и уже к 80-м гг. XVII в. полностью обеспечивали потребности края в зерновых продуктах. В то же время была решена важная задача обеспечения Сибири местной солью, развивались промыслы (рыболовство, судостроение, заготовка строительного леса, пушной промысел), городское ремесло, внутренняя и внешняя торговля (с Китаем, Средней Азией). Уже в XVII в. было положено начало разведке и использованию местных рудных и нерудных ископаемых, появились первые «заводы» по производству железа, меди, серебра. Крупные масштабы приобрело строительство новых городов-крепостей: в конце XVI в. возведено одиннадцать (в том числе Тобольск, Тюмень, Верхотурье, Березов), а в XVII в. около ста сорока новых городов (в том числе Томск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Якутск, Нерчинск, Селенгинск, Верхнеудинск, Албазин, Охотский и Камчатский остроги и др.). Подробнее об этом см.: История Сибири с древнейших времен до наших дней.— Л., 1968.— Т. 2. Сибирь в составе феодальной России...

Извлечения из документов публикуются по изданиям: Дополнения к актам историческим (ДАИ).— Т. III.— № 14, № 83 (б); Т. VIII.— № 109; Т. VII.— № 22; Т. X.— № 77 (д), № 57.

26. ЦАРСКАЯ ГРАМОТА О ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ И О ПЕРЕВОДЕ КРЕСТЬЯН И ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ В ГОСУДАРЕВО ТЯГЛО. 1646 г.

Ведомо государю учинилося, что в прошлых годех с Руси из Поморских городов, с Устюга Великого, от Соли Вычегодской, из Перми Великой, с Вятки, с Кевроля, с Мезени, и из иных из руских городов, с посадов и из уездов, сошли в Сибирь посадцкие люди и многие пашенные крестьяне с тяглых своих жеребьев, от хлебного недороду и от бедности, с женами и с детьми; а в сибирских городех и в уездех те прихожие люди учали жить в архиепискупских землях и за детьми боярскими и за подъячими и за всякими служивыми людьми на пашнех во крестьянех и в половниках[1], а иные живут на посадех и в уездех меж посадцкими людьми и у пашенных крестьян и ямских охотников[2] в захребетниках[3] и денежного и хлебного оброку в государеву казну не платят; а прежние воеводы, о том не радея, таких прихожих людей в Сибири не выискивали, в посацкие и в пашенные и в оброчные крестьяне не строили, и их укрывали, а иные имали у них от того посулы... [По этому указу] всех сыскав, переписать подлинно, сколько таких прихожих людей, и кто именем, и которого города и сколь давно и за кем в Сибири живут, [и переписав], устроить за государем в слободы, где пригоже, в пашенные и в оброчные крестьяне, и ссуду и подмогу им давати против прежнего государева указу[4], чтоб такие прихожие люди никто в избылых не был... [Беглых посадских людей в Сибири записать] за государем... и тягло им тянуть и службу служить[5] с посадскими людьми в ряд... Да по тех по всех прихожих людех... имати крепкие поруки с записьми в том, что им на посаде... или в слободах жить за государем в пашенных крестьянех, где государь укажет, и никуда не бегать, а живучи на посаде с посадцкими людьми всякое тягло тянуть, а крестьяном в слободах государеву пашню пахать и оброчной хлеб и всякие государевы денежные доходы платить, и дворами и пашнями и всяким заводом строитца... чтоб в Сибири теми прихожими людьми посады и пашенные слободы наполнить.

[1] *Половники* — обедневшие крестьяне, работавшие по «порядной» (договору) в хозяйстве феодала за подмогу с уплатой ему определенной доли урожая (половины, трети и т. д.); сидя на чужой земле, половники до перехода к подворному обложению в 1679—1681 гг. государевых податей не платили.

[2] *Ямские охотники* за денежное и земельное жалованье несли почтовую и транспортную службу (ямскую гоньбу), жили в отдельных ямских слободах.

[3] *Захребетники* — разорившиеся крестьяне или горожане, жившие «за хребтом» состоятельных тяглых людей и работавшие на них за дневное пропитание.

[4] Казна выдавала крестьянам в Сибири для обзаведения хозяйством ссуды орудиями труда, рабочим скотом, зерном «на семена и на емена» (питание).

[5] *Службу служить* — кроме прямых и косвенных податей горожане несли так называемые «посадцкие службы» по ремонту и строительству крепостей, ночным караулам, постою войск и др.

27. НАКАЗ ЯКУТСКОМУ ВОЕВОДЕ О ЯСАЧНЫХ ЛЮДЯХ. 1651 г.

...Да и в иные в новые землицы по Великой реке Лене и по Алдану и по Чоне и по Вилюю и по иным рекам потомуж посылати для

проведыванья и для приску и для приводу под государеву... руку служилых людей... и ясак с них [местных жителей] сбирати... ласкою, а не жесточью... и к шерти[1] их... привесть... и ясачным людем налоги и оскорбленья никакого не учинить, и от государевы высокие руки их не отгонить... [Коренных жителей насильно не крестить, к себе для работы во дворы не брать, в Москву не вывозить], чтоб Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустела. [Крестившихся добровольно] мужской пол устроивать в государеву службу[2] и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людям, кто в какую статью пригодитца, в выбылые руских служилых людей места, [жонок и девок] выдавати замуж за новокрещенов же и за руских служилых людей[3].

[1] *Шерть* — присяга: мусульман — по Корану, язычников — по их обычаю.
[2] *В государеву службу* — «новокрещенов» зачисляли в служилые люди «по прибору» (казаки, стрельцы, пушкари и др.).
[3] Официально дозволенные браки «новокрещенов» с русскими людьми были широко распространены в Сибири XVII в.

28. ДОНЕСЕНИЕ ИРКУТСКОГО ВОЕВОДЫ Л. КИСЛЯНСКОГО О НЕФТИ ПОД ИРКУТСКОМ. 1684 г.

...В Ыркуцком же остроге передо мною иркуцкие жители словесно в розговоре говорили: за острожною де Иркуцкою речкой из горы идет жар неведомо от чего, и на том месте зимою снег не живет и летом трава не растет. И против их... росказанья, ездил я из Иркуцкого того места по многие времяна досматривать; а по досмотру то место от Иркуцкого не в дальном растоянии, только с версту иль меньши, из горы идет пара, а как руку приложить, и рука не терпит много времяни, и издалека дух вони слышать от той пары нефтяной; а как к той паре и к скважне припасть близко, и из той скважни пахнет дух прямою сущою нефтью; а как которою скважню побольше прокопаешь, и из той скважни и жар побольше пышет, и тут знатно, что есть сущая нефть...

29. ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ КРЕСТЬЯН, ПОСЕЛЕННЫХ ОКОЛО АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА НА РЕКЕ АМУР. 1682 г.

...Сосланы мы бедные за своя согрешения в такую дальную украину и посажены на пашню на пень да на колоду; а ссуда нам давана... небольшая: даваны были кони старые и жеребята молодые, ни в соху ни в борону не годились, и с нужи многие у нас перепропали; а ральники даваны нам старые и ломаные. И мы, сироты твои, надеяся на твою в. г. (великого государя.— *Ред.*) милость и на жалованье, имали кони в долги у торговых людей дорогою ценою, рублев по двенадцати и больши, а ральники рубли по три; а иные ссуды никакие нам не давано против иных городов, как дается твоя в. г. ссуда всякая пашенная и хлебное жалованье и денежное и скот; мы, сироты твои, людишки скудные и многие у нас холостые и одинокие; а льготы нам, сиротам твоим, не дано ни на единое лето, велено нам

на тебя в. г. в первое лето пахать по полудесятине, и мы, сироты твои, холостые и женатые, пахали по ровну по полудесятине безоброчно шесть лет, ожидали себе твоего в. г. жалованья против иных сибирских городов, многие челобитные к тебе в. г. по вся годы мы бедные посылаем, а указу никакова не бывало и по се число... А в нынешнем... во 191 году... приезжали многие Богдойские люди[1]... сот с восемь... и оне у нас у многих хлеб потравили и сена... Пожалуй нас бедных и безпомощных сирот твоих своим в. г. жалованьем, чем тебе в. г. от нас господь бог по сердцу положит... К сей челобитной вместо пашенных крестьян... которые грамоте не умеют, по их веленью Воскресенской поп Федор Иванов руки приложил. К сей челобитной пашенной Стенька Богтюйской руку приложил.

[1] *Богдойские люди* — маньчжурских войск. В 1644 г. маньчжуры завоевали Китай и основали новую династию Цин. Цинские императоры уже в 50-х гг. XVII в. начали нападения на дальневосточные владения России в Приамурье. Маньчжурские войска опустошали Приамурье, сжигали и вытаптывали посевы, запасы хлеба и сена русских крестьян, а местное коренное население угоняли в свои пределы. В результате героической обороны русскими войсками в 1683—1687 гг. крепости Албазин (на реке Амур) император Канси вынужден был начать мирные переговоры с Россией, завершившиеся заключением Нерчинского договора 1689 г. Подробнее см.: Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.).— М., 1969; Мелихов Г. В. Экспансия Цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII вв. // Вопросы истории.— 1974.— № 7.

30. НЕРЧИНСКИЙ ДОГОВОР С КИТАЕМ. 1689 г.

27 августа (6 сентября по н. ст.) 1689 г. в результате переговоров русского посла боярина Ф. А. Головина с уполномоченными китайской стороны в Нерчинске был заключен первый договор между двумя странами, определивший приблизительную границу между ними по течениям рек и горным хребтам, мирные пути урегулирования пограничных вопросов и принципы равноправия в торговых отношениях. В дальнейшем отношения между двумя странами были урегулированы Айгуньским 1858 и Пекинским 1860 гг. договорами.

Извлечения из Нерчинского договора приводятся по изданию: Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы.— М., 1972.— Т. 2.— С. 645—647.

Ст. 1. Река, называемая Горбица, которая расположена близ реки Черной, по-татарски называемой Урум, и впадает в реку Сагалиен-ула (Амур), составляет рубеж между обеими империями. Также от вершины скалы или каменной горы, на которой находится исток и начало вышеназванной реки Горбицы, и через вершину той горы до моря, владение империи так разделяется, чтобы все земли и реки, малые или большие, которые от южной части той горы впадают в реку Сагалиен-ула, были под властью Китайской империи, все же земли и реки, которые с другой стороны горы простираются к северной стороне, остаются под властью Российской империи, таким образом, чтобы реки, впадающие в море, и земли, находящиеся в промежутке между рекой Удью и вершиной горы, указанной в качестве рубежа, оставались не определенными. Вопрос о них после возвращения к себе послов обеих империй тщательно рассмотреть и точно исследовать и через послов или грамоты определить.

Также река, называемая Аргунь, которая впадает в вышеназванную реку Сагалиен-ула, определяет границы так, что все земли, которые с южной стороны, принадлежат Китайской, а те, которые с северной стороны,— Российской империи. И все строения, которые находятся с южной стороны указанной реки до устья реки, называемой Мейрелке (правый приток р. Аргуни), должны быть перенесены на северный берег.

Ст. 2. (Крепость Албазин «должна быть до основания срыта и разрушена», ее жители со всем имуществом «выведены в земли Русской империи», «охотникам» запрещается переходить установленные рубежи; перебежчики обеими сторонами выдаются.)

Ст. 3. (Все прошлое «предается вечному забвению» с момента заключения этого мира.)

Ст. 4. Те же подданные Русской империи, которые находятся в Китае, и Китайской империи — в России, пусть остаются в том же состоянии.

Ст. 5. (Люди обеих сторон, «имеющие охранные грамоты для проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли».)

Ст. 6. (В результате) торжественного совета послов обеих империй, прекратившего спор о границах обоих государств и заключившего мир и клятвенно установившего вечную дружбу, не остается места для беспорядков, если только эти определенные условия надлежащим образом будут соблюдаться...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVII в.

31. СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ. СТИХОТВОРЕНИЯ

Симеон Полоцкий (до пострижения в монахи Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) (1629—1680) — белорус, родом из Полоцка. После окончания Киево-Могилянской академии был «дидаскалом» (учителем) в полоцком Богоявленском монастыре, в 1664 г. переехал в Москву. Будучи воспитателем детей царя Алексея Михайловича (царевичей Алексея, Федора, царевны Софьи), завел типографию «на верху» (в Кремле), где были напечатаны «Псалтырь рифмованная», «Букварь» и другие книги с гравюрами по рисункам знаменитого живописца Симона Ушакова (1626—1686). Кроме богословских сочинений («Жезл правления» — с обличением раскольников) написал множество стихотворений в сборнике «Вертоград многоцветный» и несколько пьес («Комедия о Навходоносоре царе...», «Комедия притчи о блудном сыне»), которые были представлены в придворном театре с участием автора.

Сатирические стихи Полоцкого на «господ», «богатых» и «купечество» публикуются по изданию: Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий.— Спб., 1889.— С. 109—115.

Милость господская

У господ милость трудно есть стяжати,
Труднее того вину ону знати,—
Ибо вскоре та ся изменяет
И множицею в гнев ее прилагает.

Богатых обычай

Богатым есть обычай щедро раздаяти
Сребро тым, иже ведят кощунства деяти,
И на суеты мира. А где подобает
В пользу нуждную дати, богач скуп бывает.

Купецтво

Чин купецкий без греха едва может быти,
На многи бо я злобы враг обыче льстити;
Изряднее лакомство в купцех пребывает,
Еже в многие грехи оны убеждает.
Во-первых, всякий купец усердно желает,
Малоценно да купит, драго да продает.
Вторый грех в купцех часто есть лживое слово,
Еже ближнего в вещех прельстити готово.
Третий есть клятва во лжу, а та умноженна,
Паче песка на брезе морстем положенна.
Четвертый грех татьбою излише бывает,
Таже в мире в мерилех часто ся свершает,—
Ибо они купуют во меру велику,
А внегда продаяти ставят не толику.
Инии аще меру и праву имеют,
Но неправу мерити вся вещы умеют.
Инии хитростию вещы отягчают,
Мочаще я, нецин худые мешают...
Пятый есть грех: нецин лихоимства деют,
Егда цену большити за время умеют...
Шестый грех, егда куплю являют благую,
Потом лестно ставляют ину вещь худую.
Седьмой грех, яко порок вещы скрывают,
Вещь худую за добру купующим дают.
Осьмый — яко темные места устрояют,
Да худыми куплями ближние прельщают,
Да во темности порок купли не узрится,
И тако давый сребро в купли да прельстится.

32. «ЖИТИЕ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Поборник раскола протопоп Аввакум (род. ок. 1621 г.), сожженный по царскому указу вместе с тремя своими «союзниками» (поп Лазарь, инок Епифаний, дьякон Федор) в 1682 г. в Пустозерске «за великие на царский дом хулы», был плодовитым и талантливым писателем. Среди множества его сочинений выделяется своими литературными достоинствами и является ценным историческим источником «Житие» — автобиография, написанная в годы ссылки (1667—1682) в «земляной тюрьме» Пустозерска. Яркий и образный народный язык «Жития», гневное обличение царских властей и церковных сановников, насаждавших новые обряды в церкви огнем и мечом, сочувствие к жестоко преследуемым последователям раскола из народа, осуждение царской расправы с участниками крестьянской войны, которых «по Волге той живущих во градех, и в селех, и в деревеньках тысяща тысящими положено под меч», реалистическое и художественное изображение действительности, быта и нравов людей XVII в.— таковы характерные черты «Жития», язык и стиль которого М. Горький считал «непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца».

Извлечения из «Жития» публикуются по изданию: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия.— М., 1960.— С. 59—60, 63—66, 67—75.

Начало реформ Никона. Первое заточение Аввакума

(По вызову царя митрополит Никон приехал в Москву из Великого Новгорода для поставления в патриархи.— *Ред.*) Егда же приехал, с нами яко лис: челом да «здорово!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась... Егда поставили патриархом[1], так друзей не стал и в крестовую пускать[2]. А се и яд отрыгнул: в пост великой прислал память[3]... В памети Никон пишет: «По преданию святых апостол и святых отец не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло и ноги задрожали... (Начались аресты и казни противников Никона)... Таже меня взяли от всенощной Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда же россветало в день недельный[4], посадили меня на телегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря[5] и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил... Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно... На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня: журят мне, что патриарху не покорился, а я от Писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют...

[1] Никон поставлен в патриархи 25 июля 1652 г.
[2] *Крестовая палата* — зала для аудиенций и заседаний духовенства.
[3] *Память* — письменное предписание.
[4] *День недельный* — воскресенье.
[5] *Андроньев (Андроников) монастырь* — под Москвой на реке Яузе.

Ссылка в Сибирь

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила,— больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами и водою и саньми половину пути... Посем указ пришел, велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укоряю ересь Никонову... Таже сел опять на корабль свой... поехал на Лену. А как приехал в Енисейской [острог], другой указ пришел: велено в Дауры[1] вести... Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и семь, а во иные годы отрадило... Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе[2]. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошедей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-

бредет, да и повалится,— кольско[3] гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришел,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли мука сия, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самые до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем»...

[1] *Дауры* — Даурская земля в Прибайкалье.
[2] *К Русе* — после отстранения Никона от руководства церковью царь Алексей Михайлович, надеясь склонить Аввакума на свою сторону, в 1662 г. вызвал его из ссылки в Москву. Однако Аввакум по-прежнему упорствовал и, проповедуя свои взгляды «по всем городам и селам», во церквах и на торгах», продолжал обличать «никониян» и попал в новую ссылку в Пустозерск.
[3] Скользко.

33. ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ

«Повесть об азовском осадном сидении» — памятник военно-патриотического народного творчества XVII в., примыкающий по своим художественным достоинствам и идейному содержанию к «Слову о полку Игореве», «Задонщине» и другим поэтическим произведениям, воспевающим героические подвиги при защите Родины от иноземных нашествий. Заняв в 1637 г. крепость Азов — оплот агрессии Османской империи в Причерноморье, донские казаки, среди которых было много русских беглых крестьян и холопов, украинцев, калмыков, в 1641 г. в течение трех месяцев (июнь — сентябрь) выдержали осаду многотысячной и хорошо вооруженной султанской армии и вынудили противника бесславно отступить.

Извлечения из повести публикуются по изданию: Русская повесть XVII века.— 1954.— С. 215—218, 225—226, 332.

В 7150 году [1642] октября с двадцать восьмой день приехали... на Москву с Дона из Азова-города донские казаки: атаман казачий Наум Васильев да есаул Федор Иванов. А с ними казаков двадцать четыре человека, которые сидели в Азове-городе от турок в осаде. И сидению своему осадному привезли они описание. А в том описании пишут: в прошлом, пишут, 7149 году [1641] июня в двадцать четвертый день прислал султан Ибрагим, турецкий царь, против нас, казаков, четырех пашей своих с двумя полковниками... А с теми пашами прислал он против нас обильную рать басурманскую... По переписи бевых людей — двести тысяч... Чтобы им живыми нас погрести, чтоб засыпать им нас горою высокою, как погребают они людей персидских. И чтобы всем им через ту погибель нашу получить славу вечную, и нам от того была бы укоризна вечная... Да к ним же после пришел крымский царь... со всею своею ордою крымскою...

От той силы турецкой и от скакания конского земля у нас под Азовом погнулась и из Дона-реки вода на берег волны выплеснула, оставила берега свои, как в половодье. Начали турки по полям у нас ставить шатры свои турецкие, и палатки многие, и наметы[1] высокие, словно горы страшные забелелись вокруг. Началась тогда у них в полках игра долгая в трубы многие, великие, поднялся вопль великий, диковинный, звуки страшные, басурманские. После того началась в

полках их стрельба из мушкетов и пушек великая. Как есть страшная гроза небесная — и молнии и гром страшный, будто с небес от господа! От стрельбы той их огненной до небес поднялся огонь и дым. Все укрепления наши в городе потряслись от той огненной стрельбы, и солнце в тот день померкло и в кровь окрасилось. Как есть наступила тьма кромешная!.. Совсем близко стали они от нас, меньше чем за полверсты от Азова-города.

Их янычарские начальники ведут их строй под город к нам большими полками и отрядами по шеренгам. Множество знамен у них, янычар, больших, черных, диковинных. Набаты[2] у них гремят, и трубы трубят, и в барабаны бьют несказано великие... И сойдясь, стали они кругом города по восемь рядов от Дона до самого моря, взявшись за руки. Фитили при мушкетах у всех янычар блестят, что свечи горят...

Наклонили они все знамена свои к городу, в нашу сторону. Закрыли весь Азов-город наш знаменами. Стали башни и стены топорами рубить. Многие на стены в ту пору влезли по лестницам. И тогда началась у нас стрельба из осажденной крепости... От огня и дыма уж не видно стало нам друг друга... В тот же день, сделавши вылазку, захватили мы большое знамя царя турецкого...

А всего сидели мы в Азове в осаде от турок с 24 июня 7149 года до 26 сентября 7149 года, 93 дня и 93 ночи. А в ночь на двадцать шестой день сентября турецкие паши со всеми турками и крымский царь со всеми своими силами за четыре часа до свету побежали, окаянные, в смятении и трепете, от Азова-города, ничем от нас не гонимы. С вечным позором ушли паши турецкие к себе за море... Из главных сил их побито у них одних мурз и татар и янычар девяносто шесть тысяч... А нас всего, казаков, в осаде сидело в Азове только 7367 человек. А те, кто уцелел из нас, холопов государевых, после осады, все изранены. Нет ни одного у нас человека целого; ни одного, кто бы не пролил крови своей, в Азове сидя во имя божие, за веру христианскую...

[1] *Намет* — шатер больших размеров, раскидная палатка.
[2] *Набат* — большой медный барабан, возимый на лошадях.

34. САТИРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ XVII в.

Публикуется по изданию: Русская повесть XVII в.— М., 1954.— С. 289—291.

Повесть о Шемякином суде

В некоих местах жили два брата земледельца: один богатый, другой бедный. Богатый же ссужал много лет бедного, но не мог поправить скудости его.

По некотором времени пришел бедный к богатому просить лошадь, чтобы было на чем ему себе дров привезти. Брат же не хотел дать ему лошади, говорит: «Много тебя я ссужал, а поправить не мог». И когда дал ему лошадь, а тот, взяв ее, начал просить

хомута, обиделся на него брат, стал поносить убожество его, говоря: «И того-то, и хомута у тебя нет своего». И не дал ему хомута.

Пошел бедный от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади и привез к своему двору. И забыл он выставить подворотню. Ударил лошадь кнутом, лошадь же изо всей мочи рванула с возом через подворотню и оторвала себе хвост.

И вот бедный привел к брату своему лошадь без хвоста. И увидел брат его, что у лошади его хвоста нет, начал брата своего поносить, что, выпросив у него лошадь, испортил ее. И, не взяв назад лошади, пошел на него бить челом в город, к Шемяке-судье.

А бедный брат, видя, что брат его пошел бить на него челом, пошел и сам за братом, зная, что будут все равно за ним из города посылать, а не пойти, так придется еще и приставам проездные платить.

И остановились они оба в некоем селе, не доходя до города. Богатый пошел ночевать к попу того села, затем что был тот ему знакомый. И бедный пришел к тому попу, а, придя, лег у него на полатях. И стал богатый рассказывать попу про погибель своей лошади, ради чего в город идет. И потом стал поп с богатым ужинать, бедного же не зовут с собою есть. Бедный стал с полатей смотреть, что едят поп с братом его, сорвался с полатей на зыбку и задавил попова сына насмерть. И поп также поехал с богатым братом в город бить челом на бедного за смерть сына своего. И пришли они к городу, где жил судья; а бедный за ними следом идет.

Шли они через мост у города. А из жителей города некто вез рвом в баню отца своего мыть. Бедный же, зная, что будет ему погибель от брата и от попа, задумал себя смерти предать. Бросился он прямо с моста в ров, желая убиться насмерть. А бросившись, упал на старика и задавил отца у сына насмерть. Схватили его, привели к судье.

Он же размышлял, как бы напасти избыть и что бы дать судье. И, ничего у себя не найдя, надумал так: взял камень, завернул в платок, положил в шапку и стал пред судьею.

И вот принес его брат челобитную, иск на него за лошадь, стал бить судье Шемяке челом. Шемяка же, выслушав челобитную, говорит бедному: «Ответствуй!» Бедный, не зная, что говорить, вынул из шапки завернутый камень, показал судье и поклонился. А судья, чая, что бедный ему мзду посулил, сказал брату его: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, не бери у него лошади своей до тех пор, пока у лошади не вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время и возьми у него свою лошадь».

И потом начался другой суд. Поп стал искать за смерть сына своего, за то, что он сына у него задавил. Бедный же опять вынул из шапки тот же узел и показал судье. Судья увидел и думает, что по другому делу другой узел золота сулит, говорит попу: «Коли он у тебя сына зашиб, отдай ему свою жену-попадью до тех пор, покамест от попадьи твоей не добудет он ребенка тебе; в то время возьми у него попадью вместе с ребенком».

И после начался третий суд за то, что, бросясь с моста, зашиб он отца-старика у сына. Бедный же, вынув из шапки камень, в

платке завернутый, показал в третий раз судье. Судья, чая, что за третий суд он третий ему узел сулит, говорит тому, у кого убит отец: «Взойди на мост, а убивший отца твоего пусть станет под мостом. И ты с моста сверзнись сам на него и убей его так же, как он отца твоего».

После же суда вышли истцы с ответчиком из приказа. Стал богатый у бедного спрашивать свою лошадь, а тот ему отвечает: «По судейскому указу, как-де, говорит, у ней хвост вырастет, в ту пору и отдам твою лошадь». Богатый же брат дал ему за свою лошадь пять рублей, чтобы он ему, хоть и без хвоста, ее отдал. А он взял у брата пять рублей и отдал ему лошадь. И стал бедный у попа спрашивать попадью по судейскому указу, чтоб ему от нее ребенка добыть, а добыв, попадью назад ему отдать с ребенком. Поп же стал ему бить челом, чтоб он попадьи у него не брал. И взял тот с него десять рублей. Тогда стал бедный говорить и третьему истцу «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и бросайся на меня так же, как и я на отца твоего». А тот думает: «Броситься мне, так его, поди, не зашибешь, а сам расшибешься». Стал и он с бедным мириться, дал ему мзду за то, чтоб бросаться на себя не велел. И так взял себе бедный со всех троих.

Судья же прислал слугу к ответчику и велел у него те показанные три узла взять. Стал слуга у него спрашивать: «Дай то, что ты из шапки судье казал в узлах; он велел у тебя то взять». А тот, вынувши из шапки завязанный камень, показал. Тогда слуга говорит ему: «Что же ты кажешь камень?» А ответчик сказал: «Это судье. Я-де,— говорит,— когда бы он не по мне стал судить, убил его тем камнем».

Вернулся слуга и рассказал все судье. Судья же, выслушав слугу, сказал: «Благодарю и хвалю бога, что по нему судил. Когда б не по нем я судил, то он бы меня зашиб».

Потом бедный пошел домой, радуясь и хваля бога.

РАЗВИТИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ТОРГОВЫХ, КУЛЬТУРНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ НАШЕЙ СТРАНЫ В XVI—XVII вв.

35. НАЧАЛО РУССКО-КАБАРДИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

О развитии политических и торговых связей с народами Северного Кавказа и Закавказья сообщает под 1557 г. летопись.

Извлечение публикуется по изданию: ПСРЛ.— Спб., 1904.— Т. XIII.— С. 284.

О присылке из Асторохани. Того же году, месяца июля, прислал из Асторохани Иван Черемисинов да Михайло Колупаев Васку Вражского с черкаским мурзою с Кавъклычем Кануковым, а пришел от братии от кабарътынских князей черкаскых от Темьрюка да от Тазрюта — князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им собе служити и в холопстве их учинил, а на Шавкал[1] бы им государь пожаловал: астороханьским воеводам велел помощь учи-

нити. Да говорил Кавлыч-мурза Черкаской. Толко их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов также, как их братью пожаловал, черкаскых жаженьских князей Машука и Себока з братьею с их, и с кабартинскыми черкасами в одной правде и в заговоре иверской князь[2] и вся земля Иверскаа и государю с ними же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь их по тому же пожаловал, как и тех всех. Да Иван же [Черемисинов] писал, что пришли многие гости[3] из Шамахеи, из Дербени, из Шевкал, ис Тюмени, из Юргенча, из Зарайчика со всякыми товары; и Иван и Михайло им торговати велели и пошлины у них на государя емлют...

[1] *Шавкал* — шамхал Тарковский, владетель Дагестана.
[2] *Иверской князь* — грузинский царь.
[3] *Шемахея* — Шемеха, город в Северном Азербайджане; *Дербени* — (Дербенда) — города в Дагестане; *Тюмени* — княжество в нижнем течении Терка. *Гости* — купцы.

36. ИЗ ГРАМОТЫ ЦАРЯ ТЕЙМУРАЗА ЦАРЮ МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧУ. 1639 г.

В 1589 г. состоялось первое посольство Москвы в Грузию во главе с князем С. Звенигородским. В течение всего XVII в. взаимоотношения русского, грузинского, армянского и азербайджанского народов крепли и развивались. Состоялись посольства Москвы в Грузию И. Нащокина (1601—1603), Ф. Волконского (1637—1640), Ф. Ельчина (1639—1640), Е. Мышецкого (1641—1643), Н. Толочанова (1650—1652), В. Жидовинова (1655). В свою очередь, кахетинский царь Теймураз, имеретинские цари Георгий, Александр и Арчил, владетели Менгрелии — Леван и Гурии — Мамия (Мануйло) обращались в Москву с просьбами о принятии их в русское подданство и оказании помощи в развитии книгопечатания и просвещения, в борьбе против поработивших Закавказье шахской Персии и султанской Турции. В 1639 г. царь Кахетии Теймураз с сыном и своими вассалами присягнул на верность России; в 1651 г. такую присягу принес и имеретинский царь Александр. В 1653 г. внук Теймураза (умершего в персидском плену), будущий царь Картлии и Кахетии Ираклий прибыл в Москву и жил в ней около 20 лет, получив воспитание при царском дворе. Царь Теймураз посетил Москву в 1685 г. В 1684 г. в Москве поселился имеретинский царь Арчил II; здесь при содействии Петра I он основал грузинскую типографию и положил начало печатанию книг на грузинском языке. Сын Арчила — Александр в числе других волонтеров сопровождал царя Петра I в заграничной поездке 1697—1698 гг., изучил артиллерию и в качестве первого русского генерал-фельдцейхмейстера (начальника артиллерии) способствовал развитию пушечного дела в России.

В XVII—XVIII вв. приобрела большие масштабы торговля России с Арменией и Азербайджаном. Русские купцы вели торговлю в Ереване, Джульфе, Шемахе, Баку, из Закавказья «гости» приезжали с товарами в Астрахань и Казань. В 1667 г. армянской торговой компании Россией были предоставлены большие привилегии в торговле шелком и изделиями из него.

Извлечение публикуется по изданию: Хрестоматия по истории СССР.— М., 1951.— Т. 1.— С. 506—507.

Ты видишь, что мы теперь, для обороны страны нашей от врагов и мерзких агарян[1] и от многих других бедствий, как и для того, чтобы христианская вера не уничтожилась и царский род не пресекся, подчинились под высокую руку царского вашего величества, чтоб царское твое величество заботилось о нас и охраняло нас от врагов и давало нам помощь и защиту; потому что мы православные хри-

стиане и веруем во единого бога трехипостасного, и имеем одну веру и одно крещение и одну литургию, и следует тебе с нами обращаться с большим вниманием, чем с другими: так это заведено у православных царей и владетелей.

Наше первое великое прошение состоит в том, чтоб ты, великий государь, если желаешь оказать угодное мне, царю Теймуразу, и всей Иверской земле и христианской вере,— послал бы нам одного князя великого с войском, чтобы помочь нам против нечистых леков[2]... Если ты любишь меня, царя Теймураза, и всю Иверскую землю, и хочешь защищать нас от врагов и утвердить христианскую веру и подчинить нас под высокую и великую руку вашего царского величества, то пошли нам одного князя с войском на помощь и прикажи выстроить нам крепость; тогда и леки угомонятся и многие другие враги...; и мы просим тебя, великий государь, потому что многих имеем врагов на свете, чтоб твое царское величество не слушало слов других, так как и я не буду слушать слов других; чтобы с сего дня слово наше было словом, любовь любовью, дружба дружбою; и чтобы я, царь Теймураз, был подчинен под высокую руку твоего царского величества и вся Иверская земля и дети детей моих.

[1] *Агаряне* — мусульмане.
[2] *Леки* — горцы.

37. ГРАМОТА ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ХАНУ ТЕВЕККЕЛЮ.
1595 г.

Тесные политические и торговые связи России с Казахстаном и Средней Азией (Бухарским и Хивинским ханствами) устанавливаются с конца XVI в. В течение XVII в. состоялось 8 русских посольств в среднеазиатские ханства, 13 бухарских и 25 хивинских посольств в Москву.

Извлечения из документов публикуются по изданию: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.— Л., 1932.— Ч. 1.— С. 98—99, 104—105, 214—216, 295—296.

Божиею милостию от великого государя, царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца и многих государств государя и обладателя Казатцкие орды Тевекелю царю наше царское повеленье то. Присылали еси к нашему царскому величеству человека своего Колмагметя з грамотою, а в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси. А послы ваши нашему царскому величеству били челом, что в прошлых годах Большие нагаи недруги вам были, а вы были от своих орд в разсеянье, а ныне божию милостию учинился еси царем на дву ордах, на Казатцкой да на Колматцкой. И нам бы великому государю... тебе пожаловати, приняти под свою царскую руку с обема вашими ордами, с Казатцкою и с Колматцкою. А вы из нашего царского повеленья не выступите...

38. ЧЕЛОБИТНАЯ БУХАРСКОГО ПОСЛА ЦАРЮ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ О ПРОПУСКЕ ЕГО ИЗ КАЗАНИ В МОСКВУ. 1585 г.

Царю государю великому князю Федору Ивановичю всеа Руси бьет челом бухарской посол Мамедели [Мухаммед Али]. Послал, государь, меня государь наш Абдулай царь бухарский к тебе государю з дары, и нынеча замерзл в твоей государеве отчине в Казани, а дары тебе государю послал наш государь: шетер индейские земли по... митколи красные, а внутри травы вырезаны выбойчатые розные цветы..., да к тебе ж государю прислал твоего сына боярского Ларю Бориса Иевлева сына; да яз бью челом тобе государю шоломом булатным, навожен золотом и травами, да сабля булатная навожено золотом, ножны хоз[1] черной, да лубья саадочное навожено золотом с травами, да нож булатной рыбей зуб[2] черен навожен золотом, ножны булатные навожены золотом оков серебрян, да чаша ценинная[3] с травами навожена золотом, да 2 тулунбаса[4] медяны навожены красками травы и золотом... Да послал нашь государь Абдулай в твою государеву отчину товару со мною 2000 зенденей всяким цветом, 200 мелей, 100 объяринных зенденей, 100 дороги[5], 1500 кушаков бумажных, 40 пуд краски. Да со мною, государь, брат мой, да поп с сыном, да государя нашего 6 сокольников, да моих людишек девка да детина да 3 арапы, да 5 человек кошеваров.

Милостивый царь государь, покожи милость, вели меня из Казани к Москве к собе к государю отпустити и вели государь дати подводы, на чом нам ехати. Государь царь смилуйся, пожалуй.

[1] *Хоз* — выделанная козловая кожа, сафьян.
[2] *Рыбей зуб* — моржовая кость.
[3] *Ценинная* — фаянсовая.
[4] *Тулунбас* — барабан с бубнами.
[5] *Зендень* — цветная бумажная ткань; *мель* — льняная ткань; *объярь* — шелковая ткань; *дорога* — шелковая полосатая ткань.

39. ГРАМОТА ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА КАЗАНСКОМУ ВОЕВОДЕ КНЯЗЮ Ф. Д. ШЕСТУНОВУ О НЕВЗИМАНИИ ПОШЛИН С ТОВАРОВ, ОТПУЩЕННЫХ С БУХАРСКИМИ ПОСЛАМИ. 1589 г.

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в нашу отчину в Казань боярину нашему и воеводе князю Федору Дмитриевичу Шестунову... Отпустили есмя с Москвы бухарского Абдулы царя посла Магмед-Алея да сына царева Абдулима царевича после Досулима, да поминков к их государем и их купли 25 кречетов да ястреб; да бухарских же царя и царевича послом пожаловали есмя поволили из нашего государства на царев и на царевичев обиход вывести денег для серебряного дела 1000 руб.; да едучи до Казани по городом и в Казани велели есмя цареву послу Магмед-Алею купить 50 пуд меду пресново да 10 душ полону неметцкого[1] да 500 кож юфтей мословых[2] да 50 ведр вина горячево, да бухарского ж Абдулима царевича послу Досуму велели есмя купити 200 кож юфтей мостовых, 30 ведр

вина, 20 пуд меду да 5 душ полону неметцкого, а изюрскому послу Кадышу на царевичев обиход велели есмя вывести 200 руб. денег да купить... 20 ведер вина да 200 юфтей кож да 40 юфтей шюб бельих да 3 души полону неметцкого, а с тово со всево с товару, что они едучи купят, и с полону пошлин есмя никаких по городом и в Казани имать с них не велели... Писан на Москве лета 7097-го июня в 10 день.

[1] *Полону неметцкого* — пленников, взятых в войне с Ливонским немецким орденом.
[2] *Юфтей мословых* — недоделанных кож.

40. ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ХИВИНСКОМУ ХАНУ АНУША-МУХАММЕД БЕХАДУРУ О СВОЕМ СОГЛАСИИ НА ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ДЛЯ ХИВИНСКИХ КУПЦОВ.

1673 г.

...Мы великий государь наше царское величество вам Анавше-Магметь-Багадырь-хану ведомо чиним, что мы... желаем быти с вами в любительных ссылках неотменно и подданным вашим нашего царского величества Российского царствия в Астрахань для своих торговых промыслов приезжать и торговать повольною торговлею позволяем з достойным платежем пошлин по уставу нашего царского величества Российского царствия[1]...

[1] *По уставу* — по Новоторговому уставу 1667 г.

Глава 12

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700—1721 гг. РЕФОРМЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700—1721 гг.

1. ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

27 июня (8 июля н. ст.) 1709 г. в сражении под Полтавой была наголову разбита шведская армия Карла XII. К этому времени русская регулярная армия, накопив боевой опыт в предшествующих сражениях со шведами, превосходила противника по своей организации, вооружению и тактике — полки кавалерии и пехоты были объединены в ней в бригады и дивизии, создан Артиллерийский полк; армия полностью обеспечена пушками, гаубицами и мортирами, ружьями с ударно-кремневым замком и штыком, ручными гранатами отечественного типа и производства. В начале войны со шведами многими полками русской армии командовали офицеры-иноземцы. К 1709 г. ее возглавляли русские полководцы и военачальники (Петр I, Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков, Н. Репнин и др.), все роды войск были полностью укомплектованы офицерами, воспитанными в созданных по инициативе Петра I военных училищах и получившими закалку в походах и в боях со шведами. Боевой опыт послужил основой разработанных Петром I тактических инструкций («Учреждение к бою», «Правила боя»), следуя которым войска готовились к генеральному сражению с противником.

Извлечения из «Реляции о победе под Полтавой» публикуются по изданию: Письма и бумаги имп. Петра Великого (ПИБ).— Т. IX.— Вып. I.— С. 258—276. (Подробнее об этом см.: Епифанов П. П. Россия в Северной войне // Вопросы истории.— 1971.— № 6, 7.)

«Обстоятельная реляция» о Полтавской битве

28 июня 1709 г.

Сего месяца 20 дня перешли мы со всею армеею через [реку] Ворсклу и по сю сторону оной с малую милю[1] от неприятелской армеи стали. Потом же 24-го числа пошли мы далее со всею армеею и стали с четверть мили от неприятеля и, дабы оной на нас нечаянно не напал, учинили около обозу транжамент[2]. Наша же кавалерия на правой руке между лесом поставлена была, и междо оною несколко редут[3] зделано, и людми и пушками осажены, и изволил его царское величество всякое предуготовление чинить к нападению на неприятеля. Однако ж оной, по своей обыкновенной запалчивой отваге, в том нас упредил, и 27-го числа по утру весма рано, почитай при бывшей еще темноте, из дефилеев[4], в которых он во всю ночь свое все войско в строй поставлено имел, на нашу кавалерию как с конницею, так и с пехотою своею с такою фуриею[5] напал, что, хотя он многократно с великим уроном от нашей кавалерии и от наших редут, х которым приступал, отогнан есть, однакож наша кавалерия, понеже оную нашею инфантериею толь скоро выручить не могли, последи немного к нашему ретранжементу уступити принужденна; однакож

паки скоро остановились и неприятеля атаковали, и онаго правое крыло весьма збили, и генерала-маеора Шлипембаха, которой тем крылом командовал, в полон взяли. Междо тем послал его царское величество (Петр I.— *Ред.*) его светлость генерала князя Меншикова[6] да при нем генерала-лейтенанта Ренцеля с некоторою частию кавалерии и инфантерии к Полтаве, дабы еще в сукурс[7] неприятелю идущия войска, також и в шанцах[8] оставшагося неприятельского генерала-маеора Роза[9] с неприятельскими войски атаковать и помянутый город от блокады весма освободить. И вышепомянутой его светлость (А. Д. Меншиков.— *Ред.*) встретил на дороге неприятелской корпус резервы, состоящий в 3000 человеках, которые они поставили позади своего правого крыла при лесе, которых по кратком бою збили и без остатку побили и в полон побрали. А потом его светлость паки к главной армеи возвратился, генералу же лейтенанту Ренцелю веле продолжать марш к Полтаве, по которого прибытии ретировался[10] генерал-маеор Розе с тремя при нем бывшими полками в зделанные перед городом от неприятеля крепости и шанцы; но оной от помянутого генерала-лейтенанта Ренцеля тамо атакован и по кратком учиненном супротивлении принужден со всеми при нем будучими людьми на дискрецию[11] здатца.

Междо тем же неприятелская кавалерия от главного войска от нашей кавалерии уступила [отступила] и с своею инфантериею паки случилася [соединилась], и поставили [шведы] всю свою армею в ордер баталии перед фрунтом с четверть мили от нашего обозу. Междо тем же его величество (Петр I.— *Ред.*) повелел тотчас двум линиям от нашей инфантерии из нашего транжаменту выступить, а третию в оном назади оставил[12], и тако ту армею в строй поставил, что инфантерия в среди, кавалерия же на обоих крылах поставлена. И с нашей стороны правое крыло кавалерии командовал генерал-лейтенант Баур ... левое же крыло командовал его светлость князь Меншиков, понеже тамо его пребытие потребнейше было. А корпус баталии[13] командовал сам его царское величество... и при том господин генерал-фелтьмаршал Шереметев[14], також генералы от инфантерии князь Репнин[15] и Аларт... А артиллериею управлял генерал-порутчик от артиллерии Брюс[16]. И всякой в своем назначенном месте управляли со изрядным опыты мужества и воинского искусства своего. И как войско наше таковым образом в ордер баталии установясь, на неприятеля пошло, и тогда в 9-м часу перед полуднем атака и жестокой огонь с обоих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростию учинена, что вся неприятелская армея по получасном бою с малым уроном наших войск... как кавалерия, так и инфантерия весма опровергнута, так что швецкая инфантерия не единожды потом не остановилась, но без остановки от наших шпагами, багинетами[17] и пиками колота, и даже до обретающегося вблизи лесу, яко скоты, гнаны и биты...

И тако, милостию всевышнего, совершенная виктория, которой подобной мало слыхано и видано, с легким трудом против гордого неприятеля чрез его царского величества славное оружие и персо-

налной храброй и мудрой привод одержана, ибо его величество в том воистинно свою храбрость, мудрое великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха... в вышшем градусе показал, и при том шляпа на нем пулею пробита. Под его же светлостию князем Меншиковым, которой также мужество свое при том доволно показал, три лошади ранены...

Получено известие от посыланных для погребания мертвых по баталии, что они на боевом месте и круг оного сочли и погребли швецких мертвых тел 8619 человек, кроме тех которые в погоне по лесам в розных местах побиты...

А что от неприятелей при том пушек, штандартов, знамен, також и прочего в добычю получено, о том последует при семь роспись[18].

[1] *Миля малая* — вероятно, английская, длиною около 1,5 км.

[2] *Транжамент* — окоп или ров с валом.

[3] *Редут* — сомкнутое полевое укрепление; Петр I впервые в истории военно-инженерного искусства возвел редуты на подступах к главной позиции русской армии, поставив в них два батальона солдат с пушками. Прорыв редутов расстроил боевой порядок шведов перед столкновением главных сил двух армий.

[4] *Дефилеи* — теснина; здесь: выходы шведов к местам построения войск перед началом сражения.

[5] *Фурии* — у древних римлян богини-мстительницы, злые и неистовые; *с такою фурией* — в переносном смысле: с такой яростью, неистовством.

[6] *Меншиков А. Д.* командовал под Полтавой кавалерией (драгунскими полками).

[7] *Сукурс* — (искаженное французское) — помощь, поддержка.

[8] *Шанцы* — окопы, укрепления.

[9] *Генерал Розе* (Розен, современное написание Росс) после уничтожения колонны шведского генерала Шлиппенбаха в Будищенском лесу отступил с ее остатками к Полтаве и присоединился к находившимся там в шведских шанцах отрядам, оставленным Карлом XII для продолжения осады крепости, которую он надеялся взять после предполагаемой победы в главном сражении. Приказ Петра I Полтаву «от блокады освободить» был выполнен.

[10] *Ретировался* — отступил.

[11] *На дискрецию здатца* — здесь: без всяких предварительных условий.

[12] В качестве резерва в момент развертывания двух линий в боевой порядок на поле боя.

[13] *Корпус баталии* — центр боевого порядка с пехотой.

[14] *Шереметев Б. П.* (1652—1719) — выдающийся русский полководец; произведен в фельдмаршалы за победу над войсками шведского генерала Шлиппенбаха в сражении у Эрестфера (около Дерпта, ныне Тарту) в 1702 г.

[15] *Репнин Н. И.* под Полтавой командовал одной из трех дивизий русской армии.

[16] *Брюс Я. В.* (1670—1735) — шотландец, принявший русское подданство, выдающийся астроном и математик, артиллерист, в чине генерал-фельдцейхмейстера возглавлял артиллерию и ведал снабжением русской армии артиллерийскими припасами и снаряжением.

[17] *Багинет* — штык. Багинеты вставлялись в дуло ружья; Петр I ввел в русской армии штык, который примыкали к ружейному стволу трубкой с замком, навертываемым на мушку, что позволяло вести ружейный огонь с примкнутым штыком. В Полтавском сражении применяли такой штык, называемый в реляции по-старому багинетом.

[18] По приложенным к реляции росписям в сражении «при Полтаве» взято в плен 2977 человек с 137 знаменами и штандартами и 4 пушками (в том числе взяты «в полон» первый министр Карла XII граф Пипер, генерал-фельдмаршал Реншельд, 4 генерала, 4 полковника, 6 подполковников, 167 офицеров, 201 унтер-офицер, 2528 рядовых драгун и солдат и др.).

Более точные данные о потерях сторон следующие: шведы оставили на месте сражения 9 тыс. убитыми, около 3 тыс. попало в плен. Потери русских — 1345 убитых и около 3300 раненых.

2. МОРСКИЕ ПОБЕДЫ НАД ШВЕДАМИ: ГАНГУТ, ЭЗЕЛЬ

После разгрома сухопутных сил Карла XII под Полтавой судьба Северной войны решалась на море, а главную роль в ее исходе должен была сыграть флот. Одна из самых сильных морских держав Европы, Швеция обладала на Балтийском море крупным флотом с хорошо обученными экипажами, опытными адмиралами и офицерами. Строительство русского Балтийского флота началось уже в первые годы Северной войны и осуществлялось планомерно, энергично и целеустремленно, несмотря на неоднократные попытки шведского командования в 1704—1709 гг. уничтожить Петербург с его корабельными верфями. К весне 1714 г. русский Балтийский флот состоял уже из 17 многопушечных линейных кораблей, 4 фрегатов, около 200 галер с 870 орудиями. В 1720 г. у русских было на Балтике 50 парусных кораблей с 2266 пушками, у шведов — 25 кораблей с 1528 орудиями. Первая победа над шведским флотом была одержана силами галерного (весельного) флота в сражении под Гангутом в 1714 г., получившем название «морской Полтавы». Закончилось победой русского парусного флота сражение у острова Эзель в 1719 г., где капитан Наум Сенявин после ожесточенного четырехчасового боя заставил капитулировать отряд шведского капитана Врангеля. Эту победу Петр Великий назвал «добрым почином российского флота» — она положила начало полному сокрушению военно-морских сил Швеции в последующих сражениях на море, из которых самым крупным было сражение у острова Гренгам в 1720 г.

Реляции (донесения) о сражениях при Гангуте и Эзеле публиковались в первой русской печатной газете «Ведомости».

Извлечения из них публикуются по изданию: Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2. М., 1906.— С. 200—207, 251—254.

Реляция о случившейся морской баталии между российскою авангардией[1] и швецкою эскадрою

...В 27 день (июля 1714 года) по утру господин наш адмирал[2] со всем при нем будущим флотом, с полуночи пошед, и тогож утра приближася к неприятелю и указ дал пробиватца сквозь оного не огребая кругом[3], что с помощью божиею и учинено. И так безвредно, что толко одна скампавея[4] стала на мель, которую неприятель взял, а протчие все как суды, так и люди без вреда прошли, хотя со всего флота [шведского] стреляли по наших над меру жестоко, от которой стрелбы у одного капитана толко ногу отбили. Когда адмирал прошел, тогда репортовал ево капитан камендор Змаевич, что он блоковал (блокировал.— *Ред.*) неприятеля. По том, когда господин адмирал в то место прибыл, и учредя флот к бою[5] послал генерала адъютанта Ягушинского к командующему тою швецкою эсквадрою Эрншелту, чтобы оной отдался[6]. На что оной сказал, что того учинить не может. Тогда, видя их упорство, господин адмирал дал сигнал авангардии нашей оного отаковать, которая отака началась в третьем часу по полудни и продолжалась даже до пятого часа. И хотя неприятель несравненно артиллерию имел пред нашими[7], однакож по зело жестоком супротивлении перво галеры одна по другой, а потом и фрегат флаги опустили. Однакож так крепко оборонялись, что ниединое судно без обордирования[8] от наших неотдалось.

Шаудбейнахт [Эреншильд], опустя флаг, скочил в шлюпку с своими гранодеры, и хотел уйтить, но от наших пойман, а именно Ингерморландского полку капитана Бакеева с гранодеры. Сею атакою камандовали господин шаудбейнахт[9] карабелного флоту и генерал господин Вейд[10]. Воистинну нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, а что взято от неприятеля людей, судов и артиллерии, також столко побито и ранено, тому при сем реестр[11].

[1] *Авангардией* — передовым отрядом.
[2] *Наш адмирал* — генерал-адмирал русского флота Ф. М. Апраксин (1661—1728), позднее президент Адмиралтейств-коллегии.
[3] *Не огребая кругом* — ближе к берегу.
[4] *Скампавея* — весельное судно.
[5] *Учредя флот* — построив флот в боевой порядок в три линии (авангард, кордебаталия, арьергард).
[6] *Отдался* — сдался без боя.
[7] На судах Эреншильда было более 100 пушек.
[8] *Обордирование (абордаж)* — рукопашный бой между командами сцепившихся кораблей.
[9] *Господин шаудбейнахт* — контр-адмирал, морской чин Петра I, не названного в реляции по имени.
[10] *Вейд* — генерал А. А. Вейде, один из военных сподвижников Петра I.
[11] В сражении под Гангутом были взяты фрегат «Элефант» (18 орудий), 6 галер, 3 шхербота, 580 офицеров, матросов и солдат; потери шведов убитыми — 366 человек, русских убито 111 человек, ранено 326 человек.

Реляция капитана Наума Сенявина...

Сего майа против 24 числа (1719 года) увидели мы три судна, идущих с Весту[1] между Эзеля и Гоцкесанда... (Корабли оказались шведские, Сенявин решил завязать с ними бой.— *Ред.*)... Шведской командорской корабль Бреде вымпель и флаги свои поднял. Тогда я... поднял Бреде вымпел и флаг Российской. И божиею помощию против командорского корабля, подняв красной флаг[2], и стали стрелять, и били друг против друга от 5-го часа даже до 9-го, которою стрелбою штаги и марсели[3] у меня сбиты долой. И для того тот командорской карабль взял у меня перед, а задней шведской фрегат нашел на меня, и тогда я стал против его носа боком, и со всего исподнего деку[4] запалил картечми, отчего оной того часа спустил свой флаг. Также и брегантина. А командор шведской [Врангель] розставил все парусы и пошел наутек, и я сделал сигнал Архангелогородским караблям, чтоб за ним гнали и оного обордировали. А я, исправясь своим кораблем[5], и с шнавою Наталиею пошел за ними. А господина Зотова оставил для взятого фрегата и брегантины[6]. В начале 12 часа капитан Шапизов и Делап командорской корабль догнали, и у оного стенги сбили, и тако и оной также флаг спустил и здался. Сие все сделано без великой утраты людей Вашего Царского Величества... А что взято караблей, також обор и ундер офицеров, матрозов и салдат, при сем реестр.

Реестр взятых караблей. Командирской карабль Вахмейстер. 52 пушки. Фрегат Карлскрона. 34 пушки. Брегантин Берн гардус. 12 пушек. На вышепомянутых караблях... обор и ундер офицеров,

матрозов и салдат 387. Печатано в Санктъпитербурхе; 1719 майя 31 дня.

[1] *С весту* — с запада (*вест* — западный ветер).
[2] *Подняв красный флаг* — подъем такого флага являлся сигналом к началу боя.
[3] *Штаги (стеньги)* — части мачт; *марсели* — прямые паруса на стеньге.
[4] *Исподнего деку* — нижнего яруса с пушечными бойницами.
[5] *Исправясь... кораблем* — устранив повреждения, нанесенные кораблю во время боя.
[6] *Для взятого фрегата и брегантины* — для охраны сдавшихся в плен шведских кораблей с командами.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

3. УКАЗ О БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯНАХ

Подтверждая законы Соборного уложения 1649 г., Петр I издавал указы о сыске беглых крестьян и возвращении их помещикам.

Извлечения из указа от 16 февраля 1707 г. публикуются по изданию: Полн. собр. законов Российской империи (ПСЗ).— Т. IV.— № 2147.

Прошлого 706 года, где на Москве и в городах на посадах и в дворцовых волостях и в патриарших и архиерейских и монастырских и церковных и всяких чинов людей, в поместьях и в вотчинах явятся беглые люди и крестьяне, и тех беглых людей и крестьян с женами и с детьми и с их животы отвозить к прежним помещикам и вотчинникам, откуда кто бежал, с вышеписанного указа в полгода[1]. А буде кто тех беглых людей и крестьян, с того числа в полгода, в те места не отвезут, и у тех людей половина поместий их и вотчин взято будет на него, великого государя, а другая будет отдана тем, чьи беглые люди и крестьяне явятся. А которые беглые люди и крестьяне высланы в прежние места, а иные помещики и вотчинники и их прикащики и старосты и крестьяне, не допустя их до прежних мест, учнут принимать к себе вновь, а сыщется про то допряма — и тем, за прием тех беглых людей и крестьян, и которые помещики и вотчинники чинились или впредь учинятся сильны[2], о беглых людях и о крестьянах в городах сказок не дадут[3], учинено будет против вышеобъявленного государева указа.

И с сего его великого государя указа по всем воротам прибить листы, а в городы послать грамоты...

[1] *С вышеписанного указа* — указа о сыске беглых крестьян от 16 февраля 1706 г.
[2] *Учинятся сильны* — ослушаются, не подчинятся.
[3] *Сказок не дадут* — не объявят.

4. УСИЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА. ПОБОРЫ С КРЕСТЬЯН КОМАРИЦКОЙ ВОЛОСТИ В 1705 г.

Архивный документ 1705 г. рисует картину непомерного налогового обложения Комарицкой волости Севского уезда, где с жителей 238 деревень и сел с 3940 тяглыми дворами взимались самые различные натуральные и денежные поборы. Публикуется по изданию: Вестник Московского университета.— 1956.— № 2.— С. 157—161. (Публикация П. П. Епифанова.)

...И по указам великого государя... с вышеписанного дворового числа збираетца с Комарицкой волости с жителей по окладу на дачу Севского прежнего нововыборного жилого полку солдатам по десять тысяч по девятисот по сороку рублев на год... Да по окладу емлетца хлеба, муки ржаной, по осми тысяч по пятидесяти по пяти четвертей с осминою; и в нынешнем 706 году тое муку отвозили они, камаричане, на своих подводах в Смоленск... Да в Севску збираетца по тысяче по триста по четырнадцати четвертей с осминой овса; и тот хлеб дается в Севску Васильева полку Кошелева стрельцом.

Да збираетца ж в Приказ Военных Дел по полуполтине з двора, да в ямскую гоньбу взято бобылей и устроено восемдесят вытей, а в те выти взято по три человека да по три мерина на выть[1]; да им же, ямщиком, в тое новостроенную слободу для поселения взято многое хоромное строение, и тех ямщиков селили и хоромное строение возили они, камарчаня; да им же на жалованье збирают по двадцати рублев на выть, да хлеба по осмине ржи, овса потомуж[2]. Да збирано с них же, з жителей, в прошлом в 705 году на узды и на седлы и на кавардаки[3] по девяти алтын, да на платеж лошадей, которые взяты в ямскую гоньбу, збирано... по три алтына по две деньги з двора.

Да стольник Логин Михайлович Щербачев в драгунскую службу описных лошадей, которые описаны были от стольника князь Григория... Волконского и которые... явились быть годны, у камарицких жителей взяты и поставлены в Камарицкой волости ныне на корму; и тем лошадям на корм сено и овес збираетца с них же, камаричь, также и на караул у тех лошадей ставится человек по осмидесяти.

Да за мельницы... да за мосты... збирают оброку по сту по двадцати рублев на год. В полк думного дворянина и воеводы Семена Протасьевича Неплюева взято в подводы по двадцать пять меринов, а за теми подводы проводником збирано по пяти денег з двора. Да в стрелецкие в два полки отпущено в поход... в Григорьев полк Анненкова сто сорок, в Васильев полк Кошелева семьдесят... в Михайлов полк Франка семьдесят же подвод, в ево ж думного дворянина и воеводы Семена Протасьевича в полк дано пятьдесят подвод, да под полковые припасы пятьдесят палуб[4] да пятьдесят телег простых с хомуты с рогожи и с ужицы и с цыновки.

Да для оковки пушечных станков сбирают уголье с них же, камаричь.

Да Афанасию Кологривову, которой был в Севску для пересмотру в казенных анбарех порченого ружья и фузей, и под то ружье и под пушки ему Афонасью до Москвы дано пятьдесят восемь подвод. Да по указу великого государя... велено взять на 705 год з двадцати пять дворов по подводе.

Да на дачу его, великого государя, жалованья рекрутом по осми денег з двора, и те деньги собрав высланы к Москве к приказу Земских дел.

Да почтарям, которые гоняют почтовую гоньбу из Севска до Малоросийских городов, а от Севска до Болхова и до Карачева, и

тем почтарям... на наем збирано по три алтына по две деньги з двора.

Да в Севск в таможню и на кружечные дворы к таможенному и кабацкому збору в целовальники емлют в год по сту и больши, и на заставех у целовальников на карауле стоят для збору пошлин с проезжих людей человек по четыре ста...

Иные многие поборы збирают из Севские Розрядные избы, а в Земскую избу х камарицким бурмистром не пишут.

Всего збираетца по окладу:

солдатом в приказ военных дел...........	10 940 рублев на год
полуполтинных...........................	985 рублев
ямщиком по	1 600 рублев
за мельницы по	120 рублев
на дачу рекрутом	157 рублев 20 алтын

Итого окладных 13 802 рубли 20 алтын

Неокладных	
Из розрядные избы на уезды и на седла и на кавардаки	1 063 рубли 26 алтын 4 деньги
на ямские лошади	394 рубли
подводчиком 25 человек	118 рублев 6 алтын 4 деньги
	1 970 рублев

Обоего окладных и неокладных	15 772 р. 20 алт.
Да хлеба по окладу муки и ржи	
по	11 340 четвертей
по	233 четвертей овса

Да к Москве в полки выслано 533 подводы да 100 телег.

[1] *Выть* — здесь: доля в три человека с лошадьми в общей группе ямщиков.

[2] *Осмина* — половина четверти = около 6 пудов ржи.

[3] *Кавардак* — похлебка из капусты, лука и толченых сухарей; здесь — остальные принадлежности конской сбруи.

[4] *Палуба* — повозка с кровлей из луба и досок.

5. УКАЗ О ЕДИНОНАСЛЕДИИ.
23 марта 1714 г.

Уже в XVII в. поместья и вотчины постепенно сливались в одну форму феодальной собственности в результате хозяйственной деятельности дворян, путем пожалования дворянам поместий в вотчины за различные заслуги и т. д. Указ 1714 г. завершил и законодательно оформил этот процесс укрепления дворянской собственности на землю. Он определил два способа наследования «недвижимых вещей»: по воле завещателя по духовной (завещанию) любому из сыновей или по закону старшему сыну. Другая цель указа заключалась в том, чтобы предупредить «упадок фамилий» и заставить дворян не «жить в праздности», а «хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим». В начале указа Петр I доказывает невыгодность разделения недвижимого имущества для самих дворян и для казны: имения дворян дробились, а казна теряла подати.

Ниже следуют статьи, определяющие новый порядок наследования дворянских имений.

Публикуется по изданию: ПСЗ.— Т. V.— № 2789.

1. Всем недвижимых вещей, то есть, родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, также и дворов, и лавок не продавать и не закладывать, но обращатися оным в род таким образом:

2. Кто имеет сыновей, и ему же аще хощет, единому из оных дать недвижимое чрез духовную (по завещанию.— *Ред.*), тому в наследие и будет; другие же дети обоего пола да награждены будут движимыми имении, которыя должен отец их или мать разделити им при себе как сыновьям, так и дочерям, колико их будет, по своей воли, кроме онаго одного, который в недвижимых наследником будет. А ежели у онаго сыновей не будет, а имеет дочерей, то должен их определити таким же образом...

3. Кто бездетен, и оный волен отдавать недвижимое одному фамилии своей, кому похочет, а движимое, кому что похочет дать сродникам своим, или и посторонним, и то в его произволении будет. А ежели при себе не учинит, тогда обои те имения да разделены будут указом в род; недвижимое одному по линии ближнему (одному из ближайших родственников.— *Ред.*), а прочее другим, кому надлежит, равным образом.

4. Кому по духовной или по первенству достанутся недвижимыя, у того и движимаго имения части других в сохранении да будут до тех мест (до тех пор.— *Ред.*), пока его братья и сестры приспеют возраста своего, мужеской до осмнадцати, а женской до семнадцати лет; и в те уреченные лета (названные лета.— *Ред.*) должен тот наследник их братей и сестр кормить и снабдевать, и учить всех грамоте, а мужский пол и цыфирному счету, также и наукам, к которым приклонность будет кто иметь...

5. И для того надлежит отцам или матерям заранее духовные писать, и движимыя имения долями описывать; буде же отец или мать умрет без духовной, то тотчас детям их объявить после смерти родителей своих, где они ведомы, и требовать, дабы пожитки описать, и доли им определить при свидетелях. А покамест наследники недвижимых вещей до двадцати лет возраста своего не приидут, а другие оставшиеся в движимых имениях обоего пола до вышеписанных лет не приспеют, никаким их письмам или записям не верить, которыя прежде тех лет явятся у кого; и дабы кадеты (несовершеннолетние, «недоросли».— *Ред.*) обоих полов каким образом не были притеснены в молодых летах, того для, невольно в брак вступать, ранее, мужеского пола до двадцати, а женского до семнадцати лет.

6. БЕРГ-ПРИВИЛЕГИЯ. 1719 г.

Поиски и добыча рудных и нерудных ископаемых приобрели значительный размах уже в XVII в., и тогда же отдельными указами «рудокопным мастерам» и другим предпринимателям разрешалось разведывать недра, «на чьей земле не прилучится», и «на тех местах заводы и промыслы заводить». Содействуя развитию в стране горной промышленности, правительство Петра I учредило отдельную Берг-коллегию и в 1719 г. издало Берг-привилегию, основанную на принципе так называемой «горной свободы», учитывая при этом интересы как предпринимателей, так и помещиков — владельцев земли.

Извлечения из документа публикуются по: ПСЗ.— Т. V.— № 3464.

Между тем мы за благо усмотрели, чтоб всех охотников рудных дел последующими привилегиями пожаловать и снабдить, и сим нашим указом народу нашего Российского государства объявить.

1. Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и камения, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение востребует.

2. Кто новые металлы и минералы изобрящет, и охоту будет иметь ко устроению заводов, тем являться в Санктпетербурге в Берг-коллегии; в Москве же, в Сибири и в Казани определенным от Берг-коллегии берг-офицерам, которые долженствуют оным добрым советом вспомоществовать. И когда оные офицеры сысканую какую руду работы и иждивения достойну найдут, тогда должен оной охотник, или сыскатель, в Берг-коллегиум письменно объявить, и при том пробу изобретенной руды прислать, и просить о позволении к строению завода...

5. Получившему такую привилегию, или жалованную грамоту, на месте, где руда обретена будет, 250 сажен долготы, 250 сажен ширины отведено быть имеет, и на том отведенном месте он и его товарищи всякую руду и минералия, что обрящет под землею, копать, и к тому потребное строение построить волен.

6. Помещики или владетели тех земель, в которых руды изобрящутся, имеют напредь в сих позволение ко устроению тех заводов, когда заранее о том востребуют.

7. Ежели владелец не имеет охоты сам строить, и с другими в товарищество вступить не похочет, или от недостатка своего не возможет, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут, дабы божие благословение втуне не осталось. Однако же те промышленники с той земли, на которой построят заводы, повинны заплатить тому владетелю от каждой руды, или минерала, готово сделанного, тридцать вторую долю от прибыли, без всякого удержания, и за прочие места, которые для того завода потребны вновь, также и за надлежащие дрова и лес к строению, платить деньгами должны. А ежели помещик за вышеписанные места, также за лес, дрова и уголья желать будет цену несносную, и о том требовать определения в коллегии.

8. Кто в своих землях полезные металлы, яко золото, серебро и медь сыщет, и объявит в Берг-коллегиум, и похощет завод построить, тому дастся из коллегии, по доброте руд смотря, в займы денег на строение...

10. Мастеровые люди таких заводов, которые подлинно в дело произведутся, не токмо от поборов денежных и солдатской и матрозской службы и всякой накладки освобождаются, но и в определенные времена за их работу исправную за плату получать будут...

16. Доколе оные рудные заводы довольных работников иметь, и по уставам, каковы коллегиум впредь объявит, содержатись будут, имеют оные промышленники рудокопных дел, по данным их привилегиям, или жалованным грамотам сим обнадежены быть, что у них и у наследников их оные заводы отняты не будут...

7. УКАЗ О ПОКУПКЕ К ЗАВОДАМ ДЕРЕВЕНЬ.

18 января 1721 г.

При господстве феодально-крепостнических отношений в стране быстро развивавшаяся в первой четверти XVIII в. мануфактурная промышленность испытывала острый недостаток рабочей силы, особенно обученных работных людей. Указ 1721 г. разрешил владельцам мануфактур «для размножения таких заводов» приобретать к ним населенные деревни в качестве «посессионных» — владельческих на определенных в нем условиях.

Публикуется по изданию: ПСЗ.— Т. VI.— № 3711.

Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено[1], и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели[2]; а ныне по нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями, и особно многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебреные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому ж и шелковые и полотняные и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству[3], так и купецким людям, к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии, токмо под такою кондициею[4], дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно. И для того, как шляхетству, так и купечеству, тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии. А ежели кто противо сего поступит, то оного всего того лишить безповоротно.

А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать, и смотреть того накрепко в Берг-Мануфактур-коллегии; а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения.

[1] Фактически, как известно, крупные купцы («именитые люди Строгановы», «гости») владели землями, «лавочными местами» в городах, приобретали по закону «порозжие земли» (Соборное уложение 1649 г.— Гл. XVII.— Ст. 45), арендовали различные угодья у казны и т. д., владели также кабальными холопами.

[2] В действительности многие русские и иноземные купцы уже в XVII в. владели мануфактурными и горными предприятиями.

[3] *Шляхетству* — дворянству.

[4] *Кондициею* — условием.

8. «ТАБЕЛЬ О РАНГАХ». 1722 г.

В ходе государственных и военных преобразований первой четверти XVIII в. постепенно исчезали наименования старых чинов Московского государства («боярин», «окольничий», «стольник», «воевода» и т. д.) и появлялись новые («генералы» разных степеней и служб, «адмиралы», «прокуроры» и т. д.), что было связано как с численным ростом бюрократического аппарата самодержавия, так и с усложнением его функций. Возникла необходимость установления субординации (соподчинения) этих чиновников и общих принципов прохождения ими государственной и военной службы. «Табель о рангах» способствовала консолидации и возвышению дворянства на основе служебной выслуги, упорядочила систему чинопроизводства, открыла возможности для служебной карьеры и приобретения личного и потомственного дворянства для лиц недворянского происхождения. «Табель о рангах» 1722 г. по «горизонтали» включает чины «воинские» с подразделениями «сухопутные», «гвардия», «артиллерийские», «морские», далее — «статские» (штатские, гражданские) и «придворные», а по «вертикали» — 14 «классов» каждой соответствующей службы. Ввиду ее сложности «Табель» приводится с указанием лишь воинских и статских чинов и главных должностей каждого класса.

Извлечения публикуются по изданию: ПСЗ.— Т. VI.— № 3890.

Воинские				Статские
Сухопутные	Гвардия	Артиллерия[1]	Морские	
1. Генерал-фельдмаршал	—	—	Генерал-адмирал	Канцлер
2. Генералы от инфантерии[2] и кавалерии	—	Генерал-фельдцейхмейстер	Адмиралы прочих флагов	Действительные тайные советники
3. Генерал-лейтенанты	—	Генерал-лейтенант	Вице-адмиралы	Генерал-прокурор
4. Генерал-майоры	Полковник	Генерал-майор	Шаутбенахт[3]	Президенты коллегий. Тайные советники
5. Бригадиры, генерал-провиантмейстер	Подполковники	Полковник от артиллерии	Капитаны-командоры	Вице-президенты коллегий
6. Полковники, генерал-адъютанты, генерал-квартирмейстер	Майоры	Подполковники от артиллерии, полковники-инженеры	Капитаны первого ранга	Прокурор, советники коллегий
7. Подполковники, провиантмейстеры, вагенмейстеры, генерал-аудиторы	Капитаны	Майоры, подполковники-инженеры	Капитаны второго ранга	Обер-секретари Воинской, Иностранной коллегии, Адмиралтейства

Воинские				Статские
Сухопутные	Гвардия	Артиллерия	Морские	
8. Майоры	Капитан-лейтенанты	Майор-инженер	Капитаны третьего ранга. Корабельные мастера	Обер-секретари прочих коллегий, асессоры, надворный советник
9. Капитаны, полевые почтмейстеры	Лейтенанты	Капитаны-лейтенанты, капитаны-инженеры	Капитаны-лейтенанты, галерные мастера	Титулярный советник, профессора и доктора всяких факультетов, переводчики
10. Капитан-лейтенанты	Унтер-лейтенанты	Лейтенанты, лейтенанты-инженеры	Лейтенанты	Секретари коллегий
11. —	—	—	Секретари корабельные	—
12. Лейтенанты	Фендрики	Унтер-лейтенанты	Унтер-лейтенанты, шхиперы первого ранга	Секретари канцелярий в губерниях, ратманы
13. Унтер-лейтенанты	—	Штык-юнкеры, унтер-лейтенанты инженерные	—	Протоколисты, переводчики коллегии, регистратор в Сенате
14. Фендрики (прапорщики)	—	Инженерские фендрики	Шхиперы второго ранга, констапели (командиры орудий)	Регистратор и бухгалтеры в коллегиях

[1] По ранее изданным указам Петра I офицеры гвардии и артиллерии считались «градусом» (т. е. рангом) выше остальных.
[2] *Инфантерия* — пехота.
[3] *Шаутбенахт* — контр-адмирал.

Ко учрежденной вышеобъявленной Табели рангов прилагаются сии пункты, каким образом со оными рангами каждому поступать надлежит.

1. Принцы, которые от нашей крови происходят, и те, которые с нашими принцессами сочетаны, имеют при всяких случаях председательство и ранг над всеми князьями и высокими служители Российского государства.

2. Морские же с сухопутными в команде определяются следующим образом: кто с кем одного ранга, хотя и старее в чине, на море командовать морскому над сухопутным, а на земли сухопутному над морским.

3. Кто выше своего ранга будет себе почести требовать, или сам место возьмет выше данного ему ранга, тому за каждый случай платить штрафу два месяца жалованья..., штраф и тому следует, кто кому ниже своего ранга место уступит, чего надлежит фискалам[1] прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе, и оным честь, а не нахалам и тунеядцам получить: вышеписанной штраф как мужескому, так и женскому полу необходимо за преступления надлежит...

6. Без патента абшид[2] ни кому не дает ранга, разве оный абшид за нашею рукою дан будет...

8. Сыновьям Российского государства князей, графов, баронов, знатнейшего дворянства, такожде служителей знатнейшего ранга, хотя мы позволяем для знатной их породы, или их отцов, знатных чинов в публичной асамблеи, где Двор находится, свободной доступ пред другими нижнего чина, и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались, однакож мы для того никому какого ранга позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат...

15. Воинским чинам, которые дослужатся до обер-офицерства[3] не из дворян, то тогда кто получит вышеписанной чин[4], оной суть дворянин и его дети, которые родятся в обер-офицерстве[5]; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о котором отец будет просить. Прочие же чины, как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне.

16. И понеже никому, кроме нас и других коронованных глав принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать... Каждому объявляется, что для сего дела определили мы герольдмейстера, и тако надлежит всем к нему приходить и доношения подавать и решения требовать, как следует, кто имеет дворянство и на оное гербы дабы доказывали, что они или предки их от какого наддания[6] имели, или чрез предков наших или нашею милостию во оную честь приведены. Буде же кто того подлинно вскоре доказать не может, то таковым давать сроку на полтора года, а потом требовать, дабы подлинно доказал, и ежели не докажет (а объявит за чем подлинно) о том доносить Сенату, а в Сенате о том разсмотря, доносить нам...

[1] *Фискалы* — чиновники разных служб, обязанные следить за выполнением законов и доносить об их нарушениях.

[2] *Абшид* — отставка (от службы военной или гражданской).
[3] *Обер-офицерства* — старших офицеров, начиная с фендрика (прапорщика) в армии, констапеля — прапорщика в морской артиллерии, чинов 14-го класса.
[4] *Вышеписанной чин* — обер-офицера.
[5] *В обер-офицерстве* — после присвоения обер-офицерского чина.
[6] *Наддания* — пожалования.

9. РЕГЛАМЕНТ МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ. 1723 г.

Развитие мануфактурной промышленности в конце XVII — первой четверти XVIII в., подталкиваемое ростом внутреннего и внешнего рынка и нуждами обороны страны в годы Северной войны 1700—1721 гг., приобрело крупные масштабы. Возникли новые отрасли производства (суконное, полотняное, шелковое и др.), значительно возросло производство оружия и боеприпасов. Принципы промышленной политики правительства Петра I нашли свое отражение как в его практической деятельности (денежные субсидии предпринимателям, меры по обеспечению мануфактур сырьем, рабочей силой, создание «кумпанств» с целью объединения средств предпринимателей, передача им предприятий, основанных казной, и т. п.), так и в целом ряде указов и регламентов; наиболее полное их обобщение находим в «Регламенте Мануфактур-коллегии» 1723 г.

Выдержки публикуются по изданию: ПСЗ.— Т. VII.— № 4378.

О мануфактурах и фабриках

6. Понеже е. и. в. прилежное старание имеет о распространении в империи Российской, к пользе общего блага и пожитку подданных, дабы учредить разные мануфактуры и фабрики, какие в других государствах находятся, и всемилостивейше повелевает Мануфактур-коллегии прилежное о том старание иметь, каким бы образом вновь такие и иные куриозные художества[1] в империю Российскую вводить, а особливо такие, для которых материалы в Российской империи найтися могут, безубыточнее ввести и распространять возможно, и тех людей, которые мануфактуры и фабрики производить похотят, надлежащими привилегиями снабдить.

[1] *Куриозные художества* — здесь: новые, ранее неизвестные производства.

О позволении каждому заводить

7. Е. и. в. соизволяет всем, какого б чина и достоинства кто ни был, во всех местах, где за благо обрящет, мануфактуры и фабрики заводить, и о том публиковать всенародно, и кто такие явятся, о тех в коллегии в начале смотреть о пожитках и достоинстве, и потом не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою мануфактурою наилучше ему поступать и в доброе и неубыточное состояние привести...

О мануфактурах и фабриках, содержащихся в компаниях

9. О мануфактурах же и фабриках, которые содержатся компаниями, надлежит иметь прилежное смотрение, дабы не ослабевали, но в лучшее состояние произвождены были; ежели же усмотрится, что оные ослабевать будут, то как наискорее коллегиею разсмотреть,

от чего оное произошло: буде нерадением компанейщиков, и их принуждать к порядочному содержанию, как коллегия за благо разсудит; буде же усмотрится, которая мануфактура или фабрика производится порядочным образом и содержатели имеют к тому радение, и имеется впредь от нее надежда, а в силу за неимением достойной суммы произвести они не могут, таким коллегия имеет чинить капиталом вспоможение по разсуждению их действа с ведома Сената.

О искусных мастерах и обучении учеников

10. Над заводчиками фабрик и мануфактур смотреть накрепко, чтоб каждый при своих фабриках добрых и искусных мастеров имел, у которых бы русские обучались совершенно так, чтоб впредь могли сами за мастеров работать, дабы сделанные вещи российским мануфактурам и фабрикам могли славу принести.

О вольной продаже сделанных и о покупке потребных вещей без пошлин

11. Понеже сие дело с начала не без великого труда и убытку произведено быти может, и когда которого содержателя прямое усердие усмотрено будет, тогда е. в. всемилостивейше награждать повелевает, чтоб вещи его, которые на той фабрике или мануфактуре делаться будут, продаваны, также и потребные материалы покупаны были несколько лет беспошлинно, как о том коллегии по силе дела и состояния оной за благо разсудит.

О приеме работных людей

12. Позволяется оных к их фабрикам и мануфактурам учеников и прочих работных людей принимать, как о том указы е. в. повелевают, со уговором достойной платы, объявляя в коллегии; а буде кто из них не дожив урочных лет[1] сбежит на другие фабрики или к кому иному, а тот ведаючи примет, и на таких, у кого будут жить, брать штраф за каждого человека по сту рублей на год, чтоб ведая оное с одной фабрики на другие подзывать не дерзали; а ежели кто примет не ведая, то брать штрафу по указу, как и о прочих беглецах[2], а беглецам чинить наказание.

[1] *Урочных лет* — срока, на который нанялись работные люди; длительность его в законе не ограничена.

[2] *О прочих беглецах* — крепостных крестьянах; за прием и укрывательство беглых крестьян виновные платили «за всякого крестьянина по десяти рублев за год»; таким образом, наемный работный человек в течение срока найма считался как бы крепостным владельца мануфактуры.

РЕФОРМА ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Реформа государственного аппарата в первой четверти XVIII в. завершила начавшийся еще в XVII в. процесс становления абсолютизма — неограниченной власти царя, опирающейся на дворянство и растущий класс торговой и мануфактур-

ной буржуазии, при полном бесправии народа. «Монархия,— указывает В. И. Ленин,— вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 359). Самодержавие, удовлетворяя «*известные* интересы господствующих классов», держалось в то же время «отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 6.— С. 363—364).

Говоря об эволюции государственного строя, В. И. Ле́нин указывал, что «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на само́державие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 345—346). Усиление государственного аппарата в центре и на местах было обусловлено мощными антифеодальными движениями второй половины XVII — начала XVIII в., задачами укрепления обороноспособности, преодоления экономической и культурной отсталости страны. Вводя систему более гибких, централизованных и упорядоченных учреждений, правительство Петра I использовало опыт абсолютных монархий стран Западной Европы (Швеции, Франции), но с учетом своеобразия развития Российского государства.

10. УЧРЕЖДЕНИЕ ГУБЕРНИЙ. 1709 г.

Административно-территориальное деление страны на губернии было введено непосредственно после антифеодального движения 1707—1709 гг., когда обнаружилась неспособность старого воеводского управления предупредить подобные проявления классовой борьбы народных масс. Во главе губерний были поставлены обладавшие большой властью губернаторы, их помощниками были вице-губернаторы. Первыми губернаторами были назначены особо доверенные лица из окружения Петра I (Московской губернии — Т. Н. Стрешнев, Петербургской — А. Д. Меншиков, носивший это звание с 1704 г., Азовской — адмирал Ф. М. Апраксин, Сибирской — М. П. Гагарин и др.). В 1713—1719 гг. губернаторы управляли губерниями совместно с «ландратами», избираемыми (по 8—12 человек в каждой губернии) местным дворянством. В 1719 г. число губерний было увеличено до 11 (учреждены Рижская, Ревельская, Астраханская, Нижегородская губернии и упразднена Смоленская).

Извлечения из указа об учреждении губерний публикуются по изданию: ПСЗ.— Т. IV.— № 2218.

Великий государь указал... в своем Велико Российском государстве для всенародной пользы учинить восемь губерний и к ним росписать города... А именно те губернии учинены:

I. Московская. Москва, а к ней города... [Перечислено 38 городов: Клин, Дмитров, Переяславль-Залесский, Ростов, Кострома, Любим, Юрьев Польский, Владимир, Суздаль, Шуя, Лох, Коломна, Зарайск, Переяславль Рязанский, Михайлов, Гремячий, Пронск, Печерники, Кашира, Венев, Епифань, Серпухов, Тула, Дедилов, Крапивна, Оболенск, Тарусса, М. Ярославец, Алексин, Медынь, Калуга, Можайск, Боровск, Верея, Царев-Борисов, Звенигород, Руза, Волоколамск.] Итого [с Москвой] 39 городов.

II. Ингерманландская[1]. Санктпетербург, а к нему города: Нарва, Шлиссельбург, Великий Новгород, Псков, Ладога, Порхов, Гдов, Опочек, Изборск, Остров, Старая Русса, Луки Великие, Торопец, Бежецкий Верх, Устюжна Железопольская, Олонец, Белоозеро, Ржева Пустая, Заволочье, Дерптский уезд, Каргополь, Пошехонье, Ржева-Володимирова, Углич, Ярославль, Романов, Ка-

шин, Тверь, Торжок; всего 29 городов. В той же губернии, кроме вышеписанных городов, города: Ямбург, Копорье отданы во владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову.

III. Киевская. Киев, а к нему города: Переславль, Чернигов, Нежин, Новобогородицкой, Сергиевской, Каменной Затон, Белгород, Ахтырка, Богодухов, Мурахва, Сенное, Болхов, Сумы, Краснополье, Межиречи, Золочев, Буромля, Рублебка, Городное, Суджа, Лебедянь, Мирополь, село Вена, Белополье, Олшанка, Севеск, Курск, Мценск, Путивль, Карачев, Кромы, Рыльск, Брянск, Орел, Новосиль, итого 36. Да из Азовской губернии приписаны в Розряде для близости к Киеву города... (перечислено 17 городов с указанием расстояний от них до Киева и до Азова.— *Ред.*). Да в Розряде ж приписан Трубчевск, да по росписи господина Голицына приписано из Смоленской губернии: Белев, Болхов... Всего в Киевской губернии... 56 городов.

IV. Смоленская. Смоленск, а к нему города: Дорогобуж, Белая, Рбеловль, Вязьма, Серпейск, Мосальск, Мещевск, Зубцов, Погорелое Городище, Старица, Козельск, Лихвин, Борисово Городище, Перемышль, Воротынск. Итого 16. Да из Киевской губернии приписан вместо Трубчевска Одоев... Всего в Смоленской губернии 17 городов.

V. Архангелогородская. Город Архангельской, а к нему города: Колской Острог, Пустозерской Острог, Кевроль и Мезень, Устюг Великий, Тотьма, Соль Вычегодская, Чаронда, Устьянские волости, Вага, Вологда, Галич, Соль Галицкая, Унжа, Чухлома, Парьфеньев, Судай, Кологривов, Кинешма. Итого 20 городов.

VI. Казанская. Казань, а к ней города: Яик, Терек, Астрахань, Царицын, Дмитровской, Саратов, Уфа, Самара, Симбирск, Царев Санчурск, Кокшанск, Свияжск, Царев Кокшанск, Алатырь, Цывилск, Чебоксары, Кашпир, Ядрин, Кузмодемьянск, Яренск, Василь, Курмыш, Темников, Нижний Новгород, Арзамас, Кадом, Елатьма, Касимов, Гороховец, Муром, Мокшанск, Уржум, Балахна, Вязники, Юрьевец-Повольской. Итого 36. Да к Казани, к Астрахани, к Симбирску, к Уфе пригородки (перечислено 34 пункта.— *Ред.*). Да... приписано в сию Казанскую губернию Пенза. Всего в Казанской губернии и с селы 71 город.

VII. Азовская. Азов, а к нему города: Троицкой, на Таган-Рогу, Миюс, Павловской, Сергиевской да Никоновской у каланчей, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы... всего 52 города... В Азовской губернии города приписные к корабельным делам: Воронеж, Коротояк, Острогожской, Олшанск, Костянск, Землянеск, Орлов, Усмань... Итого 25 городов.

VIII. Сибирская. А в ней города: Тоболеск, Енисейск, Илимской, Тара, Березов, Сургут, Тюмень, Томской, Мангазея, Иркутской, Кузнецкой, Туринск, Нарым, Верхотурье, Якутский, Нерчинский, Красный Яр, Пелымь, Кецкой. Поморские: Кунгур, Пермь Великая, Чердынь, Соль Камская, Кайгородок, Яренск, да ныне приписана вновь Вятка, итого 26, да к Вятке 4 пригородка, всего 30 городов.

Итого в 8 губерниях 314; да приписных к корабельным Воронежским делам 25; всего 339 городов, кроме Копорья и Ямбурга, которые отданы во владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову.

[1] *Ингерманландия* — шведское название старинной русской Ижорской земли (по течению реки Невы).

11. УЧРЕЖДЕНИЕ СЕНАТА. 1711 г.

Уже в первые годы царствования Петра I место старой Боярской думы занимают новые учреждения — Ближняя канцелярия, «Консилия» царских «министров» (советников). Учрежденный в 1711 г. Сенат в отличие от Боярской думы XVII в. являлся распорядительным органом, исполнявшим «именные» указы царя — носителя верховной власти в государстве.

Выдержки из документов об учреждении Сената и его функциях публикуются по изданию: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I.— М; Л., 1945.— Т. I.— С. 197—201, 204.

Указ Петра I об учреждении Сената

22 февраля 1711 г.

Определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для упъравления: господин граф Мусин Пушкин, господин Стрешнев, господин князь Петр Голицын, господин князь Михайла Долгорукой, господин Племянников, господин князь Григорей Волконской, господин Самарин, господин Василей Апухътин, господин Мельницкой, обер-секретарь сего Сената Анисим Щукин...

Указы Петра I 1711 г.

2 марта 1711 г.

Указ, что по отбытии нашем делать. 1. Суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения; то ж и ябедником да последует. 2. Смотреть во всем государстве росходов и ненужные, а особливо напрасные отставить. 3. Денег, как возможно, збирать, понеже денги суть артериею войны. 4. Дворян собрать молодых для запасу в афицеры, а наипаче тех, которые кроются, сыскать. 5. Вексели исправить и держать в одном месте. 6. Товары, которые на откупах или по концеляриям и губерниям, осмотреть и посвидетелствовать. 7. О соли старатца отдать на откуп и потщитца прибыли у оной. 8. Торг китайской, зделав компанию добрую, отдать. 9. Персицкой торг умножить и армян, как возможно, приласкать и облехчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для болшева их приезду...

Указ Петра I Сенату

5 марта 1711 г

1. Всем, в Сенате пребываюшим, места имет(ь) по списку, хто после кого написан в опъределительном указе. 2. Голосы имет(ь)

равъные, и у въсяких указов потписывать всем своими руками. И что хотя один не потпишет и засвидетелствует неправо тому быти приговору, то и протчие не действенны суть. Однакож, надлежит тому, хто оспорит, тое протестацию дат(ь) за своею рукою на писме. 3. Выбрат(ь) оборфискала, человека умнова и доброва, ис какого чина ни есть. Дела же его сие суть: Должен он над всеми делами тайно надсматриват(ь) и проведыват(ь) про неправой суд: також — в зборе казны и протчего. И хто неправъду учинит, то должен фискал позват(ь) его перед Сенат (какой высокой степени ни есть), и тамо его уличат(ь). И буде уличит кого, то половина штрафа в казну, а другая ему, фискалу. Буде же и не уличит, отнюд(ь) фискалу в вину не ставить, ниже досадоват(ь), под жестоким наказан(ь)ем и разорен(ь)ем всего имения... Також надлежит о въсех публичных и генерал(ь)ных указах из Сенату оному фискалу объявлять.

12. УЧРЕЖДЕНИЕ КОЛЛЕГИЙ. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ. 1720 г.

Созданные в 1718—1720 гг. новые органы высшего государственного управления — коллегии заменили многочисленные приказы XVI—XVII вв., число которых доходило до полусотни, а функции переплетались и оказались весьма запутанными. В начале реформ правительство Петра I шло еще по прежнему пути, создавая новые приказы (например, Преображенский приказ) или объединяя несколько старых в один (например, созданный в 1699 г. Воинский приказ ведал уже всеми родами и видами войск, кроме артиллерии, порученной отдельному Артиллерийскому приказу). «Коллегии, то есть собрании многих персон», писал Петр I, учреждены «вместо приказов, в которых президенты, или председатели, не такую мочь имеют, как старые судьи делали, что хотели. В Коллегиях же президент не может без соизволения товарыщев своих ничего учинить». В отличие от приказов структура, круг обязанностей, порядок делопроизводства коллегий определялись регламентами — Генеральным, общим для всех, и регламентами отдельных коллегий.

Извлечения из документов публикуются по изданию: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I.— Т. I.— С. 226 (указы 1718 г.); ПСЗ.— Т. VI.— № 3534 (Генеральный регламент).

Указы Петра I, 1718 г.

Господа Сенат. В прошлом декабре я при отъезде своем начало учинил Коллегиям, и чтоб оные в нынешнем году себя в такое состояние привели, дабы з будущаго 1719 г. в состоянии были каждая дело свое зачат(ь). А когда возвратился я из Москвы, тогда нашел в некоторых немного, а в ыных — ничего. Того ради господам президентам накрепко ныне подтверждаетца, дабы Калегии свои с ревностию в дело производили, (понеже сей уже другой указ), для которого побуждения приказали мы генералу маеору Егужинскому в Колегиях часто сей наш указ напоминат(ь), побуждат(ь) и смотрет(ь), также по вся месецы репортоват(ь) себе, скоко которая Колегия в которой месяц аванжировала, дабы видет(ь) ревностного и презорцу... Петр. Дан в Санктъ Питербурхе, июня в 2 д. 1718.

Указ господам президентам Колегии. Понеже, как я слышу, что зело лениво съезжаютца для врученного им дела, что, ка́к я сюды

и приехал, ни однова не бывали, того для сим накрепъко об(ъ)являетца, чтоб непъременно два дни в недели, а именно: вторник да четверк съежалися для сего дела, не мешая никаких дел иных. Также, съехався, как для сего дела, так в Сенат, лишних слоф и балътан(ь)я не было, но то время ни о чем ином, тол(ь)ко о настоящем говорит(ь). Такъже, хто станет говорит(ь) речи, другому не перебиват(ь), но дат(ь) окончат(ь), и потом другому говорит(ь), как чес[т]ным людем надлежит, а не как бабам торговъкам. Петр. В 2 д. окътебря 1718.

Генеральный регламент. 1720 г.

Понеже его царское величество... по примерам других христианских областей, всемилостивейшее намерение восприяти изволил, ради порядочного управления государственных своих дел, и исправного определения и исчисления своих приходов, и поправления полезной юстиции и полиции (то есть в расправе судной и гражданстве), такожде ради возможного охранения своих подданных и содержания своих морских и сухопутных войск в добром состоянии, також коммерций, художеств и мануфактур, и доброго учреждения своих морских и земских пошлин, и ради умножения и приращения рудокопных заводов, и прочих государственных нужд, следующие к тому потребные и надлежащие Государственные Коллегии учредить. А именно: Иностранных дел, Камор, Юстиц, Ревизион, Воинская, Адмиралтейская, Коммерц, Штатс-контор, Берг и Мануфактур Коллегии[1].

И в оной президентов, вице-президентов и прочих принадлежащих к тому членов и канцелярных и конторных служителей, а более из собственных подданных определить, такожде и потребные канцелярии и конторы при том же учредить. Того ради е. ц. в. запотребно разсудить изволил всем вышеписанных Государственных Коллегиях обретающимся высоким и нижним служителям обще, и каждому особо, сим Генеральным регламентом в известие, и вместо генеральной инструкции (наказа)... объявить.

[1] Камор-коллегия ведала доходами государства, Штатс-контор — расходами, Ревизион-коллегия — ревизией финансов (упразднена в 1722 г.). В 1721 г. были учреждены: Духовная коллегия (Святейший синод), Вотчинная коллегия (ведала землями дворянства).

13. ПРОШЕНИЕ СЕНАТОРОВ ЦАРЮ ПЕТРУ I О ПРИНЯТИИ ИМ ТИТУЛА ИМПЕРАТОРА. 1721 г.

Бюрократизация аппарата управления и его централизация — свидетельства сложившегося в России абсолютизма, высшей формы феодальной монархии. Принятие Петром I титула императора — внешнее выражение утвердившегося в стране абсолютизма.

Публикуется по изданию: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I.— Т 1.— С. 155.

Всемилостивейший государь!

Понеже труды Вашего Величества в произведении нашего отечества и подданного Вашего всероссийского народа всему свету известны, того ради, хотя мы ведаем, что В. В., яко самодержцу, вся принадлежит, однакож в показание и знак нашего истинного признания, что весь подданной Ваш народ ничем иным, кроме единых Ваших неусыпных попечений и трудов об оном, и со ущербом дражайшего здравия Вашего положенных, на такую степень благополучия и славы в свете произведен есть, помыслили мы, с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, дерзновение восприять, в день торжества и объявления заключенного оными В. В. трудами всей России толь славного и благополучного мира, по прочитании трактата оного в церкви... принесть свое прошение к Вам публично, дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодорение титул Отца отечествия, Императора Всероссийского, Петра Великого...

Святейший Синод в том с нами согласен.

И тако токмо ожидаем обще от В. В. милостивого нам невозбранения. Александр Меншиков. Канцлер граф Головкин. К(нязь) Григорей Долгорукой. Князь Дмитрие Кантемир. Барон Петр Шафиров. Адмирал граф Апраксин. Князь Дмитрей Галицын. Петр Талъстой. Андрей Матвеев.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ К. БУЛАВИНА

Одним из наиболее крупных антифеодальных движений в истории России явились восстания и волнения 1707—1709 гг., начавшиеся на Дону среди казаков, беглых крестьян и горожан с участием запорожских казаков, а затем распространившиеся на территорию Слободской Украины, южных русских уездов (Тамбов, Козлов, Воронеж) и Поволжья, совпавшие с массовыми волнениями крестьян и в ряде центральных уездов страны. Поводом к началу движения на Дону послужил указ Петра I о сыске и возвращении на прежние места жительства беглых крестьян, укрывшихся в большом числе на Дону после 1695 г., а непосредственным толчком — беспощадные расправы с беглецами и их семьями карательного отряда князя Ю. В. Долгорукого. Более глубокими причинами движения явились крайнее усиление крепостного гнета, массовые наборы рекрутов, мобилизация крестьян на строительство Петербурга, на судостроительные и другие работы, безмерное отягощение народа новыми поборами, изобретаемыми царскими «прибыльщиками», и т. д. В ходе восстания вооруженную борьбу повстанцев, кроме К. А. Булавина, погибшего в начале августа 1708 г., возглавляли талантливые вожаки: С. Драный, Н. Голый, И. Павлов, И. Некрасов и другие, более тесно связанные с «голутвенными» казаками и «чернью». На подавление восстания было направлено около 30 тыс. царских войск (в том числе регулярные полки солдат и драгун и отряды дворян-«царедворцев») во главе с В. В. Долгоруким. В движении 1707—1708 гг. царистские иллюзии крестьян и казаков, выступавших «за благоверного государя», переплетались с его религиозной оболочкой («за старую веру»), некоторые элементы организованности — со стихийным в целом характером восстания.

Извлечения из документов публикуются по изданиям: ПИБ.— Вып. 2.— М., Л., 1946.— Т. VII.— С. 712—714 (№ 2); С. 652—654 (№ 4); Булавинское восстание. 1707—1708.— М., 1935.— С. 113—114, 131—134, 150—152, 256—257 (№ 1, 3, 5, 6, 7, 8).

14. УКАЗ ПЕТРА I КНЯЗЮ Ю. В. ДОЛГОРУКОМУ О СЫСКЕ БЕГЛЫХ В ДОНСКИХ ГОРОДКАХ.

6 июля 1707 г.

Господин Долгорукой.

Известно нам учинилось, что из русских порубежных и из ыных розных наших городов, как с посадов, так и уездов, посацкие люди и мужики розных помещиков и вотчинников, не хотя платить обыкновенных денежных податей и оставя прежние свои промыслы, бегут в розные донские городки, а паче ис тех городков, ис которых работные люди бывают по очереди на Воронеже[1] и в иных местах. И забрав они в зачет работы своей улишние наперед многие деньги убегают и укрываютца на Дону з женами и з детьми в розных городках; а иные многие бегают почитая воровство и забойство. Однако же тех беглецов донские казаки из городков не высылают и держат в домех своих. И того ради указали мы ныне для сыску оных беглецов ехать из Азова на Дон вам без замедления. Которых беглецов надлежит тебе во всех казачьих городках переписав за провожатыми и з женами их и з детьми выслать попрежнему в те ж городы и места, откуда кто пришел. А воров и забойцов, естьли где найдутца, имая отсылать за караулом к Москве или в Азов[2]...

[1] *На Воронеже* — для работ на судостроительных верфях с целью усиления Азовского флота в связи с возможностью выступления Турции на стороне Карла XII.

[2] Карательный отряд Ю. В. Долгорукова вместе с его предводителем был истреблен 9 октября 1707 г. на реке Айдар беглыми крестьянами и казаками во главе с К. А. Булавиным.

15. ЦАРСКАЯ ГРАМОТА АТАМАНУ Л. МАКСИМОВУ.

6 апреля 1708 г.

Понеже нам, великому государю... известно учинилось, что вор и изменник Кондрашка Булавин, которого вы войско Донское, по верности своей, служа нам, в. г., было розбили[1] и многих воров и единомышленников его и, поимав, к нам, в. г., прислали, а иных сами казнили, ныне, возобновив свое воровство[2], паки в силу приходит, и многие к нему такие ж воры и изменники з Дону и из ыных мест пристают, и являютца ныне те его единомышленники в Украинных наших, в. г., городех около Танбова и Козлова, того ради указали мы вам, войсковому атаману и всему войску Донскому... дабы вы по всегдашней верности своей как к предкам нашим, так и нам, в. г., по обещанию и крестному своему целованию служа, з знатным числом Донского войска собрався под управлением знатных и верных атаманов, шли против того вора Булавина и единомышленников ево, где их воровское собрание против наших, в. г., Украинских городов чинится и всячески трудились, дабы оных воров и крестопреступников злые намерения разрушить и розбить и пущих воров переловить и ни до какого злого намерения и многого кровопролития христианского не допустить. И смотреть и искать того случая, дабы его самого Кандрашку Булавина... в руки полу-

чить... А против него ж, вора Булавина, и единомышленников его указали мы, в. г., послать с Москвы многое число ратных людей, конных и пеших, також и из воинского походу из Литвы, которые за излишком были, и велено им с помянутыми Московскими ратными людми, с конницею и с пехотою, збиратца на Туле, которых будет слишком з дватцать тысяч человек, и оттуды, собрався, иттить на того вора Булавина и его единомышленников... А во всем войске Донском учинить вам по всем рекам и городкам крепкой заказ под смертным страхом, дабы к тому воровству из Донских казаков отнюдь не приставали и прелестных воровских писем их не слушали...

[1] *Было розбили* — повстанцы во главе с Булавиным были разбиты в октябре 1707 г.
[2] *Возобновив свое воровство* — после возвращения Булавина из Запорожья на Дон в марте 1708 г.

16. «ПРЕЛЕСТНОЕ ПИСЬМО» К. БУЛАВИНА В РУССКИЕ ГОРОДА И СЕЛА. Март 1708 г.

От Кандратья Афонасьевича Буловина и от всего съездного Войска Донского в русские города начальным добрым людем, также и в села и в деревни посацким торговым людем и всяким черным людем челобитье. Ведомо вам чиним, что мы всем Войском стали единодушно вкупе в том, что стоять нам со всяким родением за дом пресвятые богородицы, за истинную веру християнскую, за благочестивого царя нашего, и за свои души и головы, сын за отца и брат за брата, друг за друга стоять и умирать заодно. А вам бы всяким начальным людем добрым и всяким черным людем всем также с нами стоять вкупе заодно... А от нас вы всякие посацкие и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сумневайтесь отнюдь. А которым худым людем князем и бояром и прибыльщиком и немцом[1] за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не пущать ради того, что они вводят нас и всех вас в елинскую веру[2], а от истинной веры християнской отворотили всякими своими знаменьми и чюдесы прелестными. А между собою вам добрым начальным людем посацким и торговым и всяким черным людем отнюдь бы вам вражды никакой не чинить, напрасно не бить и не грабить и не разорять. А будет кто станет между собою кого напрасно обижать или бить, и тому человеку вам бы учинить смертную казнь без пощады. А по которым городам по тюрьмам есть заключенные люди, и вам бы бояром и воеводам и всяким начальным людем тех заключенных людей ис тюрем всех выпустить тотчас без задержания. Да еще вам ведомо чиним, что с нами казаками запорожские казаки и Белогородцкая орда[3] и иные многие орды нам козакам за душами руки задовали в том, что они ради с нами стать заедино вкупе и родеть заодно. А с сего нашего письма по городам и по селам всяким начальным

людем никаким отнюдь бы не потерять и не затаивать. А будет кто боярин или князь или иной какой начальной человек, или кто ни на есть, сие наше письмо истеряеть или потаить, и мы того человека, где ни на есть найдем и учинена ему будет смертная казнь без пощады. А сие наше письмо из городов воеводам и всяким начальным людем списавши и из сел посылать до города Тулы, а больши не посылать, ради того, что мы всем войском в том городе Туле будем и сие письмо спросим, и ево б нам объявить безо всякого коварства. А к сему письму нашего войскового походного отомана Кондратья Афонасьевича Булавина печать. У подлинного письма печать восковая приложена.

[1] *Прибыльщики* — чиновники и другие лица, изобретавшие для увеличения доходов казны новые поборы с населения; *немцы* — иноземцы, служившие офицерами в русской армии.

[2] *В елинскую* (эллинскую, т. е. греческую) *веру* — так называет Булавин «новую» веру по обрядам, введенным в русской церкви патриархом Никоном, противопоставляя ей «старую» веру, «истинно христианскую», исповедуемую раскольниками.

[3] Белогородская орда в это время кочевала в степях Приднестровья.

17. «ПРЕЛЕСТНОЕ ПИСЬМО» АТАМАНА Н. ГОЛОГО В РУССКИЕ ГОРОДА И СЕЛА.

Июль 1708 г.

В руские в. г. городы стольником и воеводам и приказным людем, а в селех и в деревнях заказным головам и десятникам и всей черни. Никита Голой со всем своим походным войскам челом бьем. Стою я в Кулаковом стану и по Лазной, а со мною силы 7000 казаков донских да 1000 запорожцов козаков же. А Семен Драной пошел своею силою под Ызюм, а с ним силы 10 000. А Некрасов пошел на Саратов и на Козлов, а с ним силы 40 000. А сам наш войсковой атаман Кондратей Афонасьевич Булавин пошел под Азов и под Таган[рог], а с ним силы ворон[1] и 2000 кубанцев и запорожцев и наших козаков. А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы голотьва и вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтеся: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье. А мы стали за старою веру и за дом пресвятые богородицы и за вас за всю чернь, и чтобы нам не впасть в ельнинскою веру. А вы стольники и воеводы и всякие приказные люди и заказные головы не держите черни и по дорогам не хватайте, и пропускайте вы их к нам в донецкие городы. А хто будет держать чернь и не будут пропускать, и тем людем будет смер[т]ноя казнь. А хто сие письмо станет в себе держать и будет тоить или хто издерет, и тем людем будет смер[т]ноя казнь. За сим писавы и челом бьем.

[1] *Ворон* — в древнерусском буквенном обозначении цифр «ворон» — десятки миллионов, соответствующая цифра ставилась в кругу из крестиков; здесь употреблен в смысле «бесчисленное множество».

18. ДОНОШЕНИЕ Г. И. ГОЛОВКИНА ПЕТРУ I О МАССОВЫХ ПОБЕГАХ И ВОЛНЕНИЯХ КРЕСТЬЯН В СМОЛЕНСКОМ И ДРУГИХ УЕЗДАХ.

Июнь 1708 г.

...При сем же доносим вашему величеству, что генерал маеор Корсак и вся шляхта смоленская били челом здесь, что из деревень их многие крестьяня з женами и з детьми и з животы, оставя дворы, бегут ко Брянску, в новозаведенную от Василья Корчмина слободу на Ипуть реку, и у многой шляхты ни единого двора жилого не осталось. Также те беглецы разоряют их помещичьи дворы, животы грабят, и людей их бьют до смерти... А ныне, государь, писал к нам из Смоленска воевода господин Салтыков, что по челобитью смоленского шляхтича посылал он за беглыми ево крестьяны, которые со многими иных помещиков крестьяны ж пошли многолюдством ко Брянску, для поимки капитана з 20 человеки салдаты. И те крестьяне с ним бились и убили одного салдата да другова ранили. И он воевода послал к тому капитану в помощь прапорщика в 40 человеки солдат. Да по ведомости де из Дорогобужа от воеводы бегут туда ж ко Брянску из Вяземского и из иных уездов от розных помещиков люди и крестьяня з женами и з детьми и с пожитками своими и их помещичьи, собрався многолюдством с пищали и с рагатины, большими станицами, кроме женского полу, человек по 100, по 200, по 300 и по 500 и больши, поднявся целыми селы и деревни, чрез Дорогобужской уезд идучи чинят великое разорение и по селам и деревням крестьян с собою ж подговаривают, и многие к ним пристают. А которые помещики и их люди и крестьяня за теми беглецами гонютца в погоню, и по них стреляют из ружья и бьют до смерти... К тому ж опасаясь, дабы ис того не выросло такого тамо дурна, разсудили мы за благо, со общего совету, к смоленскому воеводе писать, дабы он для поимки помянутых беглых крестьян послал еще к прежним в прибавку салдат с ружьем, тако ж и шляхты и рейтар конных пристойное число з добрыми офицеры. И велел им тех ушедших крестьян ловить и противников и пущих заводчиков к тому бив кнутом отдавать попрежнему тем помещиком, за кем кто жил. А которые из них беглецов будут им боронитца ружьем, тех бы переимав, во страх иным вешали по дорогам, где пристойно. Тако ж, чтобы по всем городам и в уездех у церквей прибили указы под смертным страхом, дабы никто впредь ис крестьян таких побегов во Брянской уезд и никуда и противности помещикам своим чинить не дерзал...

КУЛЬТУРА, ПРОСВЕЩЕНИЕ, ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

Подъем русской культуры в первой четверти XVIII в. был обусловлен потребностями быстро растущей горнодобывающей и мануфактурной промышленности, морского судостроения, строительства каналов со шлюзовыми устройствами, производства оружия и боеприпасов. «Если... техника в значительной степени зависит от состояния науки,— указывал Ф. Энгельс,— то в гораздо большей мере наука зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток универси-

тетов» (Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма.— М., 1947.— С. 469). С 1699 по 1725 г. было напечатано около 600 книг научного содержания, учебников, иностранных словарей, военных уставов, художественных произведений и других изданий светского содержания. Развитию книгоиздательского дела, освоению и обогащению научной и технической терминологии способствовали введение гражданского шрифта (1710 г.) вместо старого церковнославянского и замена прежнего буквенного обозначения цифр арабскими цифрами. Вслед за первыми светскими школами (Артиллерийская и Математико-навигацких наук) были учреждены Медицинская, Инженерная, Морская академия (1715 г.) в Петербурге, научно-технические лаборатории; во всех школах теоретические занятия сопровождались практическими занятиями учащихся. Появились первые горные школы при олонецких и уральских горнорудных предприятиях. С основанием Кунсткамеры (1714 г.) положено начало музейному делу в стране, собраны первые коллекции Артиллерийского и Военно-морского музеев. В 1725 г. основана Академия наук с гимназией и университетом при ней. Открыты первые публичные библиотеки, общедоступный театр; возникли придворные и школьные театры, первые профессиональные хоры. Дальнейшим успехам инструментальной музыки способствовал указ 1711 г. об учреждении военных духовых оркестров при воинских частях. Творческое освоение достижений культуры стран Запада в сочетании с самобытными приобретениями русской культуры в допетровское время во многих областях знаний и техники послужило почвой, взрастившей целую плеяду талантливых инженеров (В. Корчмин, Г. Скорняков-Писарев, В. Геннин) и механиков (А. К. Нартов), медиков (первый русский доктор медицины П. В. Постников), астрономов и математиков (Я. В. Брюс, А. Д. Фарварсон, Л. Ф. Магницкий), гидростроителей (строитель Вышневолоцкого канала М. И. Сердюков), корабельных мастеров (сам Петр I, Ф. Скляев), архитекторов (И. П. Зарудный, М. Чоглоков, Я. Бухвостов), художников и граверов (И. М. Никитин, Г. Адольский, А. Матвеев, А. Зубов).

В области общественно-политической мысли впервые наметилось размежевание между взглядами идеологов дворянства и абсолютизма (Петр I, Феофан Прокопович) и нарождавшегося купеческого класса (И. Т. Посошков). (См. подробнее об этом: Краснобаев Б. Очерки истории русской культуры XVIII в.— М., 1987.)

19. ПОСЫЛКА ВОЛОНТЕРОВ ЗА ГРАНИЦУ

В 1697 г. «для научения морского дела» впервые были посланы русские волонтеры (добровольцы) — 39 человек в Италию и Далмацию, 22 человека в Англию и Голландию, каждого дворянина-волонтера сопровождал солдат или сержант. В 1698 г. в составе «великого посольства», посетившего для дипломатических переговоров, закупки оружия, инструментов и приборов, найма специалистов Пруссию, Голландию и Англию, находилось три «десятка» волонтеров. Волонтеров посылали за границу для изучения других наук (П. Постников изучал медицину в Италии и Англии), коммерческого дела, мануфактурных «художеств» и т. п. За границу направляли также горожан, детей купцов.

Выдержки из документов публикуются по изданиям: ПИБ.— Спб., 1877.— Т. I.— С. 117—118; Т. V.— № 2999; Дополнения к актам историческим...— Спб., 1872.— Т. XII.— № 5(XXXV); Записки И. И. Неплюева.— Спб., 1893.— С. 103—106.

Инструкция Петра I волонтерам. 1697 г.

1) Знать чертежи или карты морские, компас, также и прочие признаки морские.

2) Владеть судном как в бою, так в простом шествии, и знать все снасти, или инструменты к тому надлежащие: парусы и веревки, а на катаргах[1] и на иных судах весла и прочее.

3) Сколко возможно искать того, чтоб быть на море во время бою, а кому и не лучится, ино с прилежанием искати того, как в тое время поступить, однакоже обоим, видевшим и невидевшим бой, от

началников морских взять на тое свидетельствованные листы[2] за руками их и печатми, что они в том деле достойны службы своей.

4) Если же кто похочет впредь получить себе милость болшую по возвращении своем, то к сим вышеописанным повелениям и учением научились знати, как делати те суды, на которых они искушение свое приимут.

5) Когда возвращаться будут к Москве, должен всяк по два человека искусных мастеров морского дела привесть с собою до Москвы на своих проторях, а те протори, как они придут, будут им заплачены. Сверх того отсюды из салдат будут для того учения по одному человеку... а салдатом будет прокорм и проезд из казны.

[1] *Каторга* — галера, гребное судно.
[2] *Свидетельствованные листы* — удостоверения, дипломы. Сам Петр I в 1698 г получил в Кенигсберге (ныне Калининград) диплом артиллериста.

20. ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТНАЯ ГАЗЕТА «ВЕДОМОСТИ». 1702—1727 гг.

Предшественницей печатных «Ведомостей» была рукописная газета «Куранты», выпускавшаяся в Москве с 1621 по 1701 г. Первый номер печатной газеты вышел в декабре 1702 г., с этого времени ежегодно выходило от одного до 56 номеров тиражом от 300 до 4000 экземпляров и объемом от 4 до 16 страниц небольшого формата; по неполным данным, с 1703 по 1724 г. вышло в свет более 500 номеров газеты. «Ведомости» продавали в книжных лавках, отдельные номера читали публично вслух и расклеивали на видных местах. Публиковались известия о событиях за рубежом и внутри страны в выгодном для правительства освещении.

Выдержки из «Ведомостей» публикуются по изданию: Ведомости времени Петра Великого.— М., 1906.— Вып. 2.— С. 5, 59, 73—75, 303—304, 306.

1708 г. Ведомость. Донской казак вор и богоотступник Кондрашка Булавин умыслил во украинских городех и в донских казаках учинить бунт. Собрал к себе несколько воров и единомысленников и посылал прелестные писма во многие городы и села, призывая к своему воровскому единомыслию, и многие таковые ж воры, и все донские казаки, иные по нужде, а иные по прелести его к нему пристали. И собравшеся многолюдством, ходили под городы и в села, для разорения и призывания иных в свое единомыслие. И того ради царское величество указал послать свои войска, под командою господина Долгорукова, дабы того вора Булавина поимать и злый их воровский совет разорить. И ныне по писмам из полков и городов подлинно ведомость получена, что они воры булавинцы [не во едином месте] многие, и главнейший его товарыщ вор Стенка Драной во многом своем собрании убит, и единомысленников их не малое число побито. Также и под Саратовым и Азовом посланные воровские его товарищи, с немалым собранием побиты, и видя он Булавин, что не может от войска царского величества уйти, убил сам себя до смерти. А единомысленники его многие побиты, иные же переловлены и сидят окованы. А донские казаки всех городков принесли повинные. И ныне милостию божиею то Булавина и единомысленников его воровство прииде во искоренение. А в которых

числех и где и сколко их воров побито и переловлено, и то объявлено будет впредь. На Москве лета Господня 1708, июля, в 20 день.

1719 г. В государстве обретающиися металли и минералии весма изрядно выходят, и уже многие богатые руды явились, чего ради и чужестранных рудокопных мастеров призывать указано, и из русской нации к тому понятнейших выбирают, и от французских мастеров изрядные шпалеры делаются, и многие руские люди тому делу обучаются. Шолковые, штофные, лентовые и чюлошные, такожде и шерстяные манифактуры в добром порядке происходят, к которым работам с двести человек охотных рабят для науки записалось, и простой народ к сим наукам особливую охоту показуют... Також во многих губерниях новые заведены овчарные заводы, при которых чужестранные овчары нашей нации людей обучают, каким образом оные содержать овцы, от которых бы добрая шерсть в манифактуре обретатися могла, и не токмо на заводех оную велено производить, но и крестьяном собственных их овец велено таким же порядком содержать, чего ради для обучения людей с заводов во все государство велено розослать. На реке Охте выше Канец построены пороховые деревянные заводы, и делают на них порох русские пороховщики... На санктъ-питербургском острову строятца новые пороховые заводы каменным и деревянным зданием, и делает на оных порох галанец [голландец] порохового дела мастер, каменными жерновами, лошадми, и по пробе против прежнего гораздо оной силнее. Ныне на Литейном дворе вылито пушек медных по новому маниру, шти фунтовых[1] двенадцать, трех фунтовых четыре, дву фунтовых четыре, и того дватцать, и на них изображают гербы с их украшением, которые вскоре будут со всем в готовности...

На тул[ь]ских оружейных заводах Руские мастеры делают ружье, фузеи салдатские и драгунские, пистолеты, мушкатоны, стуцеры[2], а сверлят и обтирают их водою весма изрядно.

Здесь[3] кругом всего Адмиралтейства болшей канал, от осенней болшой воды поврежденной, ныне для починки воду выливают, и надеютца нынешнего года утвердить. Върнутри Адмиралтейства другой канал, которого уже две доли во окончание приходят, а третью долю того канала окончать не мочно для того, в котором месте оному каналу быть, в том месте на штапеле[4] заложен осмидесятой карабль... При Адмиралтействе ж на штапелех 11 караблей, которыми зело поспешают к отделке, для чего определен гвардии маеор, в том числе и осмидесятной, чают нынешние осени спустить...

[1] *Шти фунтовых* — с ядром весом в шесть фунтов.

[2] *Мушкатоны* — короткое ружье с раструбом для картечи; *стуцер (штуцер)* — ружье с нарезным каналом ствола (винтовка).

[3] В Петербурге.

[4] *На штапеле (стапеле)* — на помосте с наклоном к воде для постройки и спуска кораблей.

21. И. Т. ПОСОШКОВ. КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

Талантливый и плодовитый писатель, автор ряда содержательных трудов («Завещание отеческое», «Зеркало очевидное», «Книга о скудости и богатстве»), доношений с проектами денежной и военной реформ, изобретатель «коляс военных» и «огненных рогаток», Иван Тихонович Посошков (1652—1726) вышел из среды московских ремесленников, затем стал богатым «купецким человеком», владельцем винокуренного завода и деревни с 258 десятинами земли и крепостными крестьянами; он имел также два дома в Великом Новгороде и Петербурге. В книгах Посошкова нашли выражение горячее стремление принести пользу отечеству, патриотические чувства. Будучи в целом сторонником преобразований Петра I, Посошков оценивал реформы с позиций идеолога купечества и особенно настаивал на необходимости развития отечественной мануфактурной промышленности, ограждения ее от иностранной конкуренции, всяческого содействия русскому купечеству, упорядочения в стране судопроизводства, более рационального использования естественных богатств страны (пахотных земель, лесов, рыбных угодий, ископаемых) и ее трудовых ресурсов. Самостоятельно развивая идеи развитого меркантилизма (источник народного богатства — активный внешнеторговый баланс, превышение вывоза над ввозом), Посошков в отличие от западных теоретиков меркантилизма придавал большое значение развитию производительных сил страны как в области промышленности, так и земледелия. Не посягая на основы крепостничества, Посошков в то же время был первым русским писателем, который смело заговорил о бедственном положении народных масс, нищете и «скудости» крестьян, о злоупотреблениях и беззакониях царских судей и чиновников, о необходимости ограничить в стране «помещичье насилие» и регламентировать повинности крестьян в пользу дворян, которые крестьянам, по его словам, «не вековые владельцы» и «владеют ими времянно».

Извлечения публикуются по изданию: Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения.— М., 1951.

О крестьянстве

Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их лености[1], а потом от неразсмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их. А еще бы царскаго величества поборы расположены были по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы бы собирали бы с них во удобное время, а помещики их изълишняго ничего с них не имали и работы бы излишне не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владению земли их и смотрели бы за крестьяны своими, чтоб они кроме неделных и праздничных дней не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет. А буде кой крестьянин станет лежебочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется, в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иныя воровства...

Паки немалая пакость крестьянам чинитца и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов дватцать или и тритцать, а грамотного человека ни единаго у них нет, и какой человек к ним не приедет с каким указом или и без указу, да скажет, что указ у него есть, то тому и верят и отътого приемлют себе излишние убытки, потому что все они яко слепые ничего не видят, ни разумеют. И того ради многия, и без указу приехав, пакости им чинят великия, а они оспорить не могут, а и в поборех много с них изълишних денег емлют, и отътого даровой приемлют себе убыток.

И ради охранения от таковых напрасных убытков, видитца, не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отдавали дьячкам в научение грамоты и, науча грамоте, научили бы их и писать. И чаю, не худо бы так учинить, чтобы не было и в малой деревне без грамотного человека...

А и сие не велми право зритца, еже помещики на крестьян своих налагают бремена неудобнюносимая ибо есть такие безчеловечные дворяння, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что съработать. И тако пахатную и сенокосную пору всю и потеряют у них, или что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и, то положение забрав, и еще требуют с них излишняго побору. И тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и которой крестьянин станет мало посытее быть, то на него и подати прибавит. И за токим их порядъком никогда крестьянин у такова помещика обогатитися не может, и многие дворяне говорят: «Крестьянину де не давай обърости, но стриги ево яко овцу до гола». И тако творя царство пустошат, понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют, и от таковые нужды домы свои оставляют и бегут иные в понизовые места, иные ж во украенные, а иные и в зарубежныя, и тако чужия страны населяют, а свою пусту оставляют...

Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержиц, они владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянинъское богатство — богатство царственное.

И того ради, мнитца мне, лутче и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделе на помещика своего работать и иного какого изъделья делать, чтобы им сносно было государеву подать и помещику заплатить и себя прокормить без нужды. Того судьям вельми надлежит смотреть, чтобы помещики на крестьян изълишняго сверх указу ничего не накладывали и в нищету бы их не приводили...

А о крестьянех, мнитца мне, лутче так учинить: егда кой крестьянин пожиток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него и нечем бы таковых не теснил, токмо смотреть за ним, чтоб он даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работы бы работал. И от такова порятка, кои разумные крестьяне, могут себе и хорошие пожитки нажить... И ради охранения крестьянъскаго от помещиков их, надлежит и в помещичьих поборех учинить по земле ж и чтоб болши положенного окладу отънют на крестьян своих не накладывали. И тако яко в государевых поборех, тако и в помещичьих будет им сносно... По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беретчи, понеже помещики владеют ими времянно, а царю они всегда вековые

и крестьянское богатство — богатство царственное, а нищета крестьянская оскудение царственное. И того ради царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто во убожество не въходил, но вси бы по своей мерности изобилны были... А буде кой помещик будет на крестьян своих налагать и наложит сверх указного числа или изълишную работу наложит, и аще те крестьяне дойдут до суда, и у такова помещика тех крестьян отънять на государя и з землею, то, на то смотря, и самой ядовитой помещик сокротит себя, и крестьян разорять не станет...

[1] *От своея... лености* — Посошков отдает дань официальным взглядам на причины «скудостности» крестьян.

РУССКАЯ РЕГУЛЯРНАЯ АРМИЯ И ЕЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Русская регулярная армия XVIII в., в отличие от армий Западной Европы, где господствовала система военного наемничества, была национальной по своему составу — рядовыми и унтер-офицерами в ней несли службу рекруты из податных сословий (крестьян и горожан), офицерами и генералами, как правило, были дворяне, выходцы из знати. В трудных и затяжных войнах XVIII в.— Северной (1700—1721), Семилетней (1756—1763), русско-турецких (1768—1774, 1787—1791) они наносили поражения неприятелю под Лесной и Полтавой, при Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе, на реках Ларга, Кагул и Рымник, при штурме Измаила, на Балтийском море — у Гангута, Эзеля и Гренгама, на Черном и Средиземном морях у островов Фидониси и Тендра, в Керченском бою, при штурме крепости Корфу. Огромный вклад в строительство вооруженных сил государства и в развитие военного искусства внесли выдающиеся полководцы и флотоводцы Петр I Великий (1672—1725), П. А. Румянцев (1725—1796), А. В. Суворов (1730—1800), Ф. Ф. Ушаков (1745—1817) и их многочисленные ученики и соратники.

Извлечение публикуется по изданию: ПСЗ.— Т. V.—№ 3006.

22. ИЗ ВОИНСКОГО УСТАВА СУХОПУТНОГО. 1716 г.

Что есть солдат. Имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть от вышнего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего. Офицеры, или начальные люди, паки разделяются... те, которые ниже прапорщиков свое место имеют, называются ундер-офицеры, или нижние начальные люди, другие же от фендрика или прапорщика до маеора называютца обер-офицеры, или вышние начальные люди, третие же от маеора до полковника — штап-офицеры...

О запрещении чинить обиды обывателям. Как в проходящих маршах, так и на квартирах не токмо в своей, союзничей или нейтралной землях, но и в неприятельской под смертным страхом запрещаетца дабы обид обывателям, контрибуции и прочего, какое б звание не имело, кроме указаного, что повелено будет, не брали. Також строения никаково не ломали и не портили и ничего ни в чем без письменного указу в вышеписанном не чинили, в чем ответ дать принужден будет фельдмаршал или аншеф[1], что войска не в добром ордере и порядке содержал, и не точию ответ дать, но и равной ви-

не подлежит с преступителем, яко попуститель на зло, ежели виноватым наказание по достоинству не велит учинить.

О военных консилиях. Понеже все лучшее устроение через советы бывает, того ради повелеваем, дабы как в генералитете, так и в полках советы о всяких делах заранее имели и ничего не пропускали, что к пользе надлежит.

Начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушну быть. Оный имеет в том, что приказал, оправдаться, а сей ответ дать, как он повеленное исправил.

Офицерам надлежит солдат содержать всегда во осмотрении и все непорядки отвращать.

Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышнего или нижнего чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и указу грабить или разбивать, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота.

Всех пленных, которые при взятии городов, в баталиях, сражениях или где инде взяты будут, имеют немедленно оному, который команду имеет, объявить и отдать. Никто ж да не дерзает пленного под каким-нибудь предлогом при себе удержать... Кто против сего преступит, имеет, ежели он офицер, чина лишен, а рядовой жестоко шпицрутенами наказан быть.

Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убити, неже без ведома генерала и позволения освобождать под потерянием чести и живота.

Надлежит солдату... прилежно того смотреть, чтоб его мундир в целости был, и ружье его всегда вычищено и чисто было. Кто в том ленив явится, имеет от офицера своего наказан быть.

[1] *Аншеф* — командующий войсками генерал.

23. НИШТАДТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, 30 АВГУСТА 1721 г.

Ништадтский мир завершил начавшуюся в 1700 г. войну России со Швецией за возвращение захваченных последней в начале XVII в. земель и приобретение выхода к Балтийскому морю, соединявшего Россию с наиболее развитыми странами Западной Европы. Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии (Ижорской земли), части Карелии, островов Эзель, Даго, Моон и др. Россия обязалась уплатить Швеции денежную компенсацию за отходящие к ней территории и возвратить Финляндию.

Извлечения публикуются по изданию: ПСЗ.— Т. VI.— № 3819.

4. Е. к. в-во Свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевства Свейского е. ц. в-ву и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное неприкословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез е. ц. в-ва оружия от короны Свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разгра-

ничения означен и описан с городами и крепостьми: Ригою, Дюнаминдом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом[1] и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами с островами: Эзель, Даго и Меном и всеми другими от Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам и на стороне оста от Ревеля в фарватере к Выборгу, на стороне зюйда и оста лежащими островами, со всеми на сих островах, как в вышепомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями и генерально со всеми принадлежностьми...

5. Против того же е. ц. в-во обещает в 4 недели по размене ратификаций о сем мирном трактате или прежде, ежели возможно, е. к. в-ву и короне Свейской возвратить и паки испражнить Великое княжество Финляндское... Сверх того хощет е. ц. в-во обязан быть и обещает е. к. в-ву и королевству Свейскому сумму двух миллионов ефимкою, исправно без вычета... заплатить и отдать...

6. Е. к. в-во Свейское о коммерции сим себе выговорил, что ему в вечные времена свободно быть имеет в Риге и в Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50 000 рублей хлеба покупать... не платя никаких пошлин или иных налогов в Швецию свободно вывезен быть имеет...

16. Коммерции имеют свободно и беспомешательно междо обоими государствами и к оным принадлежащими землями, подданными и жительми как на земле, так и водою учреждены, и сколь скоро возможно, чрез особливый трактат к пользе обоих государств учреждены быть...

[1] *Пернава (Пернов)* — совр. Пярну. *Дерпт (Юрьев)* — совр. Тарту. *Кексгольм* — Корела.

СНОШЕНИЯ С ЗАКАВКАЗЬЕМ, ПЕРСИЕЙ, СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ И ИНДИЕЙ

24. ИЗ ИНСТРУКЦИИ ПЕТРА I А. П. ВОЛЫНСКОМУ. 1715 г.

Посольство А. П. Волынского явилось важным этапом в развитии политических и торговых связей России с народами Закавказья и Персией. Инструкция свидетельствует о стремлении Петра I упрочить торговые отношения с Закавказьем и Персией, проливает свет на положение народов, находившихся в зависимости от последней.

Извлечения публикуются по изданию: Армяно-русские отношения в XVIII в.— Ереван, 1964; 1967.— Т. II.— Ч. 1.— С. 90—96, С. 176—177; Ч. 2.— С. 208.

1. Ехать ему к шахову величеству Персицкому в чине его царского величества посланника и быть при нем, шахе, впредь до указу на резиденции, о чем ему дана его ц. в-ва к нему шаху верющая грамота публичная.

7. Домогаться ему, чтоб позволен был российским купцам во всей Персиде свободной торг и повелено б было покупать всякие товары, как и у его царского величества в землях. А особливо тру-

диться ему... шаха склонять, чтоб во области его шаховой в Гиляне и в прочих провинциях позволено было российским купцам шолк сырец покупать и в Российское государство бес препятия вывозить...

8. Разведывать ему об армянском народе, много ль оного и в которых местах живет, и естли из них какие знатные люди их шляхетства или из купцов и каковы они к стороне царского величества. Також и являться к ним ласково и склонять к приязни, також осведомиться нет ли каких иных в тех странах христианских или иноверных с персами народов, и ежели есть, каковы они состоянием.

12. Принесено его ц. в-ву прошение мелетинской царицы Екатерины, что племянник ее Грузинские земли царевич Вахтанг Леонович пленен от персицкого шаха, от которого усильственно принуждается, чтоб принял их веру, но он однако ж непоколебимо содержит православную христианскую веру и за то он пребывает от шаха под великим гневом и содержут его в вящей нужде и утеснении. Також и по жену ево и по детей которые были в Грузинской земле нарочно посылали, чтоб и их принуждать веру их принять, которые от того едва уходом спаслись. И господину посланнику... усмотря удобное время и состояние тамошних дел представит шахову величеству имянем царского величества, чтоб подданным его шахова величества веры христианской... никакого утеснения и принуждения в своей вере не чинили, но свободное употребление оного позволили, как то их персиянского закону люди в государстве его ц. в-ва всегда имеют..., снесшись с ним, царевичем, домогатца ему... и о освобождении его ис плену... для прошения и дружбы его ц. в-ва.

25. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАМОТА АРМЯНСКОМУ НАРОДУ.

10 октября 1724 г.

Божиею милостию, мы Петр Первый, император и самодержец всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем вам чрез сию нашу милостивую грамоту, что мы чрез отправленных от вас попа Антония и Кехва Челебии ваше покорнейшее доношение получили, и от оных пространее изустно донесено о желании вашем, дабы мы вас с домами и фамилиями в высокую нашу императорскую протекцию приняли и для жилища и свободного вашего впредь пребывания... удобные места отвесть повелели, где б вы спокойно пребывать и христианскую свою веру без препятия... отправлять могли... того ради мы на сие ваше прошение всемилостивейше соизволяем и потребные указы от себя послали к управителям..., дабы они вас не токмо приняли, но и для жития и поселения удобные места отвели и... в охранении содержали...

Глава 13

РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ. УЧАСТИЕ РОССИИ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

1. РАСШИРЕНИЕ ПРАВ И ПРИВИЛЕГИЙ ДВОРЯНСТВА. УКАЗ ОТ 13 ДЕКАБРЯ 1760 г. О ПРАВЕ ПОМЕЩИКОВ ССЫЛАТЬ КРЕСТЬЯН В СИБИРЬ НА ПОСЕЛЕНИЕ

Извлечение публикуется по изданию: ПСЗ.— Т. XV.— № 11166.

Обьявляется во всенародное известие. Понеже в Сибирской губернии и Иркутской провинции, в Нерчинском уезде, состоят к поселению и хлебопашеству весьма удобные места, которых к заселению государственный интерес требует, того ради Правительствующий сенат приказали: публиковать во всем государстве печатными указами: 1) Кто из помещиков пожелает своих людей и крестьян, также и женск пол, которые, вместо должных по своим знаниям услуг, воровством, пьянством и прочими непристойными продерзостными поступками, многие вред, разорения, убытки и беспокойства приключают, и другим, подобным себе, наивящие к таким вредным поступкам примеры подают, таковых за оные непотребства, однако ж годных к крестьянской и другой работе, летами не старее 45 лет, отдавать к объявленному поселению, коих для помянутого отправления в Сибирь, принимать по заручным доношениям, от самих помещиков, или от их поверенных..., а помещикам и их поверенным давать для зачета в будущие наборы в рекруты надлежащие квитанции..., а кои из тех женаты, то отдавать тех людей с женами; а буде у коих из тех малолетние дети будут, коих сами помещики при отцах и матерях на то поселение отдать пожелают, за таковых платить тем помещикам из казны... за мужеск пол до 5 лет по 10 руб.; а от 5 до 15 лет по 20 рублей, а в 15 лет, не платя денег, зачитать в рекруты ж, а за детей за женск пол платить деньги вполы вышеозначенных...

А чтоб дворцовые, синодальные, архиерейские, монастырские и государственные крестьяне и купечество, таких же, как выше описано, непотребных и вредных обществу людей, отдачею на оное поселение и зачетом в рекрутские наборы пользоваться могли, того ради и им, так же как и помещикам, отдавать, и от них принимать во всем на вышепредписанном основании позволяется...

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ XVIII в.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1730 г. «ЗАГОВОР ВЕРХОВНИКОВ» И ДВОРЯНСТВО

События, связанные с дворцовым переворотом 1730 г. и выступлением дворянства (шляхетства) против попытки «верховников» — князей Долгоруких и Голицыных — «отставить» в России самодержавие и «ввести аристократию», отражены в записке В. Н. Татищева, подписанной большой группой дворян и поданной императрице.

Извлечения публикуются по изданию: Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны // Утро.— М., 1859.— С. 369—378.

2. ПРОИЗВОЛЬНОЕ И СОГЛАСНОЕ РАССУЖДЕНИЕ И МНЕНИЕ СОБРАВШЕГОСЯ ШЛЯХЕТСТВА О ПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОМ

Верховный тайный совет, при объявлении о кончине императора Петра Второго, купно объявил о избрании на престол царевны Анны Иоанновны, герцогини Курляндской[1]; и хотя они тогда собранный генералитет спрашивали, согласны ли оному избранию, однакожь они в том уже надлежащий порядок избрания преступили; ибо сие не есть наследства порядочного объявление, но избрание, и такое, какого от начала государства в Руси не бывало. А хотя избрания три были, яко царя Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Романова: но все оные никаких наследников к тому не имели. Избрания же и оные два порочны, что избирали не порядком: в первом было принуждение, во втором коварство. А по закону естественному избрание должно быть согласием всех подданных, некоторых персонально, других чрез поверенных, как таков порядок во многих государствах утвержден, а не четырем или пяти человекам, как то ныне весьма непорядочно учинено.

А хотя в Римской или Немецкой империи узаконено седмерым, а ныне девятерым курфирстам императора избирать[2], но мы такого закона не имеем и чужому последовать не должны. А притом же наипаче то должны разуметь, что чрез оное те курфирсты так усилилися, что цесарь уже никакой власти не имеет, а они стали сами повелителями; и как они часто в несогласие приходят, так оная империя от-часу умаляется, а соседи оной усиливаяся, часть по части во все стороны отрывают; следственно и мы не лучшего ожидать имеем. Токмо сие избрание оставляется в молчании для того, что весь народ персоною ее величества доволен и никто не спорит. Токмо сие должно протестовать для предка[3] и сочинить на такой нечаянный случай закон, что от того беспорядка не воспоследовало, тоже как коварным избранием Василия Шуйского все государство в смятение и крайнее разорение приведено было.

Второе, весьма сего тяжчайшее: что они дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократию, объявляя нам ее величества письма и пункты, яко бы она сама по своей воле учинила, и принуждают нас, под образом слышания, оное подписками утвердить, яко бы мы той их явной предерзости согласовали; и как

они, то принуждение закрывая, объявляют: если кто против того имеет что представить, чтобы о том им объявили. А понеже, как выше показано, что они над пристойным и закон самовольно власть себе похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и других санов, что нам должно и необходимо нужно с прилежностию рассмотреть, и по тому представить что к пользе государства надлежит, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснеть, а паче опасаться, что они, если видя нас в оплошности, на больший беспорядок не дерзнули...

[Далее Татищев говорит об усилении «самовластия» в России при прежних царях.] ... Петр Великий все оное усугубил, и большую нежели его предки себе и государству самовластием честь, славу и пользы принес, как то весь свет может засвидетельствовать; и посему довольно всяк благорассудный видеть может, колико самовластное правительство у нас всех прочих полезнее, а прочие опасны...

О государыне императрице, хотя мы ее мудростию, благонравием и порядочным правительством в Курляндии довольно уверены, однакожь, как есть персона женская, к так многим трудам неудобна; пачежь ей знания законов не достает; для того... потребно нечто для помощи ее величеству... быть при ее величестве в вышнем правлении, Сенате, двадцать одной персоне..., другое правительство учредить во сте персонах, которым по третям года, третьей части в правлении оставаться, а две части могут в домах своих управлять... [Далее Татищев предлагал «упалые места» чиновников, членов Сената, коллегий и др. «избирать балотированием», «в вышнем правительстве не быть двум одной фамилии» (членам одной семьи), учредить надзор Сената над действиями Тайной канцелярии, в городах открыть «потребные училища», срок военной службы для дворян сократить до 20 лет, а «в матросы и ремесла не писать» и др.]

Сии пункты по два раза в немалых собраниях шляхетства читаны, а дополнивая в доме Василья Новосильцева февраля 4-го числа 1730 года подписали... [подписи 36 дворян]... Да под копиями: лейб-гвардии обер-офицеров 51; военной коллегии штаб и обер-офицеров 158; кавалергардов 48...

Ко государыне с тою ведомостию, что согласилися, к вечеру послали Прасковью Юрьевну Салтыкову. Как рассвело, в восьмом часу по-полуночи... все поехали во дворец... Челобитную (дворян) подал генерал-фельдмаршал князь Трубецкой, а читал оную Василий Татищев. По прочтении подписала сама: Учинить по сему, и отдала князю Черкасскому. Тогда повелела ту запись из Верховного совета и определение[4] принести, которые пред лицом ее величества Семен Салтыков изодрал и бросил февраля 24-го числа 1730 года.

[1] *Анна Иоанновна* — дочь брата Петра царя Ивана Алексеевича (ум. 1696), в 1710 г. выдана замуж за герцога Курляндского.

[2] *Римская Немецкая империя* — Австрия; *курфирсты (курфюрсты)* — светские и духовные князья, избиравшие императора Священной Римской империи германской нации.

[3] *Для предка* — на будущее.
[4] *Запись... и определение* — так называемые «кондиции» (условия), которыми «верховники» ограничивали самодержавие императрицы Анны.

3. ИЗ ЗАПИСКИ А. П. ВОЛЫНСКОГО. 1730 г.

А. П. Волынский (1689—1740) — государственный деятель и дипломат, с 1738 г. кабинет-министр. С группой своих единомышленников (граф П. Мусин-Пушкин, президент Коммерц-коллегии Ф. Соймонов, обер-кригс-комиссар А. Хрущов, архитектор П. Еропкин) предлагал открыть в России университет и посылать русских дворян «обучаться в чужие земли разным наукам и гражданским правам, чтобы у нас были свои природные министры», так как «от иноземцев государство в худом состоянии». Заговор Волынского против клики Бирона был раскрыт. В июне 1740 г. Волынский, Хрущов и Еропкин были подвергнуты жестоким пыткам и казнены, Соймонов и другие — биты кнутом и сосланы на каторжную работу.

Извлечение из записки А. П. Волынского публикуется по изданию: Корсаков Д. А. П. Волынский // Древняя и новая Россия.— 1877.— № 1.— С. 35—36.

Слышно здесь, что делается у вас или уже сделано, чтоб быть у нас республике. Я зело в том сумнителен... Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий; и так мы шляхетство совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными (т. е. «верховниками»), как бы согласно ни было, однакож впредь, конечно, у них без раздоров не будет; и так один будет милостив, а другие, на того злобствуя, вредить и губить станут... [Особенно опасно такое правление в случае войны]... что надобно сделать и расположить в неделю, того в полгода или в год не сделают, а что и положено будет на главных — всегда в доимках, а мы средние (т. е. дворяне) — одни будем оставаться в платежах и во всех тягостях...

4. ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ 1740—1741 гг. ВОЦАРЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

30-е — начало 60-х гг. XVIII в. вошли в историю России как время дворцовых переворотов. По имени фаворита и фактического соправителя Анны Иоанновны годы ее царствования (1730—1740) называют «бироновщиной». Э. Бирон (Бирен) — полуграмотный и невежественный «берейтор», занимавшийся выездкой лошадей и обучением верховой езде, стал герцогом Курляндским и возглавил придворную клику «немцев» (Миних, Остерман, Левенвольде, Шумахер и др.). Национальное достояние России, богатства Сибири и Урала, государственная казна нагло расхищались; во внешней политике предпринимались шаги, наносившие большой вред интересам страны; в армии насаждались жестокая муштра и тактика по образцам наемной прусской армии. Участники «заговора верховников» — князья Голицыны и Долгорукие — после жестоких пыток были либо казнены, либо сосланы. Подверглись гонениям и те вожаки дворян (В. Н. Татищев, Антиох Кантемир, Феофан Прокопович), которые в 1730 г. выступили против «верховников».

Умирая, Анна Иоанновна назначила своим преемником на престоле только что родившегося у ее племянницы Анны Леопольдовны Брауншвейгской сына Ивана Антоновича при регенте Э. Бироне[1].

Но вскоре после смерти Анны Иоанновны Э. Бирон был арестован, правительницей государства объявлена сама Анна Леопольдовна, а командование армией вручено ее супругу, который был пожалован высшим военным чином генералиссимуса. Одна клика сменила при дворе другую. Недовольством широких кругов дворянства

и купечества, стремившихся возродить основы петровской политики, воспользовалась дочь Петра I Елизавета Петровна. Опираясь на полки гвардии, она в ноябре 1741 г. возглавила новый дворцовый переворот и была провозглашена императрицей.

О дворцовом перевороте в пользу Елизаветы повествует в своих записках его участник князь Шаховской, занявший после переворота высокие посты генерал-кригскомиссара, генерал-прокурора Сената.

Извлечения публикуются по изданию: Записки князя Я. П. Шаховского.— Спб., 1872.— С. 29—32.

...Таким образом, я в великом удовольствии и приятном размышлении о своих поведениях, что я уже господин сенатор..., приехал в дом свой и... лег спать; но только лишь уснул, как необыкновенный стук в ставень моей спальни и громкий голос сенатского экзекутора Дурнова меня разбудил. Он громко кричал, чтоб я как наискорее ехал в цесаревнинский дворец, ибо-де она изволила принять престол российского правления, и я-де с тем объявлением теперь бегу к прочим сенаторам. Я, вскоча с постели, подбежал к окну, чтоб его несколько о том для сведения моего спросить, как он уже удалился... я сперва подумал, что не сошел ли господин экзекутор с ума..., но вскоре потом увидел многих по улице мимо окон моих бегущих людей необыкновенными толпами в ту сторону, где дворец был, куда и я немедленно поехал... хотя ночь была темная и мороз великий, но улицы были наполнены людьми, идущими к цесаревнинскому дворцу, а гвардии полки с ружьем шеренгами стояли уже вокруг оного в ближних улицах, и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни; а другие, поднося друг к другу, пили вино, чтоб от скуки согреться, причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов: «здравствуй, наша матушка, императрица Елизавета Петровна», воздух наполняли... [Во дворце] встретил нас ласковым приветствием... Петр Иванович Шувалов, который после был уже... знатный господин и великие дела в государстве производил.

Он в знак великой всеобщей радости, веселообразно поцеловал нас и рассказал нам о сем с помощью всемогущего начатом и благополучно оконченном деле, и что главнейшие доныне бывшие министры, а именно генерал-фельдмаршал граф Миних, тайные действительные советники и кабинет-министры графы Остерман и Головкин уже все из домов своих взяты и под арестом сидят здесь же в доме...

Вскоре после того повелено было всем итти... в Зимний императорский дворец, куда и е. в. (Елизавета Петровна) в открытой большой линейке с благонадежнейшими ей изволила ехать сквозь гвардии солдат, стоявших до большого дворца шеренгами, в препровождении немалого числа Преображенского полка гренадер, кои в том деле е. и. в. наипервейшими услужниками были, и по прибытии во дворец в придворной церкви началась е. и. в. в верности, по надлежащему учреждению, присяга.

[1] *Анна Леопольдовна* — дочь сестры императрицы Анны Иоанновны, Екатерины, выданной Петром I замуж за герцога Мекленбургского Карла Леопольда. Их дочь Анна Леопольдовна была замужем за герцогом Ульрихом Антоном Брауншвейгским. Семья Брауншвейгских продержалась у власти только один год. В ноябре 1741 г. царевич Иван Антонович вместе с родителями был арестован и сослан в Холмогоры,

а после смерти последних в 1756 г. заточен в Шлиссельбургской крепости. Попытка подпоручика В. Мировича освободить царевича завершилась убийством Ивана Антоновича солдатами его охраны (5 июля 1764 г.).

5. ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1762 г. ВОЦАРЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Императрица Елизавета Петровна еще при жизни завещала престол своему племяннику — малолетнему (род. в 1728 г.) герцогу Голштинскому[1], будущему императору Петру Федоровичу, вступившему в 1745 г. по ее желанию в брак с немецкой принцессой Софией-Августой-Фредерикой Ангальт-Цербстской, будущей императрицей Екатериной II.

Провозглашенный в декабре 1761 г. императором, Петр III круто повернул руль внутренней и внешней политики. Миних, Бирон и другие жертвы переворота 1741 г. возвращены из ссылки с возвратом им чинов, титулов, наград и всего имущества. Своего «любезного дядю» принца Георга Голштинского Петр III поставил во главе армии, присвоив ему чин генерал-фельдмаршала, своим адъютантом назначил барона Унгерна. Начали набирать особое голштинское войско, в качестве личной гвардии царя. Поклонник прусского короля Фридриха II, Петр III еще при жизни Елизаветы говаривал, что «русские никогда не могут побить пруссаков», а после смерти царицы поспешил заключить невыгодный для России мир с Пруссией, намеревался в союзе с нею двинуть русскую армию (в том числе гвардию) против Австрии и Дании.

Опасаясь выступления русских дворян и гвардии против его антинациональной политики, Петр III обнародовал манифест о вольности дворянства, но этот демонстративный шаг не ослабил впечатления от основной линии его политики, грозившей стране новой бироновщиной.

Ловкая, умная, энергичная и проницательная Екатерина Алексеевна исподволь сплотила вокруг себя группу противников Петра III (братья Орловы, княгиня Дашкова, офицеры Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, верхушка духовенства), умело воспользовавшись грубыми выходками и промахами своего супруга, и в июне 1762 г. возглавила новый дворцовый переворот, положивший начало ее 34-летнему царствованию. Петр III был убит заговорщиками в Ропше. Тогда в газете «Санкт-Петербургские ведомости» был опубликован указ Екатерины II о щедрых наградах участникам переворота.

Извлечение публикуется по изданию: Хрестоматия по истории СССР. XVIII в.— М., 1963.— С. 457—459.

Е. и. в. хотя нимало не сомневалась об истинном верных своих подданных при всех бывших прежде обстоятельствах сокровенном к себе усердии; однако ж к тем особливо, которые по ревности для поспешения благополучия народного, побудили самым делом е. в. сердце милосердое к скорейшему принятию престола российского, и к спасению таким образом нашего отчества от угрожавших оному бедствий, на сих днях оказать соизволила особливые знаки своего благоволения и милости, из которых одних пенсиями, других деревнями, а прочих денежною суммою наградить соизволила, а именно: разными и в разные числа указами, малороссийскому гетману, фельдмаршалу графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, пожаловать соизволила сверх его гетмановских доходов и получаемого им жалованья, по пяти тысяч рублей в год; действительному тайному советнику, сенатору и е. и. в. обергофмейстеру Никите Ивановичу Панину, таким же образом, по пяти тысяч рублей; генерал-ан-шефу, сенатору и лейб-гвардии конного полка подполковнику, князю Михаилу Никитичу Волконскому по пяти же тысяч рублей; гвардии Семеновского полка подполковнику и генерал-поручику Федору Иванови-

чу Вадковскому 800 душ; действительному камергеру Григорию Григорьевичу Орлову 800 душ; Преображенского полка секунд-майору Алексею Григорьевичу Орлову 800 душ; лейб-гвардии Преображенского полка капитану-поручику Петру Пассеку 24 000 рублей; поручику Григорию Протасову 800 душ; поручикам: князю Федору Барятинскому 24 000 рублей; Евграфу Чертакову 800 душ; Семеновского полка капитану Федору Орлову 800 душ; Измайловского полка премьер-майору Николаю Рославлеву 600 и в дополнение 6 000 рублей; капитанам: Михаилу Похвисневу 800 душ; Александру Рославлеву 800 душ; Михаилу Ласунскому 800 душ; князю Петру Голицину 24 000 рублей; капитану-поручику Петру Вырубову 800 душ; конной гвардии секунд-ротмистру Федору Хитрово 800 душ; а следующим Преображенского полка капитан-поручикам Сергею Бредихину 18 000 рублей, Михаилу Баскакову 600 душ; поручикам: Захару Дубянскому 600 душ; Ивану Ступишину 600 душ; Измайловского полка капитану-поручику Ивану Обухову 18 000 рублей; конной гвардии секунд-ротмистру Александру Ржевскому 18 000 рублей; графу Валентину Мусину-Пушкину 600 душ; поручику князю Ивану Несвижскому 600 душ; унтер-егер-мейстеру Михаилу Дубянскому 600 душ; да инженерного корпуса капитану-поручику Василию Бибикову 600 душ, и поручику армейскому Всеволоду Всеволодскому 600 душ; конной гвардии подпоручику Григорию Потемкину 400 душ; Измайловского полка прапорщикам Сергею и Илье Всеволодским обоим 600 душ; да Федора и Григория Волковых в дворяне и обоим 700 душ; Алексея Евреинова в дворяне же и ему 300 душ.

Сверх сих е. и. в. еще пожаловать соизволила ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой и ордена святые Екатерины кавалеру 24 000 рублей; камер-юнгфере е. и. в. Екатерине Шарогородской 10 000 рублей; действительному статскому советнику господину Теплову 20 000 рублей; статскому советнику Алексею Еропкину 800 душ, и гардероб-мейстеру Василию Шкурину, с женою, 1000 душ. Вышеупомянутые пенсии годовые пожалованы по смерть из собственной е. и. в. комнатной суммы, так как из оной же суммы и все прочие денежные награждения, а деревни со всеми землями и угодьями, в вечное потомственное наследное владение.

[1] *Карл Петр Ульрих Голштинский*, названный после прибытия в Россию и принятия православия «Петром Федоровичем», был сыном дочери Петра I и Екатерины I Анны Петровны, ставшей женой герцога Голштинского.

УЧАСТИЕ РОССИИ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Семилетняя война 1756—1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией и Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в союзе с Ганновером) и Португалией — с другой, была вызвана обострением соперничества между Великобританией и Францией, которые «воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т. е. вели империалистическую войну» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 30.— С. 6—8), а также столкновением захватнической политики прусско-

го короля Фридриха II с интересами Австрии и России. В ходе войны русская армия заняла крепости Мемель, Кенигсберг, нанесла поражения армии Фридриха II в битвах при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Пфальциге, Кунерсдорфе и в 1760 г. вступила в Берлин. Вступивший на русский престол после смерти императрицы Елизаветы Петровны в декабре 1761 г. Петр III заключил с Пруссией мир и союз. После дворцового переворота в пользу Екатерины II в июне 1762 г. Россия вышла из войны и аннулировала союз, отказавшись от своих приобретений, сделанных в ходе войны. Франция и Великобритания подписали мир в Париже в 1763 г., в том же году был подписан мир Пруссии с Австрией и Саксонией.

Извлечение из документа публикуется по изданию: Хрестоматия по русской военной истории.— М., 1947.— С. 177—181.

6. РАПОРТ ГЕНЕРАЛА ЧЕРНЫШЕВА О ЗАНЯТИИ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ БЕРЛИНА.

28 сентября 1760 г.

Вчерашним моим рапортом имел я честь... донести о твердом моем предприятии сего дня неприятеля атаковать, но оной знатно о том уведал или так рассудил себя в отвагу не подвергнуть, ночью выступил и пошел к стороне Шпандоу, почему, как перед светом оное известие до меня дошло, то, послав справедливость оного увидеть, небольшие разъезды, препоручил господину генерал-поручику Панину нарядить гренадерские резервы... с десятью эскадронами и драгунский Рижский полк... и отправить сколько возможно неприятелю вред делать и в его арьергарду впасть. А сам отправил подполковника Ржевского с трубачем в город о принятии его, но через полчаса от графа Тотлебена рапорт, что оной город войску ея императорского величества под протекцию подвергается и вороты действительно отворил. И после того... я в город проехал... Неприятель, можно сказать бегущий, до самого Шпандоу гнан..., присланное ко мне число от неприятеля взятых в плен... до тысячи человек простирается... При оном же случае в добычь легкими нашими войсками получено до пятидесят фур екипажу и много лошадей; неприятелем же... брошено в болото две двенадцатифунтовых пушки.

Убитых же и раненых с неприятельской стороны почитается гораздо больше тысячи человек, а с нашей стороны из регулярных никого нет, ни убитого, ни раненого — из гусар Молдавского полку прапорщик 1, унтер-офицеров —2, убитых того полку гусар —30, рядовых казаков —17... Сие толь удачное дело предписать можно особливо храбрости нашего легкого войска, которое пехоту и кавалерию весьма мужественно атаковало...

НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Глава 14

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

РАСЦВЕТ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Вторая половина XVIII в.— время начавшегося разложения феодально-крепостнического строя и созревания в его недрах нового, капиталистического уклада — ознаменовалась крайним усилением крепостничества, когда оно на практике в полной мере приняло «наиболее грубые формы» и «ничем не отличалось от рабства» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 70). Рост промышленности и городского населения, внутреннего и внешнего рынка увеличивал спрос на продукцию сельского хозяйства. Стремясь повысить еще больше доходность своих имений, помещики расширяли за счет крестьянских наделов барскую запашку, а вместе с тем и барщинные повинности крепостных, многократно увеличивали денежные оброки и натуральные поборы с крестьян. Крепостное право было распространено на Украину. Захватывая плодородные земли с богатыми угодьями (леса, луга, рыбные ловли) в Поволжье и в Приуралье, помещики закрепощали там нерусских крестьян (чувашей, мордву, башкир, марийцев и др.). Нещадной эксплуатации на частновладельческих мануфактурах и горных предприятиях подвергались работные люди, посессионные и приписные крестьяне. Сопротивление жестоко эксплуатируемых, полностью бесправных крестьян помещикам и царским властям вылилось в массовые побеги на окраины государства (в Сибирь, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ), в упорное неповиновение крепостных помещикам, а работных людей заводчикам и управителям казенных предприятий, в крупные антифеодальные восстания («колиивщина» на Украине в 1768—1769 гг., Кижское восстание в Карелии 1669—1671 гг., «чумный бунт» в Москве 1771 г. и мн. др.).

Идя лишь на некоторые вынужденные меры с целью ослабить антикрепостническую борьбу народных масс (например, секуляризация церковно-монастырских земель в 1764 г., указ 1762 г. о запрещении заводчикам покупать к предприятиям крестьян с землей и без земли с предложением впредь обходиться «наемными людьми... за договорную плату», известная «регламентация» труда приписных к заводам крестьян в 60—70-х гг.), самодержавие полагалось прежде всего на вооруженное подавление волнений и восстаний и карательное антинародное законодательство, до крайности ужесточавшее прежние карательные законы Соборного Уложения 1649 г., действие которых не отменялось. По тому же пути шли сами помещики в своих инструкциях и распоряжениях приказчикам и управителям имений.

Документы публикуются по изданиям: Коваленский М. Хрестоматия по русской истории.— М., 1917.— Т. III.— С. 54, 200—201, 211—212; Полн. собр. законов Российской империи (ПСЗ).— Т. XV.— № 11 166; Т. XVI.— № 11 875; Т. XVIII.— № 12 966.

1. СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II О ПЕРВЫХ ГОДАХ ЕЕ ЦАРСТВОВАНИЯ

При вступлении моем на престол, в 1762 году, я нашла империю в следующем состоянии... Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елисавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации

моей 22 сентября 1762 года оных еще до осми тысяч было. К заводам приписных крестьян я нашла сорок девять тысяч в явном ослушании и открытом бунте против заводчиков, и, следовательно, власти той, которая их приписала к заводам. Монастырских крестьян и самых помещичьих почиталось до полутораста тысяч, кои отложились от послушания и коих всех усмирить надлежало...

2. УКАЗ 11 ЯНВАРЯ 1765 г. О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПОМЕЩИКАМ ПРАВА ОТДАВАТЬ КРЕСТЬЯН В КАТОРЖНУЮ РАБОТУ

Объявляется во всенародное известие. По высочайшей е. и. в. конфирмации[1], воспоследовавшей сего генваря 8 дня на поднесенный от Сената доклад, повелено, буде кто из помещиков людей своих по продерзностному состоянию заслуживающих справедливое наказание, отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской коллегии принимать и употреблять на толикое время, на сколько помещики их похотят, и во всю ту оных людей в работе бытность, довольствовать пищею и одеждою из казны равно с каторжными; когда ж помещики их пожелают обратно взять, то отдавать им беспрекословно, с тем только, если таковые по бытности своей в работе положенного платья и обуви срока не выносят; то оные от них отбирать в казну.

[1] *Конфирмации* — утверждения.

3. УКАЗ 22 АВГУСТА 1767 г. О ЗАПРЕЩЕНИИ КРЕСТЬЯНАМ ЖАЛОВАТЬСЯ НА ПОМЕЩИКОВ

Во всенародное известие. Хотя по высочайшей е. и. в. конфирмации обнародованным от Сената генваря, 19 дня прошлого 1765 года указом, в подтверждение многих прежде изданных, и объявлено, дабы никто е. и. в. в собственные руки мимо учрежденных на то правительств и определенных особо для того персон, челобитен подавать отнюдь не отваживался, под опасением предписанного в оном указе наказания, а именно: когда кто не из дворян и не имеющих чинов осмелится высочайшую е. в. особу подачею в собственные руки челобитен утруждать, то за первое дерзновение отсылать таковых в работу на каторгу на месяц; за второе, с наказанием публично, отсылать туда же на год, возвращая оных по прошествии срока на прежние жилища; а за третие преступление с наказанием публично плетьми ссылать вечно в Нерчинск, с зачетом крепостных помещикам их в рекруты.

Но ныне, не взирая на то, дворовые люди и крестьяне генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Аврама Лопухина и его братьев, отважились еще нарушить оный обнародованный указ... И хотя... некоторые из помянутых преступников за сие их дерзновение в Москве на разных площадях, а достальные в их жилищах публично и жестоко на теле все наказаны, причем помещикам отдано на их произволение, к себе ли их по наказании обратно

взять пожелают, или согласятся, чтоб оные отосланы в казенную работу в Нерчинск? Равномерно и прочие их сообщники, как то бригадира Дмитрия Алсуфьева и братьев его дворовые люди и крестьяне чрез посланные команды все приведены в должное помещикам своим послушание...

Чего ради Правительствующий сенат... имея попечение о сохранении в государстве установленного порядка... за нужное почел сим е. и. в. указом еще обнародовать, чтоб помещичьи люди и крестьяне... имели бы к помещикам своим должное повиновение и беспрекословное во всем послушание, как о том издревле от самодержавных предков е. и. в. узаконено, без всякой отмены, повелевая таковых, кто отважится возмущать людей и крестьян к неповиновению их помещикам, тотчас брать под караул и приводить в ближайшие присутственные места, которым без продолжения времени поступать с ними по указам, как с нарушителями общего покоя, без всякого послабления.

А буде и по обнародовании сего е. и. в. указа которые люди и крестьяне в должном у помещиков своих послушании не останутся, и... недозволенные на помещиков своих челобитные, а наипаче е. и. в. в собственные руки подавать отважатся, то как челобитчики, так и сочинители сих челобитен наказаны будут кнутом, и прямо сошлются в вечную работу...

4. ИЗ ЖУРНАЛА ПОМЕЩИЧЬЕГО ДОМАШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ
1763—1765 гг.

Впредь, ежели кто из людей наших высечетца плетьми на дровнях, дано будет сто ударов, а розгами дано будет семнадцать тысяч, таковым более одной недели лежать не давать; а которым дано будет плетьми по полусотне, а розгами по десяти тысяч, таковым более полунедели лежать не давать же; а кто сверх того пролежит более, за те дни не давать им всего хлеба, столового запасу и указанного всего же... и ныне, сколько Николай Кинешенцев да Дмитрий Федоров от наказания плетьми пролежит сверх недели, за те дни вычесть у них положенную месячину...

Девке Дарье Степановой за худое топление кабинета нашего, что подле спальни, не давать в рождественский мясоед указного[1] всего семь дней скоромных... Клюшнице Домне Фроловой за подавание нам худых сливок не давать хлеба семь дней. Впредь, ежели когда во время езды нашей в гости не положится в карман гребенка, да для чищенья платья не возмется щетка, то того, кто нас будет одевать, да дневального лакея сечь розгами, давая по пяти тысяч раз нещадно...

[1] *Указного* — не давать тех мясных блюд, которые были указаны в составленном помещиком перечне.

5. ОБЪЯВЛЕНИЯ О ПРОДАЖЕ КРЕПОСТНЫХ В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ». 1797 г.

В 15 части 2 кварт., под № 183, в приходе Адриана и Наталии, во 2-й Мещанской, близь церкви, продается дворовой человек 25 лет, женской башмачник, знающий совершенно свое мастерство; при том исправляет все домашние господские надобности, лакейскую и кучерскую должности и к столу приготовляет; у него жена 22 лет, знает шить, гладить, крахмалить, за госпожею ходить и к столу кушанье готовить; у них дочь по 3 году.

В 6 части 4 кварт., под № 352, продается мужской и женской хороший перукмахер, ростом выше среднего и недурной фигуры, годной в камердинеры, оффисианты и лакеи, 27, а жена его 24 лет, прачка и швея, с дочерью по третьему году, оба хорошего поведения. Последняя им цена 1000 р.

Продаются дворовые мастеровые люди поведения хорошего: 2 портных, сапожник, часовщик, повар, каретник, колесник, резчик, золотарь и 2 кучера, коих видеть и узнать о цене можно в 3 части 4 кварт. под № 51 у самого помещика. Тут же продаются 3 беговые молодые лошади, один жеребец и 2 мерена, и стая гончих собак, числом 50.

Желающие купить 2 человек из крестьян хорошего поведения и годных в рекруты и во всякую крестьянскую работу, могут спросить в 5 части 1 кварт. под № 83, в приходе Триех Святителей на Кулишках, у домоправителя Ивана Шутова. В оном же доме продается пара выежанных бурых белогривых весьма хороших лошадей за сходную цену; также несколько кусков из верблюжьей с черною шленскою шерстью байки, способной для сюртуков.

6. УКАЗ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ВНУТРЕННИХ ТАМОЖЕННЫХ И МЕЛОЧНЫХ ПОШЛИН.

20 декабря 1753 г.

Глава IX Соборного Уложения 1649 г. «О мытах и о перевозех, и о мостех» запретила феодалам вводить новые таможенные сборы на границах своих владений или при перевозе товаров через реки и мосты, но сохранила старые. Это сильно препятствовало развитию внутренней и внешней торговли. Идя навстречу потребностям растущего всероссийского рынка, интересам дворянства и купечества, правительство Елизаветы Петровны указом 20 декабря 1753 г. отменило с 1754 г. внутренние торговые пошлины и сборы.

Извлечения публикуются по изданию: ПСЗ.— Т. XIII.— № 10 164.

Объявляем во всенародное известие. Благополучие и силу государства умножать и восстановлять, наше удовольствие и желание о том всегдашнее попечение имея, разными способы... возобновлять не оставили... между прочим всемилостивейше усмотрели, какие от сборщиков внутрь государства таможенных пошлин происходят отягощения подверженным к платежу оных... из нашей императорской милости к народу и любви к отечеству, верноподданных наших всемилостивейше жалуем и освобождаем от платежа внутри государства таможенных и мелочных сборов...

7. РОСТ ЧИСЛА МАНУФАКТУР В 1762—1796 гг.

Извлечение публикуется по изданию: Б у р н а ш е в В. Очерк истории мануфактур в России.— Спб., 1833.— С. 16—18, 26—29.

1762		1796			
Бумажных	30	Бумажных материй	55	Миткалевых	7
Железных	8	Писчей бумаги	72	Медных	43
Бумазейных	5	Бумазейных	5	Набойчатых	50
Замшаных	10	Ватных	10	Парусных	35
Зеркальных	15	Выбойчатых	18	Пестрядных	15
Каламенковых	9	Гвоздичных	3	Полотняных	377
Канатных	25	Железных	20	Поташных	100
Каразейных	20	Замшаных	18	Проволочных	12
Кожевенных	35	Зеркальных	10	Сахарных	20
Красочных	10	Игольных	10	Ситцевых	52
Красильных	9	Инструментальных	8	Стальных	6
Купоросных	15	Каламенковых	12	Стамедных	134
Ленточных	10	Канатных	60	Суконных	151
Мишурных	15	Каразейных	30	Суриковых и белильных	16
Набойчатых	8	Купоросных	25	Табачных	15
Пестрядных	6	Кожевенных	848	Фарфоровых и фаянсовых	20
Поташных	25	Косных	3	Хрустальных	8
Полотняных	100	Красильных	18	Чугунных	10
Ситцевых	9	Красочных	25	Шелковых	339
Стеклянных	35	Латунных	25	Шляпных	90
Суконных	100	Ленточных	15		
Суриковых и белильных	16				
Табачных	10	Ленточных	15		
Хрустальных	8				
Шелковых	150				
Шляпных	30				
Всего	984	Всего			3161

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

Крестьянская война 1773—1775 гг. была самым мощным антифеодальным движением в истории крепостной России. Она охватила огромную территорию, от Дона и Яика до Урала, Верхней Волги, Камы и Сибири с населением более 3 млн. человек. В «Большом войске» Е. И. Пугачева и отрядах его сподвижников — И. Зарубина-Чики, И. Белобородова, Салавата Юлаева и других — участвовали десятки тысяч крепостных крестьян, казаков, горожан, работных людей уральских заводов и горных предприятий, нерусских народностей (башкир, татар, мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов, казахов, калмыков).

Предвестниками крестьянской войны явились жестоко подавленные царскими властями восстания и волнения крестьян и работных людей на мануфактурах в 50—70-х гг. XVIII в. в Подмосковье и в самой Москве («чумный бунт» 1771 г.), в Карелии и на Урале, в Поволжье и на Украине. Дворяне получили право ссылать на каторгу, отдавать в рекруты, продавать деревнями и отдельно каждого «на вывоз». Полностью бесправные крестьяне, писал А. Н. Радищев, «в законе мертвы»,

они «в оковах продаются, как скоты». Государственных и нерусских «ясачных» крестьян, обложенных тяжелыми податями, беззастенчиво грабили «мздоимцы и лихоимцы» царские чиновники. Работные люди и приписные крестьяне на казенных и купеческих мануфактурах подвергались самой жестокой эксплуатации, получая за изнурительный труд нищенскую плату или «отрабатывая» подушную подать. Заводовладельцы по закону имели право сажать работных людей в тюрьмы, подвергать их телесным наказаниям.

Ненависть к угнетателям на время сплотила различные слои трудового люда. Участие в движении Пугачева обладавших военным опытом казацких атаманов придало ему элементы организованности (учреждение Е. И. Пугачевым «Военной коллегии», деление его «Большого войска» на три «армии» и «полки», попытки наладить снабжение повстанцев оружием и провиантом и т. д.). Большую стойкость и сплоченность в боях с царскими карателями проявили работные люди уральских заводов, выдвинувшие из своей среды талантливых военных предводителей (И. Белобородов, И. Туманов, Д. Загуменнов и др.).

Однако и в событиях 1773—1775 гг. проявились слабые черты крестьянских восстаний — стихийность и раздробленность движения, царистские иллюзии крестьян, осложненные противоречиями внутри движения между казацкой старши́ной и рядовыми казаками, между феодальной верхушкой и угнетаемой массой в среде нерусских народов. Бросив против повстанцев хорошо вооруженные и обученные полки регулярной армии, правительство Екатерины II один за другим подавило отдельные очаги восстания, потопило его в крови. Но вековая героическая борьба народных масс против крепостников не осталась бесплодной. «Когда было крепостное право, вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 7.— С. 193—194).

Документы, характеризующие события крестьянской войны, ее антифеодальную сущность, деятельность ее предводителей, публикуются по изданию: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.— М., 1975.— № 23, 39 (манифесты Е. И. Пугачева), № 47, 51, 58, 73, 168, 365, 391 (указы Военной коллегии, приказы и обращения сподвижников Пугачева).

8. МАНИФЕСТЫ Е. И. ПУГАЧЕВА

Манифест, объявленный во всенародное известие. Декабрь 1773 г.

Содержатель войск, светлый государь мира, я, великий воитель, самодержавный властелин всех летучих и простых людей разных стран и областей, во все времена держащий их в своей руке и воле.

Сей манифест дан по силе утвержденного самим царским величеством, государя Всероссийского и прочая и прочая и прочая, многих и многих стран и земель великого из великих, императора Петра Федоровича именного указа, своеручно по его повелению, чтобы знали и верили: верно и честно служили и несли воинскую службу. Тех, кто сам видит мое благородное лицо и прекрасный образ или в мыслях и сознании возвеличит меня, близко узнав, искренней душой, языком, делом и горячим сердцем и честию верит мне, таких людей, конечно, я буду жаловать вашими землями, водами, рыбными ловлями, покосами, пашнями, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим.

Кто не повинуется и противится: бояр, генерал, майор, капитан и иные — голову рубить, имение взять. Стойте против них, голову

рубите, если есть имущество, привезите царю: обоз, лошади и разное оружие доставьте царю, другие пожитки раздайте армейским людям. В одно время они вас объедали, лишали моих рабов воли и свободы, сейчас вы их рубите, но если не подчиняются. Кто повинуется, тот не противник — того не трогайте. Кто признает меня, кто нашел прямой путь ко мне,— пусть несет воинскую службу. Противников же казнить буду. Не оставайтесь в неведении, пожалуйста. .

Чтобы верили: сам я, Петр Федорович, подписался тако: Я самый Петр Третий.

Манифест, объявленный во всенародное известие жителям города Саранска и его округи.

28 июля 1774 г.

Божиею милостию, мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршеским и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве, в подданстве помещиков, быть верноподданными собственной нашей короны рабами, и награждаем вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением земель, лесными, сенокосными угодьями, и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без оброку, и протчими всеми угодьями, и свобождаем всех [от] прежде чинимых от дворян и градских мздоимцев-судей всем крестьяном налагаемых податей и отягощениев. И желаем вам спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалое бедствие.

А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах,— оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян, всячески стараясь ловить, казнить, и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе малейшего христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет. Дан июля 28-го дня 1774 году. Петр.

9. РАСПРАВА С ПОВСТАНЦАМИ

Приказ главнокомандующего царскими войсками П. И. Панина о расправе с участниками восстания и их «пособниками».

Сентябрь 1774 г.

...Всех взбунтовавшихся и заразившихся сим бунтом е. в. подданных, изменников и сообщников его (Е. И. Пугачева.— *Ред.*), пред-

полагаю я сим по государственным законам поступать по нижеписанному:

1. Во всех тех городах и селениях, в которых обыватели поднимали свои руки или способствовали только поимке и предательству в руки изменников на убийство своих воевод, всяких постановленных от е. в. начальников, собственных помещиков, священников и всякого звания верноподданных, и тех, как самих убийц, так и предателей, заводчиков (зачинщиков, заговорщиков.— *Ред.*), изготовя наперед по христианскому закону, казнить смертию отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колесы у проезжих ворот.

2. Всех без изъятия последователей за таковыми бунтовщиками сечь жестоко при весилице плетьми.

3. Ради такой кары, при всех тех селениях, которые бунтовали, или хотя ослушными противу законного начальства оказывались, поставить и впредь до указу не велеть снимать по одной весилице, по одному колесу и по одному глаголю, для вешания за ребро.

4. Если заводчиков убийств учрежденных начальников, собственных помещиков, священников, настоящими обличениями изыскивать будет уже нельзя, то в таковых селениях, где начальники, священники и всякого звания верноподданные умерщвлены или преданы их же поселянами, принуждать к выдаче заговорщиков метанием между ними жребия, для повешения третьего (подозреваемого.— *Ред.*), а ежели и сим средством они их не выдадут, то и действительно сотого между таковыми по жребию повесить, а остальных всех возрастных пересечь жестоко плетьми.

5. Всех поселян, возвращенных сими средствами в прежнюю верноподданическую верность к е. в. нашей всемилостивейшей государыне (Екатерине II.— *Ред.*) и в должное повиновение своих начальников, помещиков утвердить в том целованием евангелия и креста, объявив, что кто и за сим дерзнет впредь каким-либо образом приобщаться к бунтовщикам или утверждать самозванца Петром Третьим, который двенадцать уже тому лет, всему государству известно, подлинно скончался, или кто сделает малейшее ослушание воеводам, канцеляриям, всяким над собою начальникам и собственным помещикам, а другие таковых заводчиков или подсыльных от государственных бунтовщиков не свяжут и в ближайшую канцелярию или в воинскую команду не представят, за то в самой скорости присланными из войск команды генерала графа Панина, все в таковых селениях, без изъятия возрастные мужики, будут казнены мучительнейшими смертями, жены и дети их отданы в рабство, а земли во владение в верности пребывшим всегда к е. и. в. подданным и помещикам...

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773—1775 гг.

Реорганизация управления государством явилась прямым ответом царизма на непрерывные волнения и восстания крепостных крестьян и работных людей, достигшие своего наивысшего размаха в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Целью внутренней политики самодержавия являлось укрепление диктатуры господствующего класса дворянства, расширение социальной опоры царизма в городах за счет верхушки купечества и растущей мануфактурной буржуазии. «Учреждение о губерниях» 1775 г. увеличило число губерний и уездов с меньшей численностью населения в них, подчиненного значительно большему числу чиновников и административных учреждений. Губерниями отныне правили не только гражданские губернаторы, но во многих наместничествах генерал-губернаторы, которые сносились непосредственно с императрицей Екатериной II и командовали находившимися в губерниях войсками. Точно так же воинские «штатные команды» в городах подчинялись городничим. Большими правами были наделены избираемые дворянами в уездах капитан-исправники. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. подтвердила прежние и определила новые права и привилегии «благородных» (право владеть землей и крепостными крестьянами, покупать деревни, заводить мануфактуры и заниматься торговлей, уходить в любое время в отставку, свободу от личных податей, рекрутской повинности, телесных наказаний и т. д.) и в целях сплочения дворянства как господствующего сословия и усиления его роли в делах местного управления разрешила дворянам «составлять дворянское общество» и избирать дворянских предводителей. «Жалованная грамота городам» 1785 г. дозволяла «городовым обывателям» составлять «общество градское» и избирать в городскую думу по одному «гласному» от «настоящих городовых обывателей» (домовладельцев и землевладельцев), трех купеческих гильдий, иногородних и иностранных «гостей» (богатых купцов), от «именитых граждан» и посадских людей, которые «рукоделием или работой кормятся в том городе». Порядок выборов в шестигласную городскую думу обеспечивал большинство голосов в ней представителям дворянства и купечества, в то время как основная масса городского населения выбирала лишь одного «гласного». Функции шестигласной думы ограничивались узким кругом внутригородских «попечений» о благоустройстве города. Действительная власть в городах оставалась в руках царских чиновников (губернаторы, городничие и др.).

Документы в извлечениях публикуются по изданию: ПСЗ.— Т. XX.— № 14 392; Т. XXII.— № 16 187; Т. XXII.— № 16 188.

10. УЧРЕЖДЕНИЕ О ГУБЕРНИЯХ. 1775 г.

Глава I. Примерный штат губерний

1. Дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от 300 до 400 000 душ.

2. Для управления же губернии или наместничества полагается [главнокомандующий в отсутствии императорского величества] государев наместник или генерал-губернатор.

3. В губернии или наместничестве учреждается правитель наместничества или губернатор.

4. В губернии учреждается правление наместническое или губернское.

5. В губернском правлении заседает главнокомандующий, правитель или губернатор с двумя советниками...

16. Наместничества [губернии] и области разделяются на уезды или округи.

17. В уезде или округе считается от 20 до 30 000 душ...

11. ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ДВОРЯНСТВУ. 1785 г.

О личных преимуществах дворян

1-е. Дворянское название есть следствие, исключающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное.

2-е. Не токмо империи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо; и для того изстари, ныне, да и пребудет навеки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются, и следственно:

3-е. Дворянин сообщает дворянское достоинство жене своей.

4-е. Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно...

8-е. Без суда да не лишится благородный дворянского достоинства...

12-е. Да не судится благородный, окроме своими равными...

15-е. Телесное наказание да не коснется до благородного...

17-е. Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу...

21-е. Благородный имеет право по призвании своем писаться, как помещиком его поместий, так и вотчинником родовых, наследственных и жалованных его вотчин.

22-е. Благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем какого имения, благоприобретенное им имение дарить или завещать, или в приданые или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблаграссудит. Наследственным же имением да не распоряжается инако, как законами предписано...

26-е. Благородным подтверждается право покупать деревни.

27-е. Благородным подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится, или рукоделием производится.

28-е. Благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням.

29-е. Благородным дозволяется в вотчинах их заводить местечки и в оных торги и ярмонки...

30-е. Благородным подтверждается право иметь, или строить, или покупать домы в городах, и в оных иметь рукоделие...

32-е. Благородным дозволяется оптом продавать, или из указных гаваней за моря отпускать товар, какой у кого родится, или на основании законов выделан будет, ибо им не запрещается иметь, или заводить фабрики, рукоделия и всякие заводы.

33-е. Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28-го июня 1782 года, не только на поверхности земли, каждому из них принадлежащей, но и в недрах

той земли и в водах, ему принадлежащих, на все сокровенные минералы и произрастения, и на все из того делаемые металлы...

35-е. По деревням помещичий дом имеет быть свободен от постоя.

36-е. Благородный самолично изъемлется от личных податей.

12. ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ГОРОДАМ. 1785 г.

О гильдиях и о гильдейских выгодах вообще

92. Дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, состояния, или торга, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей до 50 000 рублей, записаться в гильдию...

99. Записавшимся в гильдии подтверждается дозволение при рекрутском наборе или наряде работников, вместо наличного рекрута или работника платить по скольку указом подписано (есть или будет), располагая деньги по числу душ, с которого набор или наряд в тот год назначен. Буде же кто записавшийся в гильдии добровольно сам пойдет или сына запишет в военную службу, то оное не запрещается...

100. Записавшимся в гильдии подтверждается дозволение вступать в казенные подряды и откупы...

102. В первую гильдию вписать всякого пола и лет, кто объявит капитал выше 10 000 рублей и до 50 000 рублей...

104. Первой гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри и вне империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать и покупать оптом или подробно, на основании законов.

105. Первой гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и морские всякие суда.

106. Первой гильдии дозволяется ездить по городу в карете парою.

107. Первая гильдия освобождается от телесного наказания...

108. Во вторую гильдию вписать всякого пола и лет, кто объявит капитал выше 5000 рублей и до 10 000 рублей...

114. В третью гильдию вписать всякого пола и лет, кто объявит капитал выше 1000 рублей и до 5000 рублей...

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ. ПОБЕДЫ А. В. СУВОРОВА

Извлечение публикуется по изданию: Хрестоматия по русской военной истории.— М., 1947.— С. 266—272.

13. РАПОРТ А. В. СУВОРОВА О ШТУРМЕ ИЗМАИЛА

Предварительно донес я вашей светлости (Г. А. Потемкину), что крепость Измаильская храбростью порученного мне войска взята. Приступ был мужествен, неприятель многочислен, крепость

к обороне способна. Отпор был сильный, и отчаянная оборона обратилась на гибель и совершенное сокрушение неприятеля...

В первый день сего месяца прибыл я к Измаилу и нашел войска трем частным начальникам вверенные и в прежних местах остров Четал заняты, батареи противу города в готовом состоянии и флотилию в близком от крепости расположении... На утро приезду моего начаты были приготовления к построению батарей на обеих крылах войск, на берегу Дуная. Фашин[1] потребное число делали, лестницы частию привезены из Галаца, частию на месте дополнены, и работа сия окончена 5-го числа.

Время благоприятствовало нашим приготовлениям, погода была ясная и теплая.

До начала действ нужно было отправить письма... к сераскиру[2] измаильскому и требовать от него сдачи [крепости]. 7-го числа оное отправлено с офицером и двумя трубачами... В тот же день наряд был к вооружению на обеих крылах по две батареи на десять орудий каждую. 8-го числа к вечеру получен от сераскира ответ, заключавший единое упрямство и гордость неприятеля, полагавшего твердую надежду на силы свои. 9-го числа утром отправлен был на письмо сераскира словесно объявить, что пощады им не будет, и того ж утра созваны были господа генералитет на военный совет... положили быть приступу. День ко оному назначен, диспозиция была от меня дана, шесть колонн определены были с сухова пути и три колонны с резервом со стороны Дуная для высадки.

Правое крыло в трех колоннах поручено господину генерал-поручику и кавалеру Потемкину. Левое крыло... генерал-поручику и кавалеру Самойлову. На флотилии для десанта умножены были войска и начальство генерал-майора и кавалера Де-Рибаса...

10-го числа по восхождении солнца с флотилии, с острова и с четырех батарей, на обеих крылах в берегу Дуная устроенных, открылась по крепости канонада и продолжалась беспрерывно до самых пор, как войска на приступ приняли путь свой. В тот день из крепости сначала ответствовано пушечною пальбою живо, но к полудню пальба умалилась, а к ночи вовсе пресеклась...

С 10-го на 11-е число в три часа пополуночи все войска выступили устроенными колоннами к назначенным им пунктам, а флотилия по Дунаю плыла к назначенным местам. А в пять с половиною все колонны как с сухова пути, так и водою двинулись на приступ.

Небо облечено было облаками и расстланный туман скрывал от неприятеля начальное наше движение. Но вдруг с приближением первой и второй колонн неприятель открыл пушечную картечами пальбу, и ружейный огонь вокруг всего вала загорелся. Жестокий сей отпор... стремление наших войск не удержал, и мгновенно вторая колонна, приближась ко рву, спустилась в оный. Генерал-майор и кавалер Лассий, поруча секунд-майору Неклюдову отражать стрелкам неприятеля, дал повеление лейб-гвардии Измайловского

полка прапорщику князю Гагарину приставить лестницы, по которым быстро взошли на вал, опрокинули неприятеля и бастионом овладели... В ту же самую минуту первая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Львова, приближаясь ко рву и полисаду, преграждающему путь от каменной казематной батареи к Дунаю... (и он) приказал бросить фашины и стремясь кинулся и первый перескочил полисад. Таковой пример ободрил подчиненных и смешал неприятеля...

С левого же крыла... шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова единовременно с первою и второю колонною, преодолев весь жестокий огонь картечных и ружейных выстрелов, дошла до рва... Скоро опустясь в ров, взошли по лестницам на вал... и овладели бастионом. Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем, но множество оного остановило на первый миг распространение по валу, и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший, оставя двести человек при пушках... С прибытием резерва неприятель не только отражен, но и знатною частью побит. Твердая в той строке нога поставлена, и войска простирали победу по куртине[3] и другим бастионам...

Флотилия в то же время, приближась к крепости, прикрывала трех колонн десант... [Далее подробно освещены действия всех остальных колонн войск, штурмующих крепость.]

Таковой жестокий бой продолжался 11 часов... Жестокий бой, продолжавшийся внутри крепости, чрез шесть часов с половиною, с помощью божиею, наконец решился в новую России славу. Мужество начальников, ревность и расторопность штаб- и обер-офицеров и беспримерная храбрость солдат одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность, и в час пополудни победа украсила оружие наше новыми лаврами...

Таким образом совершена победа. Крепость Измаильская, столь укрепленная, столь обширная и которая казалась неприятелю непобедимою, взята страшным для него оружием российских штыков... Число убитого неприятеля до двадцати шести тысяч... В крепости Измаильской найдено двести сорок пять пушек, в числе коих девять мортир, да на берегу двадцать... В трофеи взято триста сорок пять знамен... Урон с нашей стороны в сей столь твердой крепости не более как убитых нижних чинов тысяча восемьсот пятнадцать, раненых две тысячи четыреста сорок пять...

[1] *Фашины* — связки хвороста для преодоления топких мест, рвов.
[2] *Сераскир* — командующий турецкими войсками и гарнизоном крепости.
[3] *Куртина* — участок крепостной ограды, соединяющий соседние бастионы.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. П. А. РУМЯНЦЕВ. А. В. СУВОРОВ

Извлечения публикуются по изданиям: Масловский Д. Ф. Приложения и примечания к Запискам по истории военного искусства в России.— Спб., 1894.— С. 25—44; Никольский Г. С. Суворовская «Наука побеждать».— М., 1949.— С. 37—45.

14. ИЗ «ОБРЯДА СЛУЖБЫ» П. А. РУМЯНЦЕВА

О марше армии

1-е. Когда армии которым крылом, баталионами, дивизионами, взводами или рядами марштровать и обозу впереди, позади или стороннею дорогою следовать, всегда в день пред выступлением при параде приказано будет.

2-е. В день марша, вместо побудка, бить генерал-марш, по пробитии которого всем к маршу приготовиться: рядовых в улицах по списку перекликать, палатки снимать, караулы отовсюду, кроме главной квартиры и денежной казны, сводить; верховых лошадей седлать и вьючить, а в обозах, все на возы уклав, лошадей впрягать и ожидать о марше приказу.

3-е. Когда сбор будет бит, рядовых в пехоте в сумах и ранцах, с ружьем в шеренги и ряды, а в кавалерии при лошадях, строить и по команде выводить на плац...

14-е. При вступлении в лагерь как скоро возможно полкам и баталионам на плацдарм строиться и по построении нимало медля предписанному в уставе порядку караулы учреждать и роты вводить в улицы.

15-е. Рядовых, по постановлению ружей в пирамиды, по списку перекликать, и буде кто не прибыл к полку, имянно отрапортовать...

О лазаретах

1-е. Никто больше призрения не заслуживает, как болящий солдат, о покое и выгоде которого обязаны все чины вообще иметь радение; но как в полку всякий чин обязан должностью особою, то и надлежит смотрение оных особливым, пристойное всех полковым казначеям, которым смотреть, чтобы как в походе они везены были и укрыты от всякой мокроты, жару и стужи и не тесно бы лежали, так в лагере были бы положены в сухих местах и в чистом воздухе.

2-е. Во всей армии присмотр оный особливо препоручается члену военного комиссариата, что до пропитания и доброго содержания, а что до пользования генеральному штабмедику, которым не только часто, но ежедневно оных посещать и подавать лучшее наставление им... дабы все, что к восстановлению их только служить могло, без упущения времени делано, а вред превосходящий завременно предупреждая...

15. «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ» А. В. СУВОРОВА

Первая часть «Науки побеждать» — «Учение разводное» — содержит разработанные Суворовым правила строевого и тактического обучения пехоты и кавалерии. Суворов ввел новый вид полевого обучения войск — «сквозные атаки»: для усвоения маневра войско разделялось на две половины, после чего происходила репетиция настоящего сражения в наступлении, обороне, встречном бою; такая подготовка приучала солдат действовать на любой, в том числе пересеченной местности, пехоту и конницу — «проходить сквозь пехоту и кавалерию», способствовала четкому взаимодействию родов войск в боевых условиях.

После сего разводного учения... по приходе развода в главную квартиру... штаб-офицер того полку, чей развод... начинает... говорить к солдатам их наречием наизусть следующее:

...Береги пулю на три дни, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля обмишулится, а штык не обмишулится: пуля — дура, а штык — молодец. Коли один раз, бросай басурмана со штыка; мертв на штыке, царапает саблей шею. Сабля на шею — отскокни шаг, ударь опять. Коли другого, коли третьего; богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше! Береги пулю в дуле. Трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. Это не редко (бывает), а заряжать некогда. В атаке не задерживай.

Для (практики) пальбы стреляй сильно в мишень: на человека пуль 20; купи свинцу из экономии — не много стоит. Мы стреляем цельно; у нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряду.

(Когда видишь) фитиль на картечь — бросься на картечь: летит сверх головы. Пушки твои, люди твои. Вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать: они такие же люди...

Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат — не разбойник...

В баталии полевой три атаки: 1) в крыло, которое слабее. Крепкое крыло, (если) закрыто лесом — это не мудрено; солдат проберется и болотом; тяжело чрез реку — без мосту не перебежишь; шанцы всякие перескочишь; 2) атака в средину не выгодна, разве конница хорошо рубить будет, а иначе самих сожмут; 3) атака в тыл очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело.

Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против басурманов; колонн нет. А может случиться и против турков, что пятисотною кареею надлежать будет прорвать пяти- или семитысячную толпу с помощью фланговых кареев; на тот случай бросится он в колону, но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки; они воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами же.

Баталия на окопы на основании полевой. Ров не глубок, вал не

высок — бросься в ров, скачи чрез вал, ударь в штыки, коли, гони, бери в полон! Помни: отрезывать тут подручнее коннице...

Штурм или валовой приступ. Ломи чрез засеки, бросай плетни, чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очищай колонны! Стреляй по головам! Колонны, лети чрез стены на вал, скалывай, на валу вытягивай линию, (ставь) караул к пороховым погребам, отворяй вороты коннице! Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо — недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби! В домы не ходи, бей на площадях; штурмуй, где неприятель засел; занимай площадь, ставь гауптвахт[1]; расставляй вмиг пикеты[2] к воротам, погребам, магазинам[3]. Неприятель сдался — пощада; стена занята — на добычь...

[1] *Гауптвахт* — главный караул.
[2] *Пикеты* — отводные караулы.
[3] *Погреба* — пороховые склады; *магазины* — военные склады с продовольствием и фуражом.

ПОБЕДЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ Ф. Ф. УШАКОВА

Извлечение публикуется по изданию: Адмирал Ушаков: Документы: В 2 т.— М., 1952.— Т. 1.— С. 511—518.

16. МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ У МЫСА КАЛИАКРИЯ

...Июля 29 со флотом, мне вверенным, вышел я на море и в числе шестнадцати кораблей, двух бомбардирских, двух фрегатов, одним репетичным, одним брандером и семнадцатью крейсерскими судами[1], для поисков флота неприятельского и, продолжая плавание к румельским берегам[2], 31 числа усмотрел оный, стоящий на якоре в линии при Калиакрии[3] против мыса Калерах-Бурну под прикрытием сделанной на оном береговой батареи. Я со флотом под выстрелами оной прошел близ самого берега и, отрезав его от берега, будучи на ветре, спешил атаковать. Неприятель, устрашенный нечаянным приходом нашего флота, проиграв ветер, отрубил якоря, лег на паруса, и, будучи в замешательстве, некоторые корабли при довольно крепком ветре сошлись между собою и на двух тот же час оказалось повреждение: с одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт[4]. Поврежденний без бушприта ушел к стороне Варны, а второй остался при флоте. Флот неприятельский состоял в числе осьмнадцати больших кораблей (из которых девять под флагами на брамстеньгах[5]), десяти больших линейных фрегатов, семи малых и многочисленных разного сорта мелкими судами. Капитан-паша со флотом бежал под ветр и начинал строить линию баталии, переменяя несколько раз на правый и левый галс[6]. Я, пользуясь сим замешательством, нагонял его со флотом, мне вверенным, будучи в ордере мар-

ша трех колонн. Капитан-паша некоторую часть кораблей своих устроил уже в линию правого галса, но известной алжиринский паша Саит-Али, пошед с определенной частию флота, состоящего под красными флагами передовым, оборотил весь флот за собою, устраивая линию на левый галс, чем последовал и капитан-паша.

Я, гнавшись за ними, учиненным сигналом приказал с поспешностию строить линию баталии при ветре северо-северо-восточном, параллельно флоту неприятельскому, и оною спускался на него со всей возможной поспешностию ж. При том же заметил я, что Саит-Али с вице-адмиральским кораблем красного флага и другим большим и несколькими фрегатами, будучи сам передовым, спешил отделить вперед, выигрывая ветр, потому для предупреждения его намерением погнался я с кораблем «Рождеством Христовым» за ним, следуя вперед нашей линии, и сигналом подтвердил флоту исполнять повеленное и сомкнуть дистанцию. Построя ж я линию нашего флота в самом близком расстоянии против неприятельской и догнав передовой корабль паши Саит-Али, сигналом приказал всему флоту спуститься к неприятелю на ближнюю дистанцию, а корабль под флагом моим «Рождество Христово», приближась к передовому пашинскому кораблю в дистанцию полукабельтова[7], атаковал его, обойдя несколько с носу, и по учиненному сигналу сею линиею началось жестокое сражение и продолжалось от пяти до половины девятого часа пополудни.

В сие время с помощью божиею прежде всех сбит передовой и лучший корабль неприятельского флота паши Саит-Али, который от производимого беспрерывно жестокого на него огня тотчас остался поврежденным, без форстеньги, без грот-марселя с расстрелянными нижними парусами, и в прочих частях разбит до крайности, поворотился в закрытие в средину своего флота...

Передовые наши корабли, бывшие за мною, «Александр», «Предтеча» и «Федор Стратилат», исполняя мое повеление, спустились от ветра, окружили передовых бегущих неприятельских кораблей и с великой живостию производили по них и вдоль всего флота беспрерывной огонь, а между тем корабль «Рождество Христово», спустясь за корму «Федора Стратилата», спешил приблизиться к бегущему в средину флота кораблю Саит-Али, дабы его не отпустить, и производил сильный огонь по оному и вдоль всего неприятельского флота, который от последующей за передовыми всей нашей линии был весьма разбит, замешан и стеснен так, что неприятельские корабли сами себя друг друга били своими выстрелами. Наш же флот всею линиею передовыми и задними кораблями совсем его окружил и производил с такою отличной живостию жестокий огонь, что, повредя многих в мачтах, стеньгах, реях и парусах, не считая великого множества пробоин в корпусах, принудил укрываться многие корабли один за другова, и флот неприятельский при начале ночной темноты был совершенно уже разбит до крайности, бежал от стесняющих его беспрестанно, стесненной кучею под ветр, оборотясь к нам кормами, а наш флот, сомкнув дистанцию, гнал и беспрерывным огнем

бил его носовыми пушками, а которым способно и всеми лагами ... По рапортам командующих оказалось во время бою убитых на всем флоте унтер-офицеров 1, рядовых 16, раненых капитан-лейтенант Ганзер, лейтенант Головачев, штурман прапорщичьего ранга Жмухин, унтер-офицеров 2, рядовых 23, всего 28 человек...

[1] *Бомбардирские суда* — для обстрела неприятельских кораблей и батарей бомбами — разрывными снарядами; *фрегаты* — трехмачтовые многопушечные корабли; *репетичное* — судно при флоте для немедленного повторения (репетования) сигналов флагмана (командующего), шло на виду у всех кораблей; *брандеры* — с горючими и взрывчатыми веществами для сожжения кораблей противника; *крейсерские* — для крейсирования по морю (разведки, доставки сведений и т. п.).

[2] *Румельские берега* — берега Балканского полуострова.

[3] *Калиакрия* (совр. Калиакра) — мыс на побережье Черного моря (близ г. Варны).

[4] *Бизань-мачта* — третья, меньшая, задняя кормовая мачта трехмачтового парусного корабля; *бушприт* — передняя мачта на корабле, лежащая наклонно вперед.

[5] *Брамстеньга* — первое продолжение, наставка мачты в вышину.

[6] *Галс* — веревка, снасть, натягивающая нижний наветренный угол нижних и косых парусов. *Правый, левый* — означает, с какой стороны ветер при крутом ходе корабля.

[7] *Кабельтов* — мера расстояния в море: сто сажен (сажень равна 2,13 м).

РАЗВИТИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ТОРГОВЫХ, КУЛЬТУРНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НАЦИЯМИ И НАРОДНОСТЯМИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Извлечения публикуются по изданию: Русско-осетинские отношения в XVIII веке.— Орджоникидзе, 1976.— Т. 1.— С. 36—39, 72—77, 84, 260—261, 290—291, 325—326, 358—361, 375—377, 386—387, 451.

17. ПРОШЕНИЕ ОСЕТИНСКИХ СТАРШИН О ПРИНЯТИИ ОСЕТИИ В ПОДДАНСТВО. 1750 г.

...Они ж, старшины, и весь осетинской народ желают быть в подданстве в. и. в-ва и в защищении от других народов и переселитца, как прежде от них... объявляемо было, ближе к России, ниже тех гор, в которых ныне они жительство имеют... А всего де осетинского народа военных людей может собратца до 30 тысяч человек и более...

18. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ. ИЗ ДОНОШЕНИЯ СЕНАТУ ОСЕТИНСКОЙ КОМИССИИ. 1756 г.

... 2. В 752-м году в бытность мою с тремя осетинскими старшинами в Санкт-Петербурге от высокоправительствующего Сената им, старшинам, высокое награждение учинено и ...объявлено, ежели от них, осетинцов, в Кизляр и в Астрахань для дел своего народа приезжать будут,— давать в бытность их в тех городах ис казны е. и.

в-ва кормовые деньги, а которые будут приезжать для продажи своего скота и протчего купечества, тех от обыкновенных пошлин уволить...

19. ДОКЛАД СЕНАТА ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАСЕЛЕНИИ КИЗЛЯРСКОГО КРАЯ И ПОСТРОЕНИИ В НЕМ КРЕПОСТИ. 1762 г.

...По представлению грузинского подполковника князя Туманова..., полагая притом во основание усиливание Кизлярского края... дозволением перейти охотников для житья в здешние границы, равно как и осетинцов... [и]... крестившегося Малой Кабарды владельца Кончокина, который [с тремя братьями] ... просит об отведении ему для жительства с ними и с подвластными его... места по реке Терку меж урочищ Моздока и Мекеня... Сверх же того можно позволить для усиливания Кизлярского краю о поселении и всякой нации людей, то есть чеченцов, кумык и других из горских народов и нагайцов..., а для размножения шелку и мануфактур — о дозволении селитца и всех христианских наций людям, как-то грузинам, армянам и другим, находящимся за границами Российской империи; располагая их селения по реке Терку между новой крепости и гребенского казачьего Червленого городка[1], и каждой нации особливыми слободами... (Резолюция Екатерины II: «Быть по сему».)

[1] *Гребенские казаки* — первоначально из беглых крестьян и донских казаков, селились с XVI в. на берегах рек Акташ, Сунжа, Терек. При Петре I вошли в состав иррегулярных войск России.

20. ГЕОРГИЕВСКИЙ ТРАКТАТ С ГРУЗИЕЙ. 24 ИЮЛЯ 1783 г.

Извлечения публикуются по изданию: ПСЗ.— Т. XIX.— № 15 835.

Артикул 1. Его светлость царь Карталинский и Кахетинский именем своим, наследников и преемников своих торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства или под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы; и сим объявляет пред лицом всего света, что он не признает над собою и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства е. и. в-ва и ее высоких наследников и преемников престола всероссийского...

Артикул 4. ...Обещает его светлость без предварительного соглашения с главным пограничным начальником... не иметь сношения с окрестными владетелями. А когда от них приедут посланцы или присланы будут письма, оные принимая советовать с главным пограничным начальником и с министром е. и. в-ва о возвращении таковых посланцев и о надлежащей их владетелям отповеди...

Артикул 6. Е. и. в-во, приемля с благоволением признание ее верховной власти и покровительства над царствами Карталинским и Грузинским, обещает именем своим и преемников своих: 1. Народы тех царств почитать пребывающими в тесном союзе и совершенном согласии с империей ее и, следовательно, неприятелей их признa-

вать за в их неприятелей... 2. Светлейшего царя Ираклия Теймуразовича[1] и его дому наследников и потомков сохранять беспременно на царстве Карталинском и Кахетинском. 3. Власть, со внутренним управлением сопряжную, суд и расправу и сбор податей представить его светлости царю в полную его волю и пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться в какие-либо распоряжения...

[1] *Ираклий II* (1720—1798) — грузинский царь, объединивший в 1762 г. Кахетию и Картлию.

НАУКА И КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

21. М. В. ЛОМОНОСОВ И ОСНОВАНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Проект о учреждении Московского университета Ломоносова (в извлечениях) публикуется по изданию: Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета.— М., 1955.— Приложения.— С. 277—285 (№ 2).

Проект о учреждении Московского университета

§ 1. На содержание сего Университета и при оном гимназии довольно десяти тысяч рублев в год.

§ 2. Весьма за нужно ко ободрению наук почитается, чтобы е. и. в. новоучреждаемый Университет в собственную свою высочайшую протекцию принять и одну или двух из знатейших особ, как и в других государствах обычай есть, кураторами[1] Университета определить соизволила, которые бы весь корпус в своем смотрении имели и о случающихся ево нуждах докладывали е. и. в. ... Чтоб как профессоры и учители, так и прочие под Университетскою протекциею состоящие без ведома и позволения Университетских кураторов и директора неповинны были ни перед каким иным судом стать кроме Университетского. Чтоб все принадлежащие к Университету чины в собственных их домах свободны были от постоев и всяких полицейских тягостей, також и от вычетов из жалованья и всяких других зборов...

§ 4. Хотя во всяком Университете, кроме философских наук и юриспруденции, должно такожде предлагаемы быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляются святейшему синоду[2].

§ 5. Профессоров в Университете будет в трех факультетах десять...

§ 6. Каждый профессор должен по крайней мере два часа в день, выключая воскресные и в табели предписанные праздничные дни, так же и в субботу, в университетском доме публично и не требуя за то от слушателей особливой платы, о своей науке лекции давать, кроме того вольно ему за умеренную плату кого хочет приватно[3] обучать, только чтоб оттого в публичных его лекциях никакой остановки и препятствия не происходило.

§ 7. Всем профессорам иметь по-однажды в неделю, а имянно по

субботам, до полудни при присутствии директора собрания, в которых советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающихся до наук и до лутшего оных произвождения, и тогда каждому профессору представлять директору обо всем, что он по своей профессии усмотрит за необходимо нужное и требующее поправления; в тех же общих собраниях решить все дела, касающиеся до студентов, и определять им штрафы, ежели кто приличится в каких продерзостях и непорядках...

§ 9. Все публичные лекции должны предлагаемы быть либо на латинском, либо и на русском языке, смотря как по приличеству материи, так и по тому, иностранной ли будет профессор или природны русской...

§ 28. Всяк желающий в Университете слушать профессорских лекций должен наперед научиться языкам и первым основаниям наук. Но понеже в Москве таких порядочно учрежденных вольных школ не находится, где бы молодые люди к вышним наукам надлежащим образом приготовлены и способными учинены быть могли; того ради е. и. в. всемилостивейше не соизволит ли указать, чтоб при Московском Университете и под его ведомством учредить две гимназии: одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей[4]...

§ 39. Для различения дворян от разночинцев учиться им в разных гимназиях, а как уже выдут из гимназии и будут студентами у вышних наук, таким быть вместе как дворянам и разночинцам, чтоб тем более дать поощрение к прилежному учению...

[1] *Куратор* — попечитель, опекун.

[2] В отличие от западноевропейских университетов Московский университет по проекту Ломоносова был учрежден без богословского факультета, университет имел три факультета: юридический, медицинский и философский.

[3] *Приватно* — частным образом.

[4] По § 26 проекта в университет могли быть приняты крепостные, получившие «вольную» от своих помещиков; последние обязаны были давать зачисленным в университет «пристойное содержание» на все время обучения.

22. Ф. Г. ВОЛКОВ — ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОГО ТЕАТРА

Извлечения из биографии Ф. Г. Волкова, написанной Н. И. Новиковым, публикуются по изданию: Новиков Н. И. Избр. произв.— М.; Л., 1951.— С. 289—292.

Волков Федор Григорьевич (1729—1763) — родился в городе Костроме от тамошнего купца Григорья Волкова 1729 года, февраля 9 дня. По смерти его отца вышла мать его за ярославского купца Федора Полушкина, почему и дети ее переехали с нею на житье в Ярославль, в дом своего вотчима. Сей Полушкин был заводчик селитряных и серных заводов. Он, увидя остроту старшего своего пасынка, отослал его в Москву для обучения музыке и немецкому языку, на котором он потом говорил как природный немец.

...В 1746 году отправлен он был вотчимом своим в Санкт-Петер-

бург для некоторых дел по его промыслу: но он по приезде в сию резиденцию, исправя наперед порученное ему дело, дал полную свободу стремлению и любопытству своих склонностей... Более всего прилепился он к театру и, по случаю знакомства несколько раз видя представление итальянской оперы, почувствовал желание сделать и у себя в Ярославле театр, дабы представлять на нем самому русские театральные сочинения. Сего ради ходил он несколько раз на театр, чтобы обстоятельнее рассмотреть оного архитектуру, махины и прочие украшения; и как острый его разум все понимать был способен, то сделал он всему чертежи, рисунки и модели...

По возвращении своем в Ярославль... начал он помышлять о исполнении своего намерения, и напоследок, по многих в том трудах, сделал он небольшой театр в своей комнате и, приговоря к себе братьев своих и других нескольких молодых людей, начал на нем играть.

...Вскоре маленький театр стал тесен для умножающегося числа зрителей. Надлежало его распространить или сделать совсем новый. Но как вотчим его не столь был тороват, чтобы покупать такие забавы, к которым он не весьма был страстен, толь дорогою ценою, то Федор Григорьевич возымел прибежище к зрителям. Они уже столько к театру им были приучены, что не захотели лишиться сей забавы. Каждый из них согласился дать по некоторому числу денег на построение нового театра, который старанием г. Волкова и построен и столь был пространен, что мог помещать в себе до 1000 человек. При строении сего театра был он сам архитектором, живописцем и машинистом; а когда приведен был оный ко окончанию, то сделался он на сем театре и главным директором и первым актером. На сем новом театре начал он с прочими представлять оперы: «Титово милосердие», «Евдоксию венчанную» и другие драмы, переведенные на российский язык. Сделано было приличное к тому платье и прочее, чему всему сам он был изобретателем.

Слух о сем театре дошел наконец до императорского двора. В сие время об основании российского театра имели уже попечение, и сочиненные первым основателем российского театра г. Сумароковым трагедии были играны на комнатном придворном театре благородными особами. По причине сего-то слуха и потребован был ко двору по именному указу сей г. Волков в 1752 году.

По приезде его в Петербург в сей самый год со всеми актерами, бывшими при его театре, был он представлен ее величеству и получил повеление играть трагедии г. Сумарокова на комнатном театре... Наконец в 1756 году учрежден был российский театр, и директором оного пожалован был г. Сумароков. Федор Григорьевич был во оный назначен первым актером, а прочим его товарищам даны были роли по их способностям. Тогда г. Волков показал свои дарования в полном уже сиянии, и тогда то увидели в нем великого актера; и слава его подтверждена была и иностранцами; словом, он упражнялся в сей должности до конца своей жизни с превеликою о себе похвалою... В 1759 году послан был г. Волков в Москву для учреждения россий-

ского театра, который установя совершенно, возвратился он в том же году обратно в Петербург...

Сей муж был великого, обымчивого и проницательного разума, основательного и здравого рассуждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг. Театральное искусство знал он в вышнем степене: при сем был изрядный стихотворец, хороший живописец, довольно искусный музыкант на многих инструментах, посредственный скульптор и, одним словом, человек многих знаний в довольном степене. С первого взгляда казался он несколько суров и угрюм; но сие исчезало, когда находился он с хорошими своими приятелями, с которыми умел он обходиться и услаждать беседу разумными и острыми шутками. Жития был трезвого и строгой добродетели; друзей имел немногих, но наилучших, и сам был друг совершенный, великодушный, безкорыстный и любящий вспомоществовать...

23. САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКО́ВА

Выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков (1744—1818) в своих журналах «Трутень», «Кошелек» и «Живописец» изобличал жестокость крепостного права, невежество и дикое самодурство дворян, насилия и вымогательства царских судей и чиновников, низкопоклонство русских дворян перед заграницей, показывая в то же время, что все богатства страны создаются трудом крестьян. Смелое изобличение язв и пороков крепостничества наносило сильнейший удар и по самодержавию. Екатерина II один за другим прекращала издание журналов Новикова, а в 1792 г. он был арестован и заточен в Шлиссельбургскую крепость за «вольнодумство».

Извлечения из журнала «Живописец» публикуются по изданию: Новиков Н. И. Избр. произв.— М.; Л., 1951.— С. 136—137, 139—140, 184—187.

Лечебник
Для его превосходительства г. Недоума

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут... Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах... Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен; о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были опорочены для того, что изобретатель для произведения в действо своей выдумки требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества и почитает оные безчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякий шляхтич может все знать ничему не учася; философия, математика, фисика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского... Для излечения г. Недоума от горячки

Рецепт

Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка

и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям; ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество: но она всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнится, что похвальнее бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее.

24. А. Н. РАДИЩЕВ — БОРЕЦ ПРОТИВ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И САМОДЕРЖАВИЯ

В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин назвал Радищева первым в ряду деятелей, вышедших «из среды великорусов» и показавших «великие образцы борьбы за свободу и за социализм» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 26.— С. 107—108). В своей знаменитой книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.) А. Н. Радищев (1749—1802) нарисовал яркую и правдивую картину бесправного положения и жестокого угнетения народных масс помещиками и царскими властями, призывал народ к расправе с угнетателями, видя в этом справедливое возмездие за страдания народа. «Тут рассевание заразы французской»,— заявила императрица Екатерина II и назвала Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева». В оде «Вольность» Радищев призывал к насильственному ниспровержению самодержавия и установлению «общей власти народа» — республики.

Извлечения из оды «Вольность» публикуются по изданию: Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т.— М.; Л., 1938.— Т. I.— С. 1—17.

Вольность

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет тьму рабства претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари...

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех свою зрю долю,
Свою творю, творя всех волю;
Вот что есть в обществе закон...

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства,
Градские власти там все мирны
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую,— рекут...

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменна,
Стоят коленопреклоненна;
Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя...

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

Аккорд — соглашение, условие, сделка.

Актуариус — чиновник, ведавший делами с различными документами (актами) По Табели о рангах 1722 г.— чин 13-го (предпоследнего) класса.

Алтын (от тюрк. «алта» — шесть) — монета в шесть «денег» (3 копейки); отсюда «пятиалтынный» = 15 копеек.

Артикул — параграф или статья устава, закона; сборник законов «Воинский артикул» 1714 г., кодекс военно-уголовных законов; ружейный прием («метать артикул»).

Архиепископ — главный епископ, глава церковного округа.

Архимандрит — начальник выдающегося по своему значению или древности богатого монастыря.

Аршин — старая мера длины, равна 71,12 см.

Асессор — заседатель, член канцелярии. По Табели о рангах 1722 г.— чиновник 8-го класса, майор в армии.

Атаман — начальник казацкого отряда на Дону, Яике и в других местах обитания «вольных» казаков; «поместный атаман» — находившийся на службе в царском войске; предводитель отряда восставших крестьян.

Аудитор — в армии чиновник для судопроизводства, судья по воинским преступлениям, чиновник 8-го класса (генерал-аудитор) и 9-го класса (обер-аудитор).

Аще — если, ежели.

Б

Банкрот (банкрут) — несостоятельный, разорившийся торговец или предприниматель (владелец мануфактуры).

Барщина — принудительный труд крепостных крестьян в хозяйстве феодала в течение нескольких дней в неделю; форма натуральной докапиталистической ренты.

Баталия — битва, сражение, бой.

Батог — палка, трость.

Беломестцы — владельцы дворов, освобожденные от налогов и повинностей, жители «белых слобод» в Москве и других городах; некоторые разряды служилых людей, пользовавшихся податными льготами (беломестные казаки).

Белые слободы — см. Беломестцы.

Бердыш — русское холодное оружие, колющее и рубящее, с топором полумесяцем, насаженным на древко с острием внизу; служил также подсошком (упором) при стрельбе из тяжелого ружья XVI—XVII вв. (мушкета).

Бобыль — одинокий, бесприютный человек, нищий, калека; в XVI—XVII вв. разорившийся крестьянин или горожанин, временно освобожденный от государевых податей (тягла).

Борть — дупло в дереве или дуплявый пень с пчелами; колода для пчел на пасеке.

Бортные ухожьи (ухожаи) — участки леса, где водились дикие пчелы.

Бояре — крупные феодалы, высший слой служилых людей: воеводы в полках, главы (судьи) приказов или члены Боярской думы при царе.

Брань — ссора, раздор, война.

Бригантина — легкое морское двухмачтовое судно, движимое парусами под ветром, вооруженное пушками.

Бургомистр (бурмистр) — выборный глава городского магистрата; позднее староста в деревне, назначаемый помещиком.

Бусурман (басурман, бесермен) — иноверец, нехристианин из числа мусульман (магометан), последователей религии ислама.

В

Вагенмейстер — воинский чин в артиллерии, ведал обозом с боеприпасами, приравнивался к офицерам 12-го класса; обер-вагенмейстер — старший, в чине 10-го класса; генерал-вагенмейстер — главный, в чине 7-го класса.

Вор — в официальных документах царских властей государственный преступник, мятежник, участник народных восстаний.

Вотчина (отчина) — наследственное владение удельного князя, крупного феодала; в XVII в. были вотчины «родовые», «жалованные» царем и «купленные» одним феодалом у другого.

Выть — участок пашни, доля в платеже, повинности; единица податного обложения (около 6 десятин, или 12 четей).

Г

Галера (каторга, катарга) — гребное многовесельное военное судно.

Генерал-адмирал — высший ранг адмирала, соответствующий генерал-фельдмаршалу в армии.

Генерал-аудитор — главный военный судья.

Генерал-вагенмейстер — главный вагенмейстер.

Генерал-квартирмейстер — главный квартирмейстер. Ведал составлением военных карт, планов, маршрутов, расположением войск на квартирах, в лагерях, обеспечением средств военных сообщений, разведкой вероятных театров военных действий и другими делами, свойственными позднее генеральному штабу армии.

Генерал-фельдмаршал — первое, высшее звание генерала, главнокомандующий.

Гильдия — разряд купечества, определяемый объявленным капиталом, размерами торгового оборота, пользующийся в зависимости от этого бо́льшими или меньшими правами и льготами.

Голова — в войсках до XVIII в. начальник отряда, ниже воеводы, назначался правительством из числа дворян (голова стрельцов, голова пушкарей и т. п.).

Голова сотенный — командир сотни в поместном войске.

Город — в XVI—XVII вв. крепость (деревянная или каменная), окруженная слободами посадских людей.

Города замосковные — примыкавшие к Москве с юга (Коломна, Серпухов), с запада (Можайск, Звенигород, Верея) и с северо-востока (Владимир, Суздаль, Тверь).

Города украинные — расположенные на окраинах России, главным образом на юге страны.

Городничий (городовой приказчик) — по назначению правительства ведал городом, его строительством и ремонтом, был помощником воеводы.

Городня — часть крепостной стены в виде сруба из бревен, засыпанного песком или щебнем.

Гость, гости — высший (после именитых людей Строгановых) слой русского купечества до введения гильдий. Звание «гостя» жаловалось царем самым богатым купцам и промышленникам, в том числе торговавшим с Россией иноземцам, с предоставлением различных льгот (право выезда за границу, свобода от постоя войск и посадских повинностей, от подсудности воеводам и т. д.). Гости по своей охоте или по поручению правительства становились головами, откупщиками и арендаторами казенных доходов и угодий (таможенных сборов, рыбной ловли и т. п.).

Грамота — письменный документ: данная — подтверждающая дарение земли, двора и другого имущества; духовная — завещание; жалованная — с царским пожалованием на деревни, имение, звание, чин, преимущества сословиям (дворянству, горожанам); кабальная — сделка на поступление холопа в работу к господину; купчая — на покупку имущества; меновная — на обмен поместья или вотчины; отпускная — освобожденному от зависимости крестьянину или холопу; проезжая — на право проезда до определенного пункта; рядная (порядная) — с условиями поступления в крестьяне, посадские люди, передачи имущества в приданое, поставки в казну различных изделий и т. п.

Граната — разрывной снаряд, пушечный или ручной.

Гренадер — солдат, вооруженный кроме ружья со штыком ручными гранатами; в России гренадеры известны в XVII в.

Гривенка — старинная весовая единица, фунт (409,51 г); пушечные ядра были «в одну гривенку», «в две гривенки» и т. д. Со времени Петра I— «трехфунтовые», «шестифунтовые» и т. д.

Гусар — легкоконный воин в венгерской одежде.

Д

Даточные люди, даточные — предшественники рекрутов, в XVII в. крестьяне и горожане, призванные в полки солдат и драгун или для вспомогательной ратной службы (в обозе, на строительстве и ремонте мостов и дорог и т. п.).

Дача — назначенное дворянину поместное и денежное жалованье в соответствии с его указным окладом.

Дворецкий — великокняжеский или царский боярин, ведавший дворцом и выполнявший другие поручения правителя.

Дворяне выборные — высший, отборный разряд дворян городовых, служивших «по выбору» в Москве и в дальних городах и походах; получали более высокое поместное и денежное жалованье.

Дворяне городовые — провинциальные, уездные, служившие «по городу»; в XVII в. были рядовыми в полках рейтар и младшими офицерами в полках драгун и солдат.

Дворяне московские — приписанные к Москве, высший разряд дворян, служивших воеводами, послами, головами стрельцов, несших также придворную службу.

Деловые дни — рабочие.

Деловцы, делюи — работники (наемные или из крепостных).

Денежный двор — предприятие, где чеканилась монета.

Деньга — монета, полкопейки.

Десятина — мера площади, около 1,1 га.

Дети боярские — мелкие уездные дворяне, в XVII в. зачастую «малопоместные, пустопоместные, безпоместные».

Дистанция — расстояние, участок пути.

Доимочные деньги — недоимки податей с крестьян и горожан за прошлые годы.

Драгуны — вид кавалерии, сражавшейся как в конном, так и в пешем строю. Их рядовой состав вербовался в XVII в. из даточных людей и мелких детей боярских, а в XVIII в.— из рекрутов.

Душа — человек вообще; тяглый крестьянин или горожанин.

Душегубство — убийство.

Дьяк — высшая приказная должность; правили делами в приказах (см.) и в канцеляриях (избах) воевод в больших городах (В. Новгород, Казань и др.).

Дьякон — служитель церкви, помощник священника в церковной службе.

Дьячок — низший церковный служитель; в приказах у воевод, в таможнях и т. д.— делопроизводитель, писец.

Е

Егда — когда, если.

Егерь — охотник, стрелок; в XVIII в. легкая пехота из егерей, метких стрелков, действовала в рассыпном строю.

Елико — несколько.

Епанча (япанча) — широкий безрукавный плащ, бурка.

Епископ — монашествующий глава церковного округа (епископии).

Еретик — отступник от официальной религии, церкви; иноверец, раскольник.

Ертоул (яртоул) — передовой полк, отряд войск.

Есаул — в казачьих войсках и в отрядах повстанцев помощник атамана.

Ефимок, талер — серебряная немецкая монета, имевшая хождение в России XVII в.

Ж

Жеребей — 1) часть, доля в чем-либо; 2) участки, обложенные податями, несущие тягло; 3) вид «божьего суда» («чей жеребей выметца») при решении судебных споров об имуществе и т. п.

Живот — жизнь; животы — имущество, пожитки.

Жильцы, жилец — лучшие уездные, городовые дворяне, служившие попеременно в Москве по особым спискам; также дети дьяков, подьячих, служившие для разных посылок при царском дворе.

Жито — всякий зерновой немолотый хлеб.

З

Заводчик — 1) владелец завода, предприятия; 2) зачинщик.

Закладчик — несостоятельный посадский человек, горожанин, поступивший по особой сделке — «закладной» в зависимость к феодалу (боярину, монастырю) и поэтому вышедший из тягла.

Запись целовальная — письменный документ с присягой (целованием креста, иконы) об исполнении обязанностей или поручения.

Заповедные годы — годы, в течение которых тяглым людям запрещалось покидать место жительства на время переписи населения.

Заповедь — запрещение.

Засека, засечный лес — оборонительные укрепления для защиты от набегов крымских ханов в XVI—XVII вв. в виде полосы поваленных деревьев, глубоких рвов и валов, надолб и острогов, охранявшиеся отрядами дворян и «засечных сторожей». Общая протяженность Заокской, Белгородской и других засек составляла несколько тысяч километров.

Затинщик — пушкарь, стрелявший из небольшой «затинной» пушки (пищали).

Зело — очень.

Зелье — 1) яд, отрава; 2) порох; зелейная мельница — пороховой завод.

И

Игумен — глава, настоятель монастыря.

Изба съезжая — канцелярия воеводы в городе.

Извет — донос.

Инде — иначе, либо, так что.

Иноземец кормовой — иноземец на русской службе, получавший по договору «корм» (денежное и хлебное жалованье, сукна на одежду) и сохранивший свое первоначальное вероисповедание и подданство с правом возвращения на родину.

Иноземец поместный — принявший православие и русское подданство и пользовавшийся правами и привилегиями русского дворянина; в XVII в. среди них было много выходцев из Польши, Литвы, Белоруссии, славянских стран, а также «немцев» (англичан, шотландцев, французов, шведов и др.).

К

Кабала — долговое письменное обязательство, ставящее заемщика в зависимость от заимодавца за ссуду деньгами, хлебом и т. п.

Казак — название вольных людей вообще, а также донских, яицких, сибирских, астраханских, терских и других казаков; городовой казак — служивший «по прибору» в южных городах под начальством казачьих голов и сотников.

Казначей — хранитель государевой, церковной, монастырской «казны» (имущества, денежных сумм, драгоценностей).

Казнь — наказание смертью или тюрьмой, побоями батогами и кнутом («казнь торговая» — публичная на площади).

Кандалы (кайдалы) — железные ручные или ножные оковы, надеваемые на преступника.

Карабин — облегченное ружье с более коротким стволом для кавалериста.

Картечь — разрывной снаряд, начиненный пулями для поражения живой силы противника.

Квартирмейстер — офицер, располагавший войска на квартиры или в лагере.

Келарь — старший монах, ведавший хозяйством монастыря. См. Старец соборный.

Китай-город — часть Москвы, примыкавшая к Кремлю с востока, окруженная около 1535 г. каменными стенами и башнями с воротами (частично сохранились). Первоначально стены крепости возводили из «китаев» — плетеных корзин, засыпанных землей и щебнем («хрящем»).

Клир — церковный причт, штат (священник, дьякон, дьячок, псаломщик, пономарь).

Книга — в XV—XVII вв. рукописная тетрадь с различными деловыми записями; отдельная — на выдел земли; переписная — с переписью тяглых дворов в городах и уездах; писцовая — с переписью населенных пунктов (городов, слобод, сел, де-

ревень) с их дворами, владельцами, лавками, кузницами, огородами, пашнями, угодьями и др. Служили основными документами для установления размеров тягла и крепостной зависимости крестьян от феодалов. Книга строельная — с описью вновь построенного города (крепости) и местного населения.

Кош — обоз; кошевой — обозничий.

Кравчий (крайчий) — придворная должность и чин московского дворянина; он на царском обеде подавал блюда с «ествой».

Крепость — письменный документ на владение крестьянином, холопом, имуществом.

Крестьяне — частновладельческие (боярские, вотчинные, помещичьи); дворцовые — в царских вотчинах; посессионные — купленные к заводам по указу Петра I; приписные — государственные, приписанные к заводам; черносошные (черных волостей) — государственные; церковные (властелинские, монастырские, патриаршьи); ясачные — из нерусских подданных.

Куны, куна — в Киевской Руси деньги вообще; также денежная единица = 1/50 гривны.

Л

Лук — 1) старинная мера земли; 2) ручное оружие для стрельбы стрелами с железными наконечниками (жалами).

Люди — думные — заседавшие в Боярской думе при царе; комнатные — приближенные царя, его советники; ратные — военные; служилые: «по отечеству» — дворяне и дети боярские; «по прибору» (приборные) — стрельцы, пушкари, воротники, городовые казаки и др.; ясачные — обложенные ясаком народности Поволжья, Приуралья, Сибири.

М

Магазин — склад фуража или продовольствия для снабжения войск.

Мастер кричный — подвергавший обработке ручным или вододействующим молотом сваренную в горне (домне) глыбу железа («крицу»).

Махина — машина.

Мельница — снабженное жерновами устройство для измельчения и очистки сыпучих тел (мукомольня, крупорушка, пороховая или зелейная мельница), приводимое в движение ветром или водой.

Мещанин — тяглый горожанин (ремесленник, мелкий торговец), входивший в сословие мещан.

Митрополит — высшее церковное звание и должность, ниже патриарха, глава церковного округа (митрополии).

Мор, моровое поветрие — эпидемия холеры, чумы; массовое заболевание заразными болезнями скота и птицы.

Мостовщина — денежный сбор за проезд через мост на государевой земле или во владениях феодалов.

Мыт, мыто — таможенная застава; пошлина с провозимых товаров.

Н

Наипаче — особенно, тем более.

Наймит — крестьянин или посадский человек, нанявшийся на работу.

Накрепко — строго, неуклонно.

Наряд — артиллерия («пушечный наряд»).

Неделя, недельный день — воскресенье.

Не мотчав — не задерживая, срочно, немедленно.

Нетчик — дворянин или другой служилый человек, не явившийся на смотр или службу, дезертир, отмеченный на смотре в списке словом «нет». Наказывался конфискацией или убавкой поместья и денежного жалованья, а за повторное «нет» и кнутом.

Ниже — даже, тем более.

Норовить — потворствовать, подлаживаться.

О

Обаче — однако, все же.

Оброк — форма натуральной или денежной ренты в пользу феодала; плата за

аренду казенных угодий; торгово-промысловый сбор с посадских людей (ремесленников, торговцев).

Огурство — непослушание, возмущение.

Оклад — определенный законом размер денежного и земельного жалованья служилых людей; от него отличалась фактическая дача.

Окольничий — придворное звание, второй чин после боярина.

Опала — царский гнев (от «опалить» — обжечь снаружи), сопровождавшийся конфискацией имущества, арестом и ссылкой, посылкой на службу в дальние города и другими репрессиями.

Опричь — кроме, за исключением.

Оратай — пахарь.

Осада, осадное сиденье — оборона осажденной крепости ее гарнизоном и жителями.

Освященный собор — совет высших иерархов церкви (епископов, митрополитов, архимандритов) во главе с патриархом; входил в состав земских соборов.

Острог — деревянная крепость со стенами из заостренных сверху бревен, с башнями, глухими и проезжими воротами.

Острожек — небольшой острог.

Откуп — сбор казенных доходов (таможенных, кабацких и др.) купцом-откупщиком с предварительным взносом им в казну определенной суммы денег.

Откупщик — купец, взявший на откуп казенные доходы.

П

Память — письменный документ с распоряжением властей, копия с него.

Патриарх — с 1589 г. глава русской православной церкви. Патриархи вселенские — совокупное название глав православных христианских церквей на Востоке (Антиохийской, Александрийской, Иерусалимской, Константинопольской).

Перевоз — плата или пошлина за перевоз через реку товаров в пользу казны или феодала — владельца земли.

Пикинер — солдат, вооруженный пикой («спикой»).

Пистоль — пистолет, однoручное огнестрельное оружие.

Пищаль — небольшая пушка или ружье («завесная пищаль»).

Пищальник — конный или пеший воин, вооруженный ручной пищалью; предшественник стрельцов XVI—XVII вв.

Подлый — низший.

Подьячий — делопроизводитель в приказах, помощник дьяка.

Подьячий площадной — сидевший на площади, улице и писавший челобитья и другие бумаги по заказу частных лиц за плату; избный — вел дела в избах у воевод.

Поелику — поскольку.

Поклеп — ложное обвинение, навет.

Поле — 1) безлесная равнина, открытое место; 2) в Древней Руси (до XVI в.) вид «божьего суда» — судебный поединок.

Поличное — краденая вещь или орудие преступления, уличающее преступника.

Полк — воинская часть; до XVII в. включительно войско делилось на полки: царский (государев), большой, передовой, правой н левой руки, сторожевой, ертоул; с начала XVIII в. полк состоял из батальонов, рот, плутонгов (взводов).

Полон — плен; полоняник — пленный. Полоняничные деньги — общегосударственный налог, введенный при Иване IV, на выкуп пленных из Крыма и Турции.

Поместье — земельное владение с населенными деревнями, данное за службу феодалу во временное (пожизненное) пользование; после смерти его владельца передавалось его сыновьям или (выморочное) другому помещику с выделом части вдове «на прожиток» и дочерям на приданое.

Порука — письменное поручительство («поручная запись») об исправном исполнении службы, уплаты податей и т. п.

Посад — городское предместье; община посадских людей (горожан), обложенных податями и повинностями.

Посконный — сделанный из конопляного холста (полотна).

Послух — свидетель.

Посоха — крестьяне и горожане, призванные в войско для строительства и ремонта дорог, крепостей, в обоз и т. п. в определенном числе с каждой сохи.

Посто́й — расквартирование войск в домах жителей, одна из тяжелых повинностей тяглых людей; от нее освобождали феодалов, чиновников, богатых купцов.

Посулы — взятка, обещание заплатить за благоприятное решение дела.

Поташ — щелочная соль (углекислый калий), вывариваемая из древесной золы; применялся в стекольном производстве, мыловарении, крашении; в XVII в.— предмет экспорта.

Правеж — взыскание недоимок и долгов телесными наказаниями и другими истязаниями должника.

Предтеча — предшественник.

Приказ — 1) название органов центрального управления в XVI—XVII вв. (Посольский, Стрелецкий, Пушкарский и др.); 2) отряда стрельцов в 500 человек (до 80-х гг. XVII в.).

Продажа — в Киевской Руси по «Русской Правде» штраф в пользу князя по всем тяжбам, кроме убийства.

Протопоп — старший священник, наблюдавший за рядовыми попами.

Протор — убыток, расход.

Пуд — старинная мера веса, равна 40 фунтов (16,380 кг).

Пустошь — пустая, нераспаханная или запущенная земля.

Пытка — судебное следствие с помощью телесных истязаний (кнутом, раскаленными клещами, выворачиванием суставов на дыбе и т. п.).

Пятая деньга — чрезвычайный налог, взимавшийся в XVII в. в размере 20 процентов с доходов и оценки имущества.

Пятидесятник — начальник отряда дворян, стрельцов, пушкарей, городовых казаков.

Р

Раба (роба) — женщина-холопка.

Радеть — стараться, заботиться.

Разряд — Разрядный приказ, ведавший военно-служилыми людьми на всей территории государства и назначением их в походы и на службу.

Ранг — степень, чин, звание.

Раскат — деревянный помост на крепостной стене или в башне для установки пушек.

Ратман — выборный член городского магистрата.

Ревизская душа — единица учета мужского населения, внесенного в «ревизские сказки» их владельцами для взимания подушной подати при очередной «ревизии» (переписи).

Регимент — полк.

Регулы — правила.

Резидент — посланник государства в чужой стране.

Рейтары — конные воины, снабженные кроме оружия доспехами. Полки рейтар в России XVII в. комплектовались из дворян.

Рекруты — с 1705 г. крестьяне и горожане, призванные для службы в армии, сначала пожизненной, с 1793 г. на 25 лет, с 1834 г. на 20 лет.

Реляция — донесение, письменное описание сражения.

Решетка — ограда с калиткой на перекрестках улиц Москвы и других городов для ночной стражи, находилась в ведении «решеточного приказчика».

Ристание — скачка на коне, бег, упражнение.

Рогатина — холодное колющее оружие в виде древка с насаженным железным острием или рогом.

Рота — клятва, присяга; старая форма «божьего суда».

Рухлядь — имущество, вещи; «мягкая рухлядь» — меха.

С

Саадак — лук с колчаном (футляром) для стрел.

Сажень — старинная мера длины, равна 3 аршинам (2,13 м).

Сказка — устное или письменное показание, донесение, свидетельство.

Скоп и заговор — официальное название предумышленного сборища людей для бунта, восстания; наказывалось смертной казнью, ссылкой в Сибирь и в дальние города.

Слобода — поселение в черте города или в его предместьях, около монастыря посадских людей, стрельцов, пушкарей и др.

Служилые люди — см. Люди.

Служка — в монастырях прислужник из рядовых монахов или мирян, готовящийся к пострижению в монахи и давший обет послушания (послушник).

Снос — похищение имущества; феодалы часто обвиняли в сносе беглых крестьян и холопов.

Солдат — рядовой воин пехоты из даточных людей (XVII в.) или из рекрутов.

Сословие (состояние) — общественная прослойка людей одного социального, имущественного, правового положения, рода занятий. В феодальном обществе привилегированные сословия — дворяне, духовенство, чиновники; податные, низшие или «подлые» — горожане, крестьяне.

Сотник — начальник отряда (сотни) в дворянской коннице, у стрельцов, городовых казаков и др.

Соха — 1) земледельческое орудие; 2) в XVI—XVII вв. единица поземельного обложения во владениях феодалов от 700 до 1200 четвертей (четей), в черных волостях — от 500 до 700 четвертей земли.

Стан — место стоянки войск в походе, лагерь.

Станица — отряд казаков, детей боярских, несших «станичную службу» по охране южных границ государства от набегов крымских войск.

Старец соборный — старший монах, член монастырского управления (игумен, келарь, казначей и др.).

Старец, старица — монах, монахиня.

Стогны — площадь, улицы в городе.

Столовый обиход — оброк крестьян господину столовыми (съестными) припасами.

Стольник, стольники — придворная должность и звание московских дворян; прислуживали за столом, назначались послами в другие государства, воеводами; их было около 500 человек.

Стрельцы — воины-пехотинцы, вооруженные ружьями и бердышами; учреждены в 1550 г. и существовали до начала XVIII в. «Стремянные» стрельцы в царской страже и часть стрельцов на юге (например, в Астрахани) служили в конном строю.

Стряпчий — придворная должность и чин московских дворян, ниже стольника. В шествиях царя несли знаки его власти (скипетр, державу, шапку), а в походах его воинские доспехи; их было около 800 человек. В XVIII—XIX вв. — поверенный, ходок по делам, также чиновник ведомства прокурора, наблюдавший за правильным ходом дел.

Стяг — знамя.

Сын боярский — в XV—XVII вв. мелкопоместный дворянин.

Сыск — розыск подозреваемого в преступлении, беглого крестьянина или холопа; судебное следствие.

Т

Табор — лагерь, стоянка.

Точию — только.

Туры — плетенные из лозняка корзины или бревенчатые срубы, засыпанные землей, для защиты от стрел, ядер, пуль; туры на катках (подкатные) — для защиты воинов при осаде крепости.

Тяглец — человек податного состояния, несущий тягло.

Тягло — совокупность прямых податей и всех повинностей крестьян и посадских людей.

У

Угодье — доходная (оброчная) статья в сельском хозяйстве (поля, леса, сенокосы, рыбные ловли и др.).

Уложение — постановление, указ, сборник законов (устав).

Унтер-офицер — младший офицер, ниже прапорщика (сержант, ефрейтор, капрал, каптенармус).

Упалое место — освободившееся, вакансия.

Урочные годы — определенный законом срок для сыска и возвращения беглых крестьян; отменены Соборным Уложением 1649 г., после чего сыск беглых стал бессрочным.

Урядник — распорядитель; в царских войсках — младший офицер, в отрядах повстанцев — помощник атамана или есаула.

Ф

Фамилия — семья, семейство; ряд поколений (предки, потомки) одного рода.

Фендрик — прапорщик, в армии чин 14-го класса.

Фрегат — парусный трехмачтовый военный корабль.

Фузея — солдатское ружье со штыком и ударно-кремневым замком.

Фурма — форма, изложница для отливки пуль, ядер и других изделий.

Х

Хамовник — ткач.

Хлеб — стоячий (несжатый), молоченый, земляной (хранимый в ямах).

Художество — искусство, мастерство.

Ц

Целовальники — должностные лица по выбору, сборщики казенных доходов, принесшие клятву исправно вести дело и соблюдать казенные интересы.

Целование крестное — присяга, клятва на кресте.

Ч

Чашник (чарошник) — придворная должность московского дворянина, за царским столом подносил «пития» (напитки).

Челобитная — прошение, жалоба.

Черкасы — в XVI—XVII вв. название украинских казаков, крестьян.

Черная волость — населенная черносошными крестьянами.

Чернец, черница — монах, монашенка.

Четверть (четь) — 1) мера площади, равна полдесятины; 2) мера сыпучих тел, равна около 6 пудов зерна.

Чин — звание или положение в обществе различных групп населения; «всяких чинов люди» — служилые по отечеству и по прибору, посадские, торговые, церковные.

Ш

Шатерник — мастер по изготовлению походных шатров (палаток); смотритель за княжескими или царскими шатрами.

Шатость — волнение, смятение, возмущение.

Шкипер (шхипор) — воинский чин во флоте, ведал корабельным имуществом и снастями.

Шпалеры — тканые обои для обивки стен, гобелены.

Штаб-офицер — офицер полкового штаба (от майора до полковника).

Штандарт — знамя.

Э

Экзерциция — упражнение, воинское учение.

Эшафот — помост для казни преступника.

Я

Язык — свидетель, пленник («взять языка»).

Ям — селение, ямская слобода, т. е. казенных ямщиков или охотников, перевозивших казенные грузы, царских гонцов и др. по сухопутным или речным путям. Ямские деньги — подать, собиравшаяся на содержание ямов.

Ярь, яровица — яровые хлеба, сеемые весной.

Ясак — 1) натуральный побор, взимавшийся с нерусских народов Поволжья, Приуралья, Сибири мехами, иногда зерном, скотом и др.; 2) опознавательный клич (пароль), сигнал для тревоги.

Ясачные люди — см. Люди.

ОГЛАВЛЕНИЕ

и з думными и с комнатными людьми, и
с стольники и с стряпчими, и з дворяны мо
сковскими, и з дьяки и з жильцы и з городо
выми дворяны и з дѣтьми боярскими и з ино
земцы, и з всякими вотчинники и помѣщи
ки, в писцовых книгах, которые книги пи
сцы подали в Помѣстной и в ыные приказы,
послѣ московского пожару, прошлого, рлд го
году, тѣ бѣглые крестьяне, или отцы их
написаны за государем, и тѣх государевых бѣглых
крестьян и бобылей сыскивая свозити на
государевы дворцовые села и на черные волости, на
старые их жеребьи по писцовым книгам з же
нами и з дѣтьми и со всѣми их крестьянски
ми животы без урочных лѣт.

Такъже будет кто вотчинники и помѣщики,
учнут государю бити челом о бѣглых своих
крестьянех и о бобылях, и скажут что их
крестьяне и бобыли выбѣжав из-за них,
живут в государевых в дворцовых селех, и на
черных волостех, или на посадѣх в посадских
людех, или в стрельцех, или в казаках,
или в пушкарех, или в иных в каких в слу
жилых людех в замосковных и в укра
инных городѣх, или за патриархом, или

за митрополиты, или за архиепископы и епископы,
или за монастыри, или за бояры, и за околничи
ми и за думными, и за комнатными людьми,
и за стольники и за стряпчими и за дворяны мо
сковскими, и за дьяки и за жильцы, и за городо
выми дворяны, и дѣтьми боярскими, и за инозе
мцы, и за всякими вотчинники и помѣщики,
и тѣх крестьян и бобылей, по суду и по сы
ску отдавати по писцовым книгам, кото
рые книги писцы в Помѣстной приказ отда
ли, послѣ московского пожару, прошлого,
рлд го, году. Будет тѣ их бѣглые кре
стьяне, или тѣх их бѣглых крестьян
отцы, в тѣх писцовых книгах за ними на
писаны, или послѣ тѣх писцовых книг,
тѣже крестьяне или их дѣти, по новым
дачам написаны, за кѣм в отдѣльных или
в отказных книгах.

Отдавати бѣглых крестьян и бобылей из бѣ
гов по писцовым книгам, всяких чинов
людем без урочных лѣт.

[illegible]ду довѣдутся бѣглые крестьяне и бобыли,
[illegible] и по суду отдать, и тѣх крестьян
отдавати з женами и з дѣтьми и со всѣми их жи
воты, и с хлѣбом стоячим и с молотым.

85 к.

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА